

ШКОЛЬНАЯ

БІБЛІЯТЭКА

СТАРАЖЫТНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРА

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

**СТАРАЖЫТНАЯ
БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРА**

ЗБОРНІК

Мінск
«ЮНАЦТВА»
1990

ББК 84 Бел 1

С 77

Для старэйшага школьнага ўзросту

Укладальнік Л. С. КУРБЕКА

Аўтар прадмовы У. Г. КАРОТКІ

В книгу включены произведения древней письменности, произведения великих гуманистов-просветителей Ф. Скорины, Н. Гусовского, С. Будного, В. Цяпинского и др. Это — полемическая и сатирическая литература, в которой ярко выявились настроения и чаяния белорусского народа в разные исторические времена.

С $\frac{4803120101-038}{M 307(03)-90}$ 43—89
ISBN 5-7880-0258-3

© Выдавецтва «Юнацтва»,
1990

3 ГІСТОРЫІ МАСТАЦКАГА СЛОВА БЕЛАРУСІ

Дарагі чытач! Сёння мы адкрываем кнігу, якая змясціла ў сабе найлепшыя здабыткі айчынной пісьмовай культуры старажытнасці. Яны розныя па жанру, па зместу, па тэме, па сюжэту, па сваёй архітэктоніцы. Аднак усіх іх аб'ядноўвае высокае патрыятычнае гучанне, ідэйнасць, абвостранае пачуццё сучаснасці і накіраванасць у будучыню. «Не гіблюшыя і воістину не тлючыя» — такую характарыстыку кнігам даў адзін з невядомых нам творцаў XVII ст., як бы працягваючы думку вялікага Нестара: «Кнігі суть реки, напаяюще вселенную». Гэтыя лаканічныя выказванні нашых продкаў — выпрацаваныя стагоддзямі адносіны да кнігі, разуменне яе ролі і значэння. Кніга, як скарбонка мовы, народных традыцый, абрадаў і звычаяў, перадавалася з пакалення ў пакаленне, як духоўны заповіт нашчадкам. Таму знішчыць кнігу — азначала знішчыць гісторыю краю, забіць у народзе памяць пра мінулае, пазбавіць яго духоўных скарбаў. Адсюль становіцца зразумелым, чаму ў тыя далёкія часы кнігі захоўваліся за мурамі манастыроў і княжацкіх замкаў, у вежах і ратушных збудаваннях.

Старажытная кніга істотна адрозніваецца ад нашых сучасных. Папершае, да пачатку XVI ст. яна была рукапіснай, аўтарства большасці кніг вызначыць немагчыма, па-другое, у многіх кнігах паўтараліся ўрыўкі або цэлыя раздзелы з папярэдніх твораў. Гэта унікальная з'ява вытлумачваецца тымі гістарычнымі ўмовамі, у якіх стваралася старажытнабеларуская літаратура.

Літаратура Беларусі — адна з самых старадаўніх у Еўропе. Яна ўзнікла раней, чым, скажам, літаратуры Англіі, Францыі, Германіі. Узнікненне і пашырэнне літаратурнай творчасці звязваецца з прыняццем у 988 годзе старажытнай Руссю хрысціянства з высокай пісьмовай культурай Візантыі, яе літаратурных дасягненняў непасрэдна ці праз адзінаверную Балгарыю. Большасць жанраў, успрынятых Руссю, былі пераважна царкоўнага характару. Гэта жыцці, пропаведзі, малітвы, павучанні, пацерыкі і іншыя творы для благачасцівага чытання ці царкоўнай службы. Аднак само жыццё, патрэбы часу і грамадства дыктавалі свае ўмовы, выпрацоўвалі новыя этычныя і эстэтычныя ўяўленні. Таму з цягам часу запазычаныя жанры пераважна з-за сваёй кансерватыўнасці сталі своеасаблівай перашкодай для прапаганды новых ідэй, новых запатрабаванняў часу. У выніку пачынаецца ўзаемапранікненне адных жанраў у другія, ломка традыцыйных канонаў. Сінкрэтызм (пэўная злітнасць, нерасчляненасць адзінага віду літаратуры) з'яўляўся адной з вызначальных рыс старажытнабеларускіх помнікаў пісьменнасці. Літаратура X—XIII стагоддзяў стала своеасаблівай творчай лабараторыяй стварэння і развіцця жанраў. Аднак некаторыя з іх, скажам, евангелле, так і засталіся на Русі «мёртвым» жанрам, іншыя — летапісы, пропаведзі, малітвы, павучанні, жыцці — пладоносна жывілі літаратуру Беларусі і ў больш познія стагоддзі.

Нельга думаць, што духоўнае жыццё нашых далёкіх продкаў было замкнёным у коле рэлігіяна-фантастычных уяўленняў. Багаты гісторыка-літаратурны матэрыял старадаўні беларускі чытач чэрпаў з грэка-візантыйскіх хронік, дзе знаходзіліся звесткі як пра жыццё еўрапейскіх народаў, так і пра народы Блізкага Усходу, Егіпта і г. д. Гэта ў першую чаргу хронікі Іяана Малалы і Георгія Амартолы, «Елінскі і рымскі летапісец», «Гісторыя юдзейскай вайны» Іосіфа Флавія. Старажытнабеларускі чытач быў добра знаёмы з усходнімі аповесцямі пра Варлаама і Іясафа, пра Акіра Прамудрага, а таксама з першым узорам перакладнога рамана «Дзяўгеніява дзеянне».

Звесткі па гісторыі, географіі, уяўленні пра жывы і нежывы свет чытач знаходзіў у «Хрысціянскай тапаграфіі» Казьмы Індыкоплава, а таксама ў «Шасцідзённіку» і «Фізіялогу». У 1073 г. для кіеўскага князя Святаслава з балгарскага арыгінала быў перапісаны «Ізборнік», у якім змяшчаліся творы гістарычнага, філасофскага, дыдактычнага характару. Любімымі творамі старажытнага ўсходнеславянскага чытача былі таксама перакладныя аповесці «Александрыя» і «Троя». Аляксандр Македонскі, «удзельнік» траянскай эпапеі былі блізкімі па свайму духу да гераічных імкненняў нашых далёкіх продкаў. Разам з хрысціянскімі «страстацэрпцамі» яны стваралі сонм герояў, годных усялякага пераймання і наслідавання.

Свой пачатак старажытная беларуская літаратура бярэ з адзінай літаратуры трох братніх народаў — рускага, беларускага і ўкраінскага, — літаратуры старажытнай Русі. Паколькі цэнтральным і самым магутным на той час было Кіеўскае княства, то становіцца зразумелым, чаму большасць помнікаў гэтага перыяду арыентавана на Кіеў. Гэта датычыцца і летапісаў, і помнікаў агіяграфіі (апісанняў жыцця святых), і твораў нетрадыцыйных жанраў («Слова пра паход Ігаравы») і інш. Паяўляюцца першыя ўсходнеславянскія арыгінальныя аўтары Іларыён, Кірыла Тураўскі, Феадосій Пячэрскі. Іх творчасць сведчыць аб высокай славеснай культуры нашых далёкіх продкаў, якія сваім словам, няхай яшчэ ў царкоўнаславянскай абалонцы, маглі пранікнёна гаварыць пра надзённыя праблемы, прапагандаваць свае ідэі, уводзіць чытача ў кола хрысціянскіх уяўленняў, грунтоўся ўжо на культурна-грамадскай глебе ўсходніх славян. Гэта яны і іх паслядоўнікі вырацавалі сваю арыгінальную, глыбока патрыятычную канцэпцыю ўсеагульнай і айчынай гісторыі. Для стварэння сваіх твораў яны адбіралі толькі тыя факты, звесткі (з іх пункту гледжання, самыя важныя), якія дапамагалі будаваць стройную карціну зямнога свету ад яго пачатку да сваіх дзён. Вырысоўваўся бесперапынны ход гісторыі, зафіксаваны ў сціплых або разгорнутых апавяданнях пра тыя ці іншыя падзеі.

Такім твораў, які стваралі на працягу стагоддзяў многія вядомыя і невядомыя нам дзеячы старажытнай культуры, была «Аповесць мінулых часоў», поўная назва якой «Се повѣсти временныхъ лѣт, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити и откуда Руская земля стала есть». Даўшы такую назву твору, вялікі мысліцель, гісторык і пісьменнік мінулага Нестар лаканічна выказаў і мэту свай працы, і храналагічныя межы падзей, пра якія ішла гаворка. «Исходищами мудрости» для нашых летапісцаў былі не толькі помнікі пісьмовай культуры, але і багатыя фальклорныя здабыткі. Гэта і гістарычныя песні, і паданні, і прамовы князёў, якія перадаваліся з вуснаў у вусны. «Аповесць мінулых часоў» — твор, які вяртае народную памяць да сваіх крыніц, высноў, да гістарычнага суперажывання з людзьмі, лепшыя рысы характару якіх сталі вызначальнымі мерамі ацэчкі нашых паводзін.

«Аповесць мінулых часоў» — гэта і гістарычны, і літаратурны помнік, і помнік філасофскай думкі. Гэта своеасаблівая універсальная энцыклапедыя дзяржаўнай і хрысціянскай гісторыі ўсходніх славян.

Феадальная раздробленасць, нашэсце мангола-татараў на Русь завяршылі фармальнае раз'яднанне ўсходніх славян. Большасць беларускіх і ўкраінскіх княстваў аказалася ў складзе Вялікага княства Літоўскага, а ўсходнія русічы трапілі ў паўтаравяковую няволю захопнікаў. Ахвяраваўшы сваёю дзяржаўнасцю, страціўшы каштоўнейшыя здабыткі культуры, народ Маскоўскай Русі выратаваў народы Еўропы ад рабства і зняволення. Трагічны лёс братняга народа быў трагедыяй, агульнай для ўсіх трагедый, агульнай для ўсіх славян. Пераможныя бітвы князёў Вялікага княства Літоўскага пад Койданавам і Магільным, канчатковы разгром мангола-татараў на Куліковым полі ў 1380 г. пад кіраўніцтвам Дзмітрыя Данскога, якому значную дапамогу аказалі сыны Альгерда Андрэй і Дзмітрый, прадэманстравалі сілу і веліч усходніх славян, калі яны браліся за зброю разам. Таму тэма адзінства братніх усходнеславянскіх народаў як скразная залагая ніч праходзіць праз палотны старажытнай усходнеславянскай літаратуры.

Агульнабеларускія летапісы з'яўляюцца толькі ў XV—XVII стст. Гэта «Летапісец вялікіх князёў літоўскіх», Беларускі І летапіс, Беларускі ІІ летапіс і Беларускі ІІІ летапіс (ці «Хроніка Быхаўца»); па свайму жанру да іх прымыкаюць «Баркулабаўскі летапіс» і «Магілёўская хроніка».

Беларускае, ці, дакладней, беларуска-літоўскае летапісанне, сваімі каранямі ўзыходзіць да агульнарускага летапісання. Асобныя мясціны, цэлыя ўрыўкі пераносяцца часам без змен, без адпаведных мясцовых трактовак. Захоўваецца, праўда, не ва ўсіх помніках, і пагадавы прынцып падачы звестак. Беларускія летапісцы падыходзілі да адбору матэрыялу традыцыйна: расказваецца толькі пра тое, што, на іх погляд, было галоўным, мела найважнейшы сэнс і значэнне. Гэта самыя разнародныя па свай тэматыцы звесткі: пра Ноя, пра «прісте Палемоново» і інш., апавяданні пра князёў Скірмонта, Траняты Рынгольта, Міндоўга, Вайшэлка, Гедыміна і г. д. Беларускія летапісы мелі агульнадзяржаўны характар, таму галоўнае месца адводзілася апавяданням пра будаўніцтва, умацаванне і праслаўленне Вялікага княства Літоўскага і яго князёў. Разам з тым аўтары беларуска-літоўскіх летапісаў не абмяжоўваліся толькі звесткамі пра айчынную гісторыю. Звычайна летапісцы былі вельмі адукаванымі людзьмі свайго часу. Яны, як правіла, ведалі і гісторыю свайго краю, і гісторыю суседніх народаў і нярэдка трактавалі яе ў сусветным кантэксте. Таму перад намі са старонак летапісаў паўстае князь Вайшэлк, ад якога «як ад Нярона ўцякалі», Ладзейка параўноўваецца з Рамулам, тут жа звесткі пра Парыса, сына Прымава, Аляксандра Македонскага, Яна Гуса і іншыя.

Летапіс па свайму жанру — твор сінкрэтычны. Таму разам з гістарычным паданнем матэрыялу туды ўключаліся цэлыя аповесці. Гэта і «Аповесць пра Дзешпата, гаспадара валоскага», і аповесць «Пра Івана і Багдана, гаспадароў валоскіх» і г. д. Нельга не адзначыць і тое, што на старонках летапісаў з'яўляліся вобразы і простых ратаяў. Так, напрыклад, пры апісанні бітвы Гедыміна з крыжакімі летапісец не забыў і прасталюдзінаў, якія «білі немцаў».

Не толькі гістарычныя падзеі, асобныя людзі, але і вобразы-сімвалы былі прадметам увагі летапісцаў. Сярэднявковы сімвалізм, як і цырыманіяльнасць, стваралі каларыт часу, тую знакавую сістэму, праз якую чытач спасцігаў сэнс падзей яму блізкіх і аддаленых. Таму амаль кожная бітва, пра якую ідзе гаворка ў летапісе,— не толькі канстатацыя факта, але і сімвал перамогі «добра» над «злом» ці, наадварот, «пакаранне» божае за той ці іншы дрэнны ўчынак. Ацэньваючы гістарычны факт, асобную падзею, летапісцы часам свае словы, думкі ўкладвалі ў вусны князёў. Так, вельмі цікавую ацэнку свай дзейнасці робіць Алег Разанскі, саюзнік Мамая: «Горе мнѣ, погубилем ум мой, не разумѣючи часу приидучего».

Шмат матэрыялаў, якія знаходзяцца ў летапісах, сваім паходжаннем абавязаны вуснай народнай творчасці. Гэта звесткі пра самыя неверагодныя чуды, дзівы і, што не менш важна, апісанні язычніцкіх абрадаў беларусаў і літоўцаў таго часу. Вельмі цікава расказвае летапісец пра «жegliще» — месца, дзе спалвалі нябожчыкаў. На «жegliще» клалі кіпцюры мядзведзяў і рысяў, каб памёршаму было лягчэй на гару лезці, на суд божы. З чыста хрысціянскіх пазіцый летапісец рэзюміруе: «Хоць былі пагане, але верылі ў суд божы».

У сувязі з тым, што ў 988 г. Русь прыняла хрысціянства, ёй неабходны былі творы для богаслужэння і для благачасцівага чытання. Такім мэтам у першую чаргу адпавядаў жанр пропаведзей і жыццй. Замалёўкі жыццйнага характару сустракаюцца ўжо ў летапісах, напрыклад, раздзел «О убении Борисове». Потым былі створаны «Сказанне пра Барыса і Глеба» Нестара і «Жыцце Барыса і Глеба». Узнікаюць цэлыя зборнікі жыццй святых і падзвіжнікаў (людзей, якія ў імя служэння богу падвяргалі сябе доўгім малітвам і посту; аскетаў, якія вялі суровы спосаб жыцця) у выглядзе пацерыкоў. Гэта перш за ўсё «Кіева-Пячэрскі пацярыйк».

Адным з першых жыццйных твораў, прысвечаных жанчыне, было «Жыцце Ефрасініі Полацкай». Унучка Усяслава Полацкага, яна прысвяціла сваё жыццё дабрадзейнай справе — справе пашырэння кніжных ведаў сярод русічаў. «Жыцце Ефрасініі Полацкай» напісана па агіяграфічнаму канону. Але тут ішла гаворка пра рэальную асобу, рэальныя абставіны, рэальныя зямныя справы падзвіжніцы. Таму вялікае месца ў жыцці займае апавяданне пра жыццё Ефрасініі як дзейснай падзвіжніцы, самаадданай працаўніцы. Роздумы-маналогі, дыялогі дапамагаюць раскрыццю багатага ўнутранага свету гераіні, сутнасць драматычных абставін, якія прывялі яе да пераканання прыняць манаства.

Беларускім Златавустам можа быць па праву названы епіскап тураўскі Кірыла (нарадзіўся каля 1130 г. у г. Тураве). Ён з юнацтва захопліваўся чытаннем кніг самага рознага характару. Адукаванейшы чалавек, у духу свайго часу ён стварыў цэлы шэраг Слоў, прысвечаных у большасці сваёй падзеям, звязаным з хрысціянскім бажанствам. Чым жа сёння прывабліваюць яго словы, так далёкія ад нашых уяўленняў аб прыгажосці, мэце жыцця, рэальным і нерэальным свеце. Умоўныя, алегарычна-ўзніслыя па сваёй форме, словы Кірылы Тураўскага насычаны дыханнем жыцця, жыцця рэальнага, адчуваемага. У сваіх словах Кірыла звяртаецца непасрэдна да слухача, заклікае яго быць удзельнікам той ці іншай падзеі. Параўнанні, разгорнутыя метафары разам з вобразамі-сімваламі стваралі асноўную канву, на якой будаваліся тырады Кірылы. Далёкае мінулае, паказанае паводле біблейскіх паданняў, ажывала ў новай інтэрпрэтацыі, блізкай яго сучаснікам. Асноўныя словы Кірылы прысвечаны вясеннім святам. Кантраст суровай зімы і вясенняга абнаўлення прыроды даваў магчымасць аўтару ісці да больш шырокіх абагульненняў, адкрываць таямнічыя сувязі паміж вечным і штодзённым.

Сваім сучаснікам Кірыла Тураўскі быў вядомы і як аўтар прытч. Прытча мела дваікае прызначэнне: дыдактычнае і талкавальнае. Не ўсе, нават адукаваныя людзі таго часу, маглі арыентавацца ў сімвалах, вырацаваных хрысціянствам. Давесці іх сэнс і значэнне да сучаснікаў — асноўная мэта Кірылы Тураўскага.

Некаторыя помнікі старажытнай усходнеславянскай літаратуры ўвайшлі ў залаты фонд сусветнай літаратуры. Адзін з іх — «Слова пра паход Ігаравы». Яно стаіць у адным радзе з такімі агульнапрызнанымі шэдэўрамі, як «Песнь пра Раланда», «Песнь пра Нібялунгаў», «Віцязь у тыгравай скуры», «Давыд Сасунскі», і інш.

Выключная каштоўнасць «Слова пра паход Ігаравы» не толькі ў тым, што яно паэтычна адлюстравала трагічныя вынікі паходу Ноўгарад-

Северскага князя Ігара Святаслававіча (1—11 мая 1185 г.), але і ў тым, што яно стаяла каля вытокаў літаратуры трох братніх народаў — рускага, беларускага і ўкраінскага. Дагэтуль вучонымі выказваюцца самыя розныя гіпотэзы пра тое, хто быў аўтарам «Слова пра паход Ігаравы». Адзінага погляду на гэта няма. Аднак ясна адно, што чалавек, які стварыў гэты велічны твор, валодаў выключным літаратурным талентам, быў пранікнуты пяшчотнай, шчырай любоўю да радзімы. Іменна таму ў цэнтры ўвагі — радзіма, яе сучаснасць, мінулае, будучыня.

Узмоцненая ў канцы XII ст. феадальная раздробленасць, міжусобныя войны князёў, ускладненая навіслаю палавецкаю небяспекаю, не магла не прымусіць перадавых людзей таго часу задумацца над пытаннем, «адкуль пайшло зло» на рускай зямлі. Адасабленне Полацкай зямлі, якое неўзабаве выклікала барацьбу паміж полацкімі і іншымі князямі, паклала пачатак варожасці паміж Усяславічамі (нашчадкамі Усяслава Полацкага) і Яраславічамі (нашчадкамі Яраслава Мудрага). Потым адасобіліся Чарнігаў, Пераяслаў, Уладзімір-Валынскі, Смаленск і іншыя княствы. У такой сітуацыі рускім князям вельмі рэдка ўдавалася перамагчы сваіх ворагаў.

У тыя часы адной з прагрэсіўных ідэй была ідэя моцнай цэнтралізаванай вялікакняжацкай улады. Таму невыпадкова аўтар «Слова» звяртаецца да Кіева, да князя Святаслава, які ў творы стаў сімвалам адзінства русічаў. «Залатое слова» Святаслава, накіраванае перш за ўсё да Ігара і Усевалада, якія адправіліся ў ваенны паход на полаўцаў пасля перамогі над імі Яраслава, носіць дваісты характар. Ён наракае на іх за парушэнне паслушання, саманадзейнасць, за тое, што яны самі, без чыёй-небудзь дапамогі, вырашылі дабіцца перамогі і заваяваць сабе славу. Разам з тым, Святаслаў указвае на іх доблесць і мужнасць.

Не толькі Ігар і Усевалад, але і іншыя князі могуць пастаяць за сваю зямлю. Далучаючыся да голасу Святаслава, аўтар звяртаецца да Усевалада Юр'евіча, Рурыка і Давыда Расціславічаў, Яраслава Уладзіміравіча, Рамана Мсціславіча, чыя воінская слава, паводле яго слоў, вядома далёка за межамі рускай зямлі.

Асобнае і важнае месца ў «Слове» займае характарыстыка дзейнасці полацкіх князёў, якія ў тыя часы вымушаны былі абараняць заходнія межы русічаў ад літоўскіх плямён. Малючы Усяслава Полацкага магутным князем-чарадзеям, аўтар адначасова падкрэслівае бессэнсоўнасць міжусобных войнаў, у якіх прымаў удзел і Усяслаў Полацкі. Іменна, на думку аўтара, нашчадкі Яраслава і Усяслава давялі рускую зямлю да таго, што «паганяны з усіх бакоў прыходзілі з перамогамі на зямлю рускую». Гэта да іх аўтар «Слова» звяртаецца з выкрывальнымі словамі: «Яраслаўле і ўсе ўнукі Усяслаўлевы! Апусціце ўжо сцягі свае! Пахавайце мячы свае пашчарбаныя! Вы бо сваімі нязгодамі пачалі наводзіць паганых на рускую зямлю, на надзел Усяслава, ад чаго і насілле пайшло ад зямлі палавецкай». Характарызуючы бітву на Нямізе паміж трыма братамі Яраславічамі — Святаславам, Ізяславам, Усеваладам і Усяславам, — аўтар, які добра ведаў і цаніў працу простых ратаяў, характарызуе іх, звяртаецца да вобразаў вусна-паэтычнай творчасці. Мірная стваральная праца земляробаў супрацьпастаўляецца бессэнсоўнай крывавай бітве. «На Нямізе снапы сцелюць галавы, малоцць цапамі сталёвымі, жыццё кладуць на таку, душу веюць ад цела. Нямігі крываваыя берагі не дабром былі засеяны, засеяны былі касцямі сыноў рускіх».

Бадай, найбольш пяшчотныя, шчырыя, па-чалавечы цёплыя радкі «Слова» прысвечаны жонкам русічаў. Вобразы жанчын у творы — своеасаблівыя велічны помнік духоўнай сіле жанчын-патрыёткаў. Гэта — прыгажуня Глебаўна, гэта — Яраслаўна, гэта — усе жанчыны, якія праводзілі ў далёкі паход на полаўцаў сваіх мужоў. Аднак каханне да свайго мужа не засланне патрыятычных пацужыў галоўнага жаночага вобраза «Слова» —

Яраслаўны, наадварот, узмацняе іх, чым у значнай ступені ўзбагачаецца і сам мастацкі вобраз княгіні. Лірычная задушэўнасць яе плачу зразумелая і блізкая для кожнага чалавека: і чалавеку таго часу, і нашаму сучасніку. Гэта своеасаблівы вобраз-сімвал раздзіраемай і пакутуючай, аднак не-пакорнай радзімы. Падобна гераіням вуснага народнага эпаса, яна звяртаецца за дапамогай да сіл прыроды, шукае ў іх абароны, пакравіцельства. Славеснае мастацтва старажытнага песняра сваімі каранямі ўзыходзіла да глыбінных слаёў народа. Таму і вобразы язычаскіх багоў, і «Обіды-девы» ідуць на збліжэнне з чалавечымі характарамі, сучаснымі аўтара «Слова».

Амаль два стагоддзі людзі розных часоў і пакаленняў, чытаючы гэты бессмяротны помнік, задаюць сабе адны і тыя ж пытанні: «У чым вытокі жывучасці «Слова»? У чым яго бессмяротнасць?» І на першым месцы адзін адказ: «Шчырая, душэўная, пяшчотная, непадробная любоў аўтара да сваёй радзімы». Іменна любоў да сваёй айчыны падказала яму выбар мастацкіх сродкаў, метады, прычым самыя розныя, абмалёўкі герояў, наблізіла яго ацэнкі падзей і асоб з народнымі. Вось чаму знакаміцейшыя мастакі, кампазітары, пісьменнікі мінулага і нашы сучаснікі знаходзяць у «Слове» вытокі свайго натхнення, працягваючы тым самым жыццё самому помніку. У перакладах асобных урыўкаў «Слова» М. Багдановічам, а пазней цэлага твора Я. Купалам, М. Гарэцкім, Р. Барадуліным раскрыліся новыя грані гучання твора для беларускага чытача.

На працягу стагоддзяў у рамках асобных жанраў, стыляў адбываліся пераходы ад літаратуры царкоўнай да свецкай, самай літаратуры ад этапу да этапу, ад аднаго стылю да другога. Першаасновай пераходу да новых форм мастацкага мыслення быў пераход ад саборнай, калектыўнай творчасці да творчасці індывідуальнай. Аднак і індывідуальная творчасць старажытных мастакоў слова несла на сабе адбітак часу, таго асяроддзя, у якім складвалася пісьменніцкая індывідуальнасць. Гэты пераход у беларускай літаратуры ад старажытнай да новай адбываўся цяжка і пакутліва.

У гісторыі кожнага народа ёсць людзі, якія сваім жыццём, творчасцю, грамадскай дзейнасцю вызначаюць характар стагоддзя, а часам і эпохі, у якую яны жывуць. Адны з іх былі прызнанымі пры жыцці, другія знаходзілі шлях да чытача праз цэлыя стагоддзі. Па-рознаму складаўся і лёс іх творчай спадчыны. Адны кнігі верна служылі і сучаснікам, і нашчадкам, другія, па розных абставінах, пакрываліся пылам на кніжных паліцах, трэція гарэлі ў полымі сацыяльных і культурных пераўтварэнняў. Праходзіць час, і як з-пад разца таленавітага майстра па дрэву і каменю з'яўляюцца неўміручыя вобразы, так і даўняе слова, звернутае да сучаснікаў і ў будучыню, апрацаванае даследчыкам і перакладчыкам, з новаю сілаю ўздзейнічае на пачуцці і думкі новых пакаленняў. Рацыянальнае, удумлівае, філасафічнае слова Францыска Скарыны, лірычнае і глыбокае — Міколы Гусоўскага, палымянае — Сымона Буднага, узрушанае — Васіля Цяпінскага, рытарычнае — Лявонця Карповіча, вытанчанае — Сімяона Полацкага даюць непаўторную гаму фарбаў не такой ужо сівой, як здаецца на першы погляд, мінуўшчыны.

Падзеі вялікага культурнага значэння ва ўсходнеславянскім свеце звязваюцца з імем Францыска Скарыны: узнікненне, станаўленне і развіццё кнігадрукавання, пашырэнне на Беларусі новых, у сваёй аснове гуманістычных ідэй, якія, у сваю чаргу, далі штуршок для развіцця свецкай культуры ўсходніх славян, а таксама распрацоўка беларускай літаратурнай мовы.

Францыск Скарына, нарадзіўшыся каля 1490 г. у Полацку ў сям'і купцоў, значную частку свайго жыцця правёў не на радзіме, а ў самых розных краінах Еўропы — Польшчы, Чэхіі, Італіі, Германіі, дзе ён не толькі набыў вучоную годнасць доктара філасофіі і медыцыны, але і далу-

чыўся да лепшых здабыткаў духоўнай культуры народаў Заходняй Еўропы. Ён дасканала валодаў многімі еўрапейскімі мовамі таго часу, а таксама мовамі антычнага свету. У творчай асобе Францыска Скарыны знайшлі спалучэнне самых розных якасці вучонага: ён быў вядомы як медык і батанік, філолаг і мастак, палітычны дзеяч і публіцыст. З'яўленне такога тытана на нашых землях было магчыма не толькі дзякуючы дабратворным кантактам з Еўропай, але і высокаму грамадска-культурнаму стану тагачаснай Беларусі.

У памяці народа славыты палачанін застаўся перш за ўсё як перакладчык і выдавец кніг для простага людю. Друкаванае слова Францыска Скарыны, паводле яго прадмоў, для людзей «паспалітых», для іх «добрага навування», «ко абличенію, исправленію и ко наказанію правды», «ко размноженію добрых обычаев». На першым плане, такім чынам, для Францыска Скарыны было культурнае будаўніцтва.

Сваю праграму асветы роднага краю Францыск Скарына распачаў у чэшскай Празе, дзе выдаў 23 кнігі святаго пісьма. Нагадаем, што ў тыя часы Біблія была, бадай, адзінай крыніцай ведаў па сусветнай і хрысціянскай гісторыі, гісторыі права, астраноміі, філалогіі. Таму ў прадмове «Во всю Библию рускаго языка» Францыск Скарына накіроўвае чытача да розных частак Бібліі, дзе той можа пачэрпнуць самыя неабходныя ў жыцці веды: так, вучыцца логіцы трэба па Іову ці пасланнях Паўла, рыторыку — па кнігах Саламона, геаметрыю — Ісуса Навіны і г. д. Больш таго, ён піша, што «книги сии людскими пилностями пописаны были», тым самым адмаўляючы іх боскае паходжанне.

На радзіме Францыск Скарына выдаў дзве кнігі — «Малую падарожную кніжыцу» (каля 1522—1523), а таксама «Апостал» (1525) у Вільні. У мастацкіх адносінах яго віленскія «сказанні» істотна ўступаюць прадмовам і пасляслоўям да пражскіх выданняў, аднак і тут Францыск Скарына застаўся верны сваёй асветніцкай праграме: яго мова простая, даходлівая, «добрая» дыдактыка не назаліе сваёй павучальнасцю.

Яшчэ зусім нядаўна імя Міколы Гусоўскага (каля 1480—1533) было вядома толькі спецыялістам па гісторыі айчынай культуры. Своеасабліваю «перашкодаю» для шырокага знаёмства з творчасцю М. Гусоўскага было тое, што ён пісаў свае творы на лацінскай мове. І толькі пераклады Я. Парэцкага і Я. Семяжона надалі яго творчасці другое жыццё. Сёння імем Гусоўскага называюцца вуліцы гарадоў, а пяцісотгоддзе з дня нараджэння вялікага гуманіста па рашэнню ЮНЕСКА адзначалася ў 1980 годзе ва ўсім свеце.

Біяграфічныя звесткі пра Міколу Гусоўскага вельмі скупыя: няма дакладных звестак пра тое, дзе і калі ён нарадзіўся і памёр. З твораў Міколы Гусоўскага і ўскосных сведчанняў мы даведваемся, што ён нарадзіўся ў сям'і чалавека, для якога паляванне было і сродкам жыцця, і прызываннем. Любоў да роднай прыроды, яе флары і фауны, да родных мясцін, да ўсяго таго, што ў комплексе складае радзіму, перадаліся і Міколу Гусоўскаму. Далучыўшыся да заходнееўрапейскай культуры, ведаючы некалькі моў, адарваны ад сваёй радзімы, ён, аднак, не забываў ні таго краю, дзе нарадзіўся, ні звычайў свайго народа. Можна, таму «Песня пра зубра», апафеоз айчыны, стаў цэнтральным і самым значным творам усёй яго творчай спадчыны.

Слуга біскупа і каралеўскага пасланніка ў Еўропе, ён, вядома, не мог адкрыта асуджаць тыя ці іншыя з'явы еўрапейскай палітыкі ці дыпламатыі. Аднак яго змагар за праўду, як чалавек вялікага таленту М. Гусоўскі выкрываў перад адукаваным светам Еўропы ўладароў зямлі, якіх больш непакоіў «сверб панавання», чым лёс сваіх народаў.

Ідэальным правіцелем паказваецца ў паэме Вітаўт, уладар Вялікага княства Літоўскага, які «строга і крута судзіў», прытым — справядліва.

З імем Вітаўта М. Гусоўскі звязваў росквіт сваёй айчыны; яе адзінства і надзею на адраджэнне страчаных ідэалаў рыцарства і класавага міру ўсіх саслоўяў.

Зубр, зубрыны статак былі выкарыстаны М. Гусоўскім як алегорыя. Зубр — гэта не толькі сімвал магутнасці, сілы, адвагі, а і вобраз-сімвал былой магутнасці Вялікага княства Літоўскага. Легендарныя паданні, народныя павер'і пра ляснога волата пад пяром Міколы Гусоўскага ператварыліся ў стройную сістэму поглядаў пісьменніка-філосафа на існуючы ўклад жыцця.

Надзвычай мала біяграфічных звестак захавалася пра буйнейшых прадстаўнікоў рэфармацыйнага руху на Беларусі Сымона Буднага (каля 1530 — каля 1583) і Васіля Цяпінскага (каля 1540 — каля 1604).

Сымон Будны паходзіў з мястэчка Буды, што ў Мазоўшы. Атрымаўшы вышэйшую адукацыю ў Кракаўскім універсітэце, ён працягваў вучобу ў Італіі і Швейцарыі. Відаць, на Захадзе ён стаў прыхільнікам рэфармацыйнага руху, што і перадвызначыла яго далейшы лёс жыцця. Не апошняю ролю ў дзейнасці С. Буднага адыграла і апякунства беларускага магната Мікалая Радзівіла Чорнага, які прызначыў яго пастарам нявіжскага і клецкага збора.

Асветнік, у шырокім сэнсе гэтага слова, Сымон Будны разам з ня-свіжскім пастарам Лаўрэнціем Крышкоўскім і старастам Мацеем Квячынскім заснавалі ў Нясвіжы друкарню. У гэтай друкарні ў 1562 годзе і быў выдадзены на беларускай мове славуты «Катэхізіс». Працягваючы традыцыі Ф. Скарыны, С. Будны і яго паплечнікі гаварылі ў прадмове да «Катэхізіса» аб тым, каб людзі яго кнігі «сами учили и деток своих научали». Нагадаем, што адным з асноўных лозунгаў рэфармацыі быў пераклад святога пісьма на народныя мовы. У тыя часы гэты крок азначаў не толькі шырокае далучэнне народаў да «боскіх» ісцін, але і ў цэлым да пісьмовай культуры.

У сярэдзіне XVI ст. беларускія школы знаходзіліся ў занятым стане, малапісьменнае духавенства не выконвала ўскладзенай на яго грамадствам ролі адукацыі, асветы людзей. «Лепш плакати,— пісаў С. Будны,— нежэли их норовы выписовати». Таму выданне, няхай і богаслужэбных кніг, было вялікаю справаю адукацыі народа. Нават біблейскія цытаты для пацверджання тых ці іншых думак С. Будны выбіраў самыя простыя, «няхітрыя».

Васіль Мікалаевіч Амеляновіч-Цяпінскі, сучаснік Сымона Буднага, нарадзіўся на Полаччыне ў радавым маёнтку Цяпіні. Пражыў ён каля 63 гадоў, пакінуўшы нам у спадчыну няпоўны пераклад евангелля і прадмову да яго. Гэта прадмова захавалася ў рукапісе. Яна напоўнена высокім грамадзянскім гучаннем, прасякнута клопатам патрыёта сваёй радзімы за яе лёс. Васіль Цяпінскі, як і Францыск Скарына, заклапочана гаворыць аб праблемах асветы людю «паспалітага», простага.

У тыя часы большасць беларускіх феадалаў, духавенства абыхава ставіліся да роднай мовы. Таму, адрасуючы сваю прадмову беларускаму людю, Васіль Цяпінскі асабліваю ўвагу звяртае на праблемы ўзаемасувязі мовы і культуры. Сам будучы шляхціцам, ён не замкнуўся ў вузкасаслоўных інтарэсах свайго класа ці ў адной якой-небудзь разнавіднасці хрысціянскай рэлігіі. Васіль Цяпінскі — перш за ўсё публіцыст. Нягледзячы на тое, што ён быў прыхільнікам сацыялізму, у сваёй прадмове беларускі асветнік-гуманіст не закранаў пытання пра свае рэлігійныя погляды. Яго мэта іншая — даказаць, што святое пісьмо, як і іншыя кнігі, выдаваць і чытаць трэба на роднай, усім зразумелай мове.

1596 год быў рубяжом у гісторыі беларускага і ўкраінскага народаў. У гэтым годзе адбылася Брэсцкая царкоўная унія. У цэнтры ўвагі пісьменнікаў, публіцыстаў, аратараў, відных грамадскіх і рэлігійных дзея-

чаў былі канфесіяльныя (рэлігійныя) пытанні. Аднак рэлігійная абалонка шматлікіх спрэчак нярэдка давала магчымасць пісьменнікам ствараць творы, напоўненыя глыбокім грамадзянскім гучаннем. Узмоцненая экспансіянісцкая палітыка Захаду на землях Беларусі і Украіны востра паставіла патрэбу барацьбы за сваю культуру, мову, шматвяковыя традыцыі, праваслаўную веру, якая ў тых часы была адным з элементаў нацыянальнай культуры.

Многія складаныя пытанні культурнага жыцця на Беларусі звязаны з дзейнасцю Мялеця (свецкае імя — Максім Герасімавіч Сматрыцкі (1577—1633). Ён нарадзіўся ў невялікім мястэчку Смотрич на Падоллі ў сям'і камянецкага пісара, потым першага рэктара Астрожскай школы на Валыні, таленавітага пісьменніка і педагога. Ён атрымаў высокую па тым часе адукацыю: вучыўся на філасофскім факультэце Віленскай езуіцкай акадэміі, слухаў лекцыі ў Лейпцыгскім, Вітэнбергскім, Нюрнбергскім універсітэтах. Яго пяру належыць звыш дваццаці твораў самых розных накірункаў. Сёння Мялецкі Сматрыцкі больш вядомы як аўтар славаўтай «Граматыкі» (1618—1619), якую рускі вучоны Міхаіла Ламаносаў назваў «вратамі» сваёй вучонасці. Аднак сярод сваіх сучаснікаў ён, архіепіскап полацкі, епіскап віцебскі і мсціслаўскі, праславіўся як пісьменнік-палеміст.

Цэнтральным і найбольш высокамастацкім творам Мялеця лічыцца «Трэнас» (1610). Сімвалічны вобраз мацеры-царквы, ад імя якой Сматрыцкі звяртаўся да народа, стаў свайго роду вечавым званам, загучаў заклікам да яднання ўсіх сіл у барацьбе з наступаючым каталіцызмам. Вобраз маці, якая плача, сястры, дачкі, жонкі, увогуле жанчыны ў фальклоры народаў свету з'яўляецца сімвалам гора, пакут, клічаў сыноў, бацькоў, братоў на барацьбу за справядлівасць, за шчасце, за будучыню. Адступніцтва ад веры, ад праваслаўнай мацеры-царквы слухна трактавалася Мялецём як здрада радзіме. Таго, хто пераступаў гэты закон, спасцігала нянавісць і праклён народа.

Мялецкі Сматрыцкі таксама быў адным з першых папулярызатараў і перакладчыкаў твораў заходнеўрапейскай літаратуры розных часоў і народаў. Яго кнігі, разлічаны на шырокія народныя масы, знаёмілі чытачоў з творчасцю такіх выдатных мастакоў слова, як Гей, Пятрарка, Эразм Ратэрдамскі і інш. Дваістая класавая пазіцыя і ідэйная хісткасць, уласцівая большасці пісьменнікаў таго часу, прадвызначылі сацыяльны і палітычны крызіс Мялеця. Зблізіўшыся з князем-католікам Аляксандрам Заслаўскім, у 1627 годзе патаемна, а ў 1628 годзе адкрыта ён парывае з праваслаўем, з усім тым, за што ён змагаўся на працягу дваццаці гадоў.

Сярод «сур'ёзных» твораў старажытнай беларускай літаратуры «Прамова Мялешкі» і «Ліст да Абуховіча» займаюць выключнае месца. Выкарыстоўваючы вядомыя традыцыйныя жанры славеснай творчасці, аўтары гэтых помнікаў змаглі стварыць прыныпова новыя па свайму паходжанню творы. Парушэнне канона тут адбываецца са стварэннем новага зместу, нетрадыцыйнага для таго ці іншага жанру.

Да нашага часу захавалася некалькі рэдакцый «Прамовы Мялешкі». Аднак саму «Прамову» нельга атаясамліваць з гістарычнай асобай Івана Мялешкі. Вельмі часта ў старажытнасці псеўдапрамовы, казанні, лісты прыпісваліся людзям, якія не мелі да іх ніякага дачынення. Разам з тым такі від творчасці дазваляў аўтарам больш акрэслена выказаць свае погляды на тых ці іншыя з'явы, выкрываць заганы грамадства, якія, на яго думку, павінны быць не толькі асуджаны, але і высмеяны. Смех як лякарства грамадства заўсёды выкарыстоўваўся ў фальклоры, аднак для старажытнай беларускай літаратуры гэта было новаю з'яваю.

Паланізацыю роднага краю пасля Люблінскай уніі 1569 г., эканамічны

і палітычны прыгнёт адчувалі на сабе не толькі простыя людзі, але і магнаты, і шляхта. Звычай народа, уклад яго жыцця, з пункту гледжання фанабэрыстай польскай шляхты, — сведчанне некультурнасці, адсталасці. Аўтар «Прамовы Мялешкі» тонка супастаўляе «простыя звычай» з прынесенымі чужароднымі. Іменна, гаворыць аўтар, здаровы, прыроджаны беларускі ўклад жыцця нараджаў смелыя і высакародныя натуры, якія «бывало, правым сердцем просто говорили, политики не знали, а у рот правдою, як солюю в очи, кидывали». Прымём самаўніжэння, які, дарэчы, характэрны ўсім усходнеславянскім літаратурам, дапамагаў падкрэсліваць, выдзяляць цэневыя бакі ўзаемаадносін, праз дэстэтызацыю герояў выкрываць маральную і сацыяльную сутнасць антыгерояў. Іван Мялешка ў творы — толькі на першы погляд прастак. Уважліва прачытаўшы «Прамову», мы пераконваемся, што перад намі герой, які добра ведаў гісторыю свайго краю, які клапаціўся пра будучыню свайго народа.

Блізкі і ў стылёвых адносінах, і па сутнасці да «Прамовы Мялешкі» «Ліст да Абуховіча», аўтарства якога прыпісваецца шляхціцу смаленскага ваяводства Цыпрыяну Камуняку.

Ваенна-палітычная бяздарнасць, прадажнасць, абьякавасць да лёсу радзімы — вось тыя рысы, якія выкрывае аўтар «Ліста» пры стварэнні вобраза смаленскага ваяводы Піліпа-Казіміра Абуховіча. Гэты твор з'явіўся, відаць, неўзабаве пасля здачы фарпоста Еялікага княства Літоўскага Маскоўскаму войску. З самага пачатку твора відаць, што аўтар «Ліста» арыентаваўся на жывую, гутарковую мову беларускага народа, а не на ўласцівыя чыноўніцка-бюракратычнай мове штамплі. Тут прыгадваецца і дзед Піліпа Абуховіча, мазырскі генерал, які «за малые грошы і великую неправду признав», і бацька, мазырскі суддзя, які, «у кого больш узяв, того хороше судив», і ў рэшце рэшт сам Піліп, які, прадаўшы Смаленск, прадаў і свой тытул. Усё гэта не простыя штрыхі «сямейнай» хронікі Абуховіча, а яркая карціна дэградацыі роду, які здаўна праславіўся сваім прадажніцтвам.

Старыя, «добрыя» часы супрацьпастаўляюцца ў творы часу цяперашняму. Аднак «старое» ўспамінаецца не для ідэалізацыі, а для паказу таго, на чым грунтаваліся сіла і моц Вялікага княства Літоўскага, дзе былі карані пераможных войнаў. Аўтар высмейвае незадачлівых салдат, якіх больш цікавілі справы гандлёвыя, чым воінскія абавязкі. Такі ж і іхні начальнік. Нездарма аўтар «Ліста» з'едліва рэзюміруе, што Піліпу лепш было б сядзець у сваёй Ліпе ці быць вайсковым пісарам — гэта найбольш адпавядала б яго схільнасцям. Своеасаблівы каларыт твору надаюць прыказкі, прымаўкі, разгорнутыя параўнанні. Як і «Прамова Мялешкі», «Ліст да Абуховіча» сапраўдны народны твор, у якім выкрыццё прыватнай з'явы, канкрэтнай асобы спалучаецца з крытыкай заган грамадства.

Новым жанрам для старажытнай беларускай літаратуры былі мемуары, дзёнікі (дыярышы), якія ўзніклі ў XVI—XVII стст. Гэта «допісы» аршанскага старасты Філона Сямёнавіча Кміты-Чарнабыльскага (1530—1587), мемуары навагрудскага падсудка Фёдара Міхайлавіча Еўлашоўскага (1546—1616), дыярыуш Афанасія Філіповіча (1597—1648) і іншыя.

З развіццём гуманістычных тэндэнцый на Беларусі творцаў мастацкага слова пачынаюць цікавіць не толькі гісторыя свету, свайго краю, але і лёс чалавека, асобы, асэнсоўваецца яго роля ў грамадска-палітычным і культурным жыцці. На змену дзелагой, пратакольнай мове прыходзіць мова, насычаная каларытнай бытавой лексікай, прыказкамі, прымаўкамі, трапнымі эпітэтамі і параўнаннямі.

Так, дзелавыя данясенні Кміты-Чарнабыльскага членам Каралеўскай рады Вялікага княства Літоўскага пра ваенныя і грамадска-палітычныя справы Маскоўскай Русі — ужо не проста рэляцыі, паведамленні, але і глыбкія разважанні аб лёсе свайго айчыны. Фармальны бок «допісаў»

Кміты-Чарнабыльскага абмяжоўваў іх аўтара ў выкарыстанні шырокай палітры мастацкіх фарбаў слова, аднак у межах публіцыстычнага жанру ён тонка і з густам выкарыстоўваў мастацкую дэталю ў сваёй словатворчасці.

Удзел у Лівонскай вайне, багаты жыццёвы вопыт, назапашаны ў час службы пры магнацкіх дварах, далі імпульс 57-гадоваму Фёдару Еўлашоўскаму для стварэння «гісторыі» свайго ўласнага жыцця. Гісторыка-мемуарны жанр быў новым для літаратуры Беларусі таго часу, адсюль становіцца зразумелай і пэўная сінкрэтычнасць жанру, абранага Ф. Еўлашоўскім: тут і бытавыя навалы з уласнага жыцця, і пераказ гісторый, якія яму давалося пачуць ад выдавочцаў тых ці іншых падзей. Еўлашоўскі не імкнецца аналізаваць з'явы жыцця, а проста, лагічна вымаляўвае характар чалавечых узаемаадносін, якія ёсць яны паводле «божанага стварэння». З мемуараў Ф. Еўлашоўскага перад намі паўстае вобраз прыстойнага шляхціца-хрысціяніна, які паважае сваіх бацькоў, клапаціцца аб дзецях і сваяках, лічыць, што толькі адданая і верная служба апекунам — адзіны сродак добраўпарадкаванага жыцця. Вобразы жонкі Ганны Балатоўны, мужа як цёткі Івана Бака, шляхціцаў Альбрэхта Брухаўскага, Івана Крацкоўскага і іншых — гэта свайго роду вобразы-абагульненні. Яго не столькі цікавяць пытанні палітыкі, колькі паказ сваіх адносін да тых ці іншых з'яў. Таму сацыяльныя ўмовы жыцця таго часу, іх унутраны сэнс не знайшлі свайго адлюстравання ў творы Фёдара Еўлашоўскага.

Твор, які мы называем «Дыярыуш» Афанасія Філіповіча, — па сутнасці, збор твораў беларускага змагара за праўду. Тут і аўтабіяграфічныя замалёўкі, і рэліцы, і палемічныя трактаты, і прамовы, і багаслоўскія разважанні, пасланні, паданні і г. д. Пра што б ні пісаў Афанасій Філіповіч, ён заўсёды меў на ўвазе рэальныя абставіны, рэальных людзей, канкрэтныя грамадска-палітычныя з'явы. Ён не імкнецца да вычварнасці стылю, да красамоўства, да славеснай эквілібрыстыкі, якая была ўласціва большасці пісьменнікам пачатку XVII ст., не ўнікае глыбока ў сутнасць дагматычных спрэчак паміж праваслаўнымі і католікамі. Яго мэта іншая — вобразна, шчыра, даходліва расказаць сваім сучаснікам і далёкім нашчадкам пра складаны і супярэчлівы час у жыцці беларускага народа таго часу.

Матэрыял для свайго «Дыярыуша» ён чэрпаў з уласнага жыццёвага вопыту, таму многія факты гісторыі нашай айчыны перадаюцца праз прызму бачання пісьменніка. Сын рамесніка з Брэстчыны, добра адукаваны чалавек, ён, відаць, вучыў пры двары Сапегаў Яна Фаустына Лубу, чарговага «маскоўскага царэвіча». Аднак сам А. Філіповіч адмовіўся ўдзельнічаць у змове супроць Маскоўскай дзяржавы, больш таго, паведаміў пра лжэцарэвіча маскоўскім правячым колам. У 1643 годзе ён выступіў на Варшаўскім сейме з «Суплікай» (скаргай), у якой адстойваў правы праваслаўнага насельніцтва Рэчы Паспалітай.

Царкоўны суд, пазбаўленне духоўнага сану, арышты — вось кароткія вехі жыцця апошніх пяці гадоў Афанасія Філіповіча. Большую частку твораў ён напісаў у варшаўскай турме, калі над ім быў ужо занесены пакаральны меч. Аднак і гэта не стала перашкодай для бязлітаснага выкрыцця заган грамадства, для выказвання сваіх сімпатый у адрас адзінавернага рускага народа. Напярэдадні народна-вызваленчай вайны беларускага і ўкраінскага народаў пад кіраўніцтвам Багдана Хмяльніцкага гэтыя словы прагучалі асабліва востра і зладзённа. Пакутніцкае жыццё Афанасія Філіповіча ўвянчала і пакутніцкая смерць. 15 верасня 1648 года пасля жорсткіх катаванняў ён быў расстраляны каля Брэста.

Беларускі верш прайшоў вельмі складаны шлях свайго развіцця. Калі ў вуснай народнай творчасці былі добра распрацаваны і любоўная лірыка, і верцаваны эпас, і рытмічна арганізаваная проза, то ў старажытнай бе-

ларускай літаратуры верш быў і стылёва і тэматычна абмежаваным. На беларускай мове першыя ўзоры верша сустракаюцца ў творчасці Францыска Скарыны, затым у Андрэя Рымшы, Лявона Мамоніча, Лаўрэнція Зізанія, Мялеція Смартыцкага, Яна Казіміра Пашкевіча і іншых. Самі па сабе гэтыя вершы не існуюць: і жанрава, і тэматычна яны звязаны ці з прадмовай, ці з прысвячэннем, ці са зместам кнігі, да якой гэтыя вершы былі напісаны. Таму становіцца зразумелым, што вершам такога тыпу адвядзілася роля службовага; панегірычны (хвалебны), дыдактычны ці палемічны змест верша цалкам залежаў ад накіраванасці кнігі і чалавека, пры чыёй дапамозе ці падтрымцы яна выдавалася. Разам з беларускамоўнай версіфікацыяй суіснавала польская і лацінамоўная.

Развіццё грамадскіх адносін, перакрываванне культурных традыцый Усходняй і Заходняй Еўропы падрыхтавалі на Беларусі глебу, якая спрыяла з'яўленню літаратуры высокага мастацкага гучання. І першы акорд, майстэрскі прафесійны, належыць Сімяону Полацкаму.

Грамадская, культурна-асветніцкая, літаратурная дзейнасць Сімяона Полацкага была важным вызначальным этапам у развіцці літаратуры рускага, беларускага і ўкраінскага народаў. Сапраўднае імя Сімяона — Самуіл Емяльянавіч Пятроўскі-Сітніяновіч, а прызванне Полацкі ён атрымаў у Маскве па месцу свайго паходжання.

Першыя вершы Сімяон Полацкі пачаў пісаць яшчэ ў час навучання ў Кіева-Магілянскай калегіі. Большасць сюжэтаў для гэтых твораў чэрпалася з біблейскіх крыніц, аднак і ў іх пісьменнік закранаў гуманістычныя праблемы чалавечых узаемаадносін, улаўляў падзвіг пакутніцтва і самаахвяравання, задумваўся над складанымі пытаннямі чалавечага быцця.

У беларускі перыяд творчасці найбольш плённымі былі часы знаходжання Сімяона ў полацкім Багаяўленскім манастыры. Тут ім напісаны «Стхіх красогаасные... во срегеніе іконы богородіцы», «Прилодобной матери Ефросинии» і іншыя. Царкоўныя па сваёй накіраванасці, гэтыя творы, аднак, сведчылі аб тым, што ў цэнтры ўвагі Сімяона — радзіма, яе сучаснасць і будучыня. Ужо ў ранні перыяд творчасці Сімяона ярка вымалёўваецца яго імкненне пісаць вершы з любой нагоды, якая адбывалася ў нашым краі. У 1665 г. ён стварае ў новым для беларускай літаратуры жанры дэкламацый — «Метры», прысвечаныя Маскоўскаму цару Аляксею Міхайлавічу. Наведанне царом Полацка ён звязвае з надзеяй на лепшы лёс сваёй айчыны, на апякунства Маскоўскай дзяржавы.

Найбольш плённым і значным у творчай біяграфіі Сімяона Полацкага быў Маскоўскі перыяд яго дзейнасці. Тут як паэт ён выступае ў розных жанрах. Грунтуючыся на вядомых біблейскіх сюжэтах, ён стварае дзве п'есы: «Комедию притчи о блудном сыне» і «Трагедию о Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцах в пещи не сожженых». Гэтыя драматычныя творы стаялі каля вытокаў станаўлення драматычных жанраў новага часу, развіцця рускага тэатра.

Паэтычная спадчына Сімяона Полацкага складала больш за пяцьдзесят тысяч вершаваных радкоў. Найбольш значнымі зборнікамі яго паэтычных твораў з'яўляюцца «Вертоград многоцветный», «Рифмологийон», а таксама вершаваны пераклад псалтыра. Нічога не заставалася па-за ўвагай Сімяона Полацкага ў грамадскім жыцці Маскоўскай дзяржавы.

У Маскоўскай дзяржаве Сімяон Полацкі быў вядомы не толькі як пісьменнік, але і як педагог. Фактычна, ён стварыў школу «лацінікаў», прыхільнікаў заходнеўрапейскай адукацыі, дзе значная ўвага ўдзялялася вывучэнню свецкіх навук. Творчая, педагагічная, асветніцкая дзейнасць Сімяона Полацкага падрыхтавала глебу і аказала значны ўплыў на развіццё новай літаратуры ўсходніх славян.

ЛІТАРАТУРА СТАРАЖЫТНАЙ РУСІ

СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЫХЪ ЛѢТ, ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

Се начнем повѣсть сию.

По потопѣ *трие*¹ сынове Ноеви раздѣлиша землю, Сим, Хам, Афет. И яся вѣсток Симови: Персида, Ватрь, *доже* и до Индикія в долготу, и в ширину и *до Нирокурия*, якоже рещи от вѣстока и до полуденья, и Сурия, и *Мидия* по Ефрат рѣку, Вавилон, Кордуна, асуряне, *Месопотамія*, Аравія Старѣйшая, Елмаис, Инди, *Аравія Силная*, *Колия*, *Комагини*, *Финикия* вся.

Хамови же яся полуденняя страна: Еюпет, Ефивопись, прилежащая ко Индом, другая же Ефивопись, из нея же исходит рѣка ефиопская Чермна, текущи на вѣсток, *Фива*, *Ливія*, прилежащи до Куринія, Марьмарья, *Сурьги*, *Ливія* другая, Нумидья, Масурия, Мавританья *противу суши* Гадирѣ. Сушим же ко востоком имать Киликию, Памѣфилию, Писидию, *Мисию*, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, *Мисию* другую, Трояду, *Еолиду*, Вифунию, Старую Фругию; и *островы* неки имать: Сарьдани, Крит, Купр и рѣку Гѣону, зовемую *Нил*.

Афету же яшася полунощныя страны и *западныя*: Мидия, Альванья, *Арменья* Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галат, *Кольхись*, Воспории, Меоти, Дереви, *Сарматы*, Тавриани, *Скуфиа*, Фраци, Макидонья, *Далматія*, *Малоси*, Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонис наречеся, Аркад, Япиронья, Илюрик, *Словѣне*², *Лухитиа*, Аньдриокія, Онѣдрѣятинская пучина. Имать же и островы: Вротанию, Сикилию, Явию, *Родона*, Хиона, Лѣзовона, Кофирана, *Закунфа*, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть *Асий-*

^{1,2} Курсивам дадзены расшыфраваныя ці дабаўленыя па сэнсу даследчыкамі літаратуры словы, якія ў першапачатковым варыянце Аповесці былі прапушчаны. Заўвагі да слоў, адзначаных зорачкай, гл. у канцы кнігі, с. 322.

ския страны, нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономъ; до Понетъского моря*, на польнощныя страны, Дунай, Днѣстр и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски*, и оттудѣ доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волхов, Волъга, яже идетъ на восток, в часть Симову. В Афетовѣ же части сѣдятъ русь, чюдѣ и вси языци: меря, мурома, весь, морѣдва, заволочская чюдѣ, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, лѣтъгола, любовь*. Ляхове* же, и пруси*, чюдѣ пресѣдятъ к морю Варяжъскому. По сему же морю сѣдятъ варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдятъ к западу до землѣ Агнянски и до Волошьски*. Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волѣхва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочіе, *ти же* присѣдятъ от запада к *полуденью* и сѣсѣдятся с племянем Хамовым.

Сим же и Хам и Афет, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже в жребий братень, и живяху кождо в своей части. Бысть язык един. И умножившемся челоуком на земли*, и помыслиша создати столп до небесе, в дни Нектана и Фалека*. И собращася на мѣсть Сенар поли здати столп до небесе и град около его Вавилон; и созда столп то за 40 лѣт, и не свершен бысть. И сниде господь бог видѣти град и столп, и рече господь: «Се род един и язык един». И сѣмѣси бог языки, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расѣся по всей земли. По размѣшенъи же язык бог вѣтром великим разраши столп, и есть останок его промежю Асюра и Вавилона, и есть в высоту и в ширину 5433 локти*, и в лѣта многа храним останок.

По размѣшенъи же столпа и по раздѣленъи язык прияша сынове Симови вѣсточныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны. Афетови же прияша запад и полунощныя страны. От сих же 70 и 2 языку бысть язык словѣнск, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне*.

По мнозѣх же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ естьныне Угорьска земля и Болгарьска. От тѣх словѣн разидошася по землѣи прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которм мѣсть. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣи имянем Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хровате бѣлии и серебѣ и хорутане*. Волхом бо нашедшем на словѣни на дунайския, и сѣдшем в них и насилящем им, словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а от тѣх ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне*.

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и

нарекошася поляне, а друзии древляне, зане съдоша в лѣсѣх; а друзии съдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; *инии съдоша на Двинѣ и нарекошася полочане*, рѣчки ради, яже втечетъ в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же съдоша около езера Илмеря, и прозвашася своим имянем, и сдѣлаша град и нарекоша ѥ Новъгород*. А друзии съдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася сѣвер*. И тако разидеся словѣньский язык, тѣмже и грамота прозвася словѣньская.

Поляном же жившим особѣ по горам сим, бѣ путь из Варяг в Греки и из Грек по Днѣпру, и верх Днѣпра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечетъ Волхов и вѣтечетъ в озеро великое *Нево**, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царюгорода прити в *Понт море*, в не же втечет Днѣпр рѣка. Днѣпр бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечетъ на полѣдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощѣ и внидеть в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣсток, и вѣтечетъ семьюдесят жерел в море Хвалисьское*. Тѣмже и из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и в Хвалисы*, и на вѣсток дойти в жребий Симов, а по Двинѣ в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днѣпр втечетъ в Понетское море жерелом, еже море словеть Руское, по нему же учил святой Оньдрѣй, брат Петров, якоже рѣша.

Подем же жившем особѣ и володѣющем роды своими, иже и до сее братѣв бяху поляне, и живяху каждо с своим родом и на своих мѣстѣх, владѣюще каждо родом своим. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Съдьяше Кий на горѣ, гдѣже ныне увоз Боричев*, а Щек съдьяше на горѣ, гдѣже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица. И створиша град во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града лѣт и бор велик, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуса поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: на перевоз на Киев. Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившю ему ко царю, якоже сказуютъ, яко велику честь приял от царя, при которомъ приходиз цари. Идуцю же ему опять, приде к Дунаеви, и възлюбил мѣсто, и сруби градок мал, и хотяше сѣсти с родом своим, и

не даша ему ту близъ живущи; еже и донынъ наречють *дунайци* городище Киевецъ. Киеви же пришедшу в свой град Киев, ту живот свой сконча.

И по сих братьи держати почаша род их княженъ в полях, а в деревлях свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От них же кривичи, иже сѣдять на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днѣпра, их же град есть Смоленск; туда бо сѣдять кривичи. Таже сѣвер от них. На Бѣльозерѣ сѣдять весь, а на Ростовском озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ* меря же. А по Оцѣ рѣцѣ, где *втечетъ* в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, морьдва свой язык. Се бо токмо словѣнск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣвер, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же вельняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдъ, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, *нерома*, либь: си суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже *живуть* в странах полунощных.

Словѣнску же языку, якоже рекохом, *живущю* на Дунаи, придоша от скуф, рекше от козар*, рекомии болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, и населници словѣном быша. Посемь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣнску*. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. В си же времена быша и обри, иже ходиша на *Ираклия* царя и мало его не яша*. Си же *обри* воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы, суцая словѣны*, и насилье творяху женам *дулѣбским*: аще поѣхати будяше обѣрину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телѣгу и повести обѣрна, и тако мучаху дулѣбы. Быша бо обѣрѣ тѣлом велици и умом горди, и бог потреби я, помроша вси, и не остася ни един обѣрин. *И* есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки обѣрѣ; их же нѣсть племени ни наслѣдка. По сих же придоша печенѣзи*, паки идоша угри чернии* мимо Киев, послѣже при Олзѣ.

Поляном же жиущем особѣ, якоже рекохом, *суцим* от рода словѣнска, и нарекошася поляне, а *деревляне* от словѣн же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо 2 брата в лясѣх,— Радим, а *другий* Вятко,— и пришедъша сѣдоста Радим на Сѣжю, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде с родом своим по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи. *И живяху* в мирѣ поляне, и деревляне, и сѣвер, и *радимичи*, вятичи и хрвате, Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне, а улучи и тиверьци сѣдаху бо по Днѣстру, присѣдаху к Дунаеви. Бѣ

множество их; съдяху бо по Днѣстру *оли* до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая скуфь.

По сих же лѣтѣх, по смерти братьѣ сея*, быша обидимы древлями и инѣми околними. И *наидоша* я козарѣ*, съдѣющая на горах сих в лѣсѣх, и рѣша козари: «Платите нам дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и к *старѣйшиным**, и рѣша им: «Се, налѣзохом дань *нову*». Они же рѣша им: «Откуда?». Они же рѣша: «В лѣсѣ на *горах*, над рѣкою Днѣпрскою». Они же рѣша: «Что суть *вѣдали?*». Они же показаша мечь. И рѣша старци козарѣстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахом оружьемъ одиною стороною, *рекше* саблями, а сих оружье *обоуду* остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инѣх странах». Се же сбься все: не от своея воля рекоша, но от божѣя повелѣнья. Яко и при Фаравонѣ, цари еюпетѣстѣмъ, *егда* приведоша Моисѣя пред Фаравона, и рѣша старѣйшина фараоня: «Се хочеть смирити область Еюпетскую»; якоже и бысть: погибоша еюптѣяне от Моисѣя, а первое быша работающе им. Тако и си: владѣша, и послѣже *самѣми* владѣють; якоже и бысть: володѣють *бо* козары русьскіи князи и до днешнего дне.

В лѣто 6360 (852), индикта 15*, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо *увѣдахом*, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, якоже пишется в лѣтописаньи гречѣстѣмъ. Тѣмже отселе почнем и числа положим, яко «От Адама до потопа лѣт 2242; а от потопа до Аврама лѣт 1000 и 82, а от Аврама до исхоженья Моисѣева лѣт 430; а от исхоженія Моисѣова до Давида лѣт 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломоня до плѣненья Ярусалимля лѣт 448; а от плѣненья до Олександрѣ лѣт 318; а от Олександрѣ до рожества Христова лѣт 333; а от Христова рожества до Коньстянтина лѣт 318; от Костянтина же до Михаила сего лѣт 542». А от перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя лѣт 29; а от перваго лѣта Олгова, *понелиже* съде в Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣт 31; а от перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святѣславля лѣт 33; а от перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣт 28; а Ярополк княжи лѣт 8; а Володимер княжи лѣт 37; а Ярослав княжи лѣт 40. Тѣмже от смерти Ярослави до смерти Святополчи лѣт 60.

Но мы на *прежнее* возъвратимся и скажем, што ся *здѣя* в лѣта си, якоже преже почали бяхом первое лѣто Михаилом, а по ряду положим числа.

В лѣто 6366 (858). Михаил царь изиде с вои брегом и морем на болгары. Болгаре же увидѣвше, *яко* не могоша стати противу, креститися прошиша и покоритися греком. Царь же крести князя их и боляры вся, и мир створи с болгары.

В лѣто 6367 (859). *Имаху* дань варязи из заморья на чюди и на словѣнх, на мери и на всѣх кривичѣх. А козари *иммаху* на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣх, *иммаху* по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма.

В лѣто 6370 (862). Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в них правды, и вѣста род на род, и быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. *И рѣша* сами в себѣ: «Поищем собѣ князя, иже бы володѣл нами и судил по праву*». *И идоша* за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тѣи варязи *русь*, яко се друзии зовутся *свие*, друзии же урмане, англияне, друзии гѣте, тако и си. *Рѣша руси* чюдѣ, словѣни, и кризичи *и весь*: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣт. Да поидѣте княжит и володѣти нами». И избращася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придѣша; старѣйший, Рюрик, *сѣде Новѣгородѣ*, а другий, Синеус, на Бѣлѣ-озерѣ, а третій Изборьстѣ, Трувор. И от тѣх *варяг* прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людѣе ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни*. По дву же лѣту Синеус умре и брат его Трувор. И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Бѣлоозеро. И по тѣм городом суть находници варязи, а перьвий насельници в Новѣгородѣ словѣне, в Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрик. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Диѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок. И *упрошаста* и рѣста: «Чий се градок?». Они же рѣша: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сдѣлаша градоко съ, и изгибоша, и мы сѣдим, *род их, платяче дань козаром*». *Асколд* же и Дир остаа в градѣ семь, и многи варяги *свокоуписта*, и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же *княжащу* в Новѣгородѣ.

В лѣто 6376 (868). *Поча* царствовати *Василий*.

В лѣто 6377 (869). *Крещена* бысть вся земля Болъгарьская.

В лѣто 6387 (879). Умершю Рюрикови, предасть княженъе свое Олгови, от *рода* ему суща, вѣдав ему сын свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтеск вельми.

В лѣто 6390 (882). Поиде Олег, поим воя многи, варяги, чюдъ, словѣни, мерю, *весь*, кривичи, и приде к Смоленську с кривичи, и прия град, и посади мужь свои. Оттуда поиде вниз и взя Любець, и посади мужь свои. И придоста к горам к киевским, и *увѣда* Олег, яко Осколд и Дир княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а сам приде, нося Игоря дѣтска. И приплу под Угорьское, похоронив вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, идем в Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к нам, к родом своим». Асколд же и Дир придоста, выскакав же вси прочии из лодья, и рече Олег Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сын Рюриков ». И убиша Асколда и Диру, и несоша на гору, и *погребоша* ѿ на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Ольмин двор; на той могилѣ поставил *Ольма** церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И сѣде Олег княжа в Киевѣ, и рече Олег: «Се буди мати градом *русьским* ». И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. *Сей* же Олег нача города ставити, и устави дани словѣном, кривичем и мери, и *устави* варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославѣ даяше варягом.

В лѣто 6391 (883). Поча Олег воевати деревляны, и *примучив а, имаше* на них дань по чернѣ кунѣ.

В лѣто 6392 (884). Иде Олег на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легьку, и не даст им козаром дани платити, рек: «Аз им противен, а вам не чему».

В лѣто 6393 (885). Посла к радимичем, рька: «Кому дань даете?». Они же рѣша: «Козаром ». И рече им Олег: «Не дайте козаром, но мнѣ дайте». И вѣдаша Ольгови пощлягу*, якоже и козаром *даяху*. И бѣ обладая Олег поляны, и деревляны, и сѣверяны, и радимичи, а с уличи и тѣверци имяше рать*.

В лѣто 6395 (887). Левон царствова, сын Васильев, иже Лев прозвася, и брат его Олександр, иже царствоваста лѣт 20 и 6.

Словѣном *живущим* крещеным и князем их, Ростислав, и Святополк, и Коцел послаша ко царю Михаилу*, глаголюще: «Земля наша крещена, и нѣсть у нас учителя, иже бы ны наказал, и поучал нас, и протолковал святаыя книги. Не разумѣем бо ни гречьску языку, ни латыньску; ѿни бо ны онако учать, а ѿни бо ны и онако. Тѣмже не разумѣем книжнаго образа, ни силы их. И послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разум их». Се слыша

царь Михаил, и созва философы вся, и сказа им рѣчи вся словѣньских князь. И рѣша философи: «Есть мужъ в Селуни, именованъ Лев. Суть у него сынове разумиви языку словѣньску, хитра 2 сына у него философа». Се слышав царь, посла по ня в Селунь ко *Львови*, глаголя: «Посли к нам въскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина»*. Се слышав Лев, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: «Се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы могл им протолковати святагы книги; сего бо желаютъ». И умолена быста царем, и послаша я в Словѣньскую землю к Ростиславу, и Святополку и Къцьлови. Сима же пришедъшема, начаста съставлявати писмена азбукъовная словѣньски, и преложиста Апостол и Еуангелъе. И ради быша словѣни, яко слышиша виличья божья своимъ языкомъ. Посем же преложиста Псалтырь, и Охтаик; и прочая книги. *Нѣци* же начаша хулити словенскыя книги, глаголюще, яко «Не достоить ни которому же языку имѣти буквъ своих, развѣ еврѣи, и грек и латин, по *Пилатову* писанью, еже на крестѣ господни написа». Се же слышав папѣжъ римский, похули тѣх, иже ропыщють на книги словѣньския*, река: «Да ся исполнить книжное слово, яко «Въсхвалять бога вси языци»; другое же: «Вси възъглаголють языки величья божья, якоже дасть им святий дух отвѣщевати». Да аще хто хулитъ словѣньскую грамоту, да будетъ отлучен от церкви, донде ся исправитъ: ти бо суть волци, а не овца, яже достоить от плода знати я и хранитися их. Вы же, чада, божья послушайте ученья и не отрините наказанья церковного, якоже вы наказал Мефодий, учитель вашъ». Костянтин же възратився въспять, и иде учитъ болгарскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ. Посем же Коцел князь постави *Мефодья* епископа в Пании, на столѣ святого Онѣдроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла*. Мефодий же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь от греческа языка в словѣнеск 6-ю мѣсяць, начен от марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Окончав же, достойно хвалу и славу богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью, настольнику *Анѣдроникову*. Тѣмже словѣньску языку учитель есть *Анѣдроник* апостол. В Моравы бо ходил и апостол Павел учил ту; ту бо есть Илюрик, его же *доходил* апостол Павел; ту бо бѣша словене первое. Тѣмже и словенску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо русь, тѣмже и нам руси учитель есть Павел, понеже учил есть языкъ *словѣнеск* и поставил есть епископа и намѣсника *по себѣ* Анѣдроника словенску языку.

А словенський язык и руский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словенская рѣчь бѣ. Полями же прозвани быши, зане в поли сѣдяху, а язык словенски един.

В лѣто 6411 (903). Игореве же възрастѣшю, и хожаше по Олзѣ и *слушаше* его, и приведоша ему жену от Пскова, именем *Олгу*.

И живяше Олег мир имѣа ко всѣм странам, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олег конь свой, *иже бѣ* поставил кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашал волѣхвов и кудесник: «От чего ми есть *умрети?*» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нем, от того ти *умрети*». Олег же прием в умѣ, си рѣче. «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». И повелѣ кормити *и* и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣт не видѣ его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему Киеву и пребывѣшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви *умрети*. И призва старейшину конюхом, рече: «*Кде* есть конь мѣй, его же бѣх поставил кормити и блюсти его?». Он же рече: «Умерл *есть*». Олег же посмѣся и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волсви, но *все то лѣжа* *есть*: конь умерл *есть*, а я жив ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лоб гол, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «От сего ли лба смѣрть было взяти мнѣ?». И вѣступи ногою на лоб; и выникнувши змиа *изо* лба, и уклону в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людѣе вси плачемъ великим, и несоша и погребоша *его* на горѣ, еже глаголется Щековица; *есть* же могила его и до сего дни, *словеть* могылы Ольгова. И бысть всѣх лѣт княжения его 33.

В лѣто 6421 (913). Поча княжити Игорь по Олзѣ. В се же время поча царствовати Костянтин, сын Леонтов*. И деревляне затворишася от Игоря по Олговѣ смерти.

В лѣто 6422 (914). Иде Игорь на деревляны, и побѣдив а, и возложи на *ня* дань болши Олговы. В то же лѣто прииде Семион Болгарський на Царьград, и сотворив мир, и прииде восвоаси.

В лето 6423 (915). Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше мир со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семион, пленяа Фракию, греки же послаша по печенѣги. Печенѣгом пришедшим и хотящим на Семеона, расварившеся греческия воеводы. Видѣвше печенѣзи, яко сами на ся *рѣтъ* имуть, отъидоша

въсвоасы, а болгаре со грекы *соступишася*, и пересѣчени быша грекы. Семион же приа град Ондрѣнь, иже первое Арестов град нарицашесе, сына Агамемнон*, иже во 3-х реках купався недуга избы ту, сего *ради* град во имя свое нарече. Последи же Андриан кесарь ѿ обнови, в свое имя нарече Андриан, мы же зовем Ондрѣянем градом.

В лѣто 6453 (945). В се же лѣто рекоша дружина Игореви: «Отроци Свѣньльжи* изодѣлися суть оружьем и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша их Игорь, иде в Деревя в дань, и примышляше к первой *дани*, и насиляше им и мужи его. Возьмав дань, поиде в град свой. *Идущу* же ему въспять, размыслив, рече дружинѣ своей: «Идѣте с данью домови, а я возвращаюся, похожую и еще». Пусты дружину свою домови, с малом же дружины возвращатися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своим Малом: «Аще ся въвадитъ волк в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьем его, то *вся ны погубить*». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань». И не послуша их Игорь, и вышедше из града Изкорѣстѣня* деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искорѣстѣня града в Деревѣх и до сего дне.

Вольга же бяше в Киевѣ с сыном своим с дѣтскомъ Святославом, и кормилецъ его Асмуд*, и воевода бѣ Свѣнелд, — то же отецъ Мистишин. Рѣша же деревляне: «Се князя убихом рускаго; поимем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, якоже хотим». И послаша деревляне лучшше мужи, числом 20, в лодыи к Ользѣ...

В лѣто 6472 (964). Князю Святославу възрастѣшу и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легько ходя, аки пардус*, войны многи творяше. Ходя воз по собѣ не возяше, ни котля, ни мяс варя, но потонку изрѣзав конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испек *ядяше*, ни шатра имяше, но подѣклад *постлав* и сѣдло в головах; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше к странам, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и рече вятичем: «Кому дань даете?». Они же рѣша: «Козаром по щѣлягу от рала даем».

В лѣто 6473 (965). Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и сѣступишася *битися*, и *бывши* брани, одолѣ Святослав коза-

ром и град их и Бѣлу Вежую взя. И ясы побѣди и касоги.

В лѣто 6474 (966). Вятичи побѣди Святослав, и дань на них възложи.

В лѣто 6475 (967). Иде Святослав на Дунай на Болгары. И бившемся обоим, одолѣ Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и съде княжа ту в Переяславци*, емля дань на грѣцѣх.

В лѣто 6476 (968). Придоша печенѣзи на Руску землю первое*, а Святослав бяше Переяславци, и затворися Волга в градѣ со унуки своими, Ярополком и Ольгом и Володимиром, в градѣ Киевѣ. И оступиша печенѣзи град в силѣ велицѣ, бецислено множество около града, и не бѣ лъзѣ из града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людѣ голодом и водою. Собравшеся людѣ оная страны Днѣпра в лодьях, об ону страну стояху, и не бѣ лъзѣ внити в Киев ни единому их, ни из града к онѣм. И вѣстужиша людѣ в градѣ и рѣша: «Нѣсть ли кого, иже бы могл на ону страну дойти нѣгом?» И рече един отрок: «Аз преиду». И рѣша: «Иди». Он же изиде из града с уздою, и *ристаше* сквозѣ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?» Бѣ бо умѣя печенѣжский, и мняхуть ѣ своего. И яко приближися к рѣцѣ, *сверг* порты сунуся в Днѣпр, и побреде. Видѣвше же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше с оная страны, и приѣхаша в лодыи противу ему, и взяша ѣ в лодью и привезоша ѣ к дружинѣ. И рече им: «Аще не *подступите* завтра к городу, предатися хотятъ людѣ печенѣгом». Рече же воевода их, имянем Прѣтичь: «Подѣступим завтра в лодьях, и, попадше княгиню и княжичѣ, умчим на сю страну. Аще ли сего не створим, погубити ны иматъ Святослав». Яко бысть завтра, всѣдѣше в лодыи противу свѣту и вѣструбиша вельми, и людѣ в градѣ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разнo от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьям. Видѣв же се князь печенѣжский, вѣзратися един к воеводѣ Прѣтичю и рече: «Кто се приде?». И рече ему: «Людѣ оная страны». И рече князь печенѣжский: «А ты князь ли еси?». Он же рече: «Аз есмь мужь его, и пришел есмь в сторожѣх, и по мнѣ идетъ полк со князем, бе-щисла множество». Се же рече, грозя им. Рече же князь печенѣжский к Прѣтичю: «Буди ми друг». Он же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и вѣдасть печенѣжский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Он же дасть ему бронѣ, щит, мечь. И *отступиша* печенѣзи от града, и не бяше лъзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша кияне к Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея

земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив, малы бо нас не взяша печенѣзи, и матеръ твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши нас, да паки ны возмутъ. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суца, и дѣтий своих?» То слышав Святослав, вборзѣ всѣде на конѣ с дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матеръ свою и дѣти своя, и съжалися о бывшем от печенѣг. И собра вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть мир.

В лѣто 6478 (960). Святослав посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в деревѣх. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяше князя собѣ: «Аще не поидете к нам, то налѣзем князя собѣ». И рече к ним Святослав: «А бы *пошел* кто к вам». И отпрѣся Ярополк и Олег. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимер бо бѣ от Малуши*; ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрынь, отецъ же бѣ има Малѣкъ Любечанин, и бѣ Добрына уй Володимеру*. И рѣша ноугородьци Святославу: «Вѣдай ны Володимера». Он же рече им: «Воты вы естѣ». И пояша ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимир с *Добрынею*, уем своимъ, Ноугороду, а Святослав Переяславьцю.

В лѣто 6485 (977). *Поиде* Ярополк на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олег, и *ополчиста*ся. Ратившемася полкома, побѣди Ярополк Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вои своими в град, рекомый Вручий*, бяше черес гроблю мост ко *вратам* градным, тѣснячеся, друг друга пихаху в гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони челоуѣци. И въшед Ярополк в град Ольгов, перея власть его, и посла искат брата своего: и искавъше его, не обрѣтоша. И рече един деревлянин: «Аз видѣх, яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополк искат брата, и влачиша трупье из гробли от утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга выподи трупья, *вынесоши* ѳ, и положиша ѳ на коврѣ. И приде Ярополк, над нем плакася, и рече *Свеналду*: «Вижь, сего ты *еси* хотѣл!» И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручого, и естѣ могила его и до сего дне у Вручого. И прия власть его Ярополк. У Ярополка же жена грекини бѣ, и бяше была черницею; бѣ бо привел ю отецъ его Святослав, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея. Слышав же се Володимѣр в Новѣгородѣ, яко Ярополк уби Ольга, убоявся бѣжа за море. А Ярополк посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя един в Руси.

В лѣто 6486 (978). В лѣто 6487 (979).

В лѣто 6488 (980). Приде Володимир с варяги Ноугороду, и рече посадником Ярополчим: «Идѣте к брату моему

и рцѣте ему: «Володимер ти *идеть* на тя, *пристраивайся* противу битъся». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогѣволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти *дщерь* твою собѣ женѣ*». Он же рече *дщери* своей: «Хочещи ли за Володимера?». Она же рече: «Не хочю розути робичича*, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогѣволод пришел и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ*, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогѣнѣдину, *дщери Рогѣволождѣ*, князя полотьскаго. Володимер же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдѣ и кривичи, и поиде на Рогѣволода. В се же время *хотячу* Рогѣнѣдѣ вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогѣволода и сына его два, и дѣчерь его поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимер Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киевѣ с людьми своими и с Блудом; и стояше Володимер обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне. Володимер же посла к Блуду, воеводѣ Ярополчю, с лестью глаголя: «Попрियाй ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не яз бо почал братью бити, но он. Аз же того убоявъся приходх на нь». И рече Блуд к послѣм Володимеримь: «Аз буду тобѣ в сердце и в приязньство». О злая лесть чловѣческа! Якоже Давыд глаголетъ: «Ядый хлѣб мой, възвеличил есть на мя лесть». Се бо лукавствоваше на князя свего лестью. И паки: «Языки своими лѣстяхуся. Суди им, боже, да отпадутъ от мыслей своих; по множеству нечестья их *изрини а*, яко прогнѣваша тя, господи». И паки *той* же рече Давыд: «Мужъ в крови лѣстив не припловить дний своих»*. Се есть *совѣт* зол, иже свѣщеваютъ на кровопролитъе; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на *погубленъе*, горьше суть бѣсов таковии. Якоже Блуд преда князя своего, и приим от него чѣти многи, се бо бысть повинен крови тои. Се бо Блуд затворися с *Ярополком*, лѣстя ему, слаше к Володимеру часто, веля ему пристрянити к граду бранью, а сам мысля убити Ярополка, *гражаны* же не бѣ лѣзѣ убити его. Блуд же не възмог, како бы погубити ѣ, замысли лестью, веля ему *ни* излазити на брань из града. *Рече* же Блуд Ярополку: «Кияне слются к Володимеру, глаголюще: «Приступай к граду, яко предамъ ти Ярополка». Побѣгни за градъ». И послуша Родни на усть *Рси* рѣки, а Володимер вниде в Киев, и осѣде Яропол-

ка в Роднѣ. И бѣ глад велик в немь, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блуд Ярополку: «Видиши, колько войн у брата твоего? Нама их не *перебороти*. Твори мир с братом своим»; лъстя под ним, се рече. И рече Ярополк: «Так буди». И посла Блуд к Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити ѱ». Володимер же, то слышав, вѣшед в двор теремный отень, о нем же преже сказахом, сѣде ту с *вои* и с дружиною своею. И рече Блуд Ярополку: «Поиди к брату своему и рѣчи ему: что ми ни вдаси, то яз прииму». Поиде же Ярополк, и рече ему Варяжько: «Не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши *вои*»; и не послуша его. И приде Ярополк к Володимеру; яко полѣзе в двери, и подъяста ѱ два варяга мечьми под пазушь. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убьен бысть Ярополк. *Варяшко же, видѣв, яко убьен бысть Ярополк*, бѣжа с двора в Печенѣги, и много воева *Володимера с печенѣгы*, одва приваби ѱ, заходив к нему ротѣ*. Володимер же залеже жену братьню грекиню, и бѣ непраздна, от нея же родися Святополк. От грѣховнаго бо корени зол плод бываетъ: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимер залеже ю не по браку, *прелюбодѣйчичь* бысть убо. Тѣмъ и отецъ его не любяще, бѣ бо от двою отцу,— от Ярополка и от Володимера.

Посемь рѣша варязи Володимеру: «Се град нашъ; мы прияхом ѱ, да хотим имати окуп на них, по 2 гривнѣ от челоуѣка». И рече им Володимер: «Пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша варязи: «Сольстил еси нами, да покажи ны путь в Греки». Он же рече им: «Идѣте». И избра от них мужи добры, смыслены и *храбры*, и раздая им грады; прочии же идоша Царюграду в Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: «Се идут к тебѣ варязи, не мози их держати в градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пушай ни единого».

И нача княжити Володимер в Киевѣ един, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна* деревяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса*; Дажьбога*, и Стрибога* и Симарьгла*, и Мокошь*. И жряху им*, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дѣщери, и жряху бѣсом, и оскверняху землю *требами* своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-т. Но преблагий бог не хотя смерти грѣшником, на том холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажем. Мы же на преднее възратимся.

Володимер же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришед Добрына Ноугороду, постави кумира над рѣкою Волховом, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу.

Бѣ же Володимер побѣжен похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдъ, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоитъ сельце Предѣславино*, то нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоу — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложницъ бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зовутъ ныне Берестовое. И бѣ насытъ блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицъ растыляя. Бѣ бо женолюбець, якоже и Соломан*: бѣ бо, рече, у Соломана жен 700, а наложницъ 300. Мудр же бѣ, а наконецъ погибе; се же бѣ невѣголос, а наконецъ обрѣте спасенье. «Велий господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть конца!» Зло бо есть женьская прелесть, якоже рече Соломан, покаязя, о женах: «Не вѣнмай злѣ женѣ, мед бо каплетъ от уст ея, жены любодѣици, во время наслажаеть твой гортань, послѣди же горчае золчи обрящеши...

В лѣто 6495 (987). Созва Володимер боляры своя и старци градьскиѣ, и рече им: «Се приходиша ко мнѣ болгаре, рѣкуще: «Приими закон нашъ». Посемъ же приходиша нѣмци, и ти хваляху закон свой. По сих придоше жидове. Се же послѣже придоша грѣци, хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша, сказующе от начала миру, о бытѣи всего мира. Суть же хитро сказующе, и чюдно слышати их, любо комуждо слушати их, и другий свѣтъ повѣдаютъ быти: да аще кто, дѣеть, в нашу вѣру ступить, то паки, умер, встанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынь закон ступить, то на оном свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? Что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко свосго никтоже не хулить, но хвалить. Аще хощеша испытати гораздо, то имаши у себе мужи: послав испытай кождо их службу, и кто како служитъ богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣм людем; избраша мужи добры и смыслены, числом 10, и рѣша им: «Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру их». Они же идоша, и пришедше, видѣша скверная дѣла и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече им Володимер: «Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте в греки». Они же придоша в нѣмци, и съглядавша церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испытаетъ, коея ради вины придоша. Они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышав царь,

рад быв, и честь велику створи им в той же день. Наутрия посла к патреарху, глаголя сице: «Придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилос, и сам причинися в святительския ризы, да видять славу бога нашего». Си слышав патреарх, повелѣ созвати крилос, по обычаю створиша праздник, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространнѣ мѣстѣ, показавше красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоанье дьякон, сказающе им служенье бога своего. Они же во изумѣнии бывше, удивившесе, похвалиша службу их. И призваша я царя Василий и Костянтин*, рѣста им: «Идѣте в землю вашу», и отпустиша я с дары велики и с честью. Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимер: «Се придоша послании нами мужи, да слышим от них бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же рѣша яко «Ходихом в болгары, смотрихом, како ся поклоняють в храмъ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядять сѣмо и онамо, яко бѣшен, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрад велик. Нѣсть добр закон их. И придохом в нѣмци, и видѣхом в храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхом никоеяже. И придохом же в Греки, и ведоша ны, иде же служить богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такога вида ли красоты такая, и не доумѣем бо сказати; токмо то вѣмы, яко онѣдѣ бог с человекки пребываетъ, и есть служба их паче всѣх стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя, всяк бо человекъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не принимаетъ, тако и мы не имам сде быти». Отвѣщавше же боляре рекоша: «Аще бы лих закон гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх человекъ». Отвѣщав же Володимер, рече: «Гдѣ крещенье приимем?» Они же рекоша: «Гдѣ ти любо». И минувшую лѣту.

В лѣто 6496 (988), иде Володимер с вои на Корсунь, град гречьский, и затворишася корсуняне в градѣ. И ста Володимер об он пол* города в лимени*, дали града стрѣлице едино*, и боряхуся крѣпко из града. Володимер же обьстоя град. Изнемогаху в градѣ людье, и рече Володимер к гражанином: «Аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимер же изряди воа своа, и повелѣ приспу сыпати к граду. Сим же спушим, корсуняне, подькопавше стѣну градскую, крадуше сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ в град, сыплюще посередѣ града. Воини же присыпаху боле, а Володимер стояще. И се мужь корсунянин стрѣли, имянем Настас, напсав сице на стрѣль: «Кладя-

зи, яже суть за тобою от вѣстока, ис того вода идетъ по трубѣ, копав переими». Володимер же, се слышав, възрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудет, и сам ся крещю». И ту абѣ повелѣ копати преки трубам, и прѣяша воду. Людѣ изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимер в град и дружина его, и посла Володимер ко царема, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створих». И слышавша царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить хрестеяном за поганья даяти. Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрник будеши. Аще ли сего не хоцещи створити, не можем дати сестры своее за тя». Си слышав Володимер, рече посланым от царю: «Глаголите царема тако; яко аз крещюся, яко испытах преже сих дний закон вашъ, и есть ми любя вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянем Аньну, и посласта к Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тебѣ». Рече же Володимер: «Да пришедъше с сестрою вашею крестятъ мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полон,— рече,— иду, луче бы ми сде умрети». И рѣста ей брата: «Еда како обратить бог тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь греком? И нынѣ аще не идеши, то же имуть створити нам». И одва ю принудиша. Она же, сѣдъши в кубару*, цѣловавши ужики своя с плачем, поиде чрес море. И приде к Корсуню, и изидоша корсуняне с поклоном, и въведоша ю в град, и посадиша ю в полатѣ. По божью же устрою в се время разболѣся Володимер очима, и не видяше ничто же, и тужаше велми, и не домышляшеться, что створити. И посла к нему царица, рѣкуше: «Аще хоцещи избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаша избыти недуга сего». Си слышав Володимер, рече: «Да аще истина будет, то поистинѣ велик бог будетъ хрестеянск». И повелѣ хрестити ся. Епископ же корсуньскый с попы царицины, огласив, крести Володимира. Яко възложи руку на нь абѣ прозрѣ. Видив же се Володимер напрасное ицѣленье, и прослави бога, рек: «Топерво уведѣх бога истиннаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестисаша. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церкви та стоящи в Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торг дѣють корсуняне; полата же Володимеря

с края церкви стоит и до сего дне, а царица полата за олтарем. По крещеньи же приведе царицу на брачене. Се же не свѣдуше право глаголють, яко крестился есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеве; друзии же инако скажутъ. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестеяньску, рекуще сице: «Да не прельстятъ тебе нѣщии от еретик, но вѣруй...

Не премай же ученья от латын, их же ученье развѣрачено: влѣзше бо в церковь, не поклонятся иконам, но стоя поклонится, и, поклонився, напишетъ крест на земли и цѣлуеть, вѣстав прост, станеть на немъ нагами; да лег цѣлуеть, а встав попирает. Сего бо апостоли не предаша; предали бо сут апостоли крест поставлен цѣловат и иконы предаша. Лука бо еуангелист, первое напсав, посла в Рим. «Яко же глаголетъ Василий: икона на первый образ приходит». Паки же и землю глаголють матерю. Да аще им есть земля мати, то отецъ им есть небо, искони бо створи бог небо, таже землю. Тако глаголють: «Отче нашъ, иже еси на небеси». Аще ли по сих разуму земля есть мати, то почто плюете на матеръ свою? Да сѣмо ю любѣзаете, и паки оскверняете? Сего же преже римляне не творяху, но исправляху на всѣхъ сборѣхъ, сходящесе от Рима и от всѣхъ престол... По семь же сборѣ Петр Гугнивий* со инѣми шед в Рим и престол вѣсхвativ, и развѣрати вѣру, отвергъся от престола Ярусалимска, и Олександрьскаго, и Царя-града и Онтиахийскаго. Възмутиша Италию всю, сѣюще ученье свое разнo. Ови бо попови одиною женою оженивъся служатъ, а друзии до 7-ми жен поймаюче служатъ, их же блюстися ученья. Пращаютъ же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Бог да схранить тя от сего».

Володимер же посем поем царицу, и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, пойма съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь в Корсуни на горѣ, идѣ же съсыпаша средѣ града, крадуше, приспу, яже церкви стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капици* и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко же невѣдуше мнѣть я мрамаряны суца. Вдасть же за вѣно греком Корсунь опять царицѣ дѣля, а сам приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневи к хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, же прелщаше симъ образомъ челоувѣкы, да възмездье приметь от челоувѣк. «Велий еси, господи, чудна дѣла твоя!» Вчера чтимъ от челоувѣк, а днешь поругаем. Влекуму

же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людѣ, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша ѥ в Днѣпр. И пристави Володимир, рек: «Аще кде пристанеть, вы отрѣзайте его от берега; дондеже пороги проидеть, то тогда охабитесь его». Они же повелѣная створища. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже ѥ вѣтр на рѣнь*, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть. Посемъ же Володимир, посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться кто завтра на рѣцѣ, богат ли, ли убог, или нищ, ли работник, противен мнѣ да будеть».

Се слышавше людѣ, с радостью идяху, радующеса и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Наутрия же изиде Володимир с попы царицины и с корсуньскыми на Днѣпр, и снидеса бещисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же по перси от берега, друзии же младенци держаще, свершенни же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемых; а дьявол стения глаголаше: «Убы мнѣ, яко отсюда прогоним есмѣ! Сде бо мнях жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ их, еже служаху мнѣ. И се уже побѣжен есмѣ от невѣгласа, а не от апостол, ни от мученик, не имам уже царствовати в странах сих».

Крестившим же ся людем, идоша каждо в дома своя. Володимир же рад быв, яко позна бога сам и людѣ его, възрѣв на небо рече: «Христе боже, створивый небо и землю! Призри на новыя люди сия, и дажь им, господи, увѣдѣти тебе, истиньнаго бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовератьну, и мнѣ помози, господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рек, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстом, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумир Перун и прочии, идеже творяху потребы князь и людѣ. И нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣм градом и селом. Послав, нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чад сих плакаху по них, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахся...

Володимир же просвѣщен сам, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Ярослав,

Святополк, Всеволод, Святослав, Мъстислав, Борис, Глѣб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотъскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣх, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани. И рече Володимер: «Се не добро, еже мало город около Киева». И нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучшиѣ от словенѣ, и от кривичѣ, и от чюди, и от вятичѣ, и от сих насели грады: бѣ бо рать от печенѣг. И бѣ воюяся с ними и одолая им.

В лѣто 6528 (1020). Родился у Ярослава сын, и нарече имя ему Володимер.

В лѣто 6529 (1021). Приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь, на Новѣгород, и зая Новѣгород, и поим новгородцѣ и имѣнне их, поиде Полотъску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцѣ, и Ярослав ис Киева в 7 день постиже ѣ ту. И побѣди Ярослав Брячислава и новгородцѣ в орати Новугороду, а Брячислав бѣжа Полотъску.

В лѣто 6530 (1022). Приде Ярослав к Берестю. В си же времена Мъстиславу сущю *Тмуторокани*, поиде на касогы*. Слышав же се, князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя к Мъстиславу: «Что ради губивѣ дружину межи собою? Но *снудеве* ся сама борот. Да аще одолѣеши ты, то возмеша имѣнне мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли аз одолѣю, то възму твое все». И рече Мъстислав: «Тако буди». И рече Редедя ко Мъстиславу: «Не оружьем ся бѣвѣ, но борьбою». И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мъстислав: бѣ бо велик и силен Редедя. И рече Мъстислав: «О пречистая богородице, помози ми. Аще бо *одолю* сему, сзижю церковь во имя твое». И се рек, удари имь о землю. И вынзе ножь, и зарѣза Редедю. И шед в землю его, взя все имѣнне его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И пришед Тьмутороканю, заложил церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоит и до сего дне Тьмуторокани.

В лѣто 6552 (1044). Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости еѣ, и положиша я в церкви святыя Богородица. В се же лѣто умре Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь, отец Все-славль и Всеслав, сын его, сѣде на столѣ его, его же

роди матери от вълхвованья*. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеслав и до сего дне на собѣ; сего ради немилостив есть на кровьпролитье...

В лѣто 6575 (1067). Заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полочскѣ, и зая Новѣгород*. Ярославичи же трие,—Изяслав, Святослав, Всеволод,—совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ суци велицѣ. И придоша ко Мѣнску*, и мѣняне затворишася в градѣ. Си же братья взяша Мѣнеск, и исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ*, и Всеслав поиде противу. И совокупишася оboи на Немизѣ, мѣсяца марта в 3 день; и бяше снѣг велик, и поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бѣжа. По семь же, мѣсяца июля в 10 день, Изяслав, Святослав и Всеволод, цѣловавше крест честный к Всеславу, рекше ему: «Приди к нам, яко не створим ти зла». Он же, надѣявѣся цѣлованью креста, *переѣха* в лодыи черес Днѣпр. Изяславу же в шатер предъидушю*, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинска, преступивше крест. Изяслав же привед Всеслава Киеву, всади ѣ в поруб с двѣма сынома.

В лѣто 6576 (1068). Придоша иноплемьници на Русьску землю, половцы мнози. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод изидоша противу им на Лѣто. И бывши ноци, подыдоша противу собѣ. Грѣх же ради наших пусти бог на ны поганья, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половцы...

Мы же на предълежащее *наки* възвратимся. Изяславу же со Всеволодом Киеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людѣ кыевстии прибѣгоша Киеву, и створиша вѣче на торговици, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И *начаша* людие *говорити* на воеводу на Коснячкя; идоша на гору, с вѣча, и придоша на двор Коснячков, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «Поидем, высадим дружину свою ис погребя». И раздѣлишася надвое: *половина* их иде к погребу, а половина их иде по Мосту; си же придоша на княжь двор. Изяславу же сѣдяшю на сѣнех с дружиною своею, *начаша* прѣтися со князем, стояще долѣ. Князю же из оконця зряшю и дружинѣ *стоящи* у князя, рече Туки, брат Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людѣ възвыли; послѣ, ат Всеслава

блюдутъ». И се ему глаголющу, другая половина людей приде от погребѣ, отворивше погреб. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; послѣ ко Всеславу, а тѣ призвавше лѣстью ко оконцю, пронзуть ѿ мечемъ». И не послуша сего князь. Людѣ же кликнуша и идоша к порубу Всеславу. Изяслав же, се видѣвъ, со Всеволодом побѣгоста з двора, людѣ же высѣкоша Всеслава ис поруба, в 15 день сентября, и прославиша ѿ средѣ двора кнѣжа. Двор жѣ кнѣжъ разграбиша, бѣчисленое множество злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы.

Посемь же половцем воющим по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и половцем воющим около Чернигова, Святослав же собрав дружины нѣколико, изиде на ня ко Сновьску*. И узрѣша половци идущѣ полкъ, пристроишася противу. И видѣвъ Святослав множество их, и рече дружинѣ своей: «Потягнѣмъ, уже нам не лѣзѣ камо ся дѣти». И удариша в конѣ, и одолѣ Святослав в трех тысячах, а половець бѣ 12 тысячѣ; и тако бѣеми, а дружини потопоша в Снови, а князя их яша рукама, в 1 день ноября. И възвратишася с побѣдою в град свой Святослав.

Всеслав же сѣде Киевѣ. Се же бог яви силу крестную: понеже Изяслав цѣловав крест и я ѿ*: тѣмже наведе бог поганя, сего же явѣ избави крест честный. В день бо Въздвиженья Всеслав, вздохнув, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мя от рѣа сего». Бог же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступитъ кто, то и здѣ приметъ казнь и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крест бо княземъ в бранехъ пособитъ, в бранехъ крестомъ согражаеми вѣрнии людѣ побѣжаютъ супостаты противныя, крест бо вскорѣ избавляетъ от напастей призывающимъ его с вѣрою. Ничтоже ся боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають от бѣс мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають. Всеслав же сѣде Киевѣ мѣсяць 7.

В лѣто 6577 (1069). Поиде Изяслав с Болеславомъ* на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеслав, и бывши ноци, утаивъся кыян, бѣжа из Бѣлаго-рода Полотьску*. Заутра же видѣвши людѣ князя бѣжавша, възвратишася Киеву, и створиша вѣче, и послашася к Святославу и к Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се *ведеть* на ны Лядьскую землю, а поидѣта в град отца своего; аще ли не

хочета, то нам неволя: *зажегше* град свой, ступим в Гречьску землю». И рече им Святослав: «Вѣ послевь* к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити вас, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придеть дружинѣ». И утѣшиста кыяны. Святослав же и Всеволод посласта к Изяславу, *глаголюща*: «Всеслав ти бѣжал, а не води ляхов Киеву, противна бо ти нѣту; аще ли хочещи гнѣв имѣти и погубити град, то вѣси*, яко нама жаль отня стола». То слышав Изяслав, остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляхов поим; посла же пред *собою* сына своего Мѣстислава Киеву. И пришед Мѣстислав, и съче *кыяны*, иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытав. Изяславу же идущо к граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне; и сѣде Изяслав на столѣ своемъ, мѣсяца мая в 2 день. И распуца ляхы на покорм, и избиваху ляхы отай; и възвратися в Ляхы Болеслав, в землю свою. Изяслав же възгна торг на гору и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мѣстислава Полотьскѣ; он же вскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата *его* Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

В лѣто 6578 (1070). Родися у Всеволода сын, и нарекоша именем Ростислав. В се же лѣто заложена бысть церкы святого Михаила в монастырѣ Всеволожи.

В лѣто 6579 (1071). Воеваша половци у Растовьця и у *Неятина*. В се же лѣто выгна Всеслав Святополка ис Полотьска. В се же лѣто побѣди Ярополк Всеслава у Голотичьска. В си же времена приде волхв, прелщен бѣсом; пришед бо Киеву глаголаше, сице повѣдая людем, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землям преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли *на Руской*, а Русьскѣй на Гречьской, и прочим землям измѣнитися. Его же невѣгласи послушаху, вѣрнии же *смеяхуться*, глаголюще ему: «Бѣс тобою играетъ на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: в едину бо ноць бысть без вѣсти.

Бѣси бо подѣтокше на зло вводятъ; посем же насмиаються, ввергше ѥ в пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажем бѣсовское наученье и дѣйство.

В лѣто 6581 (1073). Въздвиге дьявол котору в братѣи сей Ярославичих. Бывши распри межѣ ими, быста с себе Святослав со Всеволодомъ на Изяслава. Изиде Изяслав ис Кыева, Святослав же и Всеволод внидошта в Киев, мѣсяца марта 22, и сѣдошта на столѣ на Берестовомъ, *преступивша* заповѣдь отню. Святослав же бѣ начало

выгнанию братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелести, глаголя, яко «Изяслав сватится со Всеславом, мысля на наю; да ащѣ его не *варивѣ*, имать нас прогнати». И тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяслав же иде в ляхы со имѣньем многым, глаголя, яко «Симь налѣзу вои». Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе. А Святослав съде Киевѣ, прогнав брата своего, преступив заповѣдь отню, паче же божью. Велий бо есть грѣх *преступати* заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣтъ отмыщенье прияша от бога, от племени бо Сифова суть еврейи, иже избивше Хананѣйско племя, восприяша свой жребий и свою землю. Паки преступи Исав заповѣдь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предѣла чужего. В се же лѣто основана бысть церкы Печерская игуменомъ Феодосьемъ и епископомъ Михаиломъ, *митрополиту* Георгию тогда сущю в Грьцѣх, Святославу Киевѣ сѣдящю.

В лѣто 6600 (1092). Предивно бысть *чудо* Полотыскѣ в мечтѣ: бываше в нощи тутѣн, станяше по улици, яко человекы рищюще бѣси. Аще кто вылѣзаше ис хоромини, хотя видѣти, абѣ уязвен будяше невидимо от бѣсов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хором. Посемъ же начаша в дне являтися на коних, и не бѣ их видѣти самѣх, но конь их видѣти копыта; и тако уязвляху люди *полоцкыя* и его область. Тѣмъ и человекы глаголаху, яко *навѣ** бьютъ полочаны. Се же знаменье поча быти от Дрьютъска. В си же времена бысть знаменье в небеси, яко круг бысть посреде неба превелик. В се же лѣто ведро бѣше*, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; и многа знаменья бываху по мѣстомъ; и рать велика бѣше от половець и отвсюду; взяша 3 грады: Пѣсочен, Переволоку, *Прилук**, и многа села воеваша по обѣма страномъ. В се же лѣто воеваша половци ляхы с Василькомъ Ростиславичемъ*. В се же лѣто умре Рюрик, сын Ростиславль. В си же времена мнози человекы умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты, яко «Продахом корсты от Филипова дне до мясопуста* 7 тысячъ». Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды. Се же наведе на ны бог, веля нам имѣти покаянье и встыгнутиися от грѣха, и от зависти и от прочих злых дѣл неприязнин.

В лѣто 6609 (1101). Преставися Всеслав, *полоцкий* князь, мѣсяца априля в 14 день, в 9 час дне, в среду. В то же лѣто заратися Ярослав Ярополчичь Берестыи

и иде на нь Святополк, и заста ѿ в градѣ, и ем ѿ, и окова, и приведе ѿ Києву. И молися о нем митрополит и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша ѿ у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы, и пустиша ѿ. Томъ же лѣтъ совокупишася вся братья: Святополк, Володимер, и Давыд, и Олег, Ярослав, брат ею, на Золотъчи. И прислаша половци слы от всѣх князий ко всей братьи, просяще мира. И рѣша им русскыи князи: «Да аще хочете мира, да совокупимся у Сакова». И послаша по половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша мир с половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца семтября в 15 день, и разидошася разнѣ.

В лѣто 6612 (1104). Ведена дщи Володарева за царевичъ за Олексиничъ, Цесарюгороду*, мѣсяца июлия в 20. Томъ же лѣтъ ведена Передѣслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичъ, августа в 21 день. Том же лѣтъ приде митрополит Никифор в Русь, мѣсяца декабря в 6 день. Того же мѣсяца преставился Вячеслав Ярополчичъ в 13 день. Того же мѣсяца в 18 Никифор митрополит на столѣ посажен. Се же скажем: сего же лѣта исходяща, посла Святополк Путяту на Мѣнеск, а Володимер сына своего Ярополка, а Олег сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничтоже и възвратишася опять. И родися у Святополка сын, и нарекоша имя ему Брячислав. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в кружѣ, а посередѣ круга крестъ, а посередѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а над солнцемъ, кромѣ круга, дуга рогома на сѣвер; тако же знаменье и в лунѣ тѣм же образом мѣсяца февраля в 4 и 5 и 6 день, в дне по 3 дни, а в ночь в лунѣ по 3 ноши.

В лѣто 6613 (1105). Постави митрополит епископа Анфилофия Володимерю мѣсяца августа в 27 день. Томъ же лѣтъ постави Лазаря в Переславль ноября в 12. Томъ же лѣтъ постави Мину Полотъску декабря в 13 день.

В лѣто 6614 (1106). Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по них Святополк Яня и Иванка Захарыча, Козарина: и угониша половцѣ и полон отяша. В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый*, жив лѣтъ 90, в старости маститѣ; жив по закону божью, не хужий бѣ первых праведник. От него же и яз многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах. Бѣ бо мужъ благ, и кроток, и смѣрен, огрѣбаяся всякоя вещи, его же и гробъ есть в Печерьском монастыри, в притворѣ, идеже лежитъ тѣло его, положено мѣсяца июня в 24. В се же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи,

мѣсяца декабря в 6. В то же лѣто приѣже Избыгнѣв к Святополку*. В то же лѣто пострижесе Святославъ, сын Давыдов, внук Святославль, мѣсяца февраля в 17 день. Том же лѣте побѣдиша зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ.

В лѣто 6615 (1107), индикта, круг луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. В се же лѣто преставися Володимеря*, мѣсяца мая в 7 день. Того же мѣсяца воева Боняк и зая конѣ у Переяславля. Том же лѣтѣ приде Боняк, и Шарукан старый и ини князи мнози, и сташа около Лубьна. Святополк же, и Володимер, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк идоша на половци к Лубну, и в 6 час дне бродишася чрес Сулу, и кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша. Наши же *почаша* сѣчи, женуци я, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шарукан едва утече. Отбѣгоша же товара своего, еже взяша рускии вои, мѣсяца августа в 12, и възератишася всвоиси с побѣдою великою. Святополк же приде в Печерський манастырь на заутреню на Успенье святыя богородица, и братья цѣловаша ѿ с радостью великою, яко врази наша побѣжени быша, молитвами святыя богородица и святаго отца нашего Феодосья. Так бо обычай имѣяше Святополк: коли идяше на войну, или инамо, *оли* поклонивься у гроба *Феодосиева* и молитву взем у игумена, ту суцаго, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря в 4 день. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца того же, иде Володимер, и Давыд, и Олег к Аепѣ и ко другому Аепѣ, и створиша мир. И поя Володимер за Юргя Аепину дщерь*, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дчерь, Гиргенеу внуку мѣсяца генваря 12 день. *А февраля 5 трясеся земля пред зорями в ноци.*

В лѣто 6616 (1108). Заложена бысть церкви святаго Михаила, Золотоверхая, Святополком князем, в 11 иулия мѣсяца. И кончаша тряпезницу Печерьскаго манастыря при *Феоктистѣ* игуменѣ, иже ю и заложил повелѣньемъ Глѣбовым, иже ю и стяжа. В се же лѣто вода бысть велика в Днѣпрѣ, и в Деснѣ, и в Припетѣ. В сем же лѣтѣ вложи бог в сердце *Феоктисту*, игумену печерьскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписал Феодосья в сѣнаник*. И рад быв, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати в синодик. И повелѣ вписывати по всѣм епис-

копьям, и вси же епископи с радостью вписаха, и поминати ѿ на всѣх зборѣх. В се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца июлия в 11. В се же лѣто кончаша верх святыя богородица на Кловѣ*, *заложенъ* Стефаном игуменом печерскимъ.

В лѣто 6617 (1109). Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца июлия в 10 день, и положена бысть в Печерском монастырѣ у дверей, яже ко угу. И здѣлаша над нею божонку, идеже лежит тѣло ея. В то же лѣто, мѣсяца декабря в 2 день, Дмитр Иворовичъ взя вежѣ половечскыѣ у Дону.

В лѣто 6618 (1110). Идоша веснѣ на половцѣ Святополк, и Володимир, и Давыд. И дошедше Воиня, и всроотишася. Том же лѣтѣ бысть знаменье в Печерьстѣм монастырѣ в 11 день февраля мѣсяца: явися столп огнен от земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погромѣ в час 1 нощи; и весь мир видѣ. *Сей* же столп первѣе ста на трапезници каменъй, яко не видѣти бысть креста, и постояв мало, съступи на церковь и ста над гробом Феодосьевым и потом ступи на верх акы ко востоку *лицемъ*, и потом невидим бысть. Се же бѣаше не огненный столп, но вид ангелск: ангел бо сице является, ово столпом огненным, ово же пламенем. Акоже рече Давыд: «Творя ангелы своя духы и слугы своя огонь полящъ», и шлеми суть повелѣньем божьимъ, амо же хощет владыка и творецъ всѣх. Ангел бо приходит, кдѣ благая мѣста и молитвении домове, и ту *показаетъ* нѣчто мало видѣнья своего яко мощно видѣти челоуѣком; не мощно бо зрѣти челоуѣком естѣства ангельскаго, яко и Моиси великый не возможе видѣти ангелскаго естѣства: водяшетъ бо ѿ в день столп облачен, а в нощи столп огнен, то се не столп водяше их, но ангел идяше пред ними в нощи и в дне. Тако и се явленье нѣкоторсе показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть на 2-е бо лѣто не съ ли ангел вожъ бысть на иноплеменники и супостаты, акоже рече: «Ангел пред тобою предъидеть», и пакы: «Ангел твой буди с тобою»?

Игумен Силивестр святаго Михаила написах книги си Лѣтописецъ*, надѣяся от бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжашю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лѣта. А иже чететь книги сия, то буди ми в молитвах.

КІРЫЛ ТУРАЎСКІ

(Каля 1130—каля 1182)

КИРИЛА МНИХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВѢЧЬСТѢИ ДУШИ И О ТЕЛЕСИ, И О ПРЕСТУПЛЕНИИ БОЖІЯ ЗАПОВѢДИ, И О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛЕСЕ ЧЕЛОВѢЧА, И О БУДУЩЕМЪ СУДѢ, И О МУЦѢ

Господи, благослови, отче!

Добро убо, братѣе, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам божественных писаний учение: се и душу цѣломудрену стваряеть, и к смиренію прилагаеть ум, и сердце на реть добродѣтели извоостраеть, и всего благодарствена челоуѣка стваряеть, и на небеса ко владычнимъ обѣщаніемъ мысль приводить, и к духовнымъ трудомъ тѣло укрѣпляеть, и приобидѣніе сего настоящаго житія, и славы и богатства творить, и всея житискія свѣта сего печали отводить. Того ради молю вы, потщитесь прилѣжно почитати святія книги, да ся божіихъ насытивше словесъ и будущаго вѣка неизреченныхъ благъ жаданіе стяжите: она бо аще и невидима суть, но вѣчна и конца неимуца, тверда же и недвижима. Да не просто претецѣмъ языкомъ пишемая глаголюще, но с рассмотреніемъ внемлюще, потщимся дѣломъ створити я. Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обою же добрѣе книгий разумъ: сія убо суть скровища вѣчныя жизни. Аще бо сде кто обрѣлъ бы земное скровище, то не бы на се дерзнулъ, но единъ точю честный камень взялъ бы,— уже бес печали питається, яко до конца богатство имый. Тако обрѣтый божественныхъ книгъ скровище, пророческихъ же и псаломскихъ и апостольскихъ и самого спаса Христа спасенныхъ словесъ истинный с расуженіемъ разумъ,— уже не собѣ единому бысть на спасеніе, но и инѣмъ многимъ послушающимъ его. Сему случается еуаγγελская притча глаголющи: «Всякъ книжникъ, научися царствію небесному, подобенъ есть мужу домовиту, иже износитъ отъ скровищъ своихъ ветхая и новая»; аще ли тщеславиемъ сказаеть болшимъ угажая, а многи меншая презреть, буестью крыя господню мнасу*, недадыйъ жизненнымъ торжникомъ, да удвоить царское сребро, еже суть челоуѣчскія душа, и видѣвъ господь горды его умъ, возьметъ свой отъ него талантъ*; самъ бо прозоривымъ противится, смиреннымъ же

дасть благодать. Аще бо мира сего властели учитися в них и всѣм сердцем взискати их, свидѣния и в житиских тружающеися вещех челоуѣци прилѣжно требуютъ книжнаго поучения, колма паче нам подобаетъ словесъ божиих, о спасени душъ нашихъ писаныхъ. Но тружается мой мутнымъ умъ, худъ разумъ имѣя, немогый поряднихъ словесъ по чину глаголати, но яки слѣпъ стрѣлецъ смѣху бываетъ, немоги намѣренаго уллучити. Но не буди намъ особь подвигнути ненаказанъ языкъ, но отъ божественныхъ вземлюще писаний; со мною боязнью еуаггельскихъ касаемъ бесѣдовати словесъ, приводнѣ господню притчуъ сказающе, юже Матфѣй церкви предаетъ.

З а ч а л о. Рече господь: «Челоуѣкъ нѣкто домовитъ бѣаше, иже насади виноградъ, и остѣни его оплотомъ, и ископа точило, и остави входъ, и створи врата, но не затвори входа. И отходя въ домъ свой, «Кого,— рече,— оставлю стража моему винограду? Аще оставлю отъ служащихъ ми рабъ, то свѣдуще мою кротость, истеряютьъ благая моя. Но сие створю: приставлю ко вратомъ хромца и съ нимъ слѣпца. Да аще кто отъ врагъ моихъ въскошетъ окрасти мой виноградъ, то хромецъ убо видить, слѣпецъ же чуетъ. Аще ли отъ сею въскошетъ внити кто въ виноградъ, хромецъ убо не имать ногу дойти внутренихъ; слѣпецъ же аще поидеть, то заблудивъ въ пропастьехъ убѣтеться». И посадивъ я у вратъ, дасть има власть на всѣхъ внѣшнихъ*; пищу же и одѣнья иструдну съготова. «Точью,— рече,— внутренихъ безъ моего не коснитесь повелѣнья». И тако отиде, повѣдѣвъ има свой по времени приходъ и тогда мзду стражбы ради обѣщавъ има взяти, попрѣти же и мучениемъ, аще его преступита заповѣдь. Си же до зде оставлеше, паки въсприимемъ еуаггельское слово, плодъ устенъ на умнѣй тряпезѣъ вашего ока предлагающе.

Отвѣтъ. Челоуѣкъ домовитъ — богъ всевидецъ и вседержитель, створивъ вся словомъ, видимая же и невидимая. Домовитъ же ся именуеть,— яко не единъ домъ имать, по писанию. Глаголетъ бо пророкъ: «Твоя суть небеса и твоя земля; вселеная и конецъ ея ты основа». И паки: «Небо ми — престолъ, а земля — подножие ногама моима». Моисий же полъ водъ подъ твердиюъ сказуеть, а Давидъ превыши небесъ воду повѣдуеть. Но смотри въ писания, разумѣи: вездѣ сы домы божиа, не токмо въ твари, но и въ челоуѣцѣхъ. «Вселю бо ся,— рече,— въ ня». Яко же и быст: сниде бо и вселися въ плоть челоуѣчю и взнесе ю отъ земля на небеса,— да престолъ есть божий челоуѣча плоть; на вышнемъ же небеси престолъ его стоить. А еже насади виноградъ — рай

глаголетъ: того бо то есть дѣло. Пишетъ бо ся: «И насади бог рай в едемъ». А иже остѣни его, рече, оплотом — своимъ страхом. «Страхом бо его,— рече пророк,— движется земля, рассѣдается камень, животная трепещуть, горы курятся, свѣтила раболѣпно служатъ, облаци и вся воздушная тварь повелѣнная творять». Стѣна бо — закон речется. Закон же всему заповѣдь божия есть. «Предѣл бо,— рече,— положи и, его же не преидуть, ни обратятся». Остави же вход — сирѣчь свидѣния разум: вся бо тварь не преступаетъ божия повелѣния: «Вся бо,— рече,— от тебе чають: даси им пищу в время». Пища же не брашно речется, но слово божие, имъ же питается тварь. Глаголетъ бо Моисѣй: «Не о хлѣбѣ единомъ жив будетъ человекъ, но о всяком глаголь, исходящимъ из уст божии». Незатвореная же врата — дивныя божия твари устройство и над тѣми божия существа познание. «От твари бо,— рече,— творца разумѣй: не качество, но величество и силу, славу же и благодать, юже творить угажая всѣмъ вышнимъ и нижнимъ, видимымъ и невидимымъ. Аще бо и нарицается Христосъ человекомъ, то не образомъ, но притчею: ни единого бо подобья имѣеть человекъ божья. Не сумнить бо ся писание и ангелы человекы нарицати,— но словомъ, а не подобиемъ. Аще бо блазнятся етери, слышаще Моисѣя глаголюща: «Рече богъ: створим человека по образу нашему и подобию»,— и прилагають къ бесплотному тѣлу, не имуще стройна разума, и есть сиречь и донинѣ человекобразно глаголющимъ бога, иже никакъ не описается, ни мѣры качеству имать. Но сиречь оставль, о первѣмъ възглаголю.

И отходя в свои домъ, «Кого,— рече,— оставлю стрещи труда моего?» Сия совпрашания — отца и сына и святаго духа не о твари, но о владущемъ тварью, сирѣчь о владыцѣ, ему же възсхотѣ предати землю и всяко дыхание поработити; не ангеломъ бо покори вселеную, и прокая. «Оставлю,— рече,— у врат хромца и с нимъ слѣпца». Что же есть хромецъ и слѣпецъ? Хромецъ есть тѣло человекче, а слѣпецъ есть душа. Преже богъ созда тѣло Адамле бездушну, потомъ же душу. По создании бо тѣла, глаголетъ писание: «И дуну на лице его дух животенъ». Тѣмъ же тѣло безъ душа хромо есть и не нарицается человекъ, но трупъ. Смотри сдѣ и разумей от бытійскихъ книгъ. Створи богъ тѣло внѣ рая и внесе е в едем*, а не в рай. Едемъ же речется — пища. Яко се кто бы на пиръ зовый преже уготоваетъ обильну пищу, ти потомъ приведетъ званаго — тако и богъ преже уготоваетъ ему жилище едемъ, а не рай. Рай

бо мѣсто есть свято, яко же церкви олтарь. Церкви бо вѣм входна. Та бо ны есть мати, поражающи вся крещением и питающи живущая в ней нетрудно, одѣвающи же и веселящи вся вселшаяся в ню. Глаголетъ бо пророк: «Се работающи церкви ясти имуть и насытятся». И паки: «О, чада церковная, съсущей от сесцю ея тук и масть, помажете веселиемъ главы своя». И Давыд: «Упиются, рече, от обилья дому твоего и потокомъ пищи твоя напоиши я». И паки о одежи священник и оболчени мних: «Иерѣи твои, господи, облечуться в правду», и прочая. Мниху же: «Соодѣл мя еси нужная и нелѣпая одежда и оболк мя в спасение и препоясал мя еси веселиемъ». Вѣспойте же, рече, господеву пѣснь нову, хваления в церквах преподобными его. И се явѣ есть: от клиросник — епископа и от монастыря — мних. Вижь, яко епископия и монастырь — едем есть, сирѣчь нетрудная жизнь; олтарь же свят, сирѣчь едемьскы рай,— неудобь вѣходим, аще и врата незаклучена иматъ. Тако бѣ посажен хромецъ с слѣпцемъ у врат стрещи внутрених, яко же приставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю церковью и олтаремъ стрещи святых тайн от враг Христов, сирѣчь от еретик и зловѣрных искусник, нечестивых грѣхолобець, иновѣрных скверник. Послушайте же со вниманиемъ, да по ряду бесѣду скажемъ, и вы со вниманиемъ смстрите. Аще бо и мутен имею ум и языкъ груб, но вашихъ недѣяйся молитвахъ прошю дара слову. Аще и недостоин есмь о сихъ глаголати, но ползы ради слушающихъ пишемъ. Аще ли кто зла слуха иматъ, то не ищеть что бы ему на ползу обрѣсти, но зазираеть, чимъ же бы насъ потязал и укарял.

Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпецъ к хромцю: «Что убо благоухание се изутрь врат помѣтаеть мя?» Отвѣща хромецъ: «Многа благая наю господина внутрь суть, ихъ же вкушения — неизреченна сладость. Но понеже премудр есть наю господин,— посади тебе здѣ слѣпа, мене же хромого и не можевѣ никакоже тѣхъ насытитися благынь». Отвѣща глагола слѣпецъ: «То почто сего давно нѣси ми повѣдал, да быховѣ не жадали, но к симъ данымъ намъ в область и она особь вѣсхытивѣ! Аще бо азъ слѣп есмь, но имамъ ноги и силен есмь, моги носити тебе и бремя». (Вижь, душевное бремя грѣхъ; того ради глаголетъ пророк: «Яко бремя тяшко отягтѣся на мнѣ»). Рече же слѣпецъ: «Возми убо кошь и всяди на мя, и азъ тя ношу, ты же показай ми путь, и вся благая господина наю объемлевѣ; не мню бо, яко придеть сѣмо наю господин». Се помышления суть ищущихъ не о бозѣ свѣта сего санов и о телеси токмо пе-

кущихся, не чающих отвѣта о дѣлѣхъ въздати, но акы суетну пару свою душу в вѣтр полагающем. Того ради глаголетъ Исайя: «Зависть примуть люди ненаказанья», завидим мы, грѣшнии, чести и славу праведных, а не прежде творим дѣлес их. «Аще ли,— рече,— придетъ наю господин сѣмо укрыеться от него наю дѣло. Аще бо мене въспросить о тадбѣ, аз рку: «Ты вѣси, господине, яко слѣп есмь». Аще ли тебе въспросить, ты рцы: «Хром есмь и не могу дойти», и тако премудруевѣ наю господина и приимевѣ мзду наю стражбы». Въсѣд же хромецъ на слѣпца и дошедша окрадоства вся внутрняя господина своего благая.

То не воюйте, братье, на мою грубость, нелѣп образ писания поставляющи ми. Яко же бо и по ногу вязяши птицѣ нѣст мощно на аирскую възлетѣти высоту, тако и мнѣ в телесныхъ вязящю похотех, невозможно о духовныхъ бесѣдовати: не сольнуть бо ся грѣшничя словеса, не имуща благодати святаго духа. Обаче на предѣреченая възвратимся, разрѣшающе притча соуз.

Сѣдящема же има, рече, долго время. Что есть долго время? — бестрашие божия заповѣди и о телеси печение, нерожение же о своей души. Никто же бо страх божий имѣя, в плотскихъ прелститься; никто же правовѣрен, чрес законъ священскаго ищеть взяти сана*; никто же смерти чая и по смерти паку възкресения,— тѣ в злыхъ пребываютъ дѣлѣхъ. Но паку то же реку разума дѣля. Рече слѣпецъ к хромцю: «Что убо благоухание изутрь помѣтаетъ мя?» — и прочая. Се надмение Адамова высокомысля, яко всѣми обладая земными, животными, морем же и в немъ сущею тварью, в едемѣ благыхъ насыщаяся, прежде освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай. Сего ради Писание глаголетъ: «Изгна бог Адама из рая и осуди его дѣлати землю, от нея же взятъ быст». Вижь, яко не тамо повелѣно ему бѣ жити, отнелѣже его изгна. Тако бо вниде, яко же се церковник, недостоин ерѣиства и утаив грѣхъ свой, не брег же о божии законѣ, но имене дѣля высока и славна житья на епископскихъ взиде сан. Слогы подобны. Того ради смертию Адама осуди, понеже коснуся древа разумѣния добра и зла. Древо бо разумѣния добра и зла — есть разумны грѣхъ и волное богоугоды дѣлатель. Пишетъ бо ся: «Горе в разумѣ согрѣшающим!» Сего ради погубив дуновениемъ духа животнаго, его же вдѣхну бог на лице его, еже есть несвершен даръ священія. Пишетъ бо ся: «И дуну на лице его духъ животен». Тако бо и Христосъ дунув на лице апостоломъ: «Приимѣте,— рече,— духъ святы» — несвершен дар, точью

обѣт свѣщенія; ждати бо им повелѣ самого святаго духа: «Иже пришедъ,— рече,— до конца освятить вы». Сице и свѣтителѣ свѣтятъ падьяки и четци и дьяконы — несвершен дар, но обѣт свѣщенія, да ся приготовають на свершеное свѣтительство. Ничто же бо богови тако любо, яко же не възноситися в санѣх, ничто же тако не мерзитъ ему, яко же самомнимая величава гордость о взятїи сана не о бозѣ. Смотри же оногo слѣпца с хромцемъ, како преобидѣста господина своего заповѣдъ и прещение: взем бо хромца и бремя понесе, и дошед внутрених, приближися к древу, вкуси плода, и се добро зѣло, и тако окрадоша, их же повелено има стрещи. Привод. Того древа вкуси Каин; не сый свѣщенный на свѣщенъчскый дерзну чин, поревнова свѣщенному Авелю, его же уби завистью. Того древа вкусиша сынове Корѣови, иже с Дафаном и Авироном; взем бо кадилницу и поидоша в скинию неосвѣщенїи суще, — и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрецъ, иже вѣдый своя сына безаконствующа во иерѣйствѣ, не отлучи ею свѣщенства. Того древа вкусиша еретици, иже злохитрѣемъ аки вѣдуще душевнїй путь заблудиша и не приимше покаянїя погибоша. Но сїя сократив, на первое взвратимся сказанїе.

Аще и отнемогл есть моего глагола уд, но пророк взущаетъ мя, глаголя: «Утрудихся вопия, измолче ми гортань».

Обличенїе грѣх. Слышав же господин, яко окраден есть виноград его, повелѣ изринуть от врат хромца и изгнати от стражбы слѣпца.

Разумѣте же нынѣ, безумнїи в людех сановнїци, буїи во иерѣх!* Когда умудритесь? Навсажи ухо не слышит ли? И создавы око не смотрит ли? Наказая языки не обличит ли? Учай чаловѣка разуму не уразумѣет ли нашего грѣхопаденїя? Господь бо свѣсть злохитрыхъ помышления, яко суть лестна, и тѣ изъмѣтаеть направедныя из власти и изгонитъ нечестивыя от жертвеника. Никий же бо сан мира сего от муки избавитъ преступающихъ божїя заповѣдїи. Но молю вашу любовь...

Повелѣ бог изринуть из рая Адама, понеже неповелѣнаго ему коснуса, сирѣчь преже велѣнїя вниде в мѣсто свѣтое. И усели противу райстѣй пици,— «Еда како,— рече,— простре руку и возметь от древа породнаго и живъ будеть в вѣки», — сирѣчь некли помянеться и смиривься покаеться, о них же согрѣши. Оле многое владычне чловѣколюбїе! И казнить ны и милуетъ, грѣха ради озлобляеть ны — и паки покаянїя ради приемлетъ; не хоцеть бо смерти грѣшнїча, но обратитися велитъ и живу ему быти.

Что есть древо животное? — Смиреномудрїе, ему же

корень исповѣданье. «Исповѣмъ бо,— рече,— на мя безаконье мое, и ты отпустил еси нечестье сердца моего». Того корене стебло — благовѣрье. «Вѣра бо твоя,— рече,— спасеть тя»; все бо вѣрующему дается. Того стебла многи и различны вѣтви — мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, вздыхания и прокая. Тѣх вѣтвий добродѣтелей плод: любви, послушанье, покорение, нищелюбие — мнози бо суть путье спасения. Вижь, яко не в раи бѣ животное древо, ни в едемѣ, но во оземьствии, рекше отлучении сана. Изрину паки и Каина, въпросив его убийства братня, и по обличении показа ему животное древо, рек сице: «Будий стоня и трясайся», сирѣчь покайся о злобѣ, о зависти, о лъсти, о убийствѣ, о лжи, смирися, постися, бди, на земли лежи. Но понеже сего не створи, но изыде от лица божия — недалствомъ земля, но неимѣньемъ страха божия при свои души. Благымъ дѣломъ не сущимъ в нас, ни покаянию о грѣсѣхъ, в коемъ си сану будемъ, далече бога есмы. Близъ бо господь скрушенныхъ сердцемъ; смиренныя духомъ спасеть, волю боящихся его створить. Лице же господне на творящая злая: потребити отъ земля память ихъ. Сице и Павелъ изринулъ отъ святаго жертвеника Уменья и Филита и съблудившая в Коринфи священники и оземьствова я противу святаго олтарю, сирѣчь постави я с клирики, рек: «Имѣйте таковыя на студ, но утвердите к нимъ любовь, да не погрязнуть злою печалью, но да ся покаютъ — и живи будутъ!» Не всхотѣ сего древа животнаго вкусити Александрокъ, о немъ же рече Павелъ: «Да вздасть ему господь в день судный по злобѣ его». Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае*, бывъ отъ семи дьяконъ, иже отвергся Христа и бывъ кумирожрецъ в Селуни, а онъ предаваше мучителемъ крестьяны; о нею же пишетъ Иоанъ, глаголя: «Отъ насъ изидоша и быша на ны». Того породнаго не приемше еретици; прокляти быша и умроша душевною смертию, не разумѣша бо пророка глаголюща: «Вкусите и видите, яко благъ господь!» Нѣстъ бо грѣха, иже сдольеть божии милости. Точию не отчаимъ себе, яко Июда; ни невѣруимъ телесному въскресению, аки садукѣи,— но поканяемъ толцѣмъ в божия двери, дондѣже отверзеть намъ райская врата. Не ложъ бо рекы господь: «Толцѣте, отверзется вамъ; ищѣте и обрящете, просите и дасться вамъ». Но да не предложениемъ словесъ умножю писанье и зѣло предолжю бесѣду, но на предъ реченая възвратимъся.

Видѣвъ же онъ человекъ свой украденъ виноградъ, възхотѣ отлучити слѣпца отъ хромца,— повелѣ первое привести

слѣнца, да его опятаетъ, кто есть преслушалъ заповѣдь его и присягъ к невходнымъ бес повелѣннѣя его. Ничто же бо възможетъ божия таитися ока, и никто же нас тако свѣсть себе, яко же богъ всѣхъ насъ свѣсть.

Повелѣ разлучити богъ душу отъ тѣла. Словомъ бо божимъ исходитъ отъ тѣла душа: «И отимеши бо,— рече,— духъ ихъ и ищезнутъ и въ персть свою възвратятся». Да егда видиши тѣло погребено въ земли, не мни ту суща и душа: не отъ земля бо есть душа, ни въ землю входить. Но аще и святыхъ видиши чудотворныхъ мощи, не ту ихъ теори душа, но божию разумѣй благодать, тако прославляющую свѣтъ угодники: «Славящая бо мя,— рече,— прославлю». Повелѣ привести слѣнца: по ищезновени отъ тѣла душа всякого челоука предъ богъ приходитъ съ приставленнымъ къ ней ангеломъ, вѣрнаго же и невѣрнаго, сущаго въ законѣ и всякого безаконника. «Господь бо,— рече,— испытаетъ праведнаго и нечестиваго»; вси бо роди языкъ отъ единой быша крове рожени и расфѣяшася жити по лицу всея земля, имъ же богъ створи себе благоутворити, дая дождь съ небеси и времяна обильная. «Сияетъ бо,— рече,— солнце свое на добрыя и злыя», и прокая. Но никто же о глаголахъ сихъ да не зазритъ ми,— но испытайте писания и обрящете мя отъ божиихъ вземлюща книгъ. Пишитъ бо Моисей: «Постави предѣлы языкомъ по числу ангелъ божии». Иеремѣя же: «Единъ есть,— рече,— господь всѣхъ, иже подъ небесемъ языкъ», аще бо остави я въ своей кождо прельсти, но душа ихъ предъ нимъ явиться, и тѣ судитъ по дѣломъ ихъ. Павелъ же: «Что бо мнѣ,— рече,— внѣшнимъ судити, но утренимъ и вы судите, а внѣшнимъ богъ судитъ». Утрени глаголетъ въ законѣ внѣшныя — безаконнии языки. Слышати бо подобаетъ божие имя нынѣ разлучающимся отъ телесъ душамъ, да и въ послѣдни день възкресше съ телесы неблазненно поклоняться богови, а не имъ же нынѣ работаша прельщени бѣсомъ, по апостолу глаголюща: «И тогда увидитъ всяко око, и всякъ языкъ поклонитися, исповѣдая, яко господь Исусъ Христосъ въ славѣ бога отца единъ». Но си вси учившеися вѣдятъ,— азъ же о слѣпцѣ початую бесѣду противу силѣ по вмѣщенію ума въкратцѣ скажу, аще и поймы творящихъ ми дозрю; вѣдѣ бо, яко не суть отъ премудрости, но отъ грубости сѣя сказанія. Но обаче на основани пророчествъ и апостольствъ зижемъ, имуще угольника самого Христа.

Приведену же бывъшу слѣпцю, быстъ испытание. «Не добра ли ты,— рече,— стража створихъ моему винограду? То почто его еси окрал?» Отвѣща ему слѣпецъ: «Господи,

ты вѣси, яко аз слѣп есмь и не вижду без водящаго мя камо ити, и не вѣдѣ ни единого мѣста, аще и хотѣл бых. Ни чюх же никого же минующа мене враты, да бых крѣпко в слѣд его вѣпил. Но мню, господи, яко хромецъ есть кралъ». Виждь ложное нынѣ спираніе души предъ богомъ и клеветаніе на тѣло.

Сице же есть душевѣны глаголъ: «Господи, аз дух есмь. Да ни ясти ни пити хотѣл есмь, ни чѣсти ни славы земныи искал есмь, ни телесное не разумѣхъ похоти, ни дьяволи створихъ воли,— но та вся тѣло есть створило!»

Тогда повелѣ господинъ блюсти слѣпца во укромнѣмъ мѣстѣ, идеже самъ вѣсть, дондѣже придетъ самъ къ винограду и призоветъ хромца, и тогда судитъ объма.

Того ради до второго пришествія Христова нѣстъ суда ни мученія всякой души человѣчи, вѣрнаго же и невѣрнаго. Вѣруйте же в правду въскресенію человѣчьскихъ телесъ. «Послеси бо,— рече,— духъ свой, и съзижются, и обновіши лице земли». Въ Иезекиили бо намъ въскресенія надежду показалъ есть. «Прорци,— рекъ,— сыне человѣчьскъ на мертвыя сія кости, да будутъ на нихъ телеса и опнется на нихъ кожа, да придетъ духъ отъ четырь вѣтръ и внидетъ в мертвыя си, да оживуть!» Се же все самъ творецъ дѣйствуетъ, не инако чина превращая, но инако исконное дѣло свое понавляя. Преже бо созда тѣло Адамле, ти потомъ вдуну душу. Тако во утробѣ женьстѣй: перво отъ сѣмени зиждетъ тѣло, по пяти мѣсяцъ творитъ душу. Во крещеніи же первое поражаетъ водою, потомъ же обновляетъ духомъ отъ тлѣнныя грѣховнаго. Тако и в послѣдніи день: первое обновитъ землю и сберечетъ персть человѣчю и съзидетъ всѣхъ насъ телеса в мегновеньи ока, потомъ душа наша в свою когождо внидетъ храмину,— по Павлю глаголющю, яко самъ господь в гласѣ архангеловѣ, в трубѣ божиіи сниде съ небеси, и мертви о Христѣ воскреснуть преже, потомъ же и мы живіи. Кто суть мертвиіи? Все язици, не бывше подъ божиимъ закономъ, ни примше крещенья. «Елико, бо,— рече,— безаконно съгрѣшиша, безаконно погибнуть». Живыя же крестьяны нарицаеть. Виждь всѣхъ челоуѣкъ телесемъ въскреснути и вѣруимъ Павлову послушеству, словесемъ господнимъ глаголющемъ: «Иже ли не створитъ искони богомъ создана челоуѣка, то не разумѣетъ и крещеніемъ в животъ порождена; тѣмъ же и не чаеть послѣдняго съ телесы въскресенія вѣстающимъ всѣмъ челоуѣкомъ в бесконечныи животъ — овѣмъ в чѣсть и славу, овѣмъ в студъ и в муку». Но да и прокое речемъ.

Егда придетъ господинъ взяти плодъ отъ винограда и видѣвъ

его окрадена, и призва хромца и совъкупи с слѣпцемъ, и начаста сама ся обличати. Хромецъ глаголаше слѣпцю: «Аще не бы ты мене носил, никакo же аз могл бых тамо дойти, понеже хром есмь». Слѣпецъ же глаголаше: «Аще не бы ты мнѣ пути казал, не бых тамо аз дойти могл». Тогда господин сѣд на судьнѣм столѣ и начат има судити. И рече: «Яко же еста крада, тако да сядѣть хромецъ на слѣпца». Вѣсѣдшю же хромцю, повелѣ предъ всѣми своими рабы немилостивно казнити в кромѣшной мученья темницѣ.

Разумѣйте же, братья, сея притчѣ сказание. Человѣкъ есть домовит — бог отец, всячьскихъ творецъ. Его же сын добра рода — господь наш Исус Христос. А виноград — землю и мир нарицаеть.

Оплот же — закон божий и заповѣди. Слугы же сущая с нимъ — ангели галголеть. Хромецъ же есть — тѣло чловѣче. Слѣпца же душу его мѣнить. А иже я посади у врат — чловѣку бо предаеть бог в область всю землю, дав ему закон заповѣди. Преступившю же чловѣку повелѣние божие и того ради смертью осужену бѣвшю, первое душа к богу приводится и спираеться глаголющи: «Не аз, но тѣло есть створило». И того ради нѣст мучения душам до второго пришествия, но блюдомы суть, иже бог вѣсть. Егда же придетъ обновити землю и въскресити вся умершая, яко же сам бог преже глагола, тогда «вси суци в гробѣхъ услышатъ глас сына божия и оживуть, изидуть створше благая въскресение живота, а створши злая — въскрешение суда». Тогда бо души наши в тела внидутъ и примуть въздание кождо по своимъ дѣломъ — праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку. Ими же согрѣшитъ кто, тѣмъ и мученъ будетъ.

Сиче же и мнѣ о сихъ сказавшю не от умышленья, но от святыхъ книгъ. Да нѣст се мое слово, но бесѣда; нѣсмь бо учитель, яко же они церковни и священнии мужи.

ЖЫЦІЙНАЯ ЛІТАРАТУРА

Месяца маія в 23 день

ЖИТИЕ БЛАЖЕННЫЯ ЕУФРОСИНИИ, ИГУМЕНИИ ВСЕДРЪЖИТЕЛЯ СВЯТАГО СПАСА ВО ГРАДЪ В ПОЛОДСЦЪ.

Господи, благослови!

Благословен господь бог Израилев, бог Аврамов, бог Исаков, бог Ияковль. Нѣсть бог мертвых, но живых.

Праведнии бо по смерти живи суть, яко же Соломан* во притчах глаголетъ: «Праведници в вѣки живутъ; от господа мзда их и строение от вышняго. Сего ради примутъ венець из руки господня».

Яко же и бысть, еже напред идущее скажем, о сих же сие скажем. Снидѣтеся сущии в пустынях и в горах, житие ангелское имуще, старии немощь отложивше, а юнии, яко елени скачюще! Снидитеся вси: хошу бо вам представи трапезу от брашен сих, да, ядше, возвеселимся душами вашими! Се бо есть трапезъ за нетлѣющих брашен, иж гортань наслажають и чрево насыщають, а си душа веселящися, а ум укрѣпляющи на подвигы добрых дѣл. Сиа бо ядиаще кто — насытится, не вжадает во вѣкы, яже реченно в писании: «Не заморить господь гладом душа праведных».

Мы же напред лѣжащее возвратимся. О нем же начахом повесть сию. Вы же послушайте блазии, или князи или бояри, церковници, вы, честнии собори святых, сущих в монастырѣх, и простиі людие. Снидитеся на новое слышание! Послушайте прилѣжно! Отврѣзше ушеса своя и умякчивши нивы сердец ваших, приймете мно(го) спасенаго житя и послушайте жены сея преподобныя святыя подвигы и труды и любовь яже к богу. Иже скажем, како родися, или от ких родитель, или како воспитася, или како возрасте, в кою ли мѣру потече вослѣд жениха своего Христа, и о той инде скажем, а о сих сие есть по ряду.

Бысть князь в Полотсцѣ градъ именем Всеслав*. И тѣмъ

имѣяше сыны многы. И бѣаше у него сын именемъ Георгій. От него же родися си блаженная отроковица. Родителя же ея возрадоваста ся о рожествѣ ея со всѣмъ домомъ своимъ. По днѣхъ тѣхъ повелѣста ю крестити. Крестиша ю во имя отца и сына и святого духа. И питома бѣаше доилицею своею, день от дни растяше. Отроковица, тѣло млеко питаемо, растяше, а душа святого духа наполняшеся.

(С)лучи же ся девици деснаго естества плодъ милостивый и толми бысть любящи учение. Вѣсти же разшедшися по всѣмъ градомъ о мудрости ея, и о блаземъ учении ея, и о телѣснѣй твари ея, бѣаше бо лѣпа лицомъ. Красота же ея многыи славныи ея князь на любовь приведе ко отцу ея, яко же пояти ю невѣсту за сынъ свои. И всѣмъ, часто присылающимъ ся за сынъ свои ко отцу ея, отецъ же отвѣщеваше к нимъ: «Воля господня да будетъ!»

Единъ же, преодолеваше славнымъ своимъ княжениемъ и богатствомъ, присла ко отцу ея и спроси дщерь его за сынъ свой.

И пришедши ей возрастъ, и бысть 12 лѣтъ. И видѣвъ отецъ ея нача глаголяти княгинѣ своей: «Нама уже лѣпо дати за Предислава князя». Она же глагола ему тако: «Богъ хоцетъ и твоя, княже, воля тако будетъ».

Тогда слышавши Предислава — тако бо бѣаше ей наречено имя родителяма своима преже святого крещения — расмышляша же в себѣ, глаголющи: «Паче же реку от святого духа...» Наполнишися мысли ея и рече в себѣ: «Воли како се будетъ, оже отецъ мой мыслить причтати мя мужеву, то аще тако будетъ, то печаль мира сего не гоньзнути ни како же лзѣ». Паки в себѣ рече: «Но что успѣша при насъ бывшии родове наши? И женишася, и посягоша, и княжиша, но не вѣчноваша. И житие ихъ мимо тече. Слава ихъ погыбе, яко прахъ, и хужьши паучины. А иже прежнии жены, взявше мужескую крѣпость и поидоша вослѣдъ жениха своего Христа, предаша телѣса своя на раны и главы своя мечеву. А другыя паче желѣзу выя своя не преклониша, но духовнымъ мечемъ отсѣкоша от себѣ плотския сласти, и предаша телѣса своя на постъ и на бдѣние, и колѣнное поклонение, и на земли легание; то ти суть памятни на земли. А имена ихъ написана суть на небѣсахъ и тако со ангелы безпрестани славятъ бога. А си слава есть прахъ и пепелъ, яко дымъ разыйдется, яко пара водная погыбаетъ».

И тако ей помышляющи в сердцы своемъ, а умъ ея болѣ на божию любовь подвизашеся. И единою положишь на сердцы ея таково помышление, рече бо в себѣ: «Не се ли былучеши всего жития сего было, да быхъ ся постригла в

черници? И была бых подигуменью, повинующися сестрам и учащися, како страх божий утвердити во сердцы своем, и како течение скончяти». И се на умъ положивши, иде в монастырь, утаившия отца и матери и домашних.

В та же лѣта бяша кня(г)ини Романова* черница. И прииде к той, просящи ангельскаго образа приати и причтати ся ту сущим черноризицам и быти под игом Христовым. Видѣвши же она, блаженная, уность ея и возраст цвѣтущи от нея, и не хотящи острищи ея, и смятесе, и нача тѣлом утѣрпати, и сердцем ужасатись, и лицѣ на землю преклонивше на долг час ничющи. Восклонившия и възрѣвши на уность ея, и воздохнувши, и прослезившия, глагола к ней: «Чадо мое! Какое могу се сотворити? Отець твой, увѣдав, со всяцѣм гнѣвом возложить вред на голову мою. А еще юна еси возрастом. Не можещи понести тяготы мнишескаго житиа. И како можещи оставити княжение и славу мира сего?»

Отвѣщавши же блаженная отроковица и рече ей: «Боже и мати! Вся видимая мира сего и красная суть и славна, но воскорѣ минует, яко сон, яко цвѣт увѣдает. Вѣчная же и невидимая во вѣкы пребываютъ, яко же писание глаголетъ: «Ни око видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце челоуку не въздѣ, яже бог уготова любящим его». Или отца моего ради нехощещи мя острищи? Не бойся, госпоже моя, того. Но бойся господя, владеющаго всею тварию, и не отлучи мене ангельскаго образа!»

Она же, блаженная княгини, удивившия разуму отроковица и любви яже к богу, повелѣ волѣ ея быти. И огласив ю ерѣи. И остриже ю. И нарече имя ей Ефросиния. И облече ю в черныя ризы. И благослови ю игумения благословением святых отецъ. И рече ей: «Буди, чадо, послѣдствующи прежде тебѣ бывшихъ жен, рекше Февронии* и Еупраксии* и иныхъ множество, яже Христа ради пострадаша! Господь бог даст ти силу и побѣду на супротивника нашего дьявола». И то рекши, отпусти ю в келию свою.

И увѣдав отецъ ея, скоро шед в монастырь. Жалостно терзаше власы главы своя и любѣзнь целоваше ю, глаголя: «Горѣ мнѣ, чадо мое! По что се сотворила еси, печаль души моей принесе? По что ми прежде сего мысли своя не явила еси? Люте мнѣ, чадо мое сладкое, жалости сердца моего! О горѣ мнѣ, чадо мое милое! Какое гонѣзнетъ доброта твоя вражие пронырѣство? Уже достоин ми плакаться острупленою душею ко господу богу моему, да видѣши в черътог царства его!»

Жалость же бысть всѣм в дому его о ней. Преподоб-

ная же Еуфросинья сего всего не брежаше жалости отца своего. Но, яко добрый Храбор, вооружившись на супротивника своего, диавола, пребываше в монастыри, и повинующись игумении и сестрам всѣм, и вся преспѣваючи постом, молитвами и бдѣнием ноцным. И оттолѣ начат подвижнѣйши быти, собираючи благыя мысли в сердци своем, яко пчела сот.

Иже пребывши нѣколько врѣмя в монастыри, и потом испроси тогда сущаго епископа, нарѣцаемаго Ильи, правящаго стол святыя Софѣи в Полотстѣ, дабы ей повѣлел ту пребыти — во церкви святыя Софии и каменная, в голубниці. И повелѣ ей да пребывает. И ту, въшедши, нача подвижнѣйши подвиг постнически восприимати. И нача книги писати своими руками. И наем емлюще требующим даяше.

Пребываючи ту нѣколько врѣмя, во ину убо ноцъ возлещи хотящи отпочити от многаго стояннѣя яже к богу в молитвах, и видѣ видѣние. Поим ю ангел и ведѣ ю, идѣ же бѣ церкви святого Спаса мѣстохѣи святѣй Софѣи, яже зовется Селцѣ от людей. И ту показа ей ангел господень, и глаголя Еуфросинии: «Ту ти подобает быти!» Она же убо удившися. И дивляшеся в себѣ глаголющи: «Что се хочет ми быти!» Тои ж ноци видѣ дважды и трижды. Возбудившися от сна, и страхом славословящи бога и глаголющи: «Слава тебѣ, боже нашъ! Слава тебѣ, сподобивый мя во днешний день видѣти ангельское лицѣ святое!» И потом нача псалом глаголяти: «Готово сердце мое, боже! Готово сердце мое! И пакы к тебѣ привергохся от утробы матери моея, бог мой еси ты! Яко восхотѣ, тако и сотвори на мнѣ, рабѣ твоей».

И кончавши ей утрення, явился епископу Ильи. Той же ангел, глаголя: «Введи рабу божию Еуфросинию в церковь святому Спасу, на рекомое Селцѣ! Мѣсто бо то святое есть. Яко достойна есть царствию небесному, и, яко миро добровонно, молитва ея восходит к богу. Яко венецъ на главѣ церквѣ, тако почивает дух святыи на ней. Яко солнце сияет по всей земли, тако и житие ея сияет пред ангелы божиими».

И въстав епископ въскорѣ страхом и трепетом обдержим. И прииде же к ней. Еуфросиния же, видѣвши епископа, и поклонися ему, глаголящи: «Благослови, владыко святы!» Он же глагола: «Бог да благословит тя, чадо, и дасть ти трѣпѣние и силу на всѣх вразѣх, видѣмых и невидѣмых». Она же, поклонившися, рече: «Аминь. Буди мнѣ по глаголу, владыко, твоему святыи».

Сѣдоста отврѣзже блаженный архиепископ уста своя, нача

бѣсѣдовати к ней о спасении души. Блаженная ж Еуфросиния принимаше словеса его, яко сѣмена в житницу душа своя, ово 30, ово 60, ово 100. Много же бѣсѣдоваста с нею, и се прочее рече ей души: «Хощу ти прорещи слово, ты ж с любовию приимай!»

Она же рече рада: «Отче преподобный, прииму слово твое, яко дар многоцѣнный!» Глаголет ей епископ: «Вѣдаеши, чадо, се церковь есть соборная, идѣ же сѣдиши? Ты вси человеци собираются. А тебѣ, чадо, не лѣпо было zde пребывати! То се есть церковца святого Спаса в Сельце, идѣ же братиа наша лежать, преже нас бывшая епископи. Негли бог посѣтитъ молитвами их и твоим трудом возградить мѣсто велико!»

Еуфросиния же, слышавши то от епископа, яко тако ей изглаголал, и возрадовася душею и возвеселися сердцем. И явлению ангелову вѣру приимши, еже видѣ и слыша от него, и глагола епископу: «Бог да ми поспѣшит, отче, молитвами твоими святыми!»

Призва же епископ князя Бориса*, стряя ея, и отца ея Георгия, и преподобную Ефросинию, и сильныя честныя мужа и постави. А сам на себя послухи рече: «Се отдаю мѣсто святого Спаса Еуфросинии при вас. Да по моем животѣ никто же да не посудить моего даниа». И се слышавше князя оба и боярѣ от епископа и поклониста ся ему, глаголюще тако: «Ей! Владыко святой! Се ти есть бог положил на сердци твоем, иже еси сицѣ смыслил отроковицѣ сей и попечение о ней». Еуфросинии же рекоша: «А ты иди послушай епископа! Еже ти велить, тако сотвори. Твой есть отец всѣм нам. Нам подобает того послушати». Еуфросиния, яже слышавши и возрѣвши на ня ослабленным лицѣм, рече им рада: «Иду. Яко бог повелит ми, тако и будетъ. Воля господня да будетъ о мнѣ!»

Князи же и бояри, слышавши от преподобныя Еуфросинии глагол сы, возрадовашася. Приимши благословение от епископа, и поклонившеся преподобной Еуфросинии, и цѣловавше ю любезным цѣлованием, и ехаша в дома своя.

Еуфросиния же, поклонившися святѣй Софѣи и благословившися от епископа, и той ноци воставши и поимше с собою едину черницу, и прииде на мѣсто, зовемое Сельце, иже есть церковца святого Спаса. И влѣзши ей в церковь, и поклонившися, и возгласи сице: «Ты, господи, заповѣда своим апостолом, рек: «Не носите с собою ничто же, токмо жезл един!» Аз же твоему словеси послѣдствующи изыдох на мѣсто се ничто же имущи носящи, но точию твое слово себѣ имущи, еже рѣщи, — господи, помилуй! И еще же за

все имѣнне имѣю книги сея. Ими же утѣшает ми ся душа и сердце веселится. Лише же сих триех хлѣбов, не имѣю ничто же, но токмо тебѣ, помощника и заступника и кормителя. Ты бо еси: отецъ убогим, нагим одѣяние, обидѣмым помощник, ненадѣющимся надѣяние. И буди имя твое благословено на рабѣ твоей Ефросинии отнынѣ и до вѣка! Аминь».

И так рѣкши, нача подвижнѣйши быти на молитву яже к богу. И ту ей пребываючи неколико врѣмя. Тогда посла ко отцу своему, глаголющи: «Пусти ко мнѣ сестру Городиславу, и — тако бо ю бѣста нарѣкла родителя — да научится грамотѣ». Он же посла к ней. Еуфросиния же со прилѣжанием учаше о спасении души, а она с прилѣжанием учаше и принимаше, яко нива плодovита, умякчивши сердце свое. И глаголаше: «Господь бог устроит ми на спасение души моей, и твоими, госпоже, святыми молитвами!» И се ей рѣкши, преподобная же Еуфросиния, введши ю в церковцю, и повелѣ ю ерѣви, огласивши, облещи в черныя ризы, и нарече имя ей Еудоксѣя.

И по малѣх днех присла отецъ к ней: «И уже сестру свою Городиславу пусти ко мнѣ». Она же рече: «Еще не извыче всей грамотѣ». И увѣда же отецъ ея, яко, утаившися его, остриже ю. И узьярився на преподобную Ефросинию, сердцем горя. И приеха к монастырю, глаголя: «Чадо мое милое, что се сотворила еси? Приложи сѣтование к сѣтованию души моей, и печаль к печали». Се ему глаголющю от горѣсти сердца своего, рѣками слезы точашу часто изливая от очию своею. Любезно дѣржа Евдокѣю рече: «Чадо мое, на се ли вас я родих? Или на се ли вас я милостиво спитала? Ужели вам брак уготовах уже чертогы брачныя, порта ваю на сѣтованию положих себѣ? Чадо мое милое! Что ми воздастѣ в радости мѣсто горкия печали, наполниста сердце мое?»

И вси бояре его, слышавше жалость князя своего, и плакахуся горко о напрасней печали князя их.

Блаженная же Ефросиния отвѣщаваше отцу своему: «Что ради печалуещися нама? Имаевѣ бо печалника и помощника единого бога».

Отецъ же ея малу утѣху примим от преподобныхъ Еуфросинии и ѣха в дом свой. Еудоксѣя же пребываше в монастыри, повинующися сестрѣ своей. Блаженная же Ефросиния трудомъ многимъ молящися к богу о мѣстѣ томъ, дабы бог устроил ей сенѣ.

Колико врѣмя бѣяше, княжна Борисовна, именемъ Звенислава, пришедши единою от дни и принесе всю свою

утварь златую и порты многоцѣнные в монастырь ко Еуфросинии и рече: «О госпоже и сестро! Вся красная мира сего ни во что ж ми ся мнит. Се дасть святому Спасу, а сама хошу поклонити главу под иго Христово».

Она же прият ю с радостию и повелѣ ерѣви острищи ю и нарече имя ей Еупраксия. И тако начаста пребывати в монастырьѣ во едину мысль, яже к богу в молитвах. И тако бяше видѣти, яко едина душа во двою телѣсу. И потом блаженная Ефросиния заложи церковь камену святого Спаса*. От начатка и устроена за 30 недель.

Не хошу вам, братие, чад сказати. Бѣ муж Иоан, приставник над дѣлатели церковными. К нему же многажды прихожаше, глагола: «Свитаючи дни,— глаголя,— Иоане, востани поиди на дело вседръжителю Спасу!» И во един от дний востав, Иоан прииде ко блаженной Ефросинии и рече: «Ты ли, госпоже, присылаеши и понужаеши мя на дѣло?» Она же рече: «Ни». И паки размысливши премудрая жена и рече ему: «Аще не аз тя возбужаю, а кто тя зывает на таково дѣло, того послуша, и прилѣжно со тщанием».

Паки другое чадо скажу вам, добри послушници. Уже скончаннѣ бывшим плитом. Нѣчем бяше вѣрха окончати. И поискавше не обрѣтоша ничто же. Печалующесь о том вздыхающе, и рече: «Слава тебѣ, владыко человеколюбче! Дарова нам болшая, дай нам и меншая, им же свершается церковь твоя!» И так ей помолившись, заутра же построению божию, обрѣтоша плиты в печи. И в том дни совершися церковь. И крест поставиша. Преподобная же Еуфросиния, видѣвши церковь соврѣшеную, возрадавався душею. И бысть священие и велиа радость всѣм крестьяном. И собращася князи и силнии мужи, черноризици и черноризици, и простие людие. И бысть радость велиа. И праздноваша дни мнози. И разидошася каждо во свояси.

Видѣвши же, яко исполни бог желание сердца ея, и вшедши в церковь, паде на земли ниць. И воздохнувши от сердца и от глубины душа и лице свое омочивши слезами, нача глаголати: «Ты, господи сердцевидче, благодетелю, боже, благы и милостивый! Господи, зри на храм свой, яже создах во имя твое! Яко же Соломон рече: «Вышний нерукотворенах церквах живет». Ты, господи, призри на мя, недостойную рабу твою Ефросинию, и на рабы твоя сиа, яже собрах во имя твое! Да приимеши иго твое легкое на выя своя и пуйдутъ во слѣд тебѣ! И сотвори аз овца двора твоего! Буди им пастырь и дверник! Да ни един от них не будетъ восхищен волком губителя дьявола! Буди им, господи, оружие и зазбрало. Да не

приидеть нань злой, ни рана не преступить к телесама нашим! Не погуби нас з безаконий нашими, на тя бо упование положих, яко ты еси бог, знающим тя, и тебѣ хвалу всылаю до последняго моего издыханя во вѣкы. Аминь».

Сестрѣ же учаще сицѣ, глаголющи: «Се собрах вы, яко кокошь птенца, под крыль свои и в паствину свою, яко овца. Да пасетеса в заповедѣхъ божиихъ! Да и аз веселымъ сердцемъ подвизаюся учить вас, видящи плоды ваша трудныя и толико дождь проливаю к вам, а нивы ваша во едину мѣру стоятъ нерастуща, ни поступающѣ горѣ. А годъ приспѣваетъ свѣршению, и лопата на гумнѣ лежитъ. Но боюся, егда будетъ плен в вас. И предани будете огню негасимому. Подщитеса, чада моя, убѣжати того всего! Но сотворите ся пшеница и смелитесь в жерновахъ смиреніемъ, молитвами и постомъ, да хлѣбъ чистъ принесете ся на трапезу Христову».

Сиче же ей учащи всегда, беспрестани, яко чадолюбивая дѣтемъ своимъ, любовь показующи.

Мы ж, братие, напредъ лѣжащее возвратимся. Видѣвши же преподобная Еуфросиния монастырь свой украшенъ, всего блага исполненъ, и умысли создати вторую церковь каменую же святѣй богородици*. И тую совершивши, иконома украсивъ и освятивши, дасть ю мнихомъ. И бысть монастырь великъ.

И видѣвши устроена два монастыря превелика зѣло и пребогата, и рече в себѣ: «Слава тебѣ, боже! Слава тебѣ, владыко! Благодарю тя, вышний! Что еси восхотѣла, то ми еси далъ. Скончалъ еси желаніе сердца моего, господи». И рече: «Помилуй мя, господи, даруй прошение мое да конца: да быхъ видѣла пречистую богородицу Одигитрие в сей церкви!»

И посла слугу своего Михаила в Царьградъ ко царю, нарицаемому Мануилу*, и к патриарху Луцѣ* с дары многоцѣнными, просящи от него святѣй богородици, еже бѣ евангелистъ Лука написалъ 3 иконы еще при животѣ святѣй богородици и постави: едину во Иерусалимѣ, другую во Цариграде, а третью во Ефесѣ. Она же со тщаниемъ прошаша Ефѣския святѣй богородици. Видѣвши же царь любовъ яе посла ефесеномъ 100 оружниковъ своихъ и принесе святую богородицу в Царьградъ. Патриархъ Лука собралъ епископы и соборы вся во святую Софию и благослови ю, и дасть ю слугѣ преподобныя Еуфросинии. Ю же с радостию приатъ и принесе госпоже своей Еуфросинии. Она ж, внесше в церковь святѣй богородици и постави ю*. И воздевши руцѣ, и рече: «Слава ти, господи! Слава тебѣ, еще реку! Слава тебѣ,

·владыко, сподобивый мя видѣти во днешний день образ пречистыя матери твоея!» И се рекши, украси ю златом и каменiem многоцѣнным. И устави вся во вторник носити по святым церквам.

И украсивши всю землю Полодую (с)воим монастырем, и видѣвши яко просвѣти бог монастырь ея, вождѣвши, рече: «Дабы ми дойти град Иерусалима, поклонитися гробу твоему, господи, и всѣм святым мѣстом и цѣловати и тамо живот свой скончати! Видѣвши же стадо божественных овец совокупленных множество и радовашеся им, яко своему спасению».

На всяк же день учаше сестры своа: старыя же учаше трпѣнию и воздръжаню, юныя же учаше чистотѣ душевной и бестрастию телесному, говѣнию образному, ступанию кротку, гласу смирену, слову благочестну, ядению и питию безмолвну, при старѣйших молчати, мудрѣйших послушати, ко старѣйшим покорѣнием, к точным и меншим любовь безлицѣмерна, мало вѣщати, а много разумѣти.

Дан бѣше таков дар Еуфросинии от бога: аще кто ея вопрошаше о которой вѣщи, она же ему разрѣшаше чему есть быти. А кто ея послушаше, тот добро послушаше; ни хотяше бо видѣти никого же котораюшася: ни князя со князем, ни бояри с боярином, ни служанина служанином,— но всѣх хотяше имѣти, яко едину душу.

И посла по всей братии своей, повѣдаючи им мысль свою, оже восхотѣ итить во Иерусалим. Они ж, слышавше вѣсть сию, с жалостию многою съѣхашась от всюду ко блаженной Еуфросинии, и моляхуть ея со слезами, дабы их не оставила сиры. Она же их утѣшаше благым своим смыслом, яко мати дѣти своя любяще.

И любим ей брат, нарѣцаемый Вечеслав, и приѣха к сестрѣ своей Ефросинии со княгинею и з детьми своими, пришед поклонись ей и рече: «Госпоже моя! Мати и сестро! Что оставляеши мя, правителю души моей, свѣте очию моею?» Горко ему плачущуся, блаженная же Ефросиниа повелѣ ему итить идѣ же обитал, дѣти же его повелѣ оставити сестре своей Евдокѣи.

Дан бысть дар блаженной Ефросинии от бога: аще кого узрит очима своима, то разумѣваше в коем человецѣ сосуд избран хочеть быти богови.

Тогда же блаженная Ефросиниа, видѣвши братанѣ свои, и рече има: «Хочу ваю обручити жениху бессмертному и вовѣсти ваю в черътог царства небеснаго». Онѣма же слушающима усладися душа ею, паче сота медвена, словесем преблаженная Ефросини. И падосте на ногу ея, и гла-

голаста к ней: «Воля господня да будет, и твоя, госпоже, святая молитва! Да яко хочещи и створи нама, госпоже!» Преподобная же Ефросиния с радостью и с поспѣшением призва брата своего и рече ему: «Аз хочу пострици Кираанну и Ольгу». Тако бѣста нарѣкла родителя. Смятежеса отецъ ею о словеси сем и рече: «Госпоже моя! Что ми хочещи сотворити? Два плача прилагаеши души моей: плача ся отхода твоего и сѣтуя чаду дѣля своею». Мати же ея жалостию терзашеса.

Блаженная же Ефросиния, пославши, призва епископа, тогда стол правящаго святѣй Софии, нарицаемаго Деонисиа. И введше в церковь и нарече Кирѣаннѣ — Агафиа, а Ольгу — Еуфимиа. И благослови ю благословением святыхъ отецъ. Сама же блаженная Ефросиния, положивши великий наряд свой обѣма манастырема со братиею и с сестрами, и дасть дрѣжати и урядити сестрѣ своей Евдокѣи оба манастыря.

Сама же блажена, поклонившися у святого Спаса и у святыя богородица, и рече: «Ты, господи-сердцевидче! Се оставлю дом твой и не затворен никому же. И ты, господи, не затвори от нас твоего царствия!»

И тако поиде во Иерусалим, поимше с собою брата своего Давыда и сестру свою Евпраксѣю. Вся же братиа ея плакахуся горко отхода ради госпожа своея. И вси гражане выидоша проводити ю. Стариин же плакахуся, яко дщери, рекуще: «Увы нам, вою старости нашея, просвѣщение души нашей!» Юнии же глаголяху: «Камо заходиши свѣте очию нашею? Кто нашу юность восхлеститъ воздержание юности нашея? Не оставляй нас сирыхъ! Но в молитвахъ своихъ не забывай нас яже к богу!» Она же, поцѣловавши всѣхъ и благослави, и възрѣвши на небо, и рече: «Ты, господи-сердцевидче, ходивый со Аврамом, иди с нами, с рабы твоими, со Ефросинею и со Давыдом и со Евпраксѣею!» И тако поидоша вси сущии с нею.

О дивное чудо! Не бывавши нигдѣ же: ни в коей странѣ, ни во граде, ни в селѣ, нынѣ же, вземши мужескую крѣпость и премину вся грады и власти, принимающи от всѣхъ князей честь велику! И тако прешедши вся страны. И стрете ю царь, идый на угры. И с великою честью посла ю в Царьград.

Она же, пришедши, поклонися святымъ церквамъ, и ту сущей великой церкви святой Софии, поклонившися и благословившися от патриарха. И купи различные фимяны и кацію злату. И поклонившися церкви, иде во Иерусалим.

И посла слугу своего Михаила тогда сущему патриарху,

глаголящи: «Владыко святыи! Сотвори милость на мнѣ! Повели, да отврѣзутся врата Христова!» Он же по вопроше- нию ея быти и отворити повелѣ. И пришедши ко вратом, паде на землю, глаголющи: «Господи, Исусе Христе! Не вмени сего во грѣх, занеже изволих по стопам твоим ходити!»

И внидох во святыи град. И иде ко гробу господню. И пришедши поклонися и цѣлова гроб господень. И сущии с нею цѣловаша. И покадивши гроб господень златою кацѣю и многоразличными фимианы, и изыде. Обитá во святыи богородици в руском монастыри. Во утрие день иде второе ко гробу господню. Тако ж сотвори, поклонив- шись и цѣловавши и покадивши, изыде. И во 3 день то ж сотвори, давши злата много, и поставивши кацѣю злату на гробѣ и много различныя фимианы. И ставши у гроба господня, и воздѣвши руцѣ на небо, и воздохнувши из глубины сердца, глаголящи: «Господи, Исусе Христе, сыне божий и рожейся от присно девы Мариа! Спасения ради нашего рекл еси: «просите и примете». Аз грѣшная его просих и получих от тебѣ, владыко. Се же еще прошоу от тебѣ, владыко, господи, милостиве: да скончаю мѣсто прошения моего, приими дух мой от мене во святом градѣ твоём Иерусалимѣ, и пресели мя в вышній град твой во Иерусалим, и покой мя на лонѣ Авраама патриарха со всѣми угожешими! Аминь». И сице ей глаголавши, изыде во иже реченную церковь святыя богородица, игдѣ бѣ обитала.

Ту же посѣщением божиим в недуг впаде: нача болѣти. И лежащи на ложи своем глаголаше: «Слава тобѣ, вла- дыко! Яко восхотѣ и сотвори на мнѣ, рабѣ твоей!» Тоя же ради болѣзни не может ити на Иордан, иде брат ея Давыд и сестра ея Евпраксія и сущии с нею. Она же лежащи на ложи, хвалящи бога глаголющи: «Господи, призри на рабу твою, Еуфросинию, и помилуй мя!» И приидоша бывшии на Иорданѣ, и принесоша воды от Иордана. Она же с радостию, воставши и пивши, и облиася по всему тѣлу своему, возлеже на ложи и рече: «Бла- гословен господь бог, просвѣщая всякаго челоуѣка, гря- дущаго в мир! Тебѣ молю, челоуеколюбивому богу, ревнующи Петрову покаянию, во отверженіи отчая в себѣ плакась горко. Господи, прими того покаяние! Приими мене, недостойную рабу твою, Ефросинию, молящуся на супро- тивника моего дьявола! Да не возглаголет ми ничто же на страшнѣм судѣ твоём пред тобою, господи, злый раб, восту- пих ногама своима на змиеву его голову! И супротивихся

окаяннѣи, его дерзости, надѣющись на твое человеколюбие, господи!»

И услыша бог молитву ея. И посла ангела своего. И глагола к ней: «О, блажена ты в женах, и благославен труд твой! И се уже отворзоша ти двери породныя. И вси ангели собращася дрѣжаще свѣща, чающѣ твоего срѣтениа; а дар, его же просиши у бога, дасть ти ся». И се рек ангел к ней, отиде от нея.

Блаженная Ефросиниа возрадовася душею и скоро посла в лавру, глаголющи: «Се уже приспѣ ми время; да уже мя бог покоить. Приимите мя, да бых легла во церкви святаго Савы!»

Они же отвѣщаша к ней ту сущии черньци: «Имѣем запрещение от святаго Савы, оже жены не приимати никоея же. На се ти есть монастырь Святая богородица общий. В нем же лежать о жены святаго милости святаго Савы, милости святаго Феодосиа, милости святых безмездника Козмы и Дамяна, именем Феодотиа и инии мнозии святии. Ту и тебѣ подобает леци».

Приѣхав посол ея и возвѣсти преподобной Еуфросинии. Она же всѣм тѣм похвали бога и, пославши, купи себѣ гроб в комарѣ святаго богородица, и лежа дней 24. И познась при скончании и рече: «Призовите ми прозвитера, да ми дасть причащение. Уже бо звата и близ предостойть. Ждый повеления владычня». И приде прозвитер, нося причастие. Она же, воставши и поклонися трижды и приемши пречистое тѣло, тако возлѣже. И предасть душу свою в руцѣ бога жива месяца мая в 24 день, и иде в покой небесный.

Ким убо языком достойть нам похвалити, братие, свѣтозарную память преблаженныя невѣсты Христовы — Ефросинии?! Бяше бо помощница обидемым, скрѣбящим утѣшѣнием, нагим одѣяние, больным посѣщение, просторищѣ всѣм. Всяка бысть Ефросиниа, убо сердце свое напокаяше божия премудрости, Еуфросиниа — неувѣдающий цвѣт райскаго сада! Еуфросиниа — небопарный орел, попаривши от Запада и до Востока, яко луна солнечная, просвѣтивши всю землю полоцкую! Тѣм же, братие, хвалится Селун Дмитрием, а Вышегород мученикы. А мы же хвалим блажен еси ты граде Полоцкий, таковую лѣторасль возрастивый,— преподобную Еуфросинию! Блажени людие, живущии в нем! Блажени родители твои! Блажена утроба, от нея же изыде преподобная Еуфросиниа! Блажено рожество ея! Блажено воспитание ея! Блажен возраст твой, Еуфросиние достохвалная! Блажен труд твой и подвижи яже

к богу! Блажен монастырь твой! Блажени людие, живущии в монастырь святого Спаса и святая богородица! Блажени людие, живущии в тебѣ, преблаженная невѣсто Христа, бога нашего! Молися к богу о стадѣ своем, иже еси совокупила ко господу, яко тому подобает всяка слава и честь и поклонение отцу и сыну и святому духу и нынѣ и присно.

Мѣсяца того же августа 21 день

**ЖИТИЕ И ТЕРПѢНІЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АВРАМЬЯ,
ПРОСВѢТИВШАГОСЯ В ТЕРПѢНЬИ МНОЗЕ,
НОВАГО ЧЮДОТВОРЦА В СВЯТЫЯ
ГРАДА СМОЛЕНЬСКА**

Господи, благослови! ...молю ти ся, господи Исусе Христе, сыне божий, молитвами пресвятых и пречистых дѣвы матери и всѣх небесных сил и всѣх святых молбами, и дай же ми разум просвѣщен божиею благодатью, подаждь мнѣ, худому и грѣшнѣйшу паче всѣх, свѣтлый подвиг житиа и терпѣниа начати, еже о житиѣ блаженаго Авраама, бывшаго игумена монастыря сего святых владычица наша богородица, его же день успения* нынѣ празднуючи память чтем. Се же, братия, въспоминающу житие преподобнаго и не сушу написану, печалью по вся дни обдержим бых и моляхся богу: «Господи, сподоби мя вся по ряду писати о житиѣ богоноснаго отца нашего Авраама», да по нас сущии черноризци, приемше наказание и почитающе ти видѣша мужа доблѣсть, въсхвалят бога и, угодника его прославляючи, и на прочии подвиг укрѣпляться, паче же в странѣ сей, яко там мужъ явися, угодник божий.

...Бѣ бо сей блаженный Авраамей от вѣрну родителю рождѣся, бѣста и та в законѣ господни добрѣ живуща благочестно. Бѣ же отецъ его всѣми чтим и любим, от князя честь приемля, бѣ бо воистину от всѣх опознан, яко и правдою украшен и многым в бѣдах помогая, милостив и тих к всѣм, к молитвѣ, ко церквам прилежа. Тако же и мати его всѣм благочестием украшена. Та же не яко не плоды бѣста: «двѣмнадцать дщерем от нею рождѣшимся, и не бѣ има отращате. И се бытъ има от божиа строения. Многим желанием моляста бога подати има отроча, многы же обѣты

и милостыня церквам и монастырем даюша, — и послуша ею бог и дасть има отроча. ...И свершившим же ся днем рождению, родиста блаженаго дѣтища, таче в осмый день принесоста к святителю божью, яко же обычай есть христианом, имя дѣтищу нареци. Прозвигер же, видѣв дѣтища, сердечныма очима и благодатью божьего прозряше о нем, яко хочеть измлада богу датися. Таче минуша 40 дни дѣтищу, крещением освятиша и. Отрочя же растяше и кормимо родителема своима, и благодать божиа бѣ с ним и дух божий измлада в онь вселися.

И егда же бѣ отрочатем Христовою благодатью в возраст смысла пришедшу, родителя же его даста и книгам учити. Не бо унывааше, яко и прочая дѣти, но скорым прилежанием извыче, к сему же на игры с инѣми не исхожааше, но на божественое и на церковное пѣние и почитание преже инѣх притекая, яко о сем родителема радоватися, а инѣм чюдитися таковому дѣтища разуму. Господня бо бѣ благодать на нем, просвѣщающи разум его и наставляющи на путь заповѣдей Христовых.

Егда же в болший возраст прииде, всею телесною красотою и добротою яко свѣт сияше, родителема же его к браку принужающим, но тѣм сам не въсхотѣ, но паче поучив ею и наказав презрѣти и възненавидѣти житейскую сию славу, прелесть мира сего, и въсприяти мнѣшескый чин.

Тѣм же отшедшима житиа сего к богу, он же повелику обрадовася и дасть богу славу, тако изволшему; богатство же, яже остависта родителя его, убогим раздаде, вдовицам и сиротам и черноризцем все, бояся и како бы бес печали всѣх земных отѣити и наставити мысль свою к богу и утвержая и учася господню словеси, глаголющему: «и аще кто не възметъ креста своего, не поидеть въслѣд мене, нѣсть мнѣ подобен». Богодухновенныя же книги и святых житиа почитая и како бы их житиа и труды и подвиг въсприяти, изменися свѣтлых риз и в худыя ся облече и хожааше яко един от нищих и на уродство ся преложь и рассмотряя и прося и моляся богу, како бы спастися и в кое мѣсто приити.

И утаився всѣх, богу наставляющу, отшед от града дале 5 поприщъ, острижеся, яко же мнози вѣдят святыя богородици монастырь, к востоку, Селище нарицають. И бысть оттолѣ по благодати Христовѣ болий на подвиг и на вся труды подвизаяся и мыслью вспоминая святаго града Иерусалима и гроб господень и вся честная мѣста, яже избавитель бог и спас всего мира иде же страсть прият нашего ради спасения, и вся честная мѣста и преподобных отецъ пустыня, иде же суть подвиг и труд свершивше: дивнаго

началника всѣм и восиявшаго ангелом равна, великаго меню Антониа, бывшаго крѣпка, храбра и побѣдившаго силою крестною духы неприязненныя Илариона, бывшаго ученика его, по нем свѣтлаго в постыницѣх чудотворца Еуфимья, иже по сих Саву и Феодосья архимандрита и старейша всѣх наставника черноризцем, сущим окрест Иерусалима. Из всѣх любя часто почитати учение преподобнаго Ефрѣма и великаго вселенныя учителя Иоанна Златоустаго и Феодосия Печерьскаго, бывшаго архимандрита всеа Руси, и вся же святых богодухновенных книг житиа их и словеса проходя и внимая, почиташе день и ночь, беспрестани богу моляся и поклоняся и просвѣщая свою душу и помысл и кормим словом Божиим, яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтаючи и сладкую собѣ пищу приносящи и готовящи, тако же и вся от всѣх избирая и списая ово своею рукою, ово многыми писци, да яко же пастух добрый, вся свѣдѣй паствы и когда на коей пажити ему пасти стадо, а не яко же невѣжа, невѣдѣй паствы, да овогда гладом, иногда же по горам рыздутся, блудяще, а инии от звѣрей снѣдени будутъ. Тако всѣм есть вѣдомо невѣжам, взимающим сан священства. Тако же и корабленик и хитрии кормници, вѣдуще путь и пристанище их, милости ожидающе от бога и подобна вѣтра, а не противу бури и волнам морским, но с божиею помощію како ити нареченнаго града бес пакости и потопления. Аще ли в град дальний хотяще поити, тѣ вѣдущих просим, егда суть пути различни и мѣста сущих разбойник, того всего боимся и молим бога, дабы без всякоя бѣды дойти...

Пребысть же блаженный Авраамий в прежереченнѣм монастыри в трудѣ и в бдѣнии и в алкании день и ночь, яко же и самому игумену, зрящу добраго житья, радоватися и всей братьи славити бога и мнозем от мира притекати от него утѣшениа приимати от святых книг. И бѣ в всем повинуюся игумену и послушание имѣа к всей братьи и любовь и смирение имѣи и бога ради покоряся всѣм. Искусив же его игумен, яко в всем повинуется ему и послушаетъ и — бѣ бо и сам игумен хитр божественным книгам и вся свѣдѣй, и никто же смѣя пред ним от книг глаголати, — и принуди же блаженаго Авраамиа прияти священнический сан: и поставлену ему бывшу дьяконом и потом иерѣем, при княженьи великаго и христороубоваго князя Мьстислава Смоленскаго и всеа Рускыа.

Прием же блаженный священный сан, большее смирение приат, яко таку благодать Христос ему дарова; божественную же литургию, с всяцѣм тщанием, иже за всего мира

Христос повелѣ приносити, ни единого же дне не остави, яко же мнози вѣдятъ его бывша и до самое смерти и не оставившаго церковная правила и божественая литургия и своего подвига.

Нищету же и наготу и укорения же от диявола и тугу и искушение от игумена и от всее братьи и от раб — кто может исповѣдати? Яко же ему самому глаголати: «бых, 5 лѣт искушения терпя, поносим, бесчествуем, яко злодѣй». Яко же не терпя его и видя себе диявол побежена от святаго, и воздвиже нань сию крамолу своими совѣты, хотя и оттоле прогнати; яко же и бысть. Видя бо диявол, яко мнози от града приходятъ и учением духовным его множатся, от многих грѣх на покойние приходятъ, аще ли и сиче рѣчем: богу хотящу, яко нѣсть лѣпо свѣтилнику во тмѣ сияти и укрытися граду, выше горы сушу. Пишетъ бо о великом свѣтитѣли и учителя всего мира, о Златоустѣм Иоанѣ, яко егда отъиде в пустыню и пребысть нѣколко врѣмя в пустыни, яко многимъ трудом и въздержанием и алканием прият врѣд и нужу от тѣла, яко же бысть и се ему от божиа промысла, да не учитель далече града будетъ, оттолѣ выиде в град, уча и наказуя на страх господень. И сиче же и сему бысть от диявола научения, ибо нѣции от ерѣй, друзии от черноризецъ како бы нань вѣстати, овии же от града потязати и укорити исходяще, друзии спиру творяще, яко ничто же свѣдуща противу нас глаголааху, и тако посрамлени с стыдом отхожааху. И паки не преставааху, крамолы нань въздвизающе в градѣ и везде глаголюще: «се уже весь град к собѣ обратил есть».

Есть бо, о братие, о семь приложити слово на утѣшение вам: тако бо бѣ благодатью Христовою утѣшая приходящаа и плѣняя их душа и смысл их, дабы възможно и неотходящу быти, яко же и сему мнози суть послуси, яко же и самому игумену не стерпѣти, многыя к нему видя притекающаа, и не хотя того, его отлучи и глаголаше: «аз за тя отвѣщаю у бога, ты же престани уча», и много озлобления нань взложи.

И оттолѣ вниде в град и пребысть в едином монастыри у Честнаго Креста. И ту начаша болѣ приходити и учение его множайшее быти, а враг сѣтоваашеся, а господь бог раба своего прославляаше и съблюдааше на всяко время, благодать и силу подавая рабу своему. И пребысть мало время и от многъ приемля утѣшение, подавааху ему на потребу и лише потребности, и потом скоро раздавааше вдовицам и нищим, а сам еже с потрѣбу собѣ принимаше. Украси же церковь иконами и завѣсами и свѣщами, и мнози начаша

от града приходити и послушати церковнаго пѣнія и почитанія божественныхъ книгъ, бѣ бо блаженный хитр почитати, дасть бо ся ему благодать божия не токмо почитати, но протолковати, яже мнозѣмъ несвѣдущимъ и от него сказаная всѣмъ разумѣти и слышащимъ, и сему изъуст и памятью сказая, яко же ничто же ся его не утаитъ божественныхъ писаний, яко же умлѣкнуша уста его к всѣмъ, к малымъ же и к великымъ, рабомъ же и свободнымъ и рукодѣльнымъ, тѣмъ же ово на молитву, ово на церковное пѣние, ово на утѣшение притекающимъ, яко и в нощи мало сна приимати, но колѣнное поклоняние и слезы многы от очю безъщукъ изливя и в перси биа и кричаньемъ богу припадая помилувати люди своя, отвратити гнѣвъ свой и послати милость свою и належачихъ бѣдъ избавити ны и мир и тишину подати молитвами пречистыя дѣвы и всѣхъ святыхъ. Написа же двѣ иконѣ: едину страшный судъ втораго пришествія, а другую — испытание въздушныхъ мытарствъ, ихъ же всѣмъ нѣсть избѣжати, яко же великий Иоанъ Златоустъ учитъ...

И бѣ блаженный с въздержаниемъ от многаго питія, пьянства же отинудъ ненавида, ризы же по смиренію любя, драгыхъ велми бѣгая и смирение присно имѣа, на трапезы же и на пиры отинудъ не исходя, многихъ ради зазираний, яже бывають от мѣста избирающихъ, и инѣхъ ради многихъ, яже бывають от многаго ради пьянства и бѣды, и того ради сего убѣгааше. Образъ же блаженаго и тѣло удручено бяше, и кости его и състави яко мощи исчести, и свѣтлость лица его блѣдъ имуще от великаго труда и въздержанія и бдѣнія, от мног глагол, яже тружаашеся, поя и почитая и молитву принося к богу. И к божественному егда приступаше жертвеннику на божественное приношение от господа прѣданую апостоломъ на вечери, и апостолы нам онога завѣта в оставление грѣховъ, с благобоязньствомъ и с вниманиемъ; отинудъ запрещаше же в церкви не глаголати, паче же на литургии, и заповѣдая и уча, всю имѣти веля мысль и с душею тогда к богу стройно же, по чину, лѣпо.

Егда устраяшешя в священчѣскый санъ, образъ же и подобье на Великаго Василья: черну браду таку имѣа, плешиву развѣ имѣа главу. Но не зазрите ми, братъе, моей грубости, не лжа бо си глаголю, или какою хытростью или мудростью, но многихъ ради, иже его не видѣша и не слышаша, и въспоминаю господа, глаголюща: «Рабе лѣнивый и лукавый, подобааше ти дати сребро мое купцемъ, да азъ быхъ на нихъ взялъ с лихвою!» Темъ, бояся сего осужденія, сия написаю, да сего послушавше, прославимъ бога, давшаго сию благодать и помощь граду Смоленску, блаженаго Авраамья...

Видя же себе сотона побѣжена Христовою силою от святаго, яко являшеся ему овогда в нощи, овогда в день, устрашая и прѣтя, яко огнь освѣщаа и в нощи, яко мнозѣм еще не спящим с ним, да овогда стужая, ово являеся в мнозех мечтаниих, яко и до стропа, и паки яко лев напада, яко звѣрие лютии устрашающе, другое яко воины нападающе и сѣкуще, иногда и с одра и смешуще. А егда от сна въстаяше блаженный, по малу сна укусив от злых окаянных бѣсовскихъ мечтов, и в день болѣ ему о семь стужающе, тѣм же ово собою, ово в жены бестудныя прѣображающеся, то же, яко о великомъ Антонии пишется. Видя господь силу неприязнину и его злобу на ны, не попусти вся воли его... И сими блаженаго всѣми укусив сатана и не одолѣвъ, богу помогающе, и ту крамолу нань въздвиже, яко же и при господи бысть...

И вшед сотона в сердце бесчинных, въздвиже нань: и начаша овии клеветати епископу, инии жу хулити и досажати, овии еретика нарицати, а инии глаголаху нань — глубинныя книги почитаесть, инии же к женам прикладающе, попове же знающе и глаголяще: «уже наши дети вся обратил естъ», друзии же пророком нарицающе и ина же многа нань вѣщания глаголюще, их же блаженный чюжь; истинною реку тако, никто же аще бы не глаголя на блаженаго Авраамия в граде, но диавол о сем радоваашеся, а блаженный все, радуясь, терпяше о господи. Събраша же ся вси от мала и до велика весь град нань, инии глаголють заточити, а инии к стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозѣ град. Всѣм же собравшимся на двор владычень, игуменом же и попом и чернѣцем, князем и боляром, диаконы и вси церковници, внегода послаша по блаженаго, уже всѣм собравшимся, посланыя же слугы, емше, яко злодѣя влачяху, овии ругахуся ему, инии же насмихахуся ему и бесчинная словеса кыдающе, и весь град и по торгу и по улицам — вездѣ полна народа, и мужи же глаголю, и жены и дѣти, и бѣ позор тяжек видѣти. Блаженный же бѣ яко птица ят руками, не умѣа, что глаголати или что отвѣщати, но едино упование имѣа к богу и к нему моляся от такая избавитися печали и в собѣ въспоминая страсть господа нашего Исуса Христа, яко вся си претерпѣ нашего ради спасения, и за них моляся: «Господи, не постави им грѣха и не попусти на раба твоего предатися в руцѣ их, но укроти и запрѣти, яко же пред ученикы на мори вѣтру повелѣ умолкнути». Яко же и бысть. Князю бо и властелем умягчи бог сердце; игуменом же и ереом, аще бы мощно, жива его пожрети.

Ведому же ему на снем, явися господь в то время преподобному Луцъ Прусину у церькви честнаго архангела Михаила. Стоящу ему на молитвъ в 9 час, и глас бысть ему, глаголющъ, яко «се возводятъ блаженаго моего угодника на снем с двѣма ученикома, истязати хотять, ты же о немъ никако не съблзнися».

И глаголаше блаженный Лука на снимающихся на блаженаго Авраамия и на уничижающих его: «много бо бес правды хулящей и уничижаютъ, но да быша грѣси его на мнѣ были! И вы слышасте, яко хотѣша сътворити преже сего не имуще страха божия и тации же безумнии и епископ и како хотѣша бес правды убити и. Иже и еще пророк зол и хула и клятва зла и гнѣв божий и за 30 лет пребысть и еще вы прибудеть, аще ся того не покаете»...

Приведену же бывшу блаженому на суд, ничто же нань вины не обрѣтающим, но бещину попом, яко волом, рыкающим, тако же и игуменом, князю же и велможам, не обрѣтающим такыя вины, но изискавше все, нѣсть неправды никоея же, но все лжуть, тогда яко единѣми усты: «неповинны да будем, владыко, рекуще к всѣм, еже таку нань крамолу въздвигнули есте, и неповинни есмы, иже нань глаголетѣ или что съвѣщаете како любо незаконно убийство!» И глаголюще: «благослови, отче, и прости, Авраамие!» И тако отъидоша в свояси.

Видѣвше же сия тако отъидоша и яко нѣсть им конца, в чем осудити и, и рѣша от епископа на се приготованным крѣпко стрѣщи и и блюсти и и ина два от ученик его, иже преподобному служаще добрѣ. Наутрия же събравшимся, игумени и ереи, и вины, яже преже глаголааху, укоривше, озлобивше, възложиша нань. И от того времени паки вниде в монастырь, идѣ же бѣ преже остриглься блаженный, яко не приемшу ему никоего зла. Се же от сего времени много зла пребысть...

...сбысться проповѣдь святую апостолу на крамольствовавших и на отгнавших святаго, да ови от епискуп напрасную смерть приимаху, иным же прыщые синиа по ногам бывааху, просѣдающесея, иному напрасен огонь, свыше сшед, руцѣ и нозѣ усуши, иному же нога обѣтрися и нача гнити и претираемѣи ей, яко от тоя и другой тот же врѣд прияти, и в три лѣта едва душу испусти, иному же язык яко затыка в устѣх бяше и в доску вписав, глаголаше свой грѣх, яко на святаго Иоана Златаустаго хулу глаголах; Евдоксию же лютый недуг порази, лоном бо ей кровь грядяше и потом бысть смрад и черви породи, и тако горкою смертию живот свой злѣ сконча. Ибо видѣти гнѣв божий, напрасно на них на-

ходяй и многым мукам и смертем предаю тяжко... Скоро на сих бысть, да овии от игумен, инии же от попов на-
прасную смерть приимаху, яко вѣдущей бывше в сонмѣ на
блажѣнаго тужааху и припадааху ему на ногу, прощения
просяще, а не бывше на сонмѣ радоваахуся. ...Бывшу же
бездождью велику в градѣ, яко иссыхати земли и садом и
нивам и всему плоду земленому, яко нѣ за колко бысть вре-
мя всѣм тужающим, и молящим бога, и сам епископ, блаже-
ный Игнатий с честным крилосом и с богобоязливыми
игумены и ереи и дьяконы и черноризци и с всѣм градом,
мужи и женами и весь младый възрастъ, вкупѣ весь град,
окрест ходяше с честным крестом и с иконою дръжащею
господа и с честными святых мощьми, и с великим умиле-
нием и с слезами помиловати люди своя и послати
милость свою на землю и отвратити гнѣвъ свой: «пусти,
господи, дождь, одожди лице земли, молимся, святой».
И кончавшим пост, крестом и святых мощьми воду освятив-
ше, и отъидошо каждо въсвоися. И не бысть дождя на
землю. И быша в печали велицѣ. Се же бысть от божия про-
мышления. И хотя бог блаженаго Авраамия объявити, нѣко-
ему помянути възложи на сердце бог, сушу иерею, яко,
шед, помяну христоробивому епископу Игнатию яже о
блаженѣм Авраамии, глаголя сице: «Вси молихомся, не по-
слуша нас бог. Кая вина така, яже на преподобнаго
Авраамия, яко лишен бысть божественная литургия? Егда
и того ради бысть от бога казнь си?»

Тогда блаженный Игнатий въскорѣ посла по блаженаго
Авраамия, и призвав и испытавъ, яко все лжа и оглаголение
по зависти и злобѣ дияволи бысть, и прости и, глаголя:
«и благослови, честный отче, за невѣдѣние мое се ти
сътвори, и весь град благослови и прости послушавших
лживых клеветник и оглаголник. И благослови паки пре-
чистую и честную литургию съвершати, и моли бога о градѣ
и о всѣх людех, да помилуетъ господь и подасть богато
дождь свой на землю».

И глагола блаженный к святителю: «Кто есмь аз грѣшный,
да сице повѣлеваеши выше силы моя?» Но глагола:
«Воля божия, да будетъ о всѣх нас! И ты преже о нас
помолися, честный о святителю, о своем ти богопорученѣм
избраннѣм святем стадѣ словесных овецъ».

Отшедше же блаженому и молящуся богу и глаголющо:
«Услыши, боже, и спаси, владыко вседержителю, молитва-
ми твоего святителя и всѣх иерей твоих и всѣх людей твоих,
и отврати гнѣвъ твой от раб твоих и помилуй град сѣи и
вся люди твоя и приими милостиве всѣх въздыхание и с

слезами молящих ти ся и пусти и одожди, напои лице земли, человекы и скоты възвесели. Господи, услыши и помилуй!»

Еще преподобному не дошедшу своя кѣлия, одожди бог на землю дождь, яко славити бога всѣм и глаголати: «Слава тебѣ, господи, яко скоро послуша своего раба!» И бысть много радость в градѣ. И оттолѣ начаша притѣкати в градѣ и вси глаголати, яко «Помилова бог, избави ны от всѣх бѣд твоими, господи отче, молитвами». И отселѣ болѣ просвѣтися по благодати Христовѣ...

По мнозѣ же времени ... епископ божиею волею тогда, призва единаго от своего честнаго крилоса перьваго от старѣйших протопопу, именем Георгий, глагола к нему о блаженѣм Авраамии, помянув, яко далече ему сушу града, скорбь ему велья, да призоветь и скоро. Скоро же блаженный прииде, по повѣлению епископа, и вшед сътвори поклонение, глаголя: «Благослови, владыко святой, раба твоего». Призва блаженаго Авраамии епископ, утѣшая, глаголаше: «Како, отче, о господи пребываеши?» Оному же рекшу: «Ей, владыко святой, истинною молитвами твоими добре», и рече к нему епископ: «Хочу дати ти благословение, аще е приимеши». Отвещав блаженный, глаголаше: «Честно есть благословение яже нѣ и дар». И глагола к нему епископ: «Се благословение: поручаю ти и даю пресвятыя богородици дом; понди, похвала бога и славя, и моли о всѣх». Блаженный же радовашеся и хваляше бота, таку даровавшаго благодать рабу своему молитвами святыя богородица...

И оттолѣ нача пребывати в первѣм подвизѣ и всѣм же притекающим с радостію великою, ибо велиа благодать божиа на градѣ, вся и веселящи и хранящи, избавляющи, тишину же и мир и всѣх благых на многа лѣта подающи, и еще не оскудѣти имать молитвами святыя богородица и преподобнаго ради Авраамии и всѣх святых его. И оттолѣ прослави и господь болѣ, занеже злѣ блаженаго оскорбивше обращаться начаша и приподати на ногу, просяще прощения. Иже всѣми ненавидим быв, всѣми любим бысть, да иже преже бояхуся приити, то убо не боящеся, но радующеся приходяху, не точью граждане едины приходяху, но с женами и с дѣтьми, но и от князь и от вельможь, работнии же и свободнии притекааху, вси своя грѣхы к нему исповѣдающи, и тако отхожааху, в дома своа радующеся...

Пребысть же блаженный в такомѣм подвижанни вся дни лѣт живота своего, о сем бдя и моляся с въздыханием, многы же научив и наказав пребывати в добрѣм трудѣ, в бдѣнии же и в молитве, в терпѣнии же и смиренни, в мило-

стыни же и в любви, и сице утверди вся с слезами многими сих не забывати николи же и глаголаше: «И мене смиреннаго не забывайте в молитвах ваших, молящися владыцѣ и богу и пресвятѣй его матери с всѣми святыми его». И потом болѣзни на блаженнаго нашедши, и тако преставися, предав блаженую и святую свою душу господеву, его же желааше и получи, царство небесное. И пребысть блаженный Авраамий подвизаяся лѣт 50, подвизаяся от уности до конца живота своего о Христѣ Исусѣ господѣ нашем, ему же слава и дрѣжава с отцем и святым духом нынѣ и присно в вся бесконечныя вѣки. Аминь.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА*

Не лѣпо ли ны бѣшет, братие, начяти старыми словесы трудных повѣстий о плѣку Игоревѣ, Игоря Святѣславлича? Начати же ся тѣмъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню*.

Боян бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ под облакъ, помняшеть бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу*, храброму Мстиславу*, иже зарѣза Редедю предъ плѣкы касожьскими, красному Романову Святѣславличю*.

Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нѣ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимире* до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ; наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрѣя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сѣя плѣкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу*, летая умомъ под облакъ, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню* чрес поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореву, того внуку: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому». Чи ли вѣспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовѣ внуче*: «Комони ржуть за Сулою*, звенить слава в Киевѣ. Трубы трубятъ в Новѣградѣ, стоятъ стязи в Пу-

тивль», Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему Буй Тур* Всеволод: «Один брат, один свѣт свѣтлый ты, Игорю; оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми къмети; под трубами повити, под шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени; пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изьострени; сами скачють, акы сѣрыи вльци в полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славѣ».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты*. И рече Игорь к дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои бързыи комони, да позрим синего Дону».

Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго*. «Хощу бо,— рече,— копие приломити конецъ поля Половецкаго с вами, русици; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Тогда вѣступи Игорь князь в злат стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, ноцъ стонуци ему грозою, птичь убуди; свист звѣрин вѣста; збися Див*, кличет врѣху древа: велит послушати земли незнаемѣ — Вльзѣ, и Поморию, и Посулию, и Суроужу*, и Корсуню*; и тебѣ, Тьмутороканьскый бльван*!

А половци неготовамаи дорогами побѣгоша к Дону великому: крычат тѣлѣгы полунощы, рци — лебеди роспужени.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо бѣды его пасет птиць по дубию*, вльци грозу въсрожать по яругам; орли клетком на кости звѣри зовут; лисици брешут на чръленыя щиты.

О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Дльго ноцъ мръкнет. Зарясвѣт зачала. Мьгла поля покрыла. Щекот славий успе; говор галичь убудися. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

С зарания в пятък потопташа поганья плѣкы половецкыя и, рассушысь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а с ними злато, и поволокы, и драгыя оксамиты*. Орьтмами, и япончицами, и кожухы* начаша мосты мостити по болотом и грязивым мѣстом, и всякыми узорочьи половецкыми.

Чрълен стяг, бѣла хорюговь, чрълена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!

Дремлет в полѣ Ольгово хороброе гнѣздо*. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу ни кречету, ни тебѣ, чръный ворон, поганый половчине!

Гзак бѣжит сѣрым вльком; Кончак* ему слѣд править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣт повѣдают. Чръныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца*, а в них трепещуть синии мльнии. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами с Дону великаго! Ту ся копием приламати, ту ся саблям потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каяль*, у Дону великаго.

О Руская землѣ, уже за шеломянем еси!

Се вѣтри, Стрибожи* внуци, вѣют с моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы. Земля тутнет, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрывают, стязи глаголют. Половци идуть от Дона, и от моря, и от всѣх стран рускыя плѣкы оступиша. Дѣти бѣсови кликом поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яр тур Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломы мечи харалужными. Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломом посвѣчивая, тамо лежат поганыя головы половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя* от тебе, яр туре Всеволоде.

Кая рана дорога, братие, забыв чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны*, свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя. Тѣй бо Олег мечем крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступает в злат стремень в градѣ Тьмутороканѣ; той же звон слыша давный великий Ярославль сын Всеволод, а Владимир по вся утра уши закладаше в Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову храбра и млада князя*.

С тоя же Каялы Святоплѣк полелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы* ко святѣй Софии к Киеву*.

Тогда при Олзѣ Гориславличичи* сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждѣбожа внука*; в княжих крамолах вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской

земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупна себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие. То было в ты рати и в ты плѣкы, а сицей рати не слышано.

С зараниа до вечера, с вечера до свѣта летят стрѣлы каленыя, гримлют сабли о шелома, трещат копия харалужныя в полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля под копыты костыми была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече рано пред зорями? Игорь плѣкы заварочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полуднию падоша стязи* Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пир докончаша храбрии русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось.

Ужо бо, братие, не веселая година встала; уже пустыни силу прикрыла! Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣм море; у Дону плещучи, упуди жирня времена.

Усобица князем на поганья погыбе*, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мѣлвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а погании съ всѣх стран прихождаху с побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птиць бѣя к морю! А Игорева храбраго плѣку не крѣсити. За ним кликну Карна и Жля*, поскочи по Руской земли, смагу людем мычючи в пламянѣ розѣ*. Жены руския въсплакашася, аркучи: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати».

А вѣстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастыми. Тоска разлилася по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ от двора.

Тии бо два храбрая Святѣславлича, Игорь и Всеволод, уже лжу убудиста, которую то бѣше успил отец их Святѣслав грозный*, великий киевскый: грозою бѣшетъ притрепал своими сильными плѣкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота.

А поганого Кобяка из луку моря, от желѣзных великих плѣков половецких, яко вихр, выторже: и падеся Кобяк в градѣ Киевѣ, в гридницѣ Святѣславли. Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поют славу Святѣславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жир во дѣя Каялы, рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша ту. Игорьъ князь высѣдѣ из сѣдла злата а в сѣдло кощиево. Уныша бо градом забралы, а веселие пониче.

А Святѣславъ мутен сон видѣ в Киевѣ на горах. «Си ночь с вечера одѣвахуть мя,— рече,— чръною паполомою на кровати тисовѣ, чръпахуть ми синее вино с трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганых тлѣковин великый женчоуг* на лоно и нѣговахуть мя. Уже дѣска без кнѣса в моем теремѣ златовръсѣм. Всю ночь с вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска* на болони, бѣша дебрьски сани* и несоша е к синему морю»*.

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола* слѣтѣста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганых саблями, а самаю опуташа в путины желѣзны. Темно бо бѣ в 3-й день: два солища помѣркоста; оба багряная стлѣпа погасоста и с нима молодая мѣсяца, Олег и Святѣслав* тьмою ся поволокоста, и в морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хинови*. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣт покрыла; по Руской земли прострошася половци, акы пардуже гнѣздо. Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю*; уже врѣжеся Див на землю. Се бо готския* красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускым златом; поют время Бусово*, лелѣют мечь Шароканю*. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святѣслав изрони злато слово съ слезами смѣшено, и рече: «О, моя сыновчя*, Игорю и Всеволоде! Рано еста нача Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузѣ скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя брата моего Ярослава* с черниговьскими былями, с могуты и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с ревугы, и с ольберы*: тии бо бес щитовѣ с засапожники кликом плѣкы побѣждают, звонячи в прадѣдную славу. Нѣ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитим, а заднюю си сами подѣлим!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли сокол в

мытех бывает*, высоко птиц възбивает; не даст гнѣзда своего в обиду. Нѣ се зло: княже ми не пособие. На ниче ся години обратиша».

Се у Рим* кричат под саблями половецкыми, а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!

Великий княже Всеволоде!* Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити*, а Дон шеломы выльяти! Аже бы ты был, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ*. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы*.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!* Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, в злата стремена за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославле!* Высоко сѣдиши на своем златокованнѣм столѣ, подпер горы Угорскыи* своими желѣзными плѣки, заступив королеви* путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены* чрез облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата; стрѣляеши с отня злата стола солтани за землями*. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощей, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!* Храбрая мысль носит ваш ум на дѣло! Высоко плаваеши на дѣло в буести, яко сокол на вѣтрех ширяеши, хотя птицю в буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи под шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци* сулицы своя поврѣгоша, а главы своя подклониша под тѣи мечи харалужныи. Нѣ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣт, а древо не бологом листвие срони! По Рси и по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плѣку на крѣсити. Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на побѣду. Олговичи*, храбрыи князи, доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволод и вси три Мстиславичи*, не худа гнѣзда шестокрилци!* Не побѣдныи жребии собѣ власти расхытите! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите полю ворота* своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течет сребренными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков*,

позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а сам под чрѣлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепан литовскими мечи, и с хоти ю на кровать и рек: «Дружину твою, княже, птиць крыли приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брючяслава*, ни другаго Всеслава*: един же изрони жемчужну душу из храбра тѣла чрес злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубят городеньскіи. Ярослав и вси внуци Всеслави!* Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени; уже бо выскочисте из дѣдней славы. Вы бо своими храмолами начясте наводити поганяя плѣкы на землю Рускую, на жизнь Всеславию; которою бо бѣше насилие от земли Половецкыи!

На седьмом вѣцѣ* Трояни връже Всеслав* жребий о дѣвицу себѣ любу*. Тѣй клюками подпрѣся о кони, и скочи к граду Киеву, и дотчеса стружием злата стола Киевскаго; скочи от них лютым звѣрем в плѣночи из Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ; утрѣ же вазни с стри кусы*: отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вльком до Немиги с Дудуток*.

На Немизѣ снопы стелют головами, молотят чеи харалужными, на тоцѣ живот кладут, вѣют душу от тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологом бяхуть посѣяни, посѣяни костью руских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь вльком рыскаше: из Києва дорискаше до кур* Тмутороканя, великому Хрѣсови* вльком путь прерыскаше. Тому в Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святяго Софеи* в колоколы, а он в Києвѣ звон слыша. Аще и вѣща душа в дрѣзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше.

Тому вѣщей Боян и прѣвое припѣвку, смысленный, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божна не минути».

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвых князей! Того стараго Владимира* нельзѣ бѣ пригвоздити к горам киевским: сего бо нынѣ стаща стязи Рюриковы, а друзии Давидовы; нѣ розно ся им хоботы паицут*, копия поют.

На Дунаи* Ярославнын глас* ся слышит; зегзицею незнаема рано кычеть*. «Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви, омочю бѣбрян рукав в Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣм его тѣлѣ!»

Ярославна рано плачет в Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «О, вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудною крылцю на моя лады вои? Мало ли ти бяшет горѣ

под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылю развѣя?» Ярославна рано плачет Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «О Днепре Славутицю! Ты пробил еси каменные горы* сквозѣ землю Половецкую; ты лелѣял еси на себѣ Святославлѣ насады до плѣку Кобякова*; възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абых не слала к нему слез на море рано». Ярославна рано плачет в Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣм тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои, в полѣ бездводнѣ жаждею им лучи съпряже, тугою им тули затче?»*

Прысну море полунощи; идут сморци мѣглами. Игоревѣ князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую к отню злату столу.

Погасоша вечеру зари. Игорь спит. Игорь бдит. Игорь мыслию поля мѣрит от великаго Дону до малаго Донца.

Комонь в полуночи Овлур* свисну за рѣкою; велит князю разумѣти. Князю Игорю не быти* Кликну; стукну земля, вѣшумѣ трава, вежи ся половецкии подвизашася.

А Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и бѣлым гоголем на воду. Вѣврѣже ся на брѣз комонь и скочи с него бусым вльком, и потече к лугу Донца, и полетѣ соколом под мѣглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ.

Коли Игорь соколом полетѣ, тогда Влур вльком потече, труся собою студеную росу: претрѣгоста* бо своя брѣзая комоня.

Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!»

Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на вльнах, стлавшу ему зельну траву на своих серебряных брезѣх, одѣвавшу его теплыми мѣглами под сѣнию зельну древу; строжаше его гоголем на водѣ, чайцами на струях, чрѣнядьми на ветрѣх! Не тако ли, рече, рѣка Стugna: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы*, рострепа к усту, уношу князю Ростиславу* затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславлѣ по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою к земли прѣклонилося».

А не сорокы встрокоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздит Гзак к Кончаком. Тогда врани не граахуть, галици помлькоша,

сорскы не трескоташа, полозию* ползаша только; дятлове тектом путь к рѣцѣ кажут, соловии веселыми пѣсньми свѣт повѣдают.

Млѣвит Гзак Кончакови: «Аже сокол* к гнѣзду летит, соколича* рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами!».

Рече Кончак ко Гзѣ: «Аже сокол к гнѣзду летит а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею».

И рече Гзак к Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнут наю птици бити в полѣ Половецком».

Рек Боян и Ходына Святѣславля пѣснатворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», Руской земли без Игоря. Солнце свѣтитя на небесѣ, Игорь князь в Руской земли. Дѣвици поют на Дунаи, вьютя голоса чрез море до Киева. Игорь ѣдет по Боричеву* к святѣй богородици Пирогощей*. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старым князем, а потом молодым пѣти. Слава Игорю Святѣславличю, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плѣки! Князем слава а дружинѣ. Аминь.

ЛІТАРАТУРА XIV — ПЕРШАЙ ПАЛАВІНЫ XVI СТАГОДДЗЯ

БЕЛАРУСКІЯ ЛЕТАПІСЫ

Щолкановщина

Того же лѣта (1327) приѣха посол ^ж силен из орды, именемъ Щолкан, с множествомъ тотар на Тѣрь, и великое нача насилие творити, а князя Александра* и его братью побити хотяще, а Щолкан хотѣ сѣсти на княженьи в Тѣри, а своих князей тотарскихъ хотяше посажати по рускомъ городом, а хрестьян хотя привести в бесерменьскую вѣру. Князь Александр созва тѣрици, и поиде на Щолкана, рек тако: «Не аз почал избивати, но он; и да будетъ оместник бог крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрия, зане проля кровь праведную, егда и мнѣ тоже сътворить?» И поидоша на них. Они же слышавше князя Александра на ся ратью, и изыдоша противу им, и съступишася восходящу же солнцю и бишася чрес весь день и уже к вечеру. И одолѣ князь Александр, а Щолкан побѣже на сѣни; и князь Александр повелѣ зажещи отца своего двор Михайлов, и ту згорѣ Щолкан с дружиною своею; и побѣдиша их,... а гость их Хопыльскый всѣ иссѣкоша. Того лѣта поиде Иван Данилович* в орду. А на зиму приидоша на Русь 5 темниковѣ*, а с ними князь Иван Данилович и плѣниша град Тѣрь,... а князь Александр бѣжа в Псков.

О псковичахъ лѣживыхъ

Прислаша псковичи к Новгороду с поклоном, глаголюще тако: «Идетъ на нас рать нѣмѣцкая дополна ко Пскову, чтобы есте поборонилѣ нас от нѣмецѣ». И новгородци же, не умедливше нимала, поидоша, а гридници вси попечатав; и яко быша на Мелетовѣ, и прислаша псковичи к новгородцам: «Вам, господѣ своей, кланяемся, рати к нам нѣту»; новгородци же възвратишася в Новгород.

Потом же и псковичи, отвергъшеся Новагорода и великого князя руского, послаша послы в Видбеск ко князю Олгерду Гидимовичю помощи просити, а на Новьгород лжу въскладывая: «Братъа наши новгородчи не помогаютъ нам, помози нам господине, в се время». Князь Олгерд приа челобитье плесковское, и посла к нимъ наперед себе воеводу своего князя Юрья Витовтовича, а сам, с братом своим с Къстутьем и с мужи своими с литовники, приде в помощь плесковицам, и приведе с собою сына своего Андрѣя, тако бяше имя ему молитовное, а еще бяше не крещен.

И Олгерд посла Юрья Витовтовича к Новугородку языка добывати, он же подѣйма псковичъ охвочих людей, поѣхаша на сумежье; и стрѣтошася великою ратью нѣмѣчкою, оже они идутъ на стоянѣ кы Изборьску, и убиша нѣмци изборян и плесковицъ 60 мужъ на Мекужичком полѣ, у Мекужици рѣкѣ, а Юрьи прибѣжа в Изборск в малѣ дружинѣ. И наутриа же придоша нѣмци к Изборску граду с силою великою, и с пороки и с многым замышлением, и обступиша град, хотяще расхытити дом святого Николѣ. А Олгерд и Кестутий и повелѣша своим литовником, и видѣблянном и плесковицам бродитися за Великую рѣку, а не вѣдающе под Изборском рати; и они перебродившеся сташа станы на Комнѣ. А Олгерд посла своих людей в сторожу пред полком, а они ѣхавше язык изымаша за Комном и приведоша ко Олгерду; и он повѣда силу велику нѣмѣчкую и рать стои под Изборском. И повелѣ Олгерд и Кестутѣй своей литвѣ опять перебродитися за Вѣликую рѣку в Плесков, тако же и псковичи перебродишася с ним, блюдуще своих дѣтей от литвы; а Олгерд и Кестутѣй взади своими литовники и с плесковици, в малѣ дружинѣ, и поѣхаша в Грамотское болото, и начаша перепытывати нѣмѣчкой рати. А Любко князь, сын Воинев, полотчкого князя, сам друг отѣхавши от Олгерда, и вѣхаша в сторожевый полк нѣмѣчкой рати, не вѣдущу ему, и убиша его самого друга; и бы Олгерду и Кестутю и иным князем скорбь и печаль по Любкѣ князѣ.

А в то время притужно бяше велми Изборску, и прислаша изборяне гонецъ в Псков с многую тугою и печалью; Олгерд же и Кейстутей с своими литовчици отрекошася поити противу силѣ нѣмѣчкой, а псковицам единым не мощно бяше пособити изборяном. И стояша нѣмци под Изборском 10 дней, и воду отѣяша от изборян; помощю же святыя троица и молитвами святого Николѣ, отъидоша прочь, пожегше и пороки и всь запас свой, не вѣдающе, что ниту в Изборскѣ воды; нѣ бог храняше град и люди суцая

в нем, а поганым вложи в сердце обратитися на бѣг.

Тогда псковици много томиша Олгерда, крестити его хотяще и на княжене посадити в Псковѣ; он же отречеся креститися и княженя Псковьского; и крестиша сына его Андрѣя в зборнѣй церкви, и посадиша его псковици у себе на княжене. А Олгерд и брат его Кестутей поѣхаша с своими князи и с своею силою в Литовскую землю, а помощи никоежея не учинивше псковицам, толко около Пскова хлѣб, сѣно истравиша; и видѣвше псковици, что помощи им нѣсть от Литвы, и положиша упованье на бога, и на святую богородицю, и на Всеволожу молитву и на Тимофѣеву, и добиша челом Новугороду и смиришася. Того же лѣта (1342) псковици биша нѣмецъ, угонивше под ихъ городкомъ под Новым на рубижи, и избиша их 300.

О побоищи на Овожи князю с татары

В лѣто 6887 (1379) ...Ордыньскый князь, Мамай поганый, послал Бичига* ратью на Дмитриа, князя московского, князь Дмитрий с своими вои поиде противу их, переѣхав за Оку, вниде в землю Рязанскую; и стрѣтошася с татары у рѣкѣ у Воожѣ, и стояху промежи собою рѣку Овожу имуще. Не по мнозѣхъ же днехъ татарове переехавше на ту сторону, и ударивше в конѣ свои и въскочиша борзѣ, кликнуша гласы своими, и тѣкнуша на нашихъ, и удари на них с одну сторону Тимофѣй околницѣй, а с другую сторону удари на них князь Данило Проньскый, а князь великый удари в лице; татарове же в томъ часѣ повернуша и, повергъше оружья своя, побѣгоша за рѣку за Овожу, и наши пошли за ними, сѣкуще и колюще ихъ, и избиша ихъ множество, инии в рѣцѣ истопоша. А се имена избитыхъ князей: Хазибѣй, Каверта, Карабалук, Кострок, Бигичка.

По сѣхъ приспѣ вечер и заиде солнце, и смеркнесь свѣтъ, и наста ночь, и бысть тма, и нельзѣ бяше гнатися за ними за Оку рѣку; и наутриа бысть мъгла велика велми, а татарове такы побѣгоша еще с вечера, и всю ночь бѣжаша.

Князь же Дмитрий назавѣтрѣ передъ обидомъ поиде за ними слѣдомъ ихъ, и позьнаша ихъ убѣжавше далече, обрѣтоша в полѣ двори ихъ повѣржены, и шатры, и вежи ихъ, и алачюгы и телѣгы ихъ, а в нихъ товаръ бесчисленъ, все пометано, а самѣхъ не обрѣтоша; бяху бо побѣжали ко ордѣ. Изымаша же на той войнѣ пока нѣкоего от орды пришедъша Иванова Васильевича, и обрѣтоша у него злыхъ зелѣй лютыхъ мѣшокъ; и испрошавше его и много истязавше, рассудивше, послаша

его на заточенье на Лаче озеро, иде же бѣ Данил заточен. Князь же Дмитрий възвратися оттуду на Москву с побѣдою и користою. Тогда убьен бысть Дмитрий Манастырьев да Назар Данилов Кусакова.

Се побоище прилучися мѣсяца августа в 11, в среду, при вечерѣ; и поможе бог князю Дмитрию, и одолѣ ратным, и побѣди врагы своя, и прогна поганых тотар. И посрамлени быша погании половци, и възратишася с студом без успѣха, нечтивии измалытяне, побѣгоша гонимѣ гнѣвомъ божимъ, и прибѣгоша в орду ко своему царю, паче же к пославшуму я Мамаю, понеже царь их, иже в то время имѣяхуть его у себе, не владыше, ничто же сътворити пред Мамаем, но всяко старѣшинство съдержаше Мамай и всеми владышася в ордѣ.

Видивше же Мамай изнеможение своя дружины, прибѣгших к нему, а иныя избиты князи и велможи и дружина его, и многы воя своя побѣжены, и разгнѣвася зѣло и възъярися злобою; тоя же осени събра остаточную свою силу, поиде ратью изгоном на Рязанскую землю.

Князь же Олег не приготовися, не ста противу их на бой, но выбѣжа из своеа земля, а град свой остави, и перебѣже за Оку; татарове же пришедше, и взяша Переяславль Рязанский и огнемъ пожгоша, и волости и села повзеваша, людий много посѣкоша, а иных в полон поведоша, и возвратишася в землю свою, много зла створише хрестьяном. Тогда же ходил князь Володимер и Ондрѣй Олгердовичъ на Литву.

О взятъи Москви Тахтамышем, о прихоженни и о пленении царя Тахтамыша на Руськую землю

Бысть нѣкое проявление, по многи ноци являшася тако: овогда в вечерней зари, овогда в утреней, тоже многажды бываше. Се же знаменье проявиле злое пришествие Тахтамышово на Руськую землю, и горкое поганых татар нахождение на хрестьяны, яко же и бысть гнѣвомъ божиимъ, за умножение грѣхов наших.

Бысть в 3-ее лѣто царства Тахтамышева*, царствующу ему во ордѣ и в Сарай, и того лѣта царь Тахтамышъ посла слугы своя в град, нарицаемый Болгары, иже есть на Волзѣ, и повелѣ торговци рускыя и гости хрестьянския грабити и имати самых, а товар и суды отымати и провадити к собѣ на перевоз; а сам потщася съ яростию, събрав воя многы, и подвижеся к Волзѣ с всею силою своею, и перевезеся на сю сторону Волзѣ с всеми своими князми, и с безбожными вои с татарскими полкы, и поиде изгоном на великого

князя Дмитриа Ивановича и на всю Рускую землю; ведяше же рать внезапно без вѣсти, умѣняемъ, тацѣмъ же злохитриемъ, не даючи вѣсти преже себе, да не услышано будетъ на Руси стремление его.

И то слышавъ князь Дмитрий Костянтиновичъ, князь суздальскій, посла к царю Тахтамышу два сына своя, Василиа да Сѣмена; они же пришедше на обрѣтоша его, бѣше бо идый борзо на хрестьяны, и гнаша в слѣд его нѣколько дний, и переяша дорогу его на мѣстѣ наричаемѣмъ Сернацѣ, и поидоша по дорозѣ его с тщаниемъ, и постигоша его близ предѣл Рязаньскыа земля.

А князь Олег рязаньскій стрѣти царя Тахтамыша преже, даже не вниде в землю Рязанскую и бив ему челом бысть ему помощник на побѣду Руси, нѣ и споспѣшник на побѣду хрестьяномъ, и ина нѣкая словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю Рускую, и како без труда взяти каменный град Москву, и како побѣдити и добыти князя Дмитриа; еще же к тому обведе царя около всей своей вѣтчины Рязанскія земли, хотяше бо добра не намъ, но своему княженью помагаше.

А в то время поздо нѣкако сице егда прииде вѣсть князю великому, възвѣщаючи рать татарскую; аще бо и не хотяше Тахтамышъ, дабы кто вѣсть принесл на Рускую землю о его приходѣ, того бо ради вси гости рускіа поимани быша и удержани, дабы не было вѣсти на Руси, но обаче суть нѣции доброты на предѣлѣхъ ордынскихъ на то устроени, поборници суще земли Руской и великому князю. Слышавъ же князь великій таковую вѣсть, како идетъ на нѣ самъ царь в множествѣ силы своя, и се нача сбирати воя и съвокупляти полки своя, и выѣха из града, хотя поити противу татар; и ту начаша думати князь Дмитрий с прочими князми рускими, и воеводами, и с думцами, и с велможами и с бояры старѣйшими, и всяческы гадавши, и обрѣтесе разность в князех и не хотяху пособляти друг другу, и не изволися пособляти брат брату. Не помянуша пророка, глаголюща: «Се коль добро и коль красно, еже жити брати вкупѣ!» И другому присно помнимому рекшу: «Друг другу пособляя и брат брату помагая яко град тверд».

Бывшу промежу ими неединачеству и неимовѣрству, и то познавъ и разумѣвъ и рассмотривъ князь Дмитрий, бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и убоися стати в лице противу самого царя, но поѣха в свой град Переяславль, и оттуду мимо Ростов, и паки, реку, вборзѣ на Кострому.

А Куприан митрополитъ приѣха на Москву. А в градѣ

Москвѣ бысть мятежь велик зѣло, бяху бо людье смущени, яко овца не имущи пастуха, гражаньстѣи бо людье възмутишася и възколѣбаша яко пьяни: ови же сѣдѣти хотяще, в градѣ затворившеся, а друзии бѣжати хотяще, бывши промежи их распрѣ велицѣ, инѣи же с рухлом в градѣ вмѣщашася, друзии же из града бѣжаху ограблени суще; и позвониша во вся колоколы, и створиша вѣче, и вѣсташа вѣчем народ мятежници, недобрии челоувѣчи, людье крамолници: хотящих изыити из града не токмо не пушаху изыти, но грабаху, ни самого митрополита не постыдѣшася, ни бояр нарочитых не устрашишася, ниже усрамляху сѣдин старець многолѣтних, но на вся огрозишася, ставше на всѣхъ вратѣхъ градныхъ сверху камениемъ бияху, не пушающе вылѣсти из града, а долѣ на земли с рогатынями и с обнаженнымъ оружиемъ стояху, и ограбливаху до наготы.

Граду же одинако в мятежи сущу смущающуся, акы в бурѣ велицѣ, ни откуда же утѣшениа обрѣтающе, но паче пуци и болшаго зла ожидаху; сим же тако бывающимъ, и потомъ приѣха к ним в городъ нѣкоторый князь литовскый именемъ Остѣй, внукъ Ольгердовъ, и тѣ окроти народи и мятежь градный уставив, затворися с ними в градъ в осадѣ со множествомъ народа, с тѣми, елико осталосьъ гражанъ, и елико бѣжанъ сбѣглося с волости, и елико от иныхъ градовъ и странъ приключилося в то время бояре, и сурожани, и сукоиники, и процѣи купци, архимандриты, игумены, протопопы, и прозвитеры, и дияконы, и черньци, и черници, и всякъ възрастъ мужьска полу и женьска и с мьладенци.

Князь же Олегъ обведе царя около своей земли, и указавъ ему вся броды сущая на Окѣ на рѣкѣ. Царь же прешедъ Оку рѣку, преже всѣхъ възвѣзъ городъ Серпуховъ и огнемъ пожже и. Оттуда тако же поиде к Москвѣ, устремився, и духа ратнаго наполнивша, волости и села жгуци и воюючи ихъ, а народъ хрестыанскый сѣкуци и всячески убиваючи, а прочая люди в полонъ емлюци.

О Москвѣ. И пакы прииде царь Тахтамышъ ратью к Москвѣ со всею своею силою и тотарьскою, мѣсяца августа 23, и приидоша не вси полци к граду; и начаша кличюще въпрашивати: «Есть ли князь Дмитрий в Москвѣ?» Они же с града с заборолъ отвѣщавше, рекоша имъ: «Нѣту».

Татарове же отступиша недалече, и начаша ѣздити около града, обзирающе и расматривающе приступы, и рвы, и врата, и забралы, и стрѣльницѣ, и пакы стояху зряще на градъ.

А тогда в градѣ внутрь всюду добрыи люди моляхуся богу день и ночь, предстояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся с покаяниемъ и с причастиемъ и с слеза-

ми. Нѣции же недобрии чловѣци начаша обходити по двором, износяще ис погребов меды господьскыя, и съсуды серебряныя и стѣкланица драгиа, и до пьяна упивахуся, а к шатанию дерзость прилагаху, глаголюще: «Не устрашимся поганых нахоженни тарарьскаго, се ликъ тверд град имуще, еже стѣны камены и врата желѣзна; не терпятъ бо тии стояти под градом нашим долго, сугубъ страх имуще, изнутри града боицѣ, а внѣду града князей наших съвокупляемых устремления блюдутся».

И паки възлѣзѣше на град, пиани суще, шатахуся, ругающеся татаромъ, образомъ бестудным досажаяще и нѣкаа словеса износяще, исполнь укоризны и хули, кыдаху на ня, мнѣвше бо их толико тои есть силы татарьскыя. Татарове же к нимъ прямо на град големи саблями своими машуще, образомъ аки тинаху, наживающе издалеца. И в той день к вечеру тии полци отступиша от града, и наутриа царь приступи с всею силою свсею и с полкы своими под город, гражанѣ же узрѣвше силу велику и убояшася зѣло. Татаровѣ же тако и поидоша ко граду, гражани же пустиша на них по стрѣль, и они паче пустѣша на них по своей стрѣль, и пак они прилѣжно стрѣляша своими стрѣлами, и идяху стрѣлы их акы дождь велик и умножен зѣло, не дадуще ни прозрити, и мнозѣ на градѣ стояще на забралѣх падахуся, одоляху бо татарьскыя стрѣлы паче, неже градскыя: бяху бо у них стрѣльци гораздни велми, ови от нив стояще стрѣляху, а друзии скоро рищуще, изучени суще, а инии на конѣх борзо гоняще на обѣ руцѣ, и паки наперед и назад, скорополучно стрѣляху, без погрѣха: а друзии от них створше лѣствицѣ и присланяюще лѣзоша на стѣну; гражани же воду в котѣлѣх варяще, кипятню, ляху на ня вар, ти тако възбраняхуть им. Отшедшим же им и пакѣ инѣмъ приступльшим, и тако по три дни биахуся промежи собою, превъзмагающеся.

Егда бо татарове приступаху к граду, и се паки близ приступающе ко стѣнам градским, тогда гражани стрежаху град, супротивляющеся им и възбраняюще, ови стрѣлами стрѣляху с забрал, ови же камением шибяху на ня, друзии же тюфякы пуцающе на них, а инѣи самострѣлы напрузяюще пружаху и пороки, есть же ниции, яко и самыя ты пушкы пуцаху. В них же бѣ нѣкто един гражанин москвитин суконник, именовем Адам, иже бѣ над враты Фрольларвьскыми, примѣтив и знаменав на единаго татарина нарочита и славна, иже бѣ нѣкоего князя ордыньскаго сын, и напруг стрѣлу самострѣлну, и спусти, и уязви его в сердце и вскорѣ съмерть ему нанесе. Се же бысть велика

язва всѣмъ татаромъ, и яко и самому царю стужити о семь.

Симъ же тако бывающимъ, царь же стояв у града 3 дни, а на четвертый день оболсти князя их Остѣя лживыми словесы и лживым миром, и възва его из града вон и уби его пред враты града, а ратем своимъ всѣмъ повелѣ приступити к граду с вси стороны. Какова же бысть облесть Остѣю и сущимъ гражданомъ всѣмъ в осаждѣ: понеже царю стоящу 3 дни у града Москвы, а на четверты день заутра, в польобѣда, по повелѣнню цареви, приѣхаша татарове нарочитыи, болшии князи ордынскыи и рядчи его, с ними же и два князя суздальскыи, Василий да Сѣмен, сынове князя Дмитриа Суздальскаго. И пришедше под город, и приближившеся близ стѣн градских по опасу, и начаша глаголати к народу сущему на стѣнахъ: «Царь вас, своихъ людей, хоцеть жаловати, понеже неповинни есте и нѣсте достойни смерти; не на вас бо воюя прииде, но на князя на Дмитриа ратуя царь прииде, ополчився, вы же достойни есте милованиа, иного же ничто не требуетъ царь от вас, развѣи токмо изыидѣте противу царя в стрѣтенье ему с честию и з дары, купно и с своимъ княземъ; хоцеть бо видѣти град сей, и в него внити и в немъ побывати, а вамъ даровати мир и любовъ свою, а вы ему врата градная отворите». Тако же и князи Нижнего Новагорода глаголаху: «Имѣте вѣру намъ, мы есме ваши князи хрестыанскыя, вамъ на томъ правду даемъ».

Народи же градстыи вѣру яша словесемъ ихъ, си помыслиша и прельстишася, омрачи бо ихъ и ослѣпи бо я прелесть татарская и омрачи, а гроза бессѣрьмянская, не познаша, ни помянуша глаголющаго: «Не всякому духу вѣру имете». И створиша врата градная, и изыдоша с кресты и с княземъ и с дары многыми противу царя, тако же архимандриты и игумены и попове в ризахъ, а по нихъ боярѣ и болшии мужи, и потомъ народъ и чѣрныи люди. И в томъ часѣ поча татарове сѣчи на правно, по ряду: и преже всѣхъ убьенъ бысть князь ихъ Остѣй предъ градомъ, и потомъ начаша сѣчи игуменовъ и поповъ, аще и в ризахъ с кресты, и чорныхъ людей, и ту бяше видѣти святаыя иконы повѣржены и на земли лежаща, и кресты честныя бес чести небрегомы, и ногами топчемы, обоманы же и одраны. Татаровѣ же такы поидоша в град, сѣкуще, а инии же по лѣствицамъ на градъ взыидоша, никому же бранящу забрал, не сущу никому же на стѣнахъ и не сущу избавляющему, ни спасающему. И бысть внутрь града сѣча велика, и внѣду тако же сѣча, толико же сѣчаху, доньдоже руцѣ ихъ и плеща ихъ измолкоша, и сила изнеможе, саблѣ ихъ не имуть, и острѣя ихъ притупишася.

Людие же хрестыанстыи, сущии тогда в градѣ, бѣгающе

по улицам съмо и овамо, и скоро рищуще толпами, в перси бьюще, вопиюще и глаголюще: «Нѣсть гдѣ избавление обрѣсти, и нѣсть где смерти избыти, и нѣсть где смерти избыти, и нѣсть где острия меча укритися, и оскудѣ князь и воевода и все воинство их потребися, и оружиа их до конца исчезоша». Инии же в церквах каменных затворишася, нѣ и тамо не избыша, безбожныя бо силою двери церковныя разбиша, и тѣхъ мечи исѣкоша. Вездѣ же крикъ, и вопль великъ и плачь бысть, яко не слышати другу друга вопиюща, множеством народ кричаща, они же хрестыян изводяще из церкви, лупяще и обнажающе съцаху. А церковь съборную разграбиша, олтаря и святыя мѣста попраша, и кресты честныя и иконы окованыя одраша, украшенныя сребром и златом и камением драгым, и пелены саженыя жемчугом с златом и камением оборваша, а святыя иконы попраша, и съсуды церковныя златокованыя и сребренныя многоцѣнныя поимаша; и книг множество с всѣх град и с сел, в съборных церквах до стропа наметано, съхраненныя ради испроважено, то все без вѣсти сътвориша.

Что же изречемъ о казнѣ князя великаго, яко и тоя многоцѣнное скровище скоро истощися, и велехвалное богатство и богатотворное имѣние быстрообразно разнесено бысть? Придем же в сказание и прочих и многих бояр старѣйших, их же казны многовременством събираемы и благоцѣнством наполнены, и хранилища их исполнь богатством имѣния многоцѣннаго и неизочтеннаго, то все единѣм часом пограблено. И пакы другиа суща купца в градѣ, иже суть богатии людие, храмины их наполнены всякого добра различнаго, тая же вся часом пограбиша и расхитиша. И многы монастыря разориша, и многы церкви раздружиша, и в святых церквах убийство сдѣяша, и в святых олтарех кровопролитие створиша окаяннѣи, и святая мѣста оскверниша, яко же пророк Давид глаголаше: «Боже! Придоша язычи в достояние твое, оскверниша церковь святую твою; положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша и трупья рабѣ твоих в брашно птицам небесным и плоти преподобных твоих звѣрем земным, прольяха кровь их яко и воду, окрест Иерусалима, не бѣ погребая их; и дѣвица их неосѣтовани быша, и вдовица их не оплакани быша, священници их оружием падоша».

Была бо тогда съча зла зѣло, и много множество паде трупья Руси, от поганых тотар избьеных, многих мертвых лежаху телеса мужей, жен, нагы и непокровены. У ту убьен бысть Симеон, архимандрит Спасовъскый, а другый архимандрит Ияков, и инии мнози игумены, и попове, и диако-

ни, и крилошани, и четци, и пѣвцѣ, и черньци, и простци, от унаго и до старца, мужьска полу и женьска, тии вси посѣчени быша; а инии в огни изгорѣша, а инии в водѣ истопоша, а друзии от них множаи в полонь поведени быша, в работу поганьскую и в страну татарскую пленени быша.

И бяше видѣти тогда плачь, и ридание, и вопль мног, и слезы неисчетныя, крикъ неутолимый, рыдание многое, оханье и сѣтование, печаль горкая, скорбь неутѣшимая, нужда ужасная, горесть смертная, страх и трепеть, ужас и дряхлование, бесчестие, поругание, смѣх врагом, укор, студ и срамота, поношение и уничижение. И сия вся приключишася хрестьяном от поганых, грѣх ради наших.

И тако злѣ, скоро взяша Москву, мѣсяца августа 26 день, память святого мученика Андрѣяна и Натальи, в 7 час дни, по обѣдѣ, товар же и всякая имѣннѣя пограбиша, и град огнемъ зажгоша и огню предаша, а люди мечьному пресѣченію предаша. И бысть оттолѣ огонь, а отселѣ мечь, ови от огня бѣжаще мечемъ умроша, а друзии от меча бѣжаще в огни сгорѣша. И бысть им четверообразная пагуба: первое от меча, второе от огня, третее от воды, четвертое в пленение поведени быша.

Бысть же преже того видѣти было Москва град великъ злѣо, град чуден, град многочеловѣчен, в нем же множество людей, в нем же множество господства, в немъ же множество бысть всяких узоричий; и паки в полѣдень измѣнися видѣннѣе его, егда взят бысть, и посѣчен и пожжен. И нѣчего его видѣти, развѣи, токмо земля и персть, прах и попел, и трупья мертвых многа лежаща, и святыя церкви стояща разорени, акы же осиротевши и акы овдовѣвши; плачетца церкви о чадѣх церковных, паче же о избьеных, яко матерь о чадѣх плачущюся.

О чада церковная, о страстотерпци избьеннѣи, иже нужную кончину подъясте и иже нужную смерть приясте от огня и меча! И от поганых насильства церкви стоять, не имущи красоты, ни лѣпоты. Где красота церковная? Понеже престала служба церковная, ею же многа у господѣ просим; престала литургия святая; престала же и святая просфура, приношение, еже на святомъ жертвеницѣ; престала молитва заутренняя и вечерняя; преста глас псалму по всему граду и умолкоша пѣсни. Увы, мнѣ страшно се слышати, страшнѣе того было видѣти! Грѣсѣ же наши то намъ сътворилѣ.

Где благочесть и благостроение церковное? Гдѣ четци и пѣвци? Гдѣ крилосници церковннѣи? Гдѣ суть иереи священннѣи, служившии богу день и ночь? Все лежать, все

поснуша, вси посѣчени быша, и избѣени быша, и усѣчениемъ меча умроша. Нѣсть позвонения в колоколы, ни в било. Нѣсть зовущаго ни текущаго. Не слышати в церкви гласа поющих, ни слышати славословия, ни славословья. Не бысть по церквамъ стихословіа и благодарения. Во истину суета человѣческаа, и бысть всуе мятежъ человѣческій.

Сице же бысть конецъ московскому пленению. Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии грады и страны пленени быша Тахтамышемъ царемъ.

Князь же великы с княгынею пребысть на Костромѣ и с дѣтьми, а брат его Володимер на Волокѣ, а мати Володимерова и княгыни в Торъжьку, а Герасим, владыка коломенскы, в Новѣгородѣ.

Кто нас, братье, о семь не устрашится, видя таковое смущение Руской земли? Яко же господь глагола пророкомъ: «Аще хотите, послушаете мене, благая земная снѣсте, и положу страхъ вашъ на вразѣхъ ваших; аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никымъ же гоними; послю на вы страх и ужас, и побѣгнетъ вас от пяти 100, а от ста тысяща». Елма же царь распусти силу татарскую по Руской земли воевати великое княженъ Руское, ови шедше к Володимерию, много людей посѣкоша и в полон поведоша, а инии полци ходиша к Звѣнигороду и к Юрьеву, а инии к Волоку и к Мужайску, а инии к Дмитрову, а иную рать посла в град Переяславль, они же его взяша и огнемъ пожгоша, а перяславци выбѣгоша вон из града, а град повѣргше, по озеру в судех, тамо избыша. Татарове же многы града поимаша, и волости повоеваша и пожгоша, а монастыри пограбиша, а хрестыян посѣкоша, а иных в полон поведоша, и много зла Руской земли сътвориша.

Князь же Володимер Ондрѣвичъ стояше ополчився близ Волока, събрав силу около себе. И нѣции от тотар не вѣдуще его, ни знающе, ѣхаша на нь, он же, о бозѣ окрѣпився, удари на них, и тако божьею милостию овых убил, а иных живых поимал, а инии побѣгоша и прибѣгоша к царю, и повѣдаша царю бывшее. Он же от того побѣдився, и оттолѣ начат помалу отступати. Идущу же ему от Москвы, и оттолѣ отступиша рать к Коломнѣ, и тии шедше взяша град Коломну и отыдоша. Царь же перевезеся за рѣку за Оку, и взя землю Рязаньскую и огнемъ пожже, и люди посѣче, а инии разбѣгошася, а полона поведе в орду бесчисленное множество.

Князь же Олег Рязаньскій то видив побѣже. Царь же ко ордѣ идуци от Рязани, отпусти посольством посла своего Шихмата, шурина своего, к князю Дмитрию Суздальско-

му, с его сыном, с князем Съменомъ, а другаго сына его, князя Василья, поят с собою во орду.

Отшедшим же тотаром, и потом не по мнозѣх днех князь великій Дмитрий и брат его Володимир, койждо с своими бояры и старѣйшими, въѣхаша в свою вѣтчину в град Москву, и видѣша град взят, и плѣнен и огнем пожжен, и святаыя церкви разорены, а людей побитых, трупиа мертвых бес числа лежащих; и о семь съжалиша си зѣло, и яко и расплакатися им с слезами.

Кто бо не плачется таковыя погыбели градския? Кто ли не жалуеть толико народа людей? Кто ли не жалуеть? Кто ли не потужить о селици множествѣ хрестыян? Кто не сѣтуеть сицеваго плѣнення и съкрушения?

И повелѣша телеса мертвы хоронити, и дающе от 40 мертвецъ по польтинѣ, а от ста по рублю; и съчтоша, всего того дано бысть от погрѣбания мертвых 500 рубльв. А опрочѣ того елико сдѣяша татарове напасти Руси, убытъка княженью великому, елико протора сътвориша своим ратным нахоженіемъ, колико градов плѣниша, колико злата и сребра взяша, и всякого товара и всякого узорочья, а землю пугу створиша и волости повоеваша и пожгоша, колико хрестыян в полон поведоша, колико хрестыян мечемъ иссѣкоша, аще бы мощно тѣ вси убѣткѣ исчести, числа не можетъ.

Не по мнозѣх же днех князь великій Дмитрий посла свою рать на Олга Рязаньскаго. Олег же не в мнозѣ дружинѣ одва убѣжа, а землю его до остатка взяша и пугу сътвориша, пуци ему бысть тотарьския рати. Тогда же бывшу митрополиту Киприяну на Тѣфри, тамо избывшу ему ратнаго нахоженья, и приѣха на Москву, октября в 7.

Той же осени к князю Дмитрию на Москву приѣзди посол от царя Тахтамыша Карачъ о миру. И потом князь повелѣ хрестыяном ставити дворы и грады съзидати. Того же лѣта свершиша церков камену свято Рожество, на полѣ. В то же лѣто приѣха в Новѣгород владыка суздальскій.

В лѣт 6948 (1440) сотворися зло велико в Литвѣ: убиень быс князь велики Жикгимонт в Литви во граде Троцех, во вербную, нед(е)лю перед обедомъ и быс метежь велик в Литовьской земли.

А в то врѣмя в Смоленску держал воеводство от Жикгимонта пан Андрей Сакович. И поча приводити ко целованию смолнянъ, что ж князи литовьски и паны вся земля Литовьская кого посадять на Вильни, на великомъ княжении, и вамъ от Литовьской земли не отступати и великого князя литовьского, а ко иному не приступати, а

мене вамъ в себе держати воеводою во себе, доколе сядеть на Вилни князь великий.

И владыка смоленский Семион*, и князи, и бояре, и местици и черныя люди целовали пана Андрѣя на всемъ томъ: Вилни не отступати и пана Андрѣя держати в себе честно воеводою на Смоленску.

И по велице дни, на святой недели в среду, здумаша смолняне, черныя люди: кузнеци, кожемяки, перешевники, мясьники, котельники пана Андрѣя согнати силою с города; а целование переступили. И наредилися во изброи и со лукцами, и со стрелами, и с косами, и зъ секѣрами, и зазвонили в колокол.

Пан же Андрѣй почал ся радити со бояри смоленскими, и бояре ему молвили: «Вели, пане, дворяномъ своимъ убираться у зброи, а мы и с тобою. Чи лепшей датися имъ в руки?» И поидоша с копи противу их на конех.

И бысь имъ ступь. У Бориса и Глѣба*, во городе избиша много черныхъ людей копии до смерти, а инии ранены живы остали. И побегоша черныя люди от пана Ондreja. И той ноци выеха пан Андрей из города со женою, и бояре смоленскыи с нимъ. И после того быс метежь великъ. Во Смоленску изымаше смолняне Петрыку, маршалка смоленского, и утопиша его во Днепрѣ, и посадиша собѣ воеводу в Смоленску князя Андрѣя Дмитриевичъ Дорогобужьского.

Рада же литовская, великого княжения князи и панове, и вся земля дорадивѣшися и взяша из ляхов Казимера королевича на великое княжение Литовское. И посадиша его со честию на стольнечномъ град на Вилне и на всей Руской земли.

И в то время приде князь Юри Лыньгвеневиць из Новагорода в Литву, и князь великий Казимир, королевичъ, дал ему отчину его Мстиславлю. Бояре же смоленскыи приехали к нему из Литвы ко Смоленску. И черныя люди не пустиша их у город. Они же розѣхалися по своемъ селомъ. И затымъ быс брань велика межи бояр и черныхъ людей. И, бояся бояр, черныя люди призваша к собѣ оспадарем князя Юря Лигвенивича. И посла князь Юрьи помимати бояр, и поимаша бояр, и поковаша их. Имѣние их подаваша бояремъ своимъ.

И той же осени, на Филиповы запуски, приде войско литовское ко Смоленску, и сътояша полтрети недели, посады и церкви и монастыри пожьгоша, а людей много множество посекоша, а живых в полон поведоша. И много зла сотворися. И поидоша прочь.

ЛѢТОПИСЕЦЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВЪСКИХЪ

Великого князя Кедмина литовскаго было сыновъ 7: стареши Монвид, потомъ Наримонт, Олигоръд, королевъ отецъ*, потомъ Евнутей, потомъ Кестути, отецъ великого князя Витовта, потомъ Корият, седмый Люборт. Монвиду даль отецъ Корачев да Слонимъ, Наримонту Пинеск, Олгирду, королеву отцу, Крево, да к тому князь витебскый, сыновъ не держаль, принялъ его к дотьце Витебскъ взяти, Евнутия осадилъ во Вильни, на великомъ княжени, а Кестутию Троки, Коръяту Новъгородок, а Люборта принялъ володимерскый князь к дотьце во Володимер и в Луцескъ и во всю землю Вольнскую.

Олгирд, королевъ отецъ, а великого князя отецъ Кестути были во великой любви и милости и в ласце. Князь велики Евнутей во болшенствѣ будя не полюбился има. И смовили межи собою братия, князь велики Олгирд и князь велики Кестучи, какъ бы его оттоле высадити, а некоторому бы межи ихъ сести. И, смолвилши межи собою, рокъ учинили, которого бы дни к Вилни пригнати, засести городъ подъ братомъ, великимъ княземъ Евнутиемъ. А князь велики Ольгирд к Вилни изъ Витебска не поспел к тому року, а князь великий Кестутей пригналъ ко городу Вилни и вогна в городъ. И князь велики Евнутей выскотивъ убежить во гуры, тамо озябеть в ноги. Немше его привезли ко брату его ко князю великому Кестутию. Онъ же жда брата своего, старшего великого князя Олигирда, посадити его за сторожею, а противу брата своего великого князя Олигорда послалъ гонца, что иже во Вилни сель, а брата князя великого Евнутия инял. Стретиль гонецъ во Креве, и князь велики Ольгирдъ борздо поспешитъ ко брату своему великому князю Кестутию. И князь великий, князь Кестути, рече брату своему великому князю Олигирду: «Тобѣ подобаетъ княземъ великимъ быти во Вилнѣ. Ты стареши братъ, а я с тобою за одно живу». И посади его на великомъ княжени Вилни, а Евнутию даль Ижеславль.

А докончаютъ межи себе князь Кестутей велики и велики князь Олгирд, што братии всей послушну быти князя великого Олигирда, или которыи волости то собѣ розъделили, а то собѣ докончаютъ, что придобудуть градъ ли или волости, да то делити на полы. А быти имъ до живота в любви, во великой милости. А правду межи себе на томъ дали: не мыслити лихомъ никому же на никого ж. Тако же были и до живота своего в той правде.

Сынов же было у великого князя Олгирда 12, а в князя великого Кестутия сынов 6 было. А межи всих сынов любили: князь Олгирд князя великого Ягаила, и князь велики Кестути полюбили князя великого Витовта. И нарекли при своих животех их, што имь быти на их мѣстех на великих княжених. Они пакъ князь велики Витовт такъже во великой дружбѣ были при отцех своих.

Потомъ пакъ князь велики Олгирдь умре и князь велики Кестути не остави брата своего великого князя Олгирда, как до его живота в одиночестве с нимь были. Почнетъ держати княземъ великим во Вилни сына его, князя великого Ягаила. И почнетъ пакъ приездити ко старымъ думам, какъ ко брату приѣзъчиваль ко старейшему.

Некто пакъ был у великого князя Олгирда паробокъ, неволны холоп, звали его Воидоломъ. Первое был пекаромъ, потом вставили его постелю слати и воду давати собѣ пити, и потомъ пакъ полюбилися былъ ему, даль был ему Лиду держати и повель был его в добрых. Потомъ по животе великого князя Олигирда двѣ ли лѣте минуло, князь велики Ягаило поведеть его велми во высоких и дасть за него сестру свою родную княжню Марию, што потомъ была за княземъ Давыдомъ. Князю великому Кестутию велми нелюбость учиниль и жалость, што братанну его, а свою сестру за холопа даль. И былъ тотъ Воидило у великой моци у великого князя Ягаила. Почаль со немьци себе соймы чинити и записыватися грамотами противу великого князя Кестутия.

Некто пан былъ остродски кунтор, звали его Гунстыномъ. Тот был кмотр великому князю Кестутию: крестиль княгиню Янушевую, дочь его. Тотъ поведалъ князю великому Кестутию: «И ты того не вѣдаешь, как князь великий Ягаило посылаетъ к вамъ часто Воидила, и уже записался с нами какъ тебе избавити своих мечь, а ему бы ся достало и со сестрою великого князя Ягаила твои мѣста».

Князь велики Кестутей вѣда, што князь велики Витовт гораздо живеть со княземъ великимъ Ягаиломъ, и почнетъ жаловатися сыну своему, великому, князю Витовту: «Ты с нимъ гораздь живешь, онъ вже записался ся на нас со немьци». Князь велики Витовтъ рече отцу своему: «Не веруй тому, ачь того неть, занъже со мною гораздо живеть, ачей бы мне явил».

Потомъ пакъ учинилося великое знамение. Князь великий Ягаило даль был Полтескъ брату своему Скиригаилу, и они его не приняли. И князь великий Ягаило послеть рать свою всю литовскую и рускую со братомъ своимъ княземъ

Скиригаилем и к Полоцьку, и оступять город. И князь велики Кестути опять начнет сыну своему, великому князю Витовту, жаловатися и проплакивая на князя Ягайла: «За и, Воидила, сестру даль, мою братанну, а из немець ми явлено, что немьци записалися на нас. А се пак третее: с кимь мы ся воюемь? — С немьци! Они с ними Полоцька добываютъ. Уже то проявилося, што они на нас полно стали с немьци». И князь велики Витовт отвечает отцю своему, великому князю Кестутию: «Еще того не доверяю гораздь». А рекл то князь великий Витовтъ, а сам поѣхал к городу Дорогичину. Князь пакъ велики Кестутей собрався своею моцию и вженеть во город во Вилню, иметь князя великого Ягаила и со братиею и с матерью, и грамоты и надеть, што з немьци записался, и ко сыну своему гонца послеть к великому князю Витовту к Дорогичину, што такая дѣла сталася. И гонецъ тотъ наидеть князя великого в Городне: он вже до Городна приѣхал з Дорогичина. А князь велики Витовтъ за одинь день приженеть из Городна ко отцю своему Кестутию. Он же рече сыну своему, князю великому Витовту: «Ты мнѣ не вѣрил, а се тые грамоты. Записалися были на нас, но бог нас остерегл. Но я князю великому Ягаилу ничего не вчинил: не рушив есмо ни скарбов его, ни стад, а сами у мене не внятстве ходять, толко за малою сторожею. А отчину его Видбеск и Крево и вся мѣста, што отецъ его держал, то все даю ему. Ни у во что их не вступаюся. А то вчинил есми, стерега свои головы, почюв што на мене лихо мыслить».

И князь великий Ягаило великому Витовту и дяди своему великому князю Кестутию (дал правду), што николи противу его не стояти, а все у воли его быти во всемь. Князь великий Кестути отпусти его со матирию, и со братию, и со скарбы, и со всимь его. И князь великий Ягаило поиде Креиву. Князь велики Витовт проводить его до Креива. И князь великий Ягаило, поидеть ис Крева ко Витебску. А как сяде князь великий во Вилни Кестутей, пошлетъ 2 человекы к Полоцьку: одного у рать, а другого к городу. И полочане возрадовалися, кликнули на рать и люди ратьни отступили от Скиригаила, и пошли к Вилини к великому князю Кестутию. А князь Скиригаило пошель у немьци, у лифянты с мальмыи слугами.

И князь пакъ великий Кестутей поидеть ко Сверскому Новгородку на князя Корбутия, а сына своего, князя великого Витовта, оставил в Литве. А идя ко Сиверскому Новугородку, велить Воидила обесити, а князю великому Иягаилу с Витебска поити ж было с нимь. То пакъ великий

Ягаило правду на борзде загубиль, тамъ не пошель, а наговорил мести виленских и Ганулеву чад, и засели Вилну. А князь великий в то время Витовт во Троцах былъ. И князь великий Ягаило из Витепска со всеми прижинеть к Вилни. И князь велики Витовт пошлетъ ко Сиверскому Новгородку, ко отцу своему, с тою вестію. А немци пакъ прускии, услышавши тая дѣла, и маршалко прускый поидеть ратию к великому князю Ягаилу велми на борзде. А как услышав то князь велики Витовтъ, что пруски немъци к Вилни и к Трокомъ идуть, а князь великий Ягаило из Вилни ко Трокомъ же идеть ратию сниматис с нимци, он поидеть ко Городну и со Троковъ со матерью.

А как приступили ко Трокомъ князь великий Ягаило, и Троки дадутся ему.

И князь великий Кестутей к Городну идеть к сыну своему. Туту наидеть и жену свою пошлетъ ей ко Берестію, надіяся на князя Януша Мазовского, зятя своего, а самъ поидеть во Жемоить, а сына, князя великого Витовта, оставить в Городне.

Князь пакъ Янушь, зять его, забыв добра, приде князю великому Ягаилу. И се перьво лихвянты рать на помощь приходили князю Скиригаилу к Полоцьку, а потомъ с маршалкомъ пруская рать к Трокомъ приходила, а то вже в третие лихвянская рать и с нимъ же приходила. То уже знакы тые вышли, што с нимъ заодно стояли противу великого князя Кестутя.

И выступить на бой князь велики Кестутей со сыномъ своимъ княземъ великимъ Витовтомъ противу великого князя Ягаила. И какъ не шошедшимся полькомъ за три или четьры стреления, приженуть князи и бояре от князя великого Ягаила до князя великого рати Кестутееви. Почнуть пытати великого князя Витовта, што быхомъ поговорили с нимъ. Почнуть говорити великому князю Витовту: «Князь великий Ягаило послалъ нас к тобѣ, штобы еси уедьнал нас со отцемъ своим, што быхомъ держали свое, а вы бы свое, а бою бы межи нас не было, а крови пролития не вчинилося. Ты бы приѣхал ко брату своему князю великому Ягаилу, а мы правду даемъ, штобы тобѣ чисто отѣхати в рать свою, ачей бы межи вас былъ добрый конецъ».

Князь великий Витовт отвецалъ: «Правду у вась беру, штобы тако же князь Скиригаило семо приѣхаль, а тако же бы правду даль, и я выеду». И они послали ко князю Скиригаилу. И князь Скиригаило такожь правду дал великому князю Витовту, какъ и оны. Князь велики Витовт поѣхаль к

великому князю Ягаилу и к его рати, а полкове стоять, межи собою не починають ничего.

И князь великий Ягаило почнет просити великого князя Витовта, штобы еси межи нас уеднал и кровопролития бы не было. И князь великий Витовт правду взял в него, у князя великого Ягаила, за отца своего, што отцю его великому князю Кестутию съехався и опять чисто розѣхатися. А еще рече князь великий Витовт князю великому Ягаилу: «Еще, брате, пошли Скригаила, штобы онь а и я а въчинили быхомь правду отцю своему, иже бы ему чисто приходити и опять отѣхати в рать, а князь бы Скригаило от тебе дал правду».

И князь велики Витовт со князем Скригалом придуть ко отцу своему, ко князю великому Кестутию, в рать и дать правду отцю своему от князя великого Ягаила. И князь Скиригаило правду дать от великого князя Ягаила и от себе. И князь великий Витовт со отцем своимъ великимъ княземъ Кестутиемъ обадва поѣде в рать ко Ягаилу, наядся на тыи правды.

Князь же великий Ягаило переступил, молвить: «Поѣдь къ Вилни, тамо докончаемь». А в томъ ничего не починавши остались. И какъ к Вилни поѣхали, князя великого Кестутия, дядю своего, оковав, ко Креву послали и всадили во вежу, а князя великого оставили Витовта еще во Вилни. И тамо во Креиве пятой нощи князя великого Кестутия удавили каморники князя великого Ягайлавы, Прокша, што воду давал ему, а были ины — Мостев брат а Кучюк а Лисица Жибентяй. Таков конецъ стался князю великому Кестутию.

По смерти пакъ князя великого Кестутия, пошлетъ князь великий Ягаило князя великого Витовта во Креиво же и со женою, и велить его твердо стерети во комънате; помщая Воидила, дву велѣли на колесе розбити: одного Видимонта, дядю матки князя великого Витовта, отчня брата матки его, што держал Уляну, потом пакъ была за Монвидомь. А иных бояр много постинал, помщая того Воидила. Князь пакъ великий Витовт седелъ во Креиве за твердою сторожею в комънате. А жонце двѣ ходили покладывати княгиню в комнату, положив да вон поидуть, а сторожи около. То пакъ великия княгини, слышавъши от людей, иметь ли князь великий Витовт должей седѣти, ачей также изгадають как и над отцем. И пригодило ему такъ, как поидуть жонки покладати, но бы ему одной жоньки всклати порты да выйти вон со другою жонкою, а той жонцѣ остати бы в него. И он наредивъся в одной жонки порты да за дрогою вышель, да испустится из города: утечетъ во Немьци. У Пруси сущю же

ему в нимцах в Марине городъ в мистра, и приѣхаша к нему многи князи и бояре литовьскыи. Он же нача воевати с помощьюю немецкою литовскую землю.

А князю великому сущю Ягаилу со матерью своею великою княгинию Уляною во Витебську, а брат его князь Скиригаило в Литовской земли у Троцехъ. А великому князю (часто воющи Литовскую землю, а великому князю) Ягаилу и Скиригаилу невозможно вже стати противу его, занже бо у него сила велика собралася. Тогда князь велики Ягаило перезвав его со немецъ и даль ему Луческъ со всею Вольньскою землею, а в Литовской земли — отчину его.

Короля Казимира* в животе не стало. Сынов в него не было, толко одна дочка именовъ Ядвига. И начаша ляхове слати с Кракова ко князю великому Ягаилу, дабы принялъ крещения старого Рима и понял бы в них королевну именовъ Ядвигу собъ женою и стал бы в них кролемъ, во Кракове, на всей земли Лядской. Он же князь великий Ягаило змовилися из своею матерю, и с великою княгинию Уляною, и со братиею своею, и со всеми князи и бояре Литовския земли. и поѣхав Кракову в Лядскую землю. Тамо же самъ крестися и братия его и князи и бояре Литовския земли. И понялъ за себе кролевну Ядвигу*, и корунованъ бысть того королевства коруною. И оттоле начаша крестити Литву в латынскую вѣру. И присла арцибискупа к Вилни в Литовскую землю, и тогда начаша костелы ставити по всей Литовьской земли. И понялъ за себе кролевну Ядвигу*, и корунованъ бысть того королевства коруною. И оттоле начаша крестити Литву в латынскую вѣру. И присла арцибискупа к Вилни в Литовскую землю, и тогда начаша костелы ставити по всей Литовьской земли.

Той же зимы будужи королю во Кракове со всеми князьми литовьскыми и бояре литовьскыми, князь Андрѣй Полоцькый приде с немьци, лифянты и со всею латыною на литовску землю. И повоевал, пожьже много мѣсть и сел, градом же Литовския земли ничего не вспѣи и пакъ возовратися во свояси.

Той же зимы князь Свецьслав Смоленскый совет сотвори со князем Андрѣемъ Полоцькымъ. Он в Литву, а князь Светислав ко Орши. На миру много зла сотвориша хрстянемъ нечеловѣчески и нихрестиянскыи, мучиша хрстянь, иже ни в поганых ратех то не слышах таковых мукъ. Мучаще хрстянь, сбираху и запираху во избыах и зажигаху, а другии велики храмы очепы подимаху и плѣнниковъ под стены кладаху главами и зажигаху, а иныя жены и дѣти на коле тыкаху. А иных мукъ над хрстяны, их же

скаредно, не писахомъ, яко же ни Онтиох Сирскый, ни Ульян законопреступный тех мукъ не сотвори над хрестяны. Граду же Орши ничего не вспѣша и паки возовритися во свояси.

Той же зимы во великое говение нача Свѣтослав думати со смоленьскими бояри на хрестянское кровопролитие. Яко свѣришии звѣрие, аки не хрестяне, поиде ко городу Мстиславлу и сташа у града Мстиславля. И нача добывати и пороки бити град, а в землю и Мстиславскую вои пусти и много пролития крови хрестянскыя. То же быс богу мерзко зрѣти зовущимься хрестянемъ, а братию свою хрестянь, не человеческы, ни хрестянскы мучаху.

Князь же велики Скиригаило, князь великый Витовѣтъ, приехавши з Ляхов от брата своего короля, слышав, яко князь Святослав Смоленскы преже быс под Витебском, а потом к Орши приходил, а под Мстиславлемъ стоит, град пороки биетъ; и сожались князь великый Скиригаило, поиде со братию своею со великымъ княземъ Витовтомъ, и Костентиномъ, и с Корбутомъ и со Семеномъ Лынгвенемъ. И поменуша слово божие, еже рече: «В ню же мѣру человекъ мерить, отмирится ему, а что посеетъ, то и пожнетъ». «Мы, — рекоша — никоего зла ему не сотворихомъ, а онъ с нами в докончани буда переступив крестное цѣлование, и до кончание нашу землю воюетъ и кровь хрестянскую проливаетъ. Мы же идемъ на него, надѣемься на бога и на хрестянскую силу». И придоша ко граду Мстиславлю.

А князю Святославу стоявши у города и бивши пороки град и Мстиславль на страсной недели, в пятъницу, яко услышав князь Святослав, яко идетъ на него князь Скиригаило и со братиею, он же исполчи воя своя и поиде противу имь. Яко иступишася полци, бог же по Давыда пророка слову сотвори, еже рече: «Обратися болезнь на главу его и на верхъ его неправда снидетъ», и паки: «ров изрыв ископа и впадеса в него, еже сотвориль». Бог поможе великому князю Витовту, а князь Святослав устремися на бѣг и з своими князьми и со бояри смоленскими и своими ратьми. Божию силою ту не мало чюдо сотворися. Избито бысть вои много множество, князей и бояр, но и самого князя великого Святослава убиша. Сына же его князя Юря князь велики Скиригаило исцелив его от ран и привезе его ко городу к Смоленску и к матери его, великой княгини Святослави. И посади его на великомъ княжени Смоленскомъ, занже бысть за княземъ Юремъ дщи старшей сестры Скиригаилевы.

Отшедши от города Смоленского, князь великый Скири-

гаило и поиде во свою землю Литовскую и нача княжити во Троцех, а во Вилню послал король старосту своего лядского. А князю великому Витовту, тогда держащу Луческъ и всю землю Вольнскую, а в Литовской земли отчину свою, и бысть ему нужно, ижь чего преже не бывало в Литовской земли, сторонамъ владѣющымъ великимъ княжениемъ. Тогда совѣт сотвори со многими князьми и бояры литовскими. Тогда бо Скиригаилу отехавши к Полоцьку, князь велики Витовт приде к Вилни, хотя засести, а княгиня великая бѣ Анна тогды у Городне.

Вилневци же тогда не вдашася ему, зане бѣ тогда правду дали королю Скиригаилу. Он же тогда не возма Вилни и поиде к мистру и зъ своею княгинею, и со своими князьми и со многими боярми. Оттоле нача воевати Литовскую землю с немецкою помочю и уже взялъ был Литовской земли по Велию реку, а и Польтескъ вдася ему. И узриль корол и князь великый Скиригаило, яко вже невозможно удержати земли Литовскыя пред великимъ княземъ Витовтом и с немецкими силами, поиде к Вилни. И стрете его Скиригаило со братомъ своимъ Вигонтомъ и с литовскими вои на реце на Вели у городка, на мѣсте нарицаемъ Веищушкы. И ступивъшимся полком, и бог поможе великому князю Витовту. И побежени быша литовски вои, и устремишася на бег и побито быс много их. Иных князей и бояр в нятельство поимали: князя Семена Евнутеевича, князя Глѣба Свѣтославоича Смоленского, князя Глеба Костентиновичъ, князя Ивана Тету, Лва Плакъсича, иных князей изымано быс много. И поиде князь великый Витовт таки к городу Вилни со своими воими, и оступяеть город Вилню. И нача добывати Кривого города, пушкками бити, и взя город Кривый. Тогда же немьци убиша князя Скиригаила Олгирдовичъ на лядской заставе на высокомъ городе тогда суши, и не пустиша во град князя Коргаила. Князь же великый Витовт возма Кривы город и земли извоевал, паки возвратися в Немьци.

Того же лѣта к великому Витовту в Немьци, в Марынь город, придоша послы изъ города Москвы от великого князя Василия Дмитриевича, прося дъщери князя Витовтова за великого князя Василия Дмитриевича. Князь великый Витовт дасть дщер свою княжню Софию, отпусти ея из Марина города, а с нею посла князя Ивана Олигимонтовича из град Данска. И поидоша во карабли за море, и придоша к граду Пскову, они же велики чти воздаша имъ и проводиша их со честью до град Москвы к великому Василию Дмитриевичъ. Князь же великый Василей посла противу ему со

честию братию свою князя Володимера Андрѣевича и князя Андрѣя Дмитриевича, иных князей и бояр много.

На весну князь великій Витовѣт иде и взя землю Подольскую. А князю Володимеру Олгирдовичю, тогда бывши в Киеве, и не всхоте покоры учинити и челомъ ударити великому князю Витовту. Той же весны князь велики Витовт поиде взя град Житомир и Вручий. И приѣха к нему князь Володимѣр. Того жь лѣта на осень князь великій Витовт выведе его с Киева и дасть ему Копыл, а на Киевѣ посади князя Скиригаила. Самъ же князь великій Витовт поиде на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повели ити ис Киева ко Черъкасомъ и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило божиею помощию великого князя Витовта повелениемъ взя Черкасы и Звенигород и возвратится паки ко Киеву.

Ту же паки княжящи ему в Киевѣ, быс же нехто Фома чернецъ Изуфов, держа намѣсничество от митрополита у святой Софеи на митрополичьемъ дворе. Посхотевшую же князю Скиригаилу ехати за Днепро в ловы, той же прежереченый Фома нача звати его на пир на митрополичь двор. Князю же Скиригаилу суцю у него на пиру, — азъ же того не свѣмъ, занже бѣх тогды млад, но нецеи глаголють, — иже бы тот Фома дал князю Скиригаилу зелие травное пити. И с того пиру князь Скиригаило такъ поѣхаль за Днепр к Милолавичемъ и тамо разболися канонъ канона Крещения, в субботу въеха в город во Киев болен. Болев 8 дней, преставился в среду. И понесоя на главах его священници, поюще пѣсни отходные, съ свещами из града Киева ко свети богородици Печерской, и положень быс чюдный князь Скиригаило добрый, наречены во святомъ крещени Иоан, подле гроба святого Феодосия Печерьского.

Князь же велики Витовт услышав, ижъ князь Скиригаило преставился, и посла князя Ивана Ольгимонтовичъ ко Киеву и да ему держати Киев. Мы же над предреченое возвратимся.

Какъ выеде из Немець князь велики Витовт на великое княжение, такъ отпусти нятьца своего князя Глѣба Святославича ко Смоленску на великое княжение, а князю Юрью Святославичю вда город Рославль. Князю Глѣбу сидящи во Смоленсте и нача не в послушани быти великому князю Витовѣту. Князь же великій Витовт послы своя слаша о справлении, онъ же не всхоте исправитися. Тогда князь велики Витовт поиде со всеми силами ко городу Смоленску, тако вдасть ему Глѣб и з градомъ Смоленскимъ. Князь же велики Витовт вда град Смоленск держати князю Манту и Василию Бореиковичю, а князю Глѣбу вдасть город

Полоны. Самъ же князь великы Витовѣт возовратися в Литовскую землю. На ту же зиму посла князя Семена Лынгвена со многими ратьми и смоленскими ратми на князя Олга Резанского. И сплениша многое множество Резанския земли, и возвратишася с побѣдою во свояси. Тогда же бѣ зима велми студена.

Той же зимы на весну приѣхал князь же великый Василей Дмитриевичъ московскый ко чыцю своему великому князю Витовту во Смоленскъ во великое говѣние. И учти князя великого Витовта многими дарми: чепьми золотыми, и поясы золотыми, и соболми, камками, и суды златыми, и бахматы. И князь же великый Витовт зятя своего великого князя учти и удари разыличными дарми: сажеными порты, и дорогими оксамиты, и многоценными камъками, и гиншьты во седлах золотых снастех, чюду достойных, и отпусьти ко граду Москве с великою честию, а самъ поѣде к Литви...

[Аб паходжанні Літоўскага княства]

Сталося ест воплощене божого от духа святого з благословенное девицы чыстое Марѣи от початку створеня свѣта лѣта пяттисечного лятъсотного двадцать шостого.

Одного часу панство Рымское было под цэсаром Августом, который же не толко одному Рыму, ино и всему свѣту пановал. Яко ж вышэй писано, иж часу цэсарства Августова сын божый воплотился, а часу Тивирѣя, цэсара второго по Августе, на кресте волную муку прынялъ для збавеня и откупенья роду челоувѣческого. За которого ж, Тивирѣя вси рѣчы и пророчества пополнившы, по встани з мертвых вступил на небо и сѣлъ на правицы в бога отца, отколе ж дня судного мает прыити судити жывых и мертвых и отдати кождому водле заслуги его.

По смерти Тивирѣя цэсара был цэсарэм Гаиос, а по Гаиосе — Клавдѣй, а по Клавдѣи царствовал сын его Нерон. Который же Нерон был пан окрутный и невѣставичный, иж властную матку свою и доктора своего навышшого Сэноку бэз кождое прычины ку смерти прыправил и колко раз казал место Рымское запаливать, а ни для чога иншого, толко для того, иж бы ся тому дивовал а потеху мѣл. А княжатом и паном рымским, шыяхте и всему посполству кривды и втиски великие чынил, для чога ж всякий подданный его для великого окрутенства и невставичности его не был нихто пэвэн, а ни безпечон не толко имѣней, албо скарбов, але и здоровья своего. А так многие, опускаючы имѣнья и скарбы

свое втекалися до розмаитых земель, наслядуючы справедливоу упокою.

Где ж одно княжа рымское именем Палемон, который же цару Нерону был кривной, забрался з жоною, и з дѣтми своими, и с поддаными, и скарбы своими, с которым жо княжатеи пятьсот шляхты, также з жонами, и з дѣтми и з многими силами, и взявшы з собою одного остронома, которыя ся знал по звѣздах, и пошли у кораблех морем по заходу солнѣца, хочети собѣ знайти на земли мѣстцѣ слушное, гдѣ бы ся мели поселити а мешкати с покоем. А с тыми шляхты чотыры рожай навѣшшыи: имени именем с Китаврус Довспрунѣкг, а с Колюмнов Прешпор, а з Руси Улянус, а з Рож Екѣтор. А так оныи люди не малый час по мору ходили. И прышли Межиземского мора, и дошли до реки до Шума. И тою рекою Шумою в море окиян. И морем окияном дошли до реки устья, где Немон упадываеть у море окиян. И потом пошли рекою Немном вверх, оли ж у море малое, которое называется море Немное. А для тое прычины тое море Немное называется, иж в тое море Немон упадываеть дванадцатма устьи, а каждое зоветься особным именем, межи которыми ж устьи одно зоветься Кгилья. И пошли тым устьем вверх, и дошли цѣлого Немна, гдѣ вже он сам увесь у в одном мѣстцу течеть. И верх Немна дошли до реки Дубисы. Яко же вшедшы в тую реку Дубису, и нашли над нею горы высокии, и ровнины великии, и дубровы роскошныи и розмаитых обѣфитосцей наполнено у звѣрех розного рожая, то ест, напервей: туров, зубрев, лосей, оленей, сарн, рысей, куниц, лисиц, бѣлок, горностаев и иных розмаитых рожав. И тѣж у реках великую офитость рыб непосполитых, иж не толко тые рыбы, которые ся в тых реках плодят, але множество рыб розмаитых а дивных приходят з мора, за тою прычиною, иж недалеко устье Немное, гдѣ Немон у море впадываеть. Над которыми ж реками: над Дубосою и над Немном и над Юрою там ся поселили и почали размноживатися. И оное мешкане их над тыми реками вельми ся им подобало. И назвали тую землю Жомоить.

О княжати Палемоне и о трех сынох его

Князь Палемон вродил трех сынов: старший Борк, а другий Кунас, а третий Спѣра. Старший же сын Борк вчынил город на рецѣ Юре и зложоно имя того княжати поспол з рекою: имя рецѣ Юра, а княжати Борк, и назвал тот замок

Юрьборк. А середний сын Кунас прышол на устье реки Невяжы, гдѣ она впадывает у Немон. И тут учынил город, и назвал его именем своим — Куносов город. А третий сын Спэра пошол далее у гушу ко всходу слонца, и перешедъшы реку Невяжу и реку Святую и третюю реку Шырвину, знашол озеро луками и розмаитым деревом украшено, где ж злюбившы и над тым озером поселился. И тое озеро именем своим назвал Спэра. И пановал многие лѣта. И был вельми ласкав подданным своим. И потом умер бэс плоду. И подданные его, милуючы его, и подле римского обычая вчынили собѣ балъвана и назвали его Спэра, на память его.

И потом оные люди, мешкаючы около него, и почали ему оферы чынити и за бога его мѣти. И потом, коли тот балван сказилься, и они тое озеро и мѣсто хвалили и мѣли за бога, и по нем межы собою господара не мели и мешкали без пана.

По малых же часех умереть брат его, который мешкал на Юрборьку, не маючы детей. И брат его Кунос озмет и тую часть брата своего Борка и город Юрьборк и в той части его будет пановати. И оное княже Кунос мѣл двух сынов; одного Кернуса, а другого Кгинбунта. И пануючы ему в земли Жомойтской почалься множыти и розшырати и выходити на реку Велю в землю Завельскую. И перешодъшы реку Святую вышей, и нашол мѣсто вельми хороше. И сподбалося ему тое мѣсто вельми. Тогда он там поселил сына своего Кернуса. И назвалося тое местцо по Кернусе — Керново. А потом Кунос умре. И по нем почнетъ сын его Кернус пановати на всей земли Завельской по границу Латыгольскую и по Завельский Брасълавль, оли ж по реку Двину, а брат его Кгинбунт — на Юрборьку и на Куносове и на всей земли Жомойтской.

А в тот час, гдѣ Кернус пановал на Завельской стороне, люди его тые, што за Велею осѣли, игривали на трубах дубасных. И прозвал тот Керънус берег своим языком властным по латыни — литус,— где ся люди его множат. А трубы, што на них играют — туба. И дал имя тым людям, своим языком по латине, зложывшы берег с трубою,— литусба. И простые люди не вмели звати по латине и почали звати Литвою. И от того часу почали звати панство Литовское и множытися от Жомойти.

И князь великий Кернус пановал на Литве, а князь Кгинбунт на Жомойти. И не малый час пановали. И жыли межы собою вов покои. И князь Кернус не мѣл сынов, толко одну дочку именем Пояту. И будучы он у старости своей и, не хо-

течы панства своего от дочки своее отдалити, и прынял до неи и зятем своим его вчынил собѣ с Китавруса именем своим Кируса, сына Довпрункгова з Дявильтова. И сам умер. А по нем начне княжыти на земли Литовской тот зять его с Китаврус — Кгирус. А Кгиньбунт, пануючы на Жомоити, и умер, а сына своего Монтвила оставить на князстве Жомоитском.

И Монтвил много лѣт княжыл на Жомоити и мѣл двух сынов: одного Немоноса, а другого Скиръмонта. А в иных тых жэ называ Викента и Ердвила.

И часу панованья Монтвилова повстал цар Батый и пошел на Рускую землю, и всю Рускую землю звоевал и князей русских постинал, а иных у полон повел, и столец все Руское земли город Киев зъжог и пуст учынил. А князь великий киевский Дмитр, боечыся великое силы и моцы его, збѣг с Киева до города Чернигова. И потом довѣдался, што город Киев сожжон и вся земля Руская спустошена. И слышал, иж мужыки мешькают без господара, а зовутся Дручане. И он собравшыся з людми своими и пошел ко Друцку, и землю Друцкую посѣл, и город Друческ зарубил, и назвалься великим князем Друцким. И в тот час доведался великий князь Монтвил Жомоитский, иж Руская земля спустошена и князи руские розогнаны. И он, давшы воиско сыну своему Ерьдивилу, и послал з ним панов своих радьных, напервей с Колюмнов Трумъпя, а другого с Урьсинов именем Эйкъшыса, а третего з Рож именем Кгровжыса. И зашли за реку Велю, и потом перешли реку Немон. И нашли в чотырох милях от реки Немна гору Красну, и сподобалося им и вчынили на ней город, и назвали его Новгородок. И вчынил собѣ княз великий в нем столец, и назвался великим князем Новгородским. И пошедшы з Новагородка и зарубил город Городно. И потом пошел до Берестья, и нашол Берестѣи и Дорогичын и Мельник от Батыя спустошены и показены. И он тые города зарубил и почал на их княжыти. А потом умер княз великий Монтвил Жомоитский.

По нем сѣл на великом княженьи Жомоитском Викент, а другий вышереченый сын его Ердвил почнетъ мешкати и пановати на Новегородцы и на тых вышей реченых городех. И подавал паном своим, которые з ним вышли острова и пуцы. Грумпю дал остров коло реки Ошмены, которое тепер зоветься Ошмена, и все прылежачое к Ошмене, што тепер князи и панове в повете Ошменском держать. А Эйкъшневи дал остров, который по нем назван ест Эйшышки, и все прылежачое к повѣту Эйшышскому. А Кгров-

жу дал остров, который его именем назван ест Кгровжышки, и увесь повѣт Кгровжыский. И с Трумпя народился Кгаштолт, а з Эйкъша народился Довоина, а з Кгровжа народился Монъвид, а потом умер.

Пануючы великому князю Викенту в Жомоитской земли, а Ердивилу у Новегородцэ и в ыншых городех. Потом умер князь великий Викен. И по нем начнеть княжыти Жывинбут, с Китаврису, князь литовский, обема тыми княжаны: Литвою и Жомоитью. А Ердивил на Новегородцэ и на всих тых городех русских. И много лѣт княжывшы Ердивил на тых городех и умер. И по нем почал сын его княжыти Мингаило.

По смерти пак отца своего княз великий Мингаило, собравшы воиско свое, и поидеть на город Полтэск и на мужы Полочане, которые вѣчем справовалися, як Великий Новгород и Псков. И напервей прышли к городу их реченому Городьцу. И мужы полочане, собравшыся с польки своими и стрѣтили их под Городцом. И великии бои и сѣчу межы собою мѣли. И поможеть бог великому князю Минкгаилу. И побил мужей Полочан на голову, и город их зъжог на имя Городец. И город Полтэск возьмьт и зостал великим князем полоцким. И будучы ему великим князем новгородским и полоцким пановал много лѣт и вмер. И оставил по собѣ двух сынов своих: одного Скирмонта, а другога Кгинвила. И Скирмонт почнеть княжыти на Новегородьцы, а Кгинвил на Полоцку.

И поиметь Кгинвил дочку у великого князя тверского у Борыса именем Марю, для которое ся окрестил у рускую вѣру и дали ему имя Борыс. И мѣл с нею сына именем Рогволода, которого назвал руским именем Василей. И тот Кгинъвил, реченый Борыс, вчынил город на имя свое на рецэ Березыни, и назвал его Борысов. И будучы ему русином был велми набожон. И вчынил цэрков каменую в Полоцку святое Софѣи, а другую святого Спаса — девичый манастыр у верх реки Полоты, от города у полумилу, а третюю цэрков-манастыр на Бельчыщы святого Борыса и Глѣба.

И пануючы ему в Полоцку был ласкав на подданные свои. И дал им волность вѣчем ся судити и в звон звонити, и потому ся справовати як у Великом Новегороде и Пьскове. И што князь Борыс мѣл с тою жоною сына Рогволода, нареченого Василя. И по нем почнеть княжыти сын его Василей у Полоцку. А сам умер.

И князь Василей, княжечы на Полоцку, мѣл сына Глѣба, а дочку Парасковью. И тая Парасковья обещалася дѣвство свое заховати в цѣлости до живота своего. И пострыглася

в черницы у светого Спаса, у монастыры над Полотою, и мешкала там сем лѣт, богу служечы и книги пишучы на цэрков. А потом забралася до Рьма и в Рьме, мешкаючы, богу служыла пилне. И мешкала колко год и осветилася, которую называют санкта Прекседыс, а по рускии Паросковѣя, которой же в Рьме и костел збудозан на имя ее святое, там жэ ее и положили. А брат ее, князь Глѣб Полоцкий, у молодых лѣтех своих, кнежывшы у Полоцку немного лѣт, и вмер. И положон ест у Полоцку у святое Софѣи со отцэм своим у в одном гробе. А полочане почали потому справоватися, як у Великом Новгороде и в Пьскове, а пана над собою не мѣли.

Скирмонту ж княжечы на Новегородцы. И князь Мьстислав луцкий и пинский почнет вальку с князем Скирмонтом, хотечы его выгнати з отьчызны своее: з Берестя, а з Мельника, и з Городна, и з Новагородка. И Скирмонт пошлет послов своих до великого князя литовского, што вышол с Китавруса до Жывинбута, просечы его, абы помоч дал ему напротивко Руси. И князь великий литовский Жывинбут пошлеть ему на помоч сына своего старшого, Куковотя, со всеми силами своими литовскими и жомоитскими. И погдет князь великий Скирмонт с Куковотем и со всеми силами на противку Мьстислава, князя луцкого и пинского. И на сей стороне реки Ясельды поразит князь Скирмонт князя луцкого и пинского на голову и всю раду рускую, толко князь Мстислав в малой дружыне ледве сам утек у город Луцко. А князь великий Скирмонт возмѣ гь город Пинск и город Туров. И заплакала Рус великим плачом, иж так окрутне вси побиты от бѣзбожное Литвы.

И князь великий Скирмонт сына великого князя литовского Жывинбутова Куковотя чостовавшы и даровавшы безчисленное множество золота и серебра и боръздыми конми и отпустил почстиве до отца его, до великого князя Жывинбута литовского.

И коли Куковот приидеть до отца своего Жывинбута, и не много пры отцы своем побывшы, и потом князь великий Жывинбут литовский и жомоитский умер. Тогда сын его Куковот сѣл на великом кнежени Литовском и Жомоитском.

Будучы пак в тот час царем Завольским именем Булаклай и прыслал послов своих до великого князя Скирмонта, штобы ему выходы его давал и баскаки его ховал по тым городом по тому, як с тых городов хожывали за предков яго князей русских. И князь великий Скирмонт

под тое поддатися не хотѣл, и тым послом его носы, губы и уши урѣзати казал, и до него отпустил.

И тот цар на лѣто собравшыся з многими силами своими и орѣдами татарскими и пошел на Рускую землю. И много зла Руской земли учинил.

А князь великий Скирмонт, собравшы вси войска свои, и подкал его на границы своей у Койдонове, и поразил того цара и всю рать татарскую побил и самого цара убил. И з звитяжством великим пошел на Рускую землю. И взял город Мозырь, Чернигов и Стародуб и Корачев. И со всеми в цѣлости, звитяжество одержавшы, вернулись назад. И мѣл князь великий Скирмонт трех сынов: старшый Тронята, другой Люборт, третий Писимонт.

Князь великий Скирмонт у великой старости своей умер, а сын его Люборт сядет на Корачеве и назовется князь Корачевский, а Писимонт на Турове сядет, а Тронята на Новегородцѣ. И пановали на тых городех много лѣт.

В тых лѣтах мати князя великого литовского и жомоитского Куковотева Поята умерла у великой старости своей. И князь великий Куковоит, милуючы матку свою, и вчынил балвана на образ ее, чынечы ей паметку. И поставил того балвана именем матки своее Пояты вышей озера Жослии, который же образ хвалили и за бога его мели. А потом тот балван зѣгнул, и на том мѣстцы липы выросли. И тые липы хвалили и за бога их мѣли во имя тое Пояты оли ж и до сего дня. А за тым князь великий литовский и жомоитский Куковоит, милуючы подъданных своих, и сам умер.

И зоставил по собѣ сына на великом кнежени Литовском и Жомоитском именем Утенуса, который же сын, милуючы отца своего великого князя Куковоита, и вчынил балвана на паметь отца своего. И поставил его на горе одной над рекою Святою, недалеко Дявилтова, которого ж хвалили и за бога мели. А потом тот балван згнил, и там гай вырос. И люди тым хвалили, и прозвали его именем пана своего Куковоита.

Троняте пануючы на Новегородцѣ. И в тот час цар Завольский Курдас повстал з многими силами татарскими на Руские земли. И князь Тронята зберется з братею своею: с князем Писимонтом Туровским а с князем Любортом Карачевским и со всеми силами, и к тому обослался с князми рускими: с князем Семеном Михайловичом Друцким, и с князем Давыдом Мѣстиславовичом Луцким и Светославом Киевским. И собравшыся с одного и пошли против цара Курдаса и все рати его Завольское. И поткалился с ним за Мозырем на рецѣ Окуневъцы, и вдарылися

в полки межы собою, и вчынили бой вельми великий от пораня оли ж до вечера. И поможеть бог великому князю Тронэте и князем руским. Цара Курдыса и все войско на голову побили. Ледве сам цар у малой дружине втек. И в том бою убили двух братьов князя Тронятиных: князя Писимонта Туровского, а князя Люборта Корачевьского, а князя Семена, сына князя друцкого Михаила, а князя Давыдова, сына Луцького Андрея. И иных бояр много побили. И князь великий Тронята звияжство одержавшы и добытку великого, золота, и серебра, и камня и жэмьчугу, и шат дорогих набравшы, и пошел у свою землю. А князи руские также у свои города пошли.

И пануючы князю Троняте не мало лът, потом умер. И zostавил сына по себе на великом кнежени Новгородском Олькгимонта. И кнежыв Олькгимонт не мало, потом умер, и zostавил по собѣ сына именем Рынкголта на великом кнежени Новьгородском.

И кнежычы Рынкголту не мало лът на Новегородцы и на иных городех руских. И вчынять змову межы собою князи руские почати вальку против великого князя Рынкгольта, и хотечы его согнати з отчызны своее городов руских, напервэй Светослав Киевский, а Лев Володымерьский и Дмитрий Друцкий. И собравшыся вси тры полки и пошли против великого князя Рынкгольтя. И взяли тые руские князи татар на помоч собѣ от цара Заволского неколко тисеч татар. И князь великий Рынкгольт потъкал их на рецэ Немне на Могильной. И вчынил з ними бой вельми великий, и билися межы собою велми крѣпко, почоншы от пораня оли ж до вечера. И поможе бог великому князю Рынкголту, иж князей руских и всю силу их и орду татарскую на голову побил и сам, звияжство одержавшы, з великим весэльем и добытком золота и серебра, и з великим набытем скарбов, и прышел к своим городом. И прышедшы до Новагородка, рознемогъся и вмер без плоду. Тут ся доконал род княжати рымского Палемона.

А иные поведают, рекучы, бы тот Рынкголт, прышедшы з оного побоища до Новагородка и был у Новегородцы, и якобы мъл уродити трех сынов и zostавит по собѣ на великом кнежени Новгородском именем Воишвилака, ино дадей о том Воишвилаку не пишеть.

О княжати Литовском Швинъторозе, сыне Утенусове

По смерти Рынкголтове панове, жалуючы господара своего прырожоного, и взяли собѣ господарем великого князя литовьского и жомоитского, сына Утенусова с Китаврусу, Швинъторого. И мало кнежившы Швинторогу на Новгородьцы и на русских городех. И отец его, князь великий литовский и жомоитский, Утенус умер. И сын его Швинъторог по смерти отца своего начнет кнежити на великом кнежени Литовском и Жомоитском, и Новгородском и Руском. И вродил Швинторог сына Скирымонта. И оберет собѣ великий князь Швинторог мѣстцо на пуцы велми хорошо, подле реки Вельи, гдѣ река Вилня упадывает у Велю. И просил сына своего Скирымонта, абы на том мѣстцу было жѣглищо вчинено, гдѣ бы его мертвого сожгли. И приказал сыну своему, жебы по смерти его на том мѣстцу, гдѣ бы его зъжог, всех князей литовских и знаменитых бояр сожъжено было, и штобы вже нигдѣ инѣде тѣла мертвых не были зъжены толко там, бо и перед тым жыгали тѣла мертвых на том мѣстцу, хто гдѣ умереть. И приказавшы тые слова сыну своему Скирымонту, князь великий Швинъторог и вмер.

О великом князе Скирымонте

Великий князь Скирымонт зостал по отцы своем на великом князстве Литовском, Жомоитском и Руском и, подлуг приказаня отца своего, на том мѣстцы на усти реки Вилни, гдѣ у Велью упадывает, вчинил жѣглищо. И там тѣло отца своего зъжог и коня его, на котором еждывал, и шату его, которую ношывал, и милосника его, на которого он был ласкав, и сокола и хорта его зъжог. И от тых часов князи великие литовские тѣла их на том мѣстцу жыгали. И для того тое мѣстцо от тых часов прозвано Швинторога, на имя того великого князя.

И коли которого князя великого литовского, albo пана сожжено было тѣло, тогды пры них кладывали ногѣти рыси, albo медвежи, для того, иж вѣру тую мели, якобы судный день мѣл быти. И так знаменали собѣ, иж бы бог мѣл прыити и седѣти на горѣ высокой и судити живых и мертвых, на которую ж гору трудно будеть узыйти бѣз тых ногѣтей рысих, albo медвежих. И для того тые ногти подле их кладывали, на которых мѣли на тую гору лѣзти и на суд до бога ити. А так ачколвек поганы были, а вѣжды потом себе

знаменали и в бога одного вѣрыли, и ж судный день мѣл быти. И вѣрыли з мертвых встаню и одного бога, которы мѣл судити живых и мертвых.

О мужах латыгольских як прышли у Жомоить

Пануючы великому князю Скирымонту, и собралися мужы латыголове, которые седели над берегом морским, окияном, морем и прышли в землю Жомоитскую, и шкоды многие почынили, и кровопролитья в людех Жомоитских от них много стало. И князь Скирмонт собравшыся з силами своими и поидеть на них в землю их. И их самых выстинал, а инших у полон вывел, и землю их пуну вчынил.

И в тот час, по выеханю князя великого Скирмонта з земли Латыгольское, прышли нѣмцы з за моря до тое ж земли Латыгольское и тую землю засели. И панове той Латыголе zostали и назвались Ифлянты. И потом много лѣт пановал великий князь Скирмонт и zostавил двух сынов: Трабуса а Коликгина. И Трабус почнет кнежыти на земли Жомоитской, а Коликгин на земли Литовской и Руской. И кнежыл много лѣт и вмер. И почнетъ по нем кнежыти сын его Роман. И по малом часе умре князь великий жомоитский Трабус, дядко князя Романов.

И по нем почнет кнежыти князь великий Роман на земли Жомоитской и Литовской и Руской. И Роман мѣл пяти сынов: старший был Нарымонт, другий Довмонт, третий Гольша, четвертый Кгедрус, пятый Троииденъ.

О пяти сынех Романовых

По смерти великого князя Романа почнет кнежыти его сын старший Нарымонт. И вчынил город Кернов, и знесеть столец свой з Новагородка до Кернова, и почнетъ кнежыти и назовется великий князь литовский и новгородский и жомоитский.

А брат его Довмонт седит на отчызне своей на Утене, и назовется князем Утенским. А третий брат его Кгедрус зарубил город и назовет его именем своим — Кгедроити и прозовется князем Кгедроитским. А четвертый брат его Гольша, передшы (так!) реку Велю, и нашол гору красную межы горами над рекою Вилнею у мили от устья реки Вельи, гдѣ упадывает в реку Велю против Раконтишок, и вчынил город и назоветъ его именем своим Гольшане.

И не много бывшы там. И ездечы оттоль у ловы у пушу

за десеть миль от того города своего и найдет гору красную, и ровънинами великими объляглюю, и обфитостями напольненую. И сподобалося ему там, и он там поселился и на той горе учынил город над рѣчкою Кораблем. И перенесеться оттоле и там почнетъ кнежыти и назоветься князем Гольшанским.

А пятый брат Троииденъ мешкал пры брате своем великом князе Нарымонѣте. И довѣдался князь великий Нарымонт, што ж князи Ятвезьские померли, а люди их мешкают без господара. И князь Нарымонт поидеть на них. И они не противечыся поддалися и поклонилися ему. А так он, оставшы им господарем и вземшы их, дал брату своему Троииденю за вдѣл. И князь великий Троииденъ наидеть гору красную над рекою Бебрею. И сподобалося ему там вельми и зарубил город и назоветь его Раигород, и прозоветься князем Ятвезским и Доиновъским.

И будучы ему там на кнежени великие вальки чынил з Ляхи, и з Русью и з Мазовшаны, и завжды зыскивал и над землями их сильные окрутенства чынил, што нижей описуеть у русской кроиницѣ, их горьшый был тым землям и округнейшый на них, нижли Антиох Сирский и Ирод Иерусалимский и Нерон Рымский, што так был округтный и валечный.

Князь же великий Нарымонт поиметь жону у ифлянтского реченого Флядры дочку его, и брат его Довѣмонт у того ж Флядры другую дочку его. И, не малый час жывучы, рознеможеться жона князя Домонѣтова Утенского и вмерла. И князь великий Нарымонт, слышавшы смерть невѣстки своее, жаловал вельми и, будучы сам немощон, и послал жону свою до брата своего Довмонѣта, жалуючы жалости его. И коли прыехала жона Нарымонтова до Утены, жалуючы девера своего князя Довмонѣта, и князь Довмонт, видешы невѣстку свою, возрадовался вельми а рекл так: «Мнѣ было жоны искати, а се мнѣ бог жону дал». И понял ее за себе. И в том стала великая брань и ростыржѣка межы братею: великим князем Нарымонтом и князем Довмонтом.

И князь великий Нарымонт, видечы жалост свою великую, иж брат его жону его за себе гвалтом взял, и обослал братю свою: князя Кгедроитя, и князя Гольшу, и князя Троииденя, и тестя своего Флядра Ифлянтского. И собравшыся з братею и со всими людми своими, и потягнул на брата своего князя Довмонѣта, и обогнал его у городе его Утене. И порозумел князь Довмонт, што ся не мог ему оборонити, и просил горожан своих, абы ему не подали города, поколь бы он прошел войско Нарымунтово. И сам спустиль-

ся з города. И прошодшы войско Нарымунтово, и побезыт. И прыидет к городу Пьскову. Ино мужы пьсковские, видечы его мужа добра, и честна и розумна, и взяли его собъ господарэм и назвали его великим князем Пьсковским.

А Нарымунт, узявшы город Утену и жону свою, и княжыл на Кернове и на Новегородцы и на Жомоити. А Довьмонт на Пьскове. И обадва не малый час кнежыли.

Троииденъ пак поиметь жону у княжати Мазовэцкого, дочку его. И мъл з нею сына реченаго Рымонта. И коли сын его Рымонт доростал лът своих, и отец его Троииденъ дал его для науки языка руского до Льва Мьстиславича, который заложыл город во имя свое — Львов. И мешкаючы Рымонту у князя Льва, и навчылся языка руского. И сподобалося ему вѣра хрестиянская и окрестилься. И врозумъл, иж тот свѣт ничего не есть. И опустившы свѣт, и пострыгъся в чернѣцы, и названо имя ему Василий, а прозвищом Лаврыш. И будучы ему в чернѣцох, прышол до дядка своего Нарымонса и просил его, абы ему дал в Новгородском повѣте мѣсто на пушцы подле реки Немна, гдѣ бы собъ монастыр збудовать мъл. И он ему допустил. И он собъ там монастыр збудовал. И поставил напервей церъков святого Воскресенья. И оттоле прозвано Лаврышов монастыр. И будучы ему у монастыры, дядко его умереть. И панове литовские и жомоитские взяли собъ великим князем Троииденя. И пануючы великому князю Троииденю, и князь великий Довмонт, пришодъшы зо Пьскова, возметь город Польтэск и почнеть княжыти на Пьскове и на Полоцку. И жаль ему было того велми, иж брат меньшый осъл панство у Литве. И почал о том мыслити, як бы его мъл о смерть прыправити. А в тых часех пануючы Троииденю, умерли ему обадва браты: князь Гольша а князь Кгедрус. А з оное вышэйписаное вазни князь великий Довмонт направил шесть мужыков на брата своего Троииденя забити, яко ж он шол безпечне собъ з лазни в Новгородку. И тые мужыки его зрадне забили. И сам Довмонт, собравшыся з людми своими пьсковскими и полоцкими, и потягнул до Литвы, хотечы быти князем литовским и жомоитским.

И реченый чернец Лаврыш, по литовскии зовемый Лаврымонт, а по рускии Василей, и жалуючы смерти великого князя Троииденя, отца своего, и оставившы чын чернеческий, и прышол до панов. И собравшыся со всякими силами своими литовскими, и потягнул противко Довмонта, хотечы помстити кров отца своего. И направившыся с польки своими, и потъкалися з Довмонтом над озером. И коли зышлися полки с obu сторон, и был межы ними бой и сѣча великая,

с поранку оли ж до вечера. И поможет бог Лаврышу, и все войско дядка своего Довмонта на голову поразил и самого его убил, и город Полтэск взял. И вернувшись назад к столыцу отца своего до Кернова. И рек паном: «Коли мнѣ бог дал помстити кров отца своего, я свѣта того отрекаюся. Взял есми на себе черную рызу, а господарства я не хочу. Возмите собѣ господарем, кого воля ваша будетъ. А вед же я ражу вам ачѣколвек ест братья моя Гольшын сын Олькимонт, а Кгедрусов сын Кгинвил, ино еще они малы суть, не годятся на панство, бо дядко мой Нарымонт, коли сѣл на великом князстве Литовском, гѣрб свой Китаврус zostавил брати своей, а собѣ вдѣлал герб человека на кони з мечом. А то знаменуючы через тот герб пана дорослого лѣт, хто бы мог боронити мечом отчизны своее. А про то оберыте собѣ господара доброго, хто бы мѣл боронити того панства великого князства Литовского. И так ми ся видить, иж бы и к тому был годный Витеня, который был маршальком у в отца моего».

И панове не хотели переступити рады а воли господара своего, прырожоного сына великого князя Троиденева. Вчынили так, видечы мужа мудрого а годного Витеня, который был з рожаю а с поколенья с Колюмнов, з ымѣня деръжачого в Жомоити, реченого Аиракгола. Взяли его себе великим князем литовским и жомоитским, бо князь великий Троидень, будучы в Жомоити, ехал через имѣнье его Аиракголу и узрел оного Витеню еще малым младенцом, и вбачыл оное дитя обличем велми хорошо и възросту цудного, играючы з дѣтми малыми, и взял его к собѣ. И был у него коморником. И будучы в него в каморе, кождую реч цудне а радне панскую ховал и справовал. А так он, бачечы цноту его и доброе заховане, вчынил его в себе маршальком. И был в него, милосником и всяким справцою. А за тым, по смерти его, взяли его на великое князство Литовское. Тут ся доконал род с Китаврусов, а начало великое княжэнье Витенево, род великих князей литовских с поколеня а з роду с Колюмнов.

О великом князи Витене

Будучы великому князю Витеню на великом князстве Литовском, Жомоитском и Руском, и пановал много лѣт оли ж до старости своее во в покою. И родился ему сын Кгидимин. А потом умер князь великий Витеня. А после его сѣл на великом княжени Литовском, Жомоитском и Руском вышереченый сын его Кгидимин.

МІКОЛА ГУСОЎСКИ

(Каля 1480— пасля 1533)

ПЕСНЯ ПРА ЗУБРА

САКРАТАРУ
ЯЕ КАРАЛЕЎСКОЙ ВЯЛІКАСЦІ
ЯСНАВЯЛЬМОЖНАМУ ЛЮДОВІКУ АЛЬФІЮ*

*О, Людавік, гэту сціплую кніжку табе давяраю
З просьбай пранікнуць у сутнасць і глыб яе зместу,
А на выпадак, калі ў ёй нічога не ўгледзіш,
Што далікатнейшы слых Каралевы магло б улагодзіць,
Хай яна сьдзе за сціплы табе мой дарунак.
Гэта не я, а твой розум і талент цябе прызначаюць
Справу такую зрабіць; астаюся тваім даўжніком.*

ДА НАЙЯСНЕЙШАЙ УЛАДАРКІ
І ПАНІ БОНЫ*
З ЛАСКІ БОЖАЙ КАРАЛЕВЫ ПОЛЬШЧЫ,
ВЯЛІКАЙ КНЯГІНІ ЛІТВЫ,
РУСІ, ПРУСІІ І ІНШ. ПАНІ

МІКОЛА З ГУСАВА

*Калі я быў у Рыме, яснавляльможная каралева, папа
Леў X*, прыгадваючы аднойчы паляванні на Поўначы і
велічыню звяроў, пераканаў красамоўнымі словамі надзвычай
шаноўнага пана плоцкага біскупа Эразма*, пасла вашай
Высокасці тады пры ім, каб чучала бізона, якога мы называем
зубрам, яго набітая сенам шкура была дастаўлена ў
Рым.*

*Калі біскуп плоцкі паабяцаў гэту просьбу выканаць, ён
адаслаў лісты Радзівілу*, ваяводу віленскаму, просячы
падшукаць шкуру найвялікшага звера гэтай народы, а мне,
у той час свайму дарадчыку, загадаў напісаць што-небудзь
аб прыродзе і паляванні на звера, жадаючы паказаць папу
постаць зубра не толькі ў рэчах, але і ў словах.*

*Аднак з-за нечаканай смерці Льва ўсё гэта не здзеснілася.
Застаецца толькі невялікі твор, напісаны тады мною
спехам (мне не ставала ні часу, ні здольнасці), твор гэты
я рашыў выдаць у свет у гонар тваёй Вялікасці. Гэтае пісан-*

не хачу я паднесці табе замест сціплага падарунка, спадзеючыся, што надарыцца выпадак, калі яго Каралеўская Вялікасць на сваім звычай адправіцца на паляванне, і гэтая кніжка, што змяшчае лясныя прыгоды, цябе зацікавіць і ты яе прачытаеш. Гэтым самым жадаю я не так палепшыць сваё становішча, як пракласці шлях вучоным мужам, каб і яны табе свае творы паднеслі. І каб ты, найвучоная княгіня, узважыла іх здольнасці і нараіла свайму яснавельможнаму мужу, які абавязаны больш мець часу для вядзення войнаў, чым для чытання кніг, тых, каго палічыш найбольш таленавітымі. Бо бачу я з найвялікшым для сябе жалем і, зразумела, з пэўнай стратай для дзяржавы, што славуцейшыя сэрцы зусім не паважаюцца. Яны з-за матэрыяльнай нястачы і беднасці цалкам не могуць сябе праявіць. Бачу я таксама, што ёсць нямала людзей, якія валодаюць і багаццем і талентам. Але калі яны заўважаюць, што вучоных, мастакоў і паэтаў так мала шануюць і паважаюць, то імкнуцца больш узбагачацца, чым ахарошваць душу. З-за такой нікчэмнай справы ахвяруюць яны самым высакародным прызначэннем сваіх асоб. А калі возьмеш ты на сябе агульнае апякунства над гэтымі захапленнямі, тады ўзбуйнеюць таленты і прынясуць карысць Каралеўскай Вялікасці ў яе значнай працы, так што дзяржава будзе зберагацца ў сваім стане ў гэты злавесны час.

Дзяржава абатіраецца больш на мужнасць духу, чым на сілу цела, пра што сведчаць як грэкі, так і рымляне. Іх магутнасць квітнела найбольш тады, калі расцвіталі навукі. А як толькі пачалі нікнуць таленты, сілы іх згаслі, а з заняпадам апошніх абрушылася іх дзяржава і ўсталявалася рабства. Таксама і ў нас. Тыя ж, хто вядзе войны паводле звычайна старажытных, што адлюстраваны ў кнігах, няхай узнімуць ваенныя подзігі і кінуць тое, што замінае грамадскай дзейнасці, ды падумаюць, дакуль нам баяцца турка! Няхай жа разважаць тыя, хто добра ведае з чытання старых кніг, што і грэкі і рымляне ў найвышэйшым росквіце сіл сваіх разгарнулі калісьці ваенныя дзеянні ў кірунку гэтых краін свету, пакуль не ўпэўняцца, што для рымскай зброі Германія, а для грэкаў Дунай былі амаль вечнымі межамі і рубяжамі на гэтым шляху. Так што і Вялікі Аляксандр, які думаў панаваць над усім светам, застрашаны мужнасцю таго народа, не адважыўся перайсці Дунай, на беразе якога спыніўся, і, як добра вядома, павёў войскі супраць неваяўнічых народаў Азіі.

Хоць нам не ўласцівыя ні норавы, ні звычай старажытных, аднак вечная сіла неба і мужнасць нашага воіна-

ратніка не падвядуць, як справа дойдзе да зброі, калі толькі мы, бяззбройныя, не будзем раздушаны нейкім наканава-ным няшчасцем, ці, яснай кажучы, спрытным круцельствам некаторых і сваёй бяздзейнасцю — і гэта, як мне здаецца, нас і звязвае.

Мне добра вядома, найсвятлейшая пані, якога вялікага шчасця ты зычыш гэтаму каралеўству і як шмат разважаеш і дбаеш аб паляпшэнні ягонага становішча. Але я сапраўды не ўяўляю, чым ты можаш яму дзейсна дапамагчы. Калі ж ты праявіш сябе добразычлівай, схільнай да апякунства навукі і мастацтва, тады ад іх будзе і дзяржаве вялікая карысць, а высокая слава імя твайго распаўсюдзіцца такім чынам яшчэ вышэй з ухвалай тваіх (выхаванцаў). Бо што можа быць больш цудоўным і вартым тваіх продкаў і тваёй найславуцейшай з арагонскага дома сям'і, больш дасканалым з усіх форм дабрачыннасці, калі на іх грунтоўна глядзець і ў мірны час, і ў вайну, і ў справе рэлігіі? Але і яны ніколі не напоўнілі б землі свету гэткай агромністай славай жыцця і подзвігаў з прыязню ўсяго пакалення і не казалі б сябе ў такім дзівосным святле ў розных выпрабаваннях лёсу перад нашчадкамі, калі б іх уласная вучонасць і ўласцівая гэтаму роду асаблівая прыхільнасць да вучоных мужоў не ўзнеслі б іх на такую вышыню, што яны былі ўслаўлены звонкай лірай вялікіх талентаў; таму мне застаецца заслужана маўчаць пра іх, асабліва тут, дзе я падпарадкаваны непазбежнаму закону выказвацца сціпла.

Жадаю здароўя і быць вартай свайго славутага роду.

Неяк у Рыме пры сціжме людзей незлічонай

Сведкам відовішча быў я — бою быкоў на арэне.

Люд пацяшаўся, гудзелі, як вулей, трыбуны,

Стрэлы ж і коп'і ўпіваліся ў цела жывёлін,

Боль прычыняючы ім невыносны. Пакуль мы глядзелі,

Як вар'яцеюць быкі і як бліскае ярасць

З позіркаў раненых, гул выклікаючы ў цырку,—

Хтосьці сказаў: «Як у нас на зубрынай аблаве».

Я пагадзіўся і там жа ў сваім асяроддзі

Ўсё раскажаў, што і ў нас у змаганні зацятым

Гэткім жа чынам адольваюць дужага звера.

Як і гаворыцца ў прыказцы мудрай, язык мой

Мой жа быў вораг. Праслухаўшы ўсё ў захапленні,

Мне загадалі адразу ж узяцца за працу,

Каб успаміны свае, пераліўшы ў памер вершаваны,

Песняй зрабіць і пра нас, і пра нашы аблавы.

Бачыце, я, між паэтаў часовы абраннік,
Вымушан скласці свой спеў аб краіне з багаццем
Свету жывёльнага ў ёй, бо і звер гэты цудам
Толькі шчэ ў нас захаваўся пад зоркай Палярнай.
Славай нядобрай ахрышчаны — дзікі забойца,
Ён і ва мне выклікаў неаднойчы пачуцці
Страху і жудасці. Сорамна нават прызнацца —
Часта пускаўся наўцёкі. Плявалі з пагардай
Простыя людзі: у нас баязлівых не любяць.
Тут, удастоены гонару большага — і небяспекі,
Мабыць, не меншай, — я прыхапкамі авалодаць
Мушу нязвычайна зброяй: той самай рукою,
Што налаўчылася лукам распісвацца, трэба
Ўмельства сваё праявіць і ў пісьменстве прыгожым.
З бояззю нейкай, прызнацца, са страхам душэўным
Пёрка нязвыклае ўзяў, адчуваю: пад ношай
Гэтай бязважкасці ніц упаду, бесталанны,
Бо, не адолеўшы страху, не здзейсню і волі
Мужа вялікага, — я ж яму ўсім абавязан*.
З гэтым сумненнем буджу я крыніцу натхнення:
О, праявіся з-пад раскі вадой жыватворнай
І ўскаласі маё першае семя на добрае племя!
Тут, на зямлі апенінскай, якую ніколі
Бачыць не бачыў, прашу цябе, Муза, аб гэтым.
Гаспадары пажадалі пачуць гэту песню,
Ну, а калі атрымаў даручэнне — старайся!
Так што тут спроба мая, а расцэнне — чужое,
Здольны ці не, а выконвай, бярыся за справу.
Без спадзявання, што будзе мой твор дасканалы,
Я пачынаю з адзіным намерам: унесці
Толькі свае ўдакладненні пра нашага звера.
Як жа мы з вамі згаворымся, лёгкія пёркі?
Мне, прызнаюся, шчэ змалку ваш голас знаёмы
Ў звоне стралы, на якой вы былі апярэнным,
А на паперы павінна пачацца размова
Іншага тону — такая размова лясная,
Каб зараўлі ў ёй звяры, разгарэліся бойкі
Не на жывот, а на смерць і раіліся стрэлы.
Цяжка мне справіцца з вамі, не тое што з тымі.
Лепш бы ты сам пісанінай, чытач мой, заняўся,
Я ж бы займаўся работай, мне звычайна, — лукам,
Так мы зраўняліся б, мабыць, у розных мастацтвах.
Права тваё за табой: калі гэтую песню
Не ўпадабаеш, — бязлітасна выкінь у смецце
Верш самавука-аматара з краю чужога.

Дзіўнае ўсё ж падабенства: адзінае джала
Ў пёраў і стрэл, а напоіш хоць злёганьку ядам —
Хопіць і драпіны, каб закрунуты загінуў.

Ну, дык пакročым на поўнач, у нетры лясныя.

Я, следапыт, павяду вас, бо мне гэта звычайна,
Там і сустрэнемся з грозным, магутным асілкам.

Хай ён рыкне, і прарвецца ў радкі мае рэхам
Тое рыканне — набудзе гармонію песня;

Хай ён бадне ў мой радок, каб маглі мы разгледзець
Гэтае дзіва з абшараў Літоўскага княства.

Волатным целама сваім ён настолькі вялікі,
Што, калі ранняць смяротна і ранены ўкленчыць,

Трох паляўнічых садзіцца ў яго між рагамі.
Скажам, калі б наўздагад я пачаў падбіраць параўнанні
З мордай і каркам ягонымі, не падабраў бы.

Злямчаны клін барады памялом вытыркае з-пад сківіц,
З позірка зыраць і злосць, і нянавіць, і ярасць;

Грыва калматая шчыльна да самых лапатак
Шыю ўкрывае, звісаючы ўніз па калені.

Можа, магчыма тут наша падаць параўнанне —

Часта ж раўняюць малое з вялікім, як быка з індыкам, —
Гэта казёл барадаты з нагуленым целама.

Вось ён — бізон ваш, што ў нас называецца зубрам!*

Масці паджарай, як мешанка бурай і чорнай,
Быццам з вякоў у вякі пераходзіў праз горны

І гартаваўся, сабраўшы адценкі стагоддзяў.
Дзіўна, што ў кнігах апісаны ён недакладна*,

Я ж без падставы псаваць не хачу і не буду
Тое, што ў спадчыну ён атрымаў ад прыроды.

Дзе яны бачылі — зубр ды з рагатаю пысай?
З выгляду ён не падобны на іх апісанне.

Іменна мордзе звярынай, на іхнюю думку,

Самая сіла ўласціва. А я ўдакладняю:

Рогі растуць не на пысе, і сіла не ў мордзе

Ў нашага слаўнага зубра, лясоў нашых славы.

Свет даўніны вывучаў я па кнігах славянскіх,

Граматах рускіх, кірыліцай пісаных вязкай.

Лад алфавіту наш прашчур для ўласнай карысці

Ў грэкаў пазычыў і, гукі мясцовых гаворак

Зладзіўшы з ім, іншаземцам, застаўся сабою.

Звычкі і побыт жывёл разнастайнай пароды,

Як і падзеі, апісаны ў граматах гэтых.

Што ж да зуброў, то такога магутнага звера

Шчасная доля, як дзіва часоў першабытных,

Толькі шчэ ў нас захавала, пад зоркай Палярнай.
Пліній, напрыклад, пісаў пра зубра і пра тура:

«Тур і бізон (па-мясцоваму — зубр) засталіся
Толькі ў лясках першабытных. Вучоныя кажуць,—
Сведчыць гісторык,— што лютасцю, злосцю і сілай
Роўнага звера не знойдзеш лясному асілку,

Што і ў лясках, і на выпасах ляхаў і росаў
Быў і застаўся царом над усімі звярамі».

Значыць, ён ведаў пра тых і другіх, а вось людзі
Ў нас на радзіме шчэ лічаць, што свет іх не знае.

«Дзікі і люты, іх зубр — падабенства бізона,
Толькі даўжэйшая грыва»,— заканчвае Пліній.

Хоць і не многа, ды праўда. Хто ж болей захоча,
Хай пацікавіцца — кнігі і болей раскажуць.

Я ўжо наперад прадбачу — прырэчаны будучы:
Байкі дзіцячыя. Ведаем, чулі, читалі!..

Хто цаліка не прамераў і нашага звера
Ў вочы не бачыў, вядома, такі не паверыць.

Сутнасць не ў гэтым. Галоўнае, як ты раскажаш.
Глупства ўсумняецца, мудрасць разумна сцвярджае.

Вам пра зуброў паляўнічы ў нас кожны раскажа,
Толькі спытай — прагаворыць да ранішніх пеўняў.

Што да мяне, то сваё паляванне і ловы
Адпалываў я. Адзіная ўцеха ў самоце —

Жыць успамінамі. Думкай ляціш быстракрылай
Ноччу і днём на радзіму, у памяці сеці

Вабіш той час незабыўны, што некалі ў нетрах
Родных лясцоў разгубіўся, і кліч — не даклічаш...

Што ў іх, тых закліках? Час улавіць немагчыма.
Гонішся, смертны, за страчаным часам, прыстанеш,

Не даганяеш, бо што прамінула — не вернеш.
Гэты пясок-пльвунец высыпаецца ў вечнасць*.

Што ж я маруджу? Пара б за істотнае брацца.
Боязна ўсё-такі: чым ты іх, кніжнікаў, здзівіш?

Свет ім вядомы — якія чытаюць старонкі!
Хай і правераць па кнігах, які ён на выгляд,

Я ж бы прасіў іх уважыць маё ўдакладненне:
Пушча — загадка, разгадка хаваецца ў лесе.

Вас я, лясны чалавек, завяду ў яго нетры,
Каб паказаць таямніцы і пушчаў і тое,

Што вы не знойдзеце ў кнігах і граматах даўніх.
Возьмем, напрыклад, трактат «Лангабардскія дзеі»

Паўла Дыякана. Што ён там піша пра зубра?
Вельмі нямнога, адзін толькі штрых мімаходам:

Быццам калісьці пятнаццаць лаўцоў на начлезе
Спалі на шкуры забітага волата-зубра.

Я захапляцца ні ім, ні ягонаю шкурай
Нават не думаў, калі свежаваў на аблавах.

Як ты ні кінь, а з маленства мне добра вядомы
Ловы, і праца, і хлеб мой, зароблены потам.

Край мой (цяпер ужо ўласнасць Кароны)* калісьці
Я перамераў удоўжкі і ўпоперак пешшу.

Змалку ад бацькі вучыўся ў бясконцых абходах
Крокам нячутным ступаць, каб нішто не шурхнула,

І спасцігаў, як звяроў прыкмячаць па бярогах
Нюхам, і вухам, і вокам. Без якасцей гэтых

Не напалюеш, бо звер палахлівы і пільны.

Колькі патоў ён, бывала, зганяў з мяне ў зімнюю сцюжу,

Коп'і шыбаць прымушаючы з бегу наводмаш!

Колькі нагледзеўся смерці, наслухаўся энку

Ў пушчах, пакуль мяне, сына, вучыў палясоўшчык!

Рос і засвойваў усё: дзе сям'ёю мядзведзі

Сусяць маліннік, дзе пасвіцца дзік па дубровах,

Як на ласеў асцярожных нябачных сеці

Ў лузе расставіць, каб трапіў у пастку сахаты.

Бачыў і чуў, як пальбой аглушалася пушча,

Грузна, мармычучы, ў снег асядала здабыча.

Жмурыўся перш, калі недзе ў імклівай пагоні

Ранены верхнік мільгне, і адно толькі згледзіш:

Кроў на кані і, як гронкі каліны,— на снезе.

Вось у такіх пераплётах на нашых аблавах

Часта і я быў раўнёю сваім пабрацімам.

Рэкі лясныя, Дняпра паўнаводнага струму

Пераплываў я з канём у пагоні за зверам.

Што там таіцца, карцела дзе-небудзь і збочыць;

Гнаў тую думку: на людзях і смерць не страшная.

Колькі нягод паспытаў я на тых паляваннях —

Каяцца б можна, ды хто ж калі каяўся ў мілым!

Быў і адважны, а дзе й неразважны, казалі:

Як ні было — не забыць сваю школу Міколу.

Гэтую ж песню — далёкае водгулле пушчаў —

Слухай душой, мой чытач, і, як плод недаспелы

З дзічкі, сарві і смакуй, калі маеш цікавасць

Штосьці даведацца з нашых лясоў, і з прыроды

Нашага краю, і з нораваў рэдкага звера.

Так што працягваем наша з табой падарожжа

Ў самыя нетры зубрынае вотчыны-пушчы.

Лютасцю больш небяспечны, чым люты драпежнік,

Зубр для людзей не страшны, не чапай — не зачэпіць,

Будзе стаяць як укопаны — пастыр на варце,
 Не страпянецца, а позіркам пасціць няспынна
 І чараду, і сям'ю ў чарадзе на папасе.
 Смелы, і ў гэтым няма яму роўнага звера
 Ў свеце жывёльным пушчанскага нашага краю.
 Стрэнеш, бывала, такога дзорцу ў дуброве,
 Стоішся ў хмызе і дзякуеш богу — не згледзеў.
 Дзе там — не згледзеў! Ты вокам зміргнуў — заўважае.
 Дзесь калчаном шарганеш, на галінку наступіш —
 Быццам працяты стралой, здрыганецца — і ў наступ.
 Шчасце, калі пры такой выпадковай сустрэчы
 Меч твой не бліснуў на сонцы, кап'ё не заззяла:
 Смела ідзі без аглядкі, як быццам не бачыў
 Гэтага страху. А ён, утаропіўшы вочы,
 Будзе ўсё зіркаць, пакуль не схавашся ў нетры.
 Горш, калі часам наткнешся на матку з прыплодам,
 Схопіш мушкет з перапуду — ох, гэта гарачка! —
 Звер вокамгненна раз'юшыцца, рыкам аглушыць —
 Знай, што раз'ятраны: хто яго ўздумаў трывожыць?
 Тут не разгадвай, давай у пяту і, як дужы,
 Скідай убок, у гушчар, і пакуль яшчэ цэлы —
 Дай божа ногі: за ўцёкшым ён гнацца не стане.
 Леташкі-цёлкі, бычкі-аднагодкі ў чарадах —
 Люба глядзець: скакункі, забіякі-задзіры.
 То пачынаюць басціся, то, быццам у зыку,
 Шумна гарцююць, пужаючы гулямі статак.
 Кемлівы звер па прыродзе. Напрыклад, цяляты
 З першага ж дня пераймаюць паводзіны матак:
 Назіркам дыбаюць за чарадой і на пашы
 Нешта ўжо пыскай вышукваюць. А пасталеўшы,
 Порстка выбрыкваць пачнуць, апрабоўваюць рожкі,
 Звера сустрэўшы ці пень абымшэлы ў гушчары.
 Так на выгодзе лясной, у няспынным змаганні
 За кудзяроч лугавога кіпрэю, з бычка-зубраняці
 Зубр вырастае, магутны прысадзісты волат.
 Дзіву даешся: ні сну ж, ні спачыну не знае,
 А набіраецца сілы, і колькі цярпення
 Трэба такому, каб стрымліваць жыўчыкі руху!
 Ходзіць спакойна і раптам у бегу імклівым
 Ён, як рысак, пралятае праз гала лясное.
 Проста не верыш вачам, як валодае целам
 Скрытая сіла. Нібы шыбануты прашчою,
 З месца рванецца і ў момант, закінуўшы перад
 Недзе да рэпіцы, схопіць на рогі ляпёшкі
 І растрасе, быццам хоча слядоў не пакінуць.

Многа нагледзішся рознага ў статку зубрыным,
 Непараўнальнымі ўсё ж астаюцца турніры
 Іх трацякоў-кавалераў з-за нецеляў-самак.
 Юр гэты ў іх супадае з парой лістападу
 Кожную восень, і недзе мо з тыдзень ці болей
 Цягнецца свята Венеры, і шалы юнацтва
 З бою бяруцца. У гэту пару насалоды
 Толькі і чуеш: усюды прывабна і млява
 Мыкае пушча, і ў дрыжыхах зябкіх дубровы
 З шастаннем сцелюць лістоту на шлюбнае ложа.
 Хто гэта слухаў і бачыў, той скажа, напэўна:
 Музыка нашых лясоў мілагучнасцю строгай
 Вуху і сэрцу мілей за літаўры і ліру.
 Шум у вяршынях, і шолах, і шоргат, і гэты ўладарны
 Голас крыві неўтаймоўнай — сімфонія пушчы.
 Колькі жыве ён, асілак пушчанскі, не знаю.
 Хто ж дзе лічыў даўгалецце ў нясвойскай жывёлы?
 Ходзяць легенды, што дзесьці ва ўрочышчах сельскіх
 Быў запрыкмечаны зубр, можа, дзвесцегадовы
 З сівым касмыллем на ўзлюбку. Па тым патрыярху
 Статак увесь празывалі «Гурты Сівучовы».
 Што ж, калі верыць паданням, той самы ваяк іх
 Вока дзесь страціў парою зубрынага юру.
 Гэта магчыма. І ў пушчах, і ўсюды на свеце
 Моцныя гэтага свету за права на ўладу
 Б'юцца на злом галавы, хоць кулачнае права,
 Як і вяршыньства жывёльнаю грубаю сілай,—
 Спрэчная справа; сапраўдныя спрэчак прычыны
 Толькі пасля высвятляюцца; знакамі ж спрэчак
 Будзе калецтва ці шрам на баку самаўладцы.
 Цяжка сказаць, што таго сівагрывага зубра
 Прагнасць улады над гуртам штурхнула на бойку.
 Тыя ж паданні сцвярджаюць, што трон верхавода
 Дарма і ў іх не даецца, а вока — за вока.
 Выдумка, мабыць; мана для вушэй — асалода.
 Можа, пагэтаму шэпты народных паданняў
 Не заціхаюць у нас ні па ўзлесках шумлівых,
 Ні па квяцістых лугах, ні пад стрэхамі хатаў.
 Я ж разумею, што тым, для каго я спяваю,
 Праўда за ўсё даражэй, і пагэтаму стаўлю
 Кропку над «і»: невядомае мне невядома.
 Нашы лясы, лугавіны — прыволле для статкаў звярыных,
 Там у іх выручка: гуртам — за кожнага ў статку,
 Кожны ж — за гурт і за ўсіх, беспарадкаў — ніякіх.
 Дужы са слабым уладай дзяліцца не стане;

Права царова ў чародах на пашы і ў спрэчках
Даў яму вопыт, набыты магутнаю сілай.
Бой разгарыцца смяротны, і ў ім перамога
Той, хто мацнейшы. Пад сонцам ніводнай хвіліны
Без барацьбы не было на зямлі і не будзе.
Прага ўзяць зверхнасць над слабым распальвае ярасць,
Вынік жа бойняў крывавых — калецтва ці згуба.
Той, хто суперніка збіў і знявечыў, тым самым
Сілу на выпасах сцвердзіў за ўласнаю сілай.
Хто ж не ўстаяў і паддаўся, той сам ад чародаў,
Як ад пагарды, панура пускаецца ўпрочкі.
З гурту адбіўшыся, ён, адзінец, палахліва
Стане цурацца не толькі сваіх, а часамі
Нават саступіць лаўцу, бо заўсёды слабее
Стадны інстынкт у жывёліны ў доўгім выгнанні.
Зрэшты, другія чароды — другія парадкі.
Недзе прылучыцца к іншаму статку і ў прымах
Зменіць свой спрыт забіяцкі на статут прымацкі.
Вернасць у парах зубрыных адной толькі смерцю
Можа парушыцца: скажам, самца забадалі —
І аўдавелая матка вяртаецца ў статак.
Княжацкі ўказ* пад пагрозай адказнасці строгай
Не дазваляе знішчаць ні зубрыцаў, ні моладзь
І ашчаджае тым самым багацці лясныя.
Скарбы свае нашы людзі на золата нават
Не прамяняюць. Здаўна іх жыццё навучыла:
Нашы лясы — гэта нашых даброт і багацця
Невычарпальны калодзеж; з яго напаўняем
Лайбы і стругі заморскіх купцоў, што прывозяць
Недзе з-за свету да нас на таргі свой набытак.
Шчодрая вільгаць з бяздоннай зялёнай крыніцы
Спорным дажджом выпадае на тлустыя глебы.
Рэкі ад самых вытокаў да вусцяў шырокіх
Поўны плытоў, а плыты на шляхах нашых водных —
Гэта масты паміж рознымі землямі княства.
Поле ўрадлівае працы не шмат патрабуе.
Толькі ў жніво ды ў касьбу і на ніве, і ў лузе
Бела ад хустак, намітак, кашуль і бравэрак.
Па сенажацях, гаях і па ялавых гонях
Коні пасуцца, а скрозь на прыволлі, на ўзлессі —
Статак скарбовы брыдзе, патанаючы ў травах.
Плён сваіх ніў і дары сваіх пушчаў бязмежных
Мы прадаем і мяняем — тавар за тавары.
Можа, мы дома дастаткам няроўныя з некім,
А на таргах прыбядняцца — не ў нашай натуре.

Край наш багаты драўнінай, нічога не скажаш,
Ды не адно хараство ў ім — лясы, нібы хмара.
Нашы лясы — гэта наша скарбонка і свіран,
Наша камора жывіцы, і дзэгцю, і ягад,
Мёду і воску, куніцы і рознай дзічыны.
Так што купец чужаземны, тугой калітою
Не паскупіўшыся, можа раскінуцца шчодра
І на таргах, і на менах — тавараў удосталь.
Тут і сасновыя бёрны, і бруссе, і кроквы,
Дуб на шалёўкі — купляй і будуйся, бязлесны.
Толькі за нашу гатоўку — гатоўкай на бочку!
Сосны ў нас гоніць у ствол, як трыснёг — у сцябліну;
Хмаркі, здаецца, павіслі на макаўках кронаў.
Водарам кветак з вясны і да позняга лета
Пушча напоена, нетры яе і прылескі —
Месцы ігрышчаў і гульбішчаў моладзі сельскай.
Бортнікі нашы на стаўках — разлапістых соснах —
Ставяць вулі, а часамі і ў дрэве пад верхам
Выдзеўбуць долатам борці і лётвы прыладзяць —
Вось і стаяк-каранёк для залётнага рою.
Так прыручаем пчалу і частуемся мёдам.
Безліч у пушчах і звера, і птушкі, а тыя
Дзікія пеўні, якіх апісаў яшчэ Пліній,
Плодзяцца ў нас, як вароны, пры кожнай імшары.
Мы іх глушчамі завём — самавітая птаха,
Што ж да вагі, то, бывае, і гусь пераважыць.
Пах асаблівы ўласцівы глушцоваму мясу*.
Радасць і смутак спазнаў не адзін паляўнічы
Тою хвілінай, калі ён з падседкі на золку
Трапаю падцэліць — і певень, залопаўшы крыллем,
Чмякнецца вобземлю, так і не скончыўшы песні.
З токаў шчаслівец прыносіць двойную спажыву:
Страўніку — ежу, а глузду — і кемнасць, і мудрасць*.
Дзе ты ні пойдзеш — майструюць то пасткі, то сілы:
Пасткай не зловіцца — сіллямі недзе засіліць.
Перад законам і правам лясным на здабытак
Роўныя ўсе там — палюй, здабывай колькі можаш.
Край наш прырода такім надзяліла багаццем,
Што незлічонасць у пушчах дзічыны і звера
Волю дае не лічыцца з памерам здабычы.
Безгаспадарнік, абшарнік-скупеча — у гэтых
Гінуць і рыба і звер занішто. Неаднойчы
Я назіраў, як у нераст на іхніх валоках
Рыба кішэла не толькі ў азерцах і рэчках,
Нават у лужынах — проста прасілася ў венцер

І захлыналася. Вось чым адплачвае скупасць!

Дзе недагляд, там сады перародзяцца ў дзічку,
Поле радзіць перастане, бур'янам заглухне.

Край наш — дзівосны прыстанак загадак і цудаў:

Ці то так бог пажадаў, каб усё ў ім на волі

І вырастала, і гінула, ці чараўнічай

Воляю нечай усё занядбана — не знаю.

Часта з трывогаю думаеш: чым растлумачыць

Сілу, што ў нас надаецца замовам і травам,

Песні і магіі слова? Адказу не знойдзеш

І мімаволі згаджаешся: мы яшчэ дзеці

Ў свеце хрышчоных і верым у казкі Медэі*.

Барта падумаць над гэтым. Мне добра вядома,

Як хрысціянская вера сурова карае

Ўсіх ведзьмакоў-грахаводнікаў, што патаемна

Знаюцца з сілай нячыстай. Іх катуюць люта,

Перш чым спаліць ці ўтапіць, як і тых вінаватых,

Хто з імі знаўся і ведаў аб чарах вядзьмацкіх,

Ды не данёс у царкву на нячысцікаў грэшных.

Хопіць таго, каб прайшлі, пракаціліся дзейкі:

Там той вядзьмачыць ці знаецца з д'ябальскай сілай —

Зараз жа суд і расправа: няшчаснага схопяць

І, перавіўшы пастронкамі рукі і ногі,

Цягнуць к рацэ — і бултых падазронага ў прорву.

Бачаць, што кануў на дно*,

нібы камень, — палічаць нявінным,

Непатанулага ж будуць лічыць вінаватым.

Сведкам такіх пакаранняў я быў неаднойчы.

Бедны тапельнік, спавіты крыж-накрыж, імкнецца

Торчма стаяць, каб пайсці пад ваду з галавою.

З берага ж хмара народу галёкае, свішча,

Плача і стогне і кленічы шле ў паднябессе.

Бачачы гэта ўтрапенне, ты чуеш, як сэрца

З жаху мярцвее: вада на сябе не падобна.

Дзе яе прагнасць? Ну вось жа грывастая хваля

Голаў лізнула, прайшлася з разбегу па твары —

І не ўвабрала, зраклася, як беднага — шчасце.

Больш справядлівы агонь ненажэрны. Той прагна

Зліжа і ведзьму і мага ад пятак да цемя,

Як і прапашчых забойцаў дзіцяці ці бацькі.

Некаму, можа, расказ мой здаецца няпраўдай,

Верце: у нас, у Літве*, гэта ўсё — рэчаіснасць.

Я прысягаю: заўжды, да апошняга слова

Пець толькі праўду, хоць кожнаму добра вядома,

Што і ў дасціпных выдумкі — байкі і казкі —

Вераць і дзеці і, часам, дарослыя людзі.

Спеў аб жажлівым пакуль што пакінем, змяніўшы
Тэму размовы і выбраўшы лепшую песню.

Бор паказаць абяцаў я — вось там асалода
Вашаму сэрцу і воку, усё першародства

Скарбаў прыроды, спрадвечнай яе прыгажосці:
Дрэў, не кранутых сякерай, і траў нестатпаных,

Безліч дзічыны і звера чароды на пашы.

Пушча сваёю красой захапляе і яснавяльможных

Ваеначальнікаў нашых, што проста з паходаў

Сталі бівакам у ёй, жаўталістай, на промысел звера.

Тут адпачынак і дзейнасць спалучацца трапна

І паразвеюць навалу з душы. Паляванне —

Лепшы бальзам падупаламу целу і духу.

І гартаванне, што старасці бледную немач

Не падпускае, трымаючы дзесьці наводдаль.

Вопыт паказвае: ты загасціўся на свеце,

Век заживаеш чужы, а здавацца не хочаш:

Ногі шчэ носяць, і сілу не выела праца,

Вуха не глуха — уловіць і шоргат і шолах,

Вока не страціла зоркасці — пільна прыкмеціць

Нават ачэрнены кончык хваста гарнастая.

Лепшая практыка воку, лякарства для вуха —

Высачка звера з яе пастаянным дазорам.

Зоркасць і чуйнасць на выручку прыйдуць, калі вас

Ён запрыкмеціў, нявідны яшчэ, і злаўчыўся

Кінуцца ў наступ, каб вас забадаць. Па натуры

Зубр і адважны, і грозны, і цяміць не блага.

Схібіш з разлікам — паправіцца часу не будзе.

Вырасшы ў лесе і зведаўшы ўсё гэта змалку,

Я ўваскрашаю карціны былога і знаю:

Праўдаю гэта палічаць адны, а другія

Скажуць — манюка! Хай кажуць. На суд справядлівы

Спеў свой стаўляю; няхай яго судзяць папраўдзе

Тыя, хто, права здабыўшы на ніве пісьменства

Творы чужыя судзіць і выносіць прысуды,

Самі сваё праслаўляюць больш ярка і стройна,

Чым пашчаслівіла мне за скупы адпачынак.

Ветрана стала, і яхканне гончых з-пад ветру —

Быццам дзесь побач. О, колькі страсцей і пачуццяў

Раптам абудзіць ражок паляўнічы! Як птушка,

Сэрца трапеча ў грудзях, замірае на момант,

Ловячы шум баравы, што наплывамі з кронаў

То ніспадае, то зноў уздымаецца ў неба.

Чуецца, як стогалоса вішчыць і мармыча

Нетра лясная? Не знаеце, што там такое?
 Пэўна, мядзвездзя ў бярлозе паднялі на пікі,
 Дзіка праткнулі кап'ём ці паранілі з лука.
 Хто не пабачыў сваімі вачыма — не ўявіць,
 Як вар'яеце паранены зубр і рыканнем
 Пушчу ў трымценне прыводзіць — аж сыплецца шэрань.
 Ярасць і боль абуджаюць у звера шаленства.
 Страшна глядзець, як ён чмыхне і позіркам злосным,
 Поўным нянавісці, зырыць і ўправа і ўлева.
 Хай жа, разявіўшы пашчу, ён выдыхне з хрыпам
 Рык глухаваты, гартанны і раптам рванецца
 З месца скачкамі насустрач абранай ахвяры —
 Кроў ледзянее ад жаху. На жаль, і пачуцці
 І адчуванні не слухаюць нас у трывозе.
 Што я раскажваю ўсё гэта? Тым, хто не зведаў
 Гэтых эмоцый, расказ мой нямым застанеца.
 Цяжкі ты, хлеб наш надзённы, у промысле цяжкім —
 Бачыце самі, аднак жа і гора радзімы
 Нават цяжэйшае. Дзе нам знайсці тых лекі,
 Каб ратаваць яе ў бедах, — і самі не знаём.
 Часам за лекавы сродак мы лічым здабытак
 Высілкаў нашых у лесе на княжацкіх ловах.
 Больш у іх лекаў для цела, чым нават у зеллі,
 Можна, таму і палюе ў нас кожны з маленства.
 Ногі ў хваробе не шкодзяць,
 бо ўсё пераходзяць, — жартуюць
 Людзі старыя, — і лечаць балеснасць хадзьбою.
 Хмарнасць, паўзмрок ад лясоў, адзінота паселішч —
 Толькі разумнай прабежкай і лечаць маркоту.
 Ён, зверабой наш, наўсперак усім эскулапам
 З іх асцярогамі, молад, і ў голад ён дужы
 І не старэе заўчасна. (Дарэчы сказаўшы,
 Прымачкі, зёлкі і розныя кроплі-мікстуры —
 Не эліксір маладосці, бадзёрасці духу!
 П'еш гэта пойла і жлукціш — аж боязна стане:
 Як бы не лопнуць, калі, не дай божа, апушыць!)
 Холад паўночны здароваму духам не страшны.
 Наш чалавек працавіты з нягодамі звывся:
 Непераборлівы ў ежы, не жывы ў раскошы,
 Ён без прысмакаў, аб хлебе — здаровы і сыты,
 Ды і дзічына ж у місе што-небудзь заважыць.
 Так што, усё падлічыўшы — выдатак, прыбытак, —
 Вынік падкажа любому, што лепей займацца
 Нам прамысловай здабычай дзічыны і звера,
 Сечу спыніўшы з лясамі за поля кавалак.

Шкода, што час падганяе, і ўсе адхіленні
Ў гэтую сферу мяне адхіляюць ад тэмы.

Мушу, аднак, да таго, як разгорнем карціну
Дзёрзкіх аблаў на рагатага грознага звера,

Вас пазнаёміць і з прымхамі нашых народаў.

Зубр, як мы лічым спрадвеку, хоць звер, але ж ратнік,

Ён прызнае перамогу, здабытую чэсна —

Сілай на сілу, урожкі, і мужнасць на мужнасць.

Гэта павер'е жыве ў нас ад веку да веку:

Лічаць, што рыцар пушчанскі адправіцца ўпрочкі

З тых заповітных урочышчаў, дзе ў паядынках

З ім сустракалася часта не дужасць, а хітрасць —

Будуць там пасткі, засады ці стрэлы з мушкетаў.

Мабыць, усім забабонам любога народу

Рыса ўласціва адна: невядомае ў свеце

Звышнатуральную сілай тлумачыць — і кропка.

Вобмацкам праўду знаходзяць, а ў нашых павер'ях

Праўда яшчэ не абмацана, так мне здаецца.

Нават калі б штось падобнае дзе й назіралі,

Абагульненні з дагадак рабіць рызыкаўна.

Выпадак, кажучь, праменьчык да буйных адкрыццяў:

Цьмяная думка становіцца раптам здагадкай —

Я ж, не прыхільнік здагадак і розных фантазій,

Тое пярэ давяраю, што сам неаднойчы

Бачыў, праверыў, зрабіў — свой мазолісты вопыт.

Можа, каго і здзіўляюць трафеі Дыяны*.

Ў казачных ловах з багамі, а я не зайздрошчу

Слаўным здабычам багіні, бо ў лепшыя годы

Сам быў здабытчыкам нават і большых трафеяў.

Можа б, і лук Апалона* прыйшоўся да густу

Пэўнаму колу маіх чытачоў, ды і стрэлы,

Што пунсавеюць крывёю забітых аленяў?

Мода — наш біч, і не дзіва, што ўсе праслаўляюць

Шалы Юпітэра* і блазнаванні Юноны*.

Верачы толькі ў Ісуса Хрыста і айца яго — бога,

Я палічыў бы за грэх назнарок перамешваць

Ісціну з выдумкай байкі. І дай жа мне, божа,

Сілы і ўмельства лучынным агеньчыкам праўды

Ісціну тым прасвятліць, хто дзівосы і цуды

Прагне спасцігнуць, але ў лабірынце памылак,

Што спластавалі вякі, заблудзіўся ў пацёмках.

Праўда заўсёды ў глыбінях, і пан мой пратэктар,

Плоцкі епіскап Эразмус зусім не ўхваляе

Спроб вершатворцаў грашыць усявышняму богу.

Вартым увагі і ўхвалы найсвятшага храма

Лічыць ён, праведнік боскі, адзінае тое,
Што і прыстойна і вартае сану духоўных.
Шчыры слуга яго, я абавязан па службе
Ў выказах быць асцярожным, каб важнае слова
Богу і пану майму дагадзілі па густу.
Можа, пагэтаму ў песню маю западае
Штось і з рэлігіі нашай, а ў ёй не шукайце
Ні асалоды жыцця, ні выселля, ні ласкі.
Кветак няма на аблозе, сахою не ўзнятай.
Ды і крыніцы ж натхнення, што пояць паэму,
Недзе далёка-далёка пад лёдам і снегам.

Летам заўсёды занятыя ў кровапраліццях
Войнаў усобных, якім ні канца, ні пачатку,
Ратнікі нашы з піліпаўкі* аж па грамніцы*
Маюць аддуху ў лясах — паляванне на звера.
Мабыць, свой звычай і Марс* пераняў у літвінаў
І ў адпачынак мячы гартаваць на марозах.

Войны! Злачынная справа — вайна выклікае
Гнеў мой, і слёзы, і боль. Без падтрымкі, бясконца
Войны вядзём мы адзін на адзін за свяшчэнны
Братні саюз хрысціянства з навалай з усходу.
Вораг страшэнны адольвае нас і зламысна
Рэжа пад корань наш род і вучэнне Хрыстова
Ў душах народаў на ўсіх заняволеных землях.
Ён, спадцішка уварваўшыся ў нашы ўладанні,
Цэламу свету нахабна сцвярджае: ваюю
Не за прастору сабе, а за лад у прасторы.
З верай сваёй ён ідзе і ў імя нам чужацкага бога
Лад свой агнём і мячом усталёўвае ў землях
Іншага веравызнання і іншых парадкаў.
Там, дзе арда саранчай прапаўзе, застануцца
Толькі асмолкі ды печышчы, попел ды косці,
Зграі варон ды чароды сабак адзічэлых.
Бог барані, калі нас перамогуць прышэльцы,
Лепш ужо смерць нам усім без пары, чым такая
Доля — жыццё пад'ярэмнае ў чорнай няволі.
Караю боскай такіх не застрашыць, каторым
Іхняя вера дыктуе нянавісьць к другому.
Мы на пярэднім краі хрысціянства заставай
Орды варажыя грудзі на грудзі прымаем.
Кроўю спльваючы, мы абязлюдзелі ў бітвах,
Курыцы клюнуць няма дзе на целе

ад ран незагойных.

Рэкамі кроў наша льецца, і гэтыя рэкі,

Хлынуўшы ўпоперак ордам татара-турэцкім,
Бег іх імклівы сцішаюць з усходу на захад.

Нашы шчыты і кальчугі ў праломях і дзірах —
Вынік няспынных удараў захопнікаў лютых.

Вораг бы скрыгаў зубамі пад скрыгат металу
І захлынаўся б крывёю, а ў воінстве нашым мацнела б
Вера і ў сілы краіны,

і ў поспех змагання, каб толькі
Ў нас за плячыма хрышчоны народ вераломна

Нас не кусаў і не рваў, нібы пёс, за жывое.
Нашых суседзяў напасць батагом не кранула,

Певень чырвоны пакуль што па дахах спічастых
Крыллем не лопаў, і ўтульна пад цёплай пярынай

Кволіцца хіжы драпежнік, яму і нігадкі!
Жар на выгарышчах нашых ён бачыць, захопнік,

Грудамі золата ўласнага. З гэтым разлікам
Ён і спрыяе ўсёй набрыдзі радай і справай.

Мы іх, сабакагаловых, спазналі: чакаюць
Часу свайго, ненажэрцы, а там і лякарства

Хворым прыпішуць, ды лекі ўжо будуць па часе.
Хто не аслеп, не аглух, той і бачыць і чуе:

Блізка жахаюць маланкі, грыміць з далягляду.
Прагнасць захопнікаў грозна, як чорная хмара,

Вісне навалай над намі то злева, то справа.
О, адыходзь на сухія краі, навальніца,

І ніспадай ненатольнаю смагай на орды!
Хай там грызуцца з сабою і чорнай крывёю

Землі свае наталяюць, як нашы — чырвонай.
Хай жа ім прагнасць захопаў для іх жа і стане

Цесным ярмом, ланцугом пакаянным, якога
Досьць і бацьку і дзецям на вечныя векі!

Перст указальны і гнеў усявышняга грозны,
Ён за грахі і за здзек па заслугах адплаціць.

Час схамянуцца! Няхай яшчэ сёння грымоты
Дзесь за гарамі адгэтуль, а поступ нашэсця

Смерці падобны: стыхію не спыніш заклёнам.
Вокам сваім не прыкінуўшы, жахі пагрозы

Цяжка ўявіць, але заўтра і ў вас пад пагрозай!
Што запяеш ты, сусед наш, калі скалануцца

Плачам і стогнам твае гарады і мястэчкі?
Локаць гатоў будзеш свой укусіць у адчаі:

Дзе ж я раней быў, чаго я глядзеў і прагледзеў?
Як я сваім патураннем расчысціў дарогу

Ордам чужынцаў, што разам з ваенным рыштункам
Ёрмы прывезлі суседзям і мне — па-суседску?

Як жа я здуру няволью прыклікаў, якое
Хопіць і дзецям, і ўнукам, і праўнукам нашым?

Колькі ні жалься, ні войкай, а чэмеру гора
Не падсалодзіш жальбою. Як лес безгалосы,
Мы пад сякерай, дык хай жа пачуецца ў свеце
Гусаўца голас між волатаў нашых пушчанскіх.

Я вас павёў — і цяпер, калі ласка, за мною
Ў шчырага бору святліцу. А там, у гушчары,
Зрублен двусценак, як тын, што на дзесяць-дванаццаць
Міль італійскіх бяжыць у спрадвечныя нетры

З мноствам адсекаў, па-нашаму — пасынкаў-пастак.
Звер на папасе, зайшоўшы ў такую лавушку,—
Самахварнік, бо пасынак так збудаваны,
Што для ўваходу — прастора, а выйсце — закутак,

Мы ж, паляўнічыя-сокі, сядзім у засадзе.

Бачым, што зручна,— сігнал, і пайшло паляванне.
Што тады робіцца! Страхі не ў страх, а пагроза
Выскачыць можа знянацку і з кожнага боку.

Сябар дзесь тут, а бяда наляціць — не паможа:
Слугі навокал, а выручыць нават і бацьку

Сын бы не здолеў, бо голасу ў гвалце не чуеш.

Твой абавязак — і справу сваю і бяспеку

Сам барані, бо сваімі ж рукамі трымаеш

Дзіду ці лук ды і лёс. Не ўтрымаеш — загінеш.

Сутнасць загаду для кожнага ясная — наступ,

Перамагчы ж, па магчымасці, трэба без страціць.

Выбавіць конь быстраногі — адно спадзяванне:

Кінецца ўбок пры сустрэчы з рагатаю смерцю.

Тут і кароль; ён бястрашна ўразаецца першы

Ў пекла пабоішча. Прыкладам храбрасці ўласнай

Дух падымае ў дружыны. І гэта адвага —

Строгі разлік, бо з дружыны ніхто б не памкнуўся

Зрушыцца з месца, калі б ён камандаваў ззаду.

Як перад бітвай з татарамі меч валатоўскі

Мужнасцю раці натхняе, так гэтая мужнасць

Воіна-бацькі ў пачатку літоўскай аблавы —

Трапны пралог і залог баявой перамогі.

Доблесці ратнай яна не прынізіць, а славе

Лаўраў прыдасць. Адчуваю: ізноў мімаволі

Хіліць пяро маё ўбок, каб табе, Сігізмундзе*,

Бацька Кароны і ўдзелаў Літоўскага княства,

Славу прапець і ўхваліць твае поспехі ў справе

Дома вялікай, за межамі краю — не меншай.

Гэта не лёгка, бо тут мне дарадцаў не будзе:

Выпадзе час — паспрабую; як мудрыя кажуць:
 Будзе на свеце спакой, дык і песенька будзе.
 Вось і прыйшлі мы. Цяпер уявіце паляну.
 Зубр на паляне стаіць нерухомы, як быццам
 Роздуму поўны над светам і зменлівым лёсам.
 Будзем спяваць аб адным, хоць у вершах часамі
 Можна сустрэць і чароды аднолькавай масці.
 Я не займу чараду, бо ні ўмельства, ні часу,
 Мабыць, не хопіць. А гэты магутны асілак
 Проста ў мяне на вачах, не заўважыўшы пасткі,
 Мірна прайшоў праз прагонак і ў пасынак трапіў.
 Варта — прагон на засоў,— і пайшло паляванне!
 Стрэламі ўтыканы ў скабы і ў грыву, як пер'ем,
 Зубр вокамгненна рвануўся ў гушчар, а з засады
 Коп'і і пікі шывнулі лаўцы, і ўпілася
 Сталлю булатнай у цела звярынае зброя.
 Ён страсянуўся — не строс, і на ўсю сваю пашчу
 Сіпла рыкнуў, закружыўся, падскочыў — і ходу.
 Коннікі ўслед, наярэймы. Што робіцца ў пушчы:
 Галас і тупат, здаецца, да зор далятаюць!
 Вунь прамільгнуў праз прагалак. Наперадзе — сценка.
 Цэліўся перш пераскочыць з разбегу, ды раптам
 Стаў: не пад сілу бар'ер. Дзе ж знайсці паратунак?
 Позіркам зырыць наўкола, шукаючы лоўчых,
 А з-за камлістых дубоў, як куслівыя шэршні,
 Стрэлы і дроцікі — дзын! — і ўпіваюцца ў цела.
 Ярасць кіпіць унутры, наліваюцца бельмы
 Чырванню мутнай, і кроў то цурком, то па кроплях
 Сочыцца з поўсці, і пеняцца свежыя раны.
 Дзе ж яны, ворагі? Ён яшчэ дужы, гатовы
 Нават і сотню рагамі змясіць і раскідаць.
 Моцна сапе, убіраючы пах наваколля.
 З месца сарваўся на выжлаў. Бушуе ў ламаччы.
 Спудзіў сабак і заўважыў, што людзі на конях.
 Тут жа на іх шугануў, верхавыя — уроссып.
 Чвякае багна, трашчыць буралом, стогалоса
 Ржэ і храпе, да знямогі цюгакае пушча.
 Крый цябе бог, паляўнічы, пусціцца наўцёкі,
 Просты напрамак узяўшы,— як бачыш дагоніць;
 Толькі й ратунак — схінуцца за дрэва ці збочыць.
 Гэта Гаргона*, аслеплая ў ярасці дзікай,
 Міма прамчыцца: нялёгка ж у руху імклівым
 Гэтакай масе раптоўна валодаць сабою.
 Верхнікі зноў ланцужком акружаюць звяругу;
 Зубр раззлаваны бадзе то таго, то другога;

Коні, аднак, выручаюць: убок — і прамчыцца
 Міма пагібель. А ён аж гарыць у запале;
 Пара клубіцца з-пад чэрава, з ноздраў, а грыва
 Нават без ветру ўзлятае. І звер гэты ў бегу —
 Быццам сама утрапёнасць, імкліваці сімвал:
 Кожная жылка ў парыве, і ў позірку — іскры.
 Доўга бушуе ў загоне, раздражнены, гнеўны,
 Прагне з кім-небудзь счэпіцца і вымесціць ярасць.
 Злосцю клякоча нутро, і якая нянавісць
 Рухае ёю, мяркуйце па гэтым выпадку.
 Нехта з мушкетам (бадай што баярская песта),
 Як напаказ, праявіў маладзецтва і стрэліў
 Зверу ўдагонку. Параніў і думаў пад спудам:
 Лапы яліны прыкрыюць, і звер не заўважыць,
 Дзе прытаіўся стралец. Перакатам па лесе
 Брэх пракаціўся, і чутна па голасе выжлаў:
 З кожным імгненнем бліжэй і бліжэй небяспека.
 Апанаваны сабачай гайнёю абапал,
 Зубр паказаўся, як воз парыжэлага моху.
 Раптам спыніўся і з чмыхам адкінуў сабаку,
 Позіркам дзікім кальнуў у ялошнік, дзе ў жаху
 Мамчын сыноч, да яліны прыпаўшы, падумаў:
 «Вось і канец мой — заўважыў!» — і там жа, на месцы,
 З жаху зайшоўся. А зубр на таго палахліўца
 Нават не глянуў — вядома ж: праз лапкі не ўбачыў.
 Дзіву даваліся ўсе, як пярэпалах часам
 Б'е напавал малайца з галубінай душою.
 Хтось прыгадаў, што вачыма адны васіліскі*
 Могуць забіць, але гурт юнакоў запярэчыў:
 «Як жа адны? А вось гэты стралец пры мушкеце
 Позіркам зубра забіты, і нават здалёку!»
 Усе пагаджаліся: смерць наступіла ад страху.
 Эх, маладосць! Хоць бы хто ці ўздыхнуў, ці паплакаў.
 Дзе там, пакпілі з нябожчыка — мамчын прысосак!
 Сам я быў сведкам пры выпадку, нават і помню
 Надпіс магільны на крыжку з белай бярозы:
 «Тут упакоіўся ў бозе раб божы. Лаўрын, з месцічковых,
 Страхам забіты, знянацку сустрэўшыся з зубрам».

Дзіўнага шмат выпадала пабачыць мне ў лесе,
 Большага ж дзіва, чым тое, калі звар'яцела
 Зубр на ахвяру нясецца з падскокам, не бачыў.
 Кроў ледзянее, як глянеш, якая ў ім ярасць!
 Лоўчы злаўчыцца, адскочыць, схінецца за дрэва —
 Міма прамчыць апантаны, агледзіцца, стане,

Чмыхае пысай храпастаі і у безлчы пахау
Нюхам уловіць дыханне і пах чалавека.
Што чалавека? Усё, што прыкметы жывога
Мае ў сабе і няхай хоць чым-небудзь праявіць,
Зараз жа стопча, збядзе, разарве на кавалкі.
Страшная прагнасць у звера адпомсціць, сквітацца
З ворагам сілай сваёй і за кроў, і за раны.
Што яму значыць дагнаць у спружыністым бегу:
Ты хоць вылузвайся з шкуры, а чуеш — насядзе.
Вось і насеў, і штуршком галавы — пад азадак.
Толькі і згледзіш — мільгнуліся ногі ў паветры;
Стогне, чуваць, чалавек, недабіты з разгону.
Там тваё ўсё — аказацца ў нявыкрутцы гэткай:
Літасць яму не ўласціва, і ён не пакіне
Ні седака, ні каня недабітымі ў лесе.
Зваліць пад ногі, растопча, прапора рагамі
Так, што пасля не пазнаеш, дзе цела, дзе туша.
Нават з адных успамінаў заходзіцца сэрца.
Бачыш: уздыбіўся конь растрыбушаны; тут жа
Коннік на стрэмі завіснуў, запырсканы кроўю.
Звер налятае скачкамі, збівае абодвух.
Месіць рагамі, аж чвякае нешта, і косці
Аж хрупасцяць, і аж бурбаліць кроў з-пад шарону.
Люты бясконца, няхай на бярогу мядзведзя
Недзе нарвецца альбо запрымеціць на лежцы
Дзіка-разца — забадзе і ў шматкі расцягае.
Мы неаднойчы ў лясным гушчары сустракалі
Трупы капытных — дакладней, не трупы, а кучы
Шкуры ды мяса — ахвяры ягонаі расправы.
Тыя, хто бачыў, засведчаць: няхай ён, лабаты,
Бухне ў аленя ці ў лань, пабрыкнуўшы, з разгону —
Ўсё адбівае ўнутры — і вантробы і сэрца.
Цяжка такое ўявіць, хто ніколі не бачыў
Месца пабоішча ў пушчы. На лапінах моху
Мокрае месіва: кроў, неастылыя рэшткі
Беднай казулі ці лося. Вось з карканнем, граем
Зараз зляцяцца сюды каршуны і сарокі,
Гаман узняўшы, павыкляюць вочы і счысцяць
З дрэў і з падлеску шмаццё разарванага звера.
Помніцца неверагодны выпадак: аднойчы
Так бадануў рысака, што ўсе шлункі — на дрэва,
Егер жа, сілай удару падкінуты ўгору,
Дзесь на бярозе завіснуў уніз галавою.
Жахаў усіх не прыпомніш. Ну хоць бы і гэты:
Дзесь падчапіўшы каня з седаком у дуброве,

Так шыбануў, што сядок апынуўся ў абдымках
Дуба галлістага; там і знайшоў паратунак.

Прыкладаў, мабыць, і досыць. Бываламу ў пушчах
Часта здаралася ўсё гэта бачыць самому.

Лішак жа прыкладаў, як і залішняе слова,
Толькі зніжае давер да праўдзівасці факта.

Хто яго ярасць не бачыў, такі і не ўявіць,
Як ён наражыць, і валіць, і прэ наўздагонку,

Быццам дзевяты той вал у бушуючым моры.
Далеч, здаецца, дрыжыць, як рыкне на ўсю сілу.

Яры, бязлітасны, смелы, ён, мабыць, часамі
Ўсё ж адчувае, што помстай не вымесціць злосці:

Раптам на момант унурыцца мордай тупою,
Цяжка ўздыхаючы. Пэўна, ад зморы ці, можа,

Нават шкадуе, што мала крыві чалавечай
Выпусціў рогам адным і другім, і як быццам

Лічыць па кроплях, што капаюць з пысы на гурбы.
Ваш самавучка-мастак непісьменна, напэўна,

Мажа карціну смяротнага бою. Мастацтва,
Мабыць, і ўмоўнасць, і ў пэўнай ступені натура.

Звер у бяспамяцтве — гэта парывісты вецер,
Ён жа ў нападзе — страшэнны ўраган, і ратунак

Лодцы жыццёвай не будзе, калі наляціць ён.
Снег на вачах счырванее на месцы забойства.

Недзе на голлі ільмы ці на пруюці ляшчыны
Збоём крывавым павіснуць астанкі ахвяры.

З'являцца зараз жа птушак драпежных чароды,
Як прыжывалаў пры лютым рагатым кармільцы.

Ён жа, зласлівец, пакіне на момант забітых,
Кінецца ўбок, пастаіць і спахопіцца раптам:

Як жа там вораг, а можа, яшчэ не дабіты?
Зноў падбяжыць і падчэпіць, прапора, падкіне,

Месіць нагамі, трыбушыць рагамі — не можа
Помсты ніяк наталіць, ненасытны забойца.

Конныя ўроссып пусціліся. Бачыш, як змейка
Выгібам справа і злева бярэ яго ў клешчы.

Крыкі, галёканне; ржанне трывожнае коней —
Зараз, назад павярнуўшыся, прыме атаку

Ў лоб, і тады — сцеражыся! Не збочыш за дрэва —
Станеш ахвярай. Хоць кожны і смелы і спрытны,

А не пашчасціць — загіне і дужы і мужны.
Гнацца з гайнёю на шпаркім кані па раўніне

Следам за воўкам ці лісам — не тое, што ў пушчы
Гнацца за зверам, дзе ўсякае трапіцца можа:

Недзе калода гнілая, звярыныя норы,

Там буралом або пні, што прыкіданы снегам,

Тут балаціна замёрзлая — не азірнешся,
Як цераз грыву буланага рынешся потырч.

Лапкі яловыя, скажам, ці сучча сухое —
Яўныя пасткі, а звалішся — болей не ўстанеш:

Зубр не маруда — наскочыць, прапора рагамі,
Недзе ў аберучкі дубу астанкі рагамі закіне.

Цудам, здаецца, схінуўся яздок ад удару —
Міма пранеслася бурая маса з сапеннем.

Раптам круты паварот і скачок вокамгненны —
Быў чалавек і не войкнуў — няма чалавека.

О, калі б мне тут, адкінуўшы дробязь дэталю,
Толькі галоўнае ўспомніць аб гэтым страшыдле,
Цяжка прадбачыць, дзе б кропку знайшла

мнагаслоўнасць

І да памераў якіх разбылася б паэма!

Досыць таго, што расказана, каб меркаванні
Збегліся ў вывад: забойная гэта забава —

Проста шалёная прыхамаць князя-вар'ята,
І не адмые нявіннай крыві венцаносец
З лаўраў сваіх паляўнічых і ратнае славы.

Выдумка гэта карэннем сваім пранікае

Ў княжанне Вітаўта* ў годы найвысшага ўздыму
Княства Вялікалітоўскага. З мэтай падтрымкі

Боегатоўнасці будучых рэкрутаў з вёсак
Князь і загадваў ствараць у сваіх уладаннях

Лагер ваенны пры кожным паселішчы ў пушчах,
Дзе рыхтаваў свае раці да бітваў наступных.

Ён паміж войнамі ў шапку не спаў і дружыны
Ў дзікіх аблавах на звера прывучваў змагацца

Так, як і ў бітвах з татарамі, і гартаваў іх
Сілу і дух у нягодах няспынных паходаў.

Ён, дваадзіны ў асобе вялікага князя —
Факельшычк войнаў са слабым, а з дужым

анёл-міратворац

Ставіў аголены меч свой, як слуп пагранічны,
Перад нашэсцямі ворагаў з поўдня і ўсходу.

Нават татарын, пакорліва ўнурывушы голаў,
Лук свой зламаны яму аддаваў і тлумачыў,

Што, спаганяўшы ясак каля вотчын літоўскіх,
Сам станавіўся пачварнай здабычай літвінаў.

Быў літасцівы да тых уладарцаў, якіх ён
Ставіў на княства па выбару ўласным, і нават

Грознай Ардзе мог прыцыкнуць: знай меру, татарын!

Як знакаміты багаццем і сілай Масковіі землі,
 Ўсё ж і яны прымірэння прасілі з літвінам.
 Турак з Таўрыды* заўсёды цюкі падарункаў
 Вітаўту слаў, прыхаваўшы свой клопат таемны:
 Як бы задобрыць, улесціць і гнеў не наклікаць
 На галаву сваю з боку Літоўскай дзяржавы.
 Тры каршуны, што наводзілі жах на паўсвета,
 Як пылюкі, перад ім нават ціўкнуць не смелі.
 Доблесць такая сталела ў лясках* і па вёсках.
 Славы сястру, яе песцілі ў годы княжэння
 Грознага Вітаўта ўсюды на землях дзяржавы.
 Кожны дзядзінец пры замках, груды між балотаў —
 Гэта пляцы і пляцы для вайсковых заняткаў.
 Мірны перыяд між войнамі быў перадышкай,
 Каб адпачыць, падвучыцца і, страты пакрыўшы,
 Рушыць у новы паход. На такіх табарышчах
 Толькі і чуеш, як стрэлы спяваюць, а лукі
 Суха на згібах скрыпяць, нібы хваляцца ўголас:
 Бачыш, якія нястомныя рукі, якая ў іх сіла!
 Выган пры вёсцы, і там ад відна да сутоння
 Носяцца коннікі з гіканнем цугам па кругу,
 Шабляй і стрэламі цяляць у вешкі. Часамі
 Хтосьці падкіне свой зношаны брыль ці кучомку —
 Некалькі стрэл упіваецца ў шапку на ўзлёце.
 Падае ўніз, і — пад ахі і рогат прысутных —
 Борзды наезнік падловіць падранка на піку.
 Трапны стралок, а такіх дзецюкоў было безліч,
 Змеціўшы ключ жураўліны пад воблакам дзесьці,
 Зложыцца з лука, спакойна прыцэліцца, зрэжа
 Роўна крыло ў важака, не крануўшы стралою
 Нават і пёрка на целе — такая дакладнасць!
 Птушку — няхай на вадзе, ці на дрэве, ці ў небе —
 Цэллю лічылі сапраўднай, і ўсе здабывалі
 Гэту дзічыну ў балотах, барах, на азёрах.
 Многія неслі здабычу магутнаму князю
 Проста як дзякла (тады яшчэ чыншы не зналі).
 Жыць па старым запавеце: «Не ўкрадзеш у пушчы —
 Грэх не адпушчан», — лічылі ў народзе за гонар.
 З першай парошкай гурты паляўнічых і лоўчых
 З княжыцкіх вотчын у лес шыбавалі на ловы.
 Звера ўздымалі цюгаканнем, свістам і гамам,
 Гналі загонам пад стрэлы, мушкеты і дзіды.
 Дзіка давесці па следу, мядзведзя бярлогу
 Высачыць храбра — будзённая, звычайная справа.

Што ў ёй такога? Падымецца раптам мурашнік,
Гуркі, звягчуўшы наўзбокі, і ўздымецца дуба
Буры смак і гон, заравя і зацыкаюць стрэлы.

Кінуцца чат чэ паспее, як нехта ражнішча
Проста ў пахвіну частавіць — і грузная туша,

Бачыш, асела. Цяпер між вухэй — булавою,
Вось і гатоў А бывалі яшчэ і другія

Слаўныя забаўкі — конныя гонкі, напрыклад.
Князь паважаў іх, як шкору для мужных і смелых.

Цэль вызначалі за сотняю стадый*, і кожны
Ўдзельнік суперніцтва рваўся на сівым мустангу

Першым адолець дыстанцыю. Цэлыя вёскі
Гналіся ў скачках, бо лепшы праявіцца ў масе.

Вось па чарзе табунамі галопам узялі,
Лётам лятуць — толькі тупат ды грывы па ветры.

Чуйны скакун гаспадарскі намёк разумее
З першага знаку, і бачыш, як ён вокамнінна

Спіну падставіў. Ты вокам зміргнуць не паспееш —
Скочыў сусед на суседа: змяніліся коньмі.

Толькі і згледзіш, як стрэл апярэнні з калчанаў
Накрыж жакнуліся; коннікі ж з гіканнем зніклі.

Гонкі такія наладжвалі ў цёмныя ночы
Гуртам, каб мужны ахвоты паддаў баязліўцу,

А баязлівец, не бачачы страху, раўняўся.
Ўсім пераможцам давалі прызы, а з няўдалых

Кпілі гуртом і падносілі браціну з рэдзкі.
Многа цяжэйшай была закладная, хто першы

Ўброд на кані пераедзе раку без абходу
Плыні падводнай, віроў і трыснёгаў на тонях.

Ветраным днём, калі ў повень вялікія воды
Хвалямі коцяць на бераг, з'язджаліся к рэкам

Коннікі з вёсак вакольных, ушчуноць стыхію.
Звычайем конных было: і калчаны, і лук свой

Звяззаць у вузел з адзеннем, каб, недзе на грэчэ
Сіўкі свайго ці буланага добра ўмасціўшы,

Самы быстрак пераплыць і сухімі даставіць.
Боская воля! Нібы на вадохрышчы колісь

Рынулі з берага голыя людзі на конях.

Бачыш — плывуць, пахаваўшыся ў плыні па шыі,

Толькі чутно, як пафыркаюць коні, а хлопцы
Боўтаюць нараўні з коньмі. Угледзішся — праўда:

Правай рукой учапіліся ў грыву, а левай
Горнуць, грабуць пад сябе белагрывыя хвалі.

Плёсу ж канца не відно, і з паўмілі да мелі.
Гэтым таксама былі ўзнагароды, і першы

Першую дачу асушваў са срэбнага кубка,
Кубак жа браў на ўспамін. Не міналі нікога.

Зведаўшы смакі нягод на зямлі і на водах,
Воін брадоў і мастоў не шукаў, а звычайна

З ходу пускаўся з канём у раку, беражліва
Зброю трымаючы ў вузле, гатовы да бою.

Войны прадбачачы ўслед за малою перадышкай,
Князь рыхтаваў да вайны сваё войска і княства.

Мудрая справа — у часе самой падрыхтоўкі
Вытравіць боязь і страх са свядомасці вояў

І прывучыць іх зараней да ўсякай нягоды.

Сам гартаваны, як меч на кавалдзе паходнай,

Вітаў і знаць не хацеў сабе большага шчасця,
Чым гартаванья ў бітвах бясстрашныя раці.

Доблесць пры ім афіцыйна лічылася першай
Якасцю воіна, і на вайсковых аглядах

Ён, як аптэкар на вагах, узважаў, хто лепшы,
Лепшаму там жа за доблесць і дзякаваў шчодро.

Ох, не любіў баязліўцаў і пестаў з магнатаў!

Будзь ты магнатам, але калі дрэйфіш у справе,

Лёс незайздросны ў такога — пагарда дружыны.
Строга і крута судзіў, і прытым — справядліва.

Сам справядлівы ва ўсім, ён па гэтай жа мерцы
Кожнаму мераў і нейкім сваім адчуваннем

Мог здагадацца адразу, дзе праўда, дзе крыўда.

Хлус перад ім не аднекваўся доўга: збялеўшы,

Змяк, затрымцеў, як асінавы ліст, і прызнаўся.

Сам і прысуд вінаватым выносіў, а тыя,

Цяжкасць віны ўсведамляючы, з ціхай пакарай
Самі прыспешвалі час непазбежнае смерці.

Ведалі добра: на літасць дарэмна разлічваць.

Круцікі-муцікі ў сведчаннях і крывадушнасць

Болей за ўсё не любіў і, як сведчаць паданні,

Клятваадступнікаў-сведак судзіў, як забойцаў.

Кат распраўляўся з такімі, і ўсё ў навучанне

Чорнаму люду: вучыцеся, як небяспечна

Княжы абходзіць закон і вярхоўную ўладу!

Позірк жорсткім, што гляне — аж зробіцца млосна,

Ён, як вядзьмак, абяззбройваў усіх ашуканцаў:

«Хлусіш!» — і хлус прызнаваўся, што сведчыць ілжыва,

Кара была неадкладнай, чакала пры замку:

Іх, закруціўшы ў звярыную шкуру, спіхалі

З вала на пляц сабакарні, дзе псы-ваўкадавы

Клычлі ў шмацце асуджаных — ведама ж, псярня.

Так жа бязлітасна, строга караў ён і суддзяў

Княжацкіх вотчын за подкупы, хабар, ліхварства.
Выпадак быў, ды не ведаю дзе. Спакусіўся
Нейкі суддзя на багаты дарунак, і справу
Выйграў адказчык насуперак княскаму ўказу.
Скарга да князя дайшла; вінаваты прызнаўся.
Кат перабіў яму рукі і ногі, а потым —
Зноў жа ў навуку другім! — і суддзю пры народзе,
К конскім хвастам прывязаўшы, пусцілі на волю.
Прагнасць нажыцца пад шыльдаю варты закона,
Сквапнасць — загрэбці кавалак у бліжняга з рота —
Ён тыранічнымі сродкамі так пратараніў,
Што на вякі нават завад іх вывеўся ў княстве.
Кім бы і чым бы ні быў ён пры іншых заслугах,
Нават за гэта адно я пяю яму славу.
Густа ён справамi век насяліў свой, і водгук
Спраў тых вячыхстых патрапіў і ў гэтую песню.
Клопат аратага быў і астаўся аддаўна —
Лошка ды ніва, а сэрца яго і адвагу
Князь гартаваў на аблавах, у высачках звера.
Звер здабываўся па-рознаму; лепшай здабычай
Тую лічылі, якую жыўцом дастаўлялі —
Поцягам ці на плячах — на дзядзінец у лагер.
Высач, злаві, прывядзі, не скалечыўшы, зубра —
Гэта ўжо мужнасць, і доблесць, і нават геройства!
Ну і, вядома, была ўзнагарода адважным,
А з маладушных маглi і спагнаць, безумоўна.
Варта адзначыць, што ўсе земляробы ахвотна
Тое рабілі, што вёскам ад імені князя
Ставіў цівун у павіннасць, — рабілі без страху.
Нават і звера жыўцом валаклі да палаца
Князю ў дарунак. Хоць сам я, прызнацца, не веру,
Людзі ж старыя сцвярджаюць: «Бывала — і часта».
Вось што аб здатнасці нашай да выдумак розных
Тут без сумнення скажу вам па прыказцы нашай:
Хіцер на выдумкі Зміцер — мастак самавіты!
Хоць бы і тая збудова пад назваю «сценка».
Вам у навінку такое, і я падрабязна
Ўсё апішу. Уявіце, што зрублены ў лесе
Клін велізарны з бяргвення-калодаў яловых;
З фронту — шырокія клешчы, далей паступова
Звужаны, быццам прагон, і прарэзы па сценах —
Вокны-пазы для завалак з цясовага брусу,
Дбала прыкрытыя свежымі лапкамі, голлем.
(Трэба, каб звер не спасціг ні падману, ні пасткі).
Вось падышоў ён да кліна. Цікавасць забрала:

Шго за прагон гут? Абнюхаў, ступіў, азірнуўся.
Раптам чаперадзе штось мільганула ў чырвоным.

(Гэта лавец-завадар у барвовай накідцы
Выбег знарок з-пад укрыцця, каб звера раз'ятрыць.

Зубр, як вядома, ніякай прыстрашкі не любіць).
Ах, у чырвоным, ды шчэ і бліскачаю шабляй

Грозна размахвае! Звер гэта бачыць, і ўмомант
Вочы крывёй наліліся, ён з месца падскокам

Рушыў за лоўчым, а той як растаў, бо па сценах
Зроблены спуды — у іх і схавуўся адважны.

Бык жа тым часам, прабегшы прагон, апынуўся
Ў пастцы, бо ззаду і спераду завалкі ўмомант

Шлях адступлення адрэзалі — стой і здавайся!
Зараз жа — дзе толькі браліся! — лоўчыя ў пастку,

Зверху пятлю накідаюць: перш-наперш — на повад.
Путы на ногі, каб, голаў прыгнуўшы, стрыножыць.

Крэпяць абапал вяроўкі, а заднія ногі
Вяжучь з пярэднімі, каб не брыкаўся, не скачыў.

Сілаю зброі вялікага гурту не ўзяты,
Тут ён здрадлівасцю лёсу прададзены. Злоўлен!

Ну, закізвалі, нарэшце, і ў пысу прадзелі
Колца стальное, за колца — шматжыльны пастронак —

Можна і весці пад гулкія воклічы: «Ўзялі!» —
Цягнуць здабычу з прагону. Палонны асілак,

Пену пускаючы з пашчы — аж бурбалаць храпы,—
Пнецца назад, але ўсё-такі крочыць наперад.

Жахам ахоплены, ярасць у позірку — як жа
Вольніцу пушчы змяняць на людскія астрогі?

Лесам вядуць, цераз ляды, па вуліцах вёсак,
Дзе праз шпалеры цікаўных зусім не героём

Мусіць палонны прайсці, і, нарэшце,— у лагер.
Тут, развязаўшы вяроўкі, з пастронкам у пысе

Ў чыстае поле пускаюць — бяжы, спатыкайся
І паслужы ездакам бегавою мішэнню.

А ездакі з кавалерыі княскай тым часам,
Лукі і коп'і прыўзняўшы, чакаюць атакі.

Гучна ражок затрубіў — і пайшла адшліфоўка
Трапнай стральбы і бяспромашных закідаў коп'яў.

З вуснаў у вусны даходзяць легенды, што кожны
Коннік стралу сваю значыў асобнай зарубкай.

Як і капейшчык — дзяржанне кап'я або здіды.
Звера ж таксама пярэсцілі, як рабаціннем,

Так што капейшчык ці лучнік, пацэліўшы ў кропку,
Мог апазнаць свой удар па зарубцы на зброі

І атрымаць, адпаведна, сваю ўзнагароду.

Самай высокай адзнакай таго адзначалі,

Хто, шыбануўшы кап'ё або дроцік, смяротна
Раніў жывёліну. Драпін у бойцы не лічаць.

Княжанне Вітаўта лічаць усе летапісцы
Росквітам княства Літоўскага, нашага краю,

І называюць той век залатым. Разбяромся:

Мне так здаецца, што гэтай шаноўнаю назвай

Век той названы па прастай прычыне: дзяржаўца

Перад багаццем і шчасцем зямным пастаянна

Ставіў багацце духоўнае — злата дзяржавы.

Ён быў набожны, і першы з народамі княства

Сам ахрысціўся, прызнаўшы, што з верай паганскай

Повязі ўсе парывае, а ідалаў веры

Ён загадаў пазбіраць і панішчыць, і цэрквы

Богу адзінаму скрозь будаваў, і надзелы

Служкам духоўным адвальваў з угоддзяў не скупа.

Славу і ўхвалу вялікаму князю аддаў я

Поўнаю мерай, хаця і зусім не сумысля

Ратныя справы яго абышоў. Адчуваю:

Гледзячы доўга назад, я паглыбіўся ў нетры

Даўняе даўнасці, збіўся з напрамку, а трэба ж

Брацца па сцежцы на поўнач, да свайскага лесу,

Ды і пара б мне дапець сваю песню пра зубра.

Ёсць паляўнічая прымаўка ў нашым народзе:

«Звера яшчэ не забіў, а набіліцы збіў», — прабачайце

Гэтую вольнасць. Дык вернемся зноў на аблаву.

З рыкам напуджаны, доўгай пагоняй загнаны,

Звер абнямог канчаткова. І ярасць не тая,

І не ранейшы запал. Адчувае, як быццам, —

Хутка канец. Праб'ягаюць па скуры раз-пораз

Дрыжыкі зябкія, дыхае з хрыпам, і пара

Верне клубамі — відаць, што стамілася сэрца.

Мерыцца скочыць — не можа: не слухаюць ногі.

Вяла брыдзе, галаву апусціўшы, і целам

Ледзьве валодае — так аслабеў, што, здаецца,

Ступіць — і рынецца потырч, дыхне — і сканае.

Злосць аж іскрылася з позірку, зараз, як плёнкай,

Вочы сцінае; усё ўжо ўнутры адгарэла.

Верхнікі — з сёдлаў; загоншчыкі коней адводзяць.

Вось па даўнейшаму звычайу два маладзёны

Поступам смелым да звера бліжэй падступаюць;

Выняты з ножнаў клінкі, каб ударамі ў сэрца

Справа і злева на дол абваліць недабітка.

Дражняць, клінкамі махаючы: ну, нападай жа!

Бліскае сталь, ад узмахаў аж свішча паветра.
 Звер абьякавы. Раптам, сабраўшы ўсю рэшту
 Моцы былой, страпянуўся і рынуў на хлопца.
 Той адступіўся за дрэва. А зубр павярнуўся,
 Згледзеў крыўдзіцеля, цела спружыніў і скочыў.
 Глуха зароў, гваздануўшы рагамі ў асіну.
 Толькі шчапа ды сукі затрашчалі, а дрэва
 Ўсё скаланулася, быццам маланка скасіла.
 Пільна сачы, маладзён, за намерам асілка:
 Друслае дрэва ў сутычцы такой — не затулак!
 Помніцца, раз на аблаве юнак-паляўнічы,
 Дужы і храбры, вось так жа ў паветры ўзмахнуўшы,
 Выпусціў шаблю; бычына ўжо цэліўся ўдарыць
 Хлопцу ў живот, але той захінуўся за хвою.
 Хто б не знямеў ад спужання такога? На шчасце,
 Лёс злітаваўся з хлопца, і дала паратунак
 Крона сасны расахатай. На ёй, аблавухай,
 З самых зазімкаў залежаўся снег сшарашэлы,
 Зверху прысыпаны свежаю пульхай парашай.
 Зубр як ударыў рагамі — затрэслася хвоя,
 Пругкія лапкі абвіслі, і белая навесь
 Шуснула зверху на дол, як туману заслона.
 Хлопца на момант як быццам не стала. І раптам —
 Дзе толькі браліся спрытнасць яго і рухавасць! —
 Шмыгнуў наўцёкі за дрэвы праз муць снегавую.
 Што пачалося! Усе з бегуна рагаталі,
 Быццам ад злыбеды нельга шукаць паратунку,
 Сорамна смерць абхітрыць, ці, нібыта ў сутычцы,
 Мэта якой: што б ні стала здабыць перамогу! —
 Як на арэне, сыходзяцца роўныя сілы.
 Зубр неўтаймоўны, ён зноў ірвануўся ў атаку,
 Бухнуў у ствол і рагамі абняў, як аберуч,
 Тоўсты камель. Перастарка-сасна не здалася:
 Цвёрды падзол утрымаў карані. А, крый божа,
 Гэтак бы гахнуў пад дых баравой меднаствольнай —
 Трэснула б толькі, і вывараць хлопца накрыла б.
 Буры наскокі такой хоць бы што, не здалеюць,
 Ён жа наскочыць, упрэцца — з карэннем абваліць!
 Гэты ж, глядзіце, упёрся ў старую асіну,
 Б'е, як абухам, — аж трэскі ляцяць з-пад удараў.
 Слепне ад злосці шалёнай, яму ўжо ўсё роўна —
 Дрэва калечыць ці лоўчага. Варам віруюць
 Пара і снег, і абодвух за імі не бачна.
 Ярасць зуброў і ў шаленстве не роўная; часта
 Вострага зроку і ранены ў помсце не траціць.

Мабыць, у памяці многім нядаўні выпадак —
Зноў-такі ў нашых лясах — з каралём Аляксандрам*.

Тое няшчасце, калі б не ўсявышшняга літасць,
Ў горкіх слязах утапіла б усё каралеўства.

Двор выязджаў на аблаву, і ў пушчы зараней
Рубшчыкі ўсё як належыць зрабілі: на палях —

Тоўстых апорах — памост збудаваці ў тры сажні,
Лесвіца збоку, чатыры падпоры, як трэба.

Так што пакорліва просім вас, ваша вялікасць,
Там і сядайце, глядзіце, як пойдзе аблава.

Першаю села ў кампаніі фрэйлін і знаці
Ў строях сваіх аксамітных сама каралева*.

Побач з памостам на доле, не сейміку шумным
Панства сышлося, а воддаль, як быццам на шпацыр,

Моладзь сабралася. Пеўнікі тыя згаралі
Ад нецярплівасці спрыт праявіць і геройства.

Блазан-амур, неразумны бажок заляцання,
Віўся на крылцах між дрэваў і з лука раз-пораз

Пырскаў стралой у дзявочыя сэрцы. Паслухай,
Ты, матылёк бесклапотны: сваволь, забаўляйся

Дзе сабе хочаш, ды толькі не тут, дураслівец!
Пушча — не сад і альтанка. У ёй закаханы

Мілы юнак, што не ведае нораваў звера,
Толькі з жадання каханай прыйсціся пад нораў

Зробіць свой рыцарскі выбрык — і тут жа загіне,
Ўсё праз цябе ці праз тую абранніцу сэрца!

Чутна — звяры тупацяць. Прамільгнулі сабакі:
Гоняць зуброў. Анямела, прыўзняўшыся з месца,

Світа вяльможная ўнізе і там на памосце.
Сонечны дзень быў. Пярэстасць багатых убораў

Аж зіхацела ў праменні, барвовыя сукні
З вышыўкай срэбрам і золатам проста сляпілі.

Выскачыў першым ваяк. Натапырыўся, раптам
Аж скалануўся, убачыўшы яркую чырвань.

Голаў панурыў, працяў спадылба узвышэнне —
Ахнуў памост і закрыўся рукамі ад жаху.

Я не сказаў бы, што сцэнай такой любаватца
Нам, хто не ўладны над злосцю жывёльнай, прыемна.

Крык заганыты усё набліжаўся, і гэта
Звера прымусіла бегчы, бо побач дубровай

Наўскач ляцелі чароды зубрыц і аблеткаў
Проста на лоўчых, але па такіх не стралялі.

З рыкам, нібы ашалелы, узбег на паляну
Зубр велізарны, скрываўлены. З раны на шыю.

Пырската кроў — у загрыўку трымаліся коп'і.

Ён іх страсаў і, закінуўшы голаў, угледзеў
Баль-маскарад на памосце. Суняўся і чмыхнуў,
Злосна ўтаропіўся, быццам ён там выпадкова
Ўбачыў знаёмыя твары і сіліўся ўспомніць,
Дзе сустракаў іх. Дзень добры, шаноўнае панства!
Смерцю маёй пацяшацца сышліся? Чакайце ж,
Я пакажу вам забойства — вякі не забудуць!
З храпам набраўшы паветра, разявіўшы пашчу,
Рыкам усіх аглушыў, скалануў наваколле.
(Рык важака для зубрынага статку — трывога).
Значыць, сваіх папярэдзіў; цяпер — за справу.
З месца сарваўся падскокам. З разгону рагамі
Грымнуў у палю памоста — і збіў з падваліны.
Зверху — прарэзлівы лямант. Памост пахіснуўся,
Трэснуў і цудам не ўпаў без чацвёртай апоры.
Бог барані, калі б ён і другі раз ударыў.
Збіў бы памост, і якою б умыўся крывёю
Дол той пушчанскі і рогі крутыя забойцы —
Сэрца заходзіцца, дрыжыкі б'юць уяўленне!
Што гаварыць, замясіў бы пірог каралеўству
З княства й Кароны сваёю мясістаю мордай.

Вернемся ўсё ж на рысталішча ў лес. Паглядзіце:
Звер як стаяў, так стаіць асавела, раз-пораз
Ліжучы раны. Здаецца, шаленства ўляглося.
Ярасць жа ў позірку шчэ не пагасла. Ён грозны:
Хвошча хвастом, ажно свіст у паветры, а з пашчы
Вісне язык павілясты, як цела гадзюкі;
З ноздраў вільготных клубамі папыхвае пара.
(Холад для дужага, мабыць, быў колісь лякарствам,
Зараз мароз для аслаблага — гэта пагібель:
Кроў усё льецца, з крывёю ж сцякае і сіла).
Ходарам дрыжыкі ходзяць, бакі паўпадалі,
Дыхае, стогнучы, булькае зраненым горлам,
Быццам там лютасць браззіла і ломіцца выйсці.
Пот абварыў усяго, і калі прыглядзецца —
Рухі не тыя ўжо, сэнсу не маецца ў рухах.
Грывы касмыль ад уздыху здрыгнуўся ля вока —
Тут жа зубамі рване яго, выкіне з пашчы;
Лясне нагою пад бруха, бы гіз адганяе;
Жоўты лісток на дубку затрымцеў — апраметна
Рынуў на дрэўца, зламаў і знявечыў падлеска;
Цень мільгануў па сумётах: сарока ці сойка
З сука на сук праляцела — бадае ў сумёты,
Чмыхае мордай у снезе. Агонія блізка.

Безліч выпадкаў, прыгод і жывых успамінаў
Хваляй нахлынуць, палоняць душу — і здаецца:
Зноў ты вярнуўся ў той край, дзе пачатак пачаткаў
Сэнсу жыцця і пачуцця святога — радзіма.
Я адчуваю: бракуе мне, мабыць, майстэрства
Ў складзе і ладзе паэмы: сяку яе часта
Жычкай — закладкай з разваг ды і з хронікі нашай,
Быццам гуляю ў адклад і староннім шматслоўем
Зубы сваім чытачам назнарок замаўляю.
Выбачце і не сярдуйце: развязка ўжо блізка.

Лоўчы схаваўся за елкай, а зубр не спускае
З вока яліну. Падскочыў да дрэва. Абодва —
Звер з паляўнічым — адзін на адзін. Сцеражыся,
Смелы дзяціна! Жыццём за памылку заплаціш:
Выткнешся бокам з-за дрэва — падыеме на рогі.
Круцяцца, быццам у скоках, капыты і чобат,
Дама ж — дзябёлая елка — стаіць, як княгіня.
Меціць юнак-фехтавальшчык парнуць пад лапатку.
Звер языком, нібы шчупальцам, ловіць за рукі.
Я ўжо казаў, што язык у зубра — як гадзюка:
Доўгі, рухавы, і хай толькі кончыкам счэпіць,
Звяжа, як вузлам, падцягне і кончыць рагамі.
Бачачы шчупалец — гэту падступную змейку,
Лоўчы таксама не дурань — мяняе прыёмы:
Коле кароткім ударам, з падскоку на выпадак.
Тут у імкліваці ўдара клінок анярэдзіць
Нават стралу быстралётную — як бліскавіца!
«Э,— заўважае юнак,— на цябе, языкасты,
Немач находзіць, хістанка ў нагах пачалася.
Ты і размяк і абслініўся. Дзе твая статнасць!»
Толькі падумаў, а звер страпянуўся — і ў наступ.
Лоўчы за дрэва — і чуе, як быццам з парыльні
Парай дыхнула і штось застагнала за дрэвам.
Момант! Клінок мільгануў і адскочыў — пацэліў.
Вось ён, удар сакрушальны! Схіснуўся і пысай
Тыгнуўся ў снег і прыкленчыў, нібы пакланіўся
Шумнай дуброве: «Даруй, мая родная, ўсё мне».
Недзе сябры зараўлі, пракацілася рэха —
Нават і ў пушчы свой звычай, свой звон памінальны.
Галас падняўся,— патрэбен удар міласэрны.
Тут жа, як бачыш, з'явіліся тыя ж малойцы
Вынялі шаблі і ўмелым ударам пад сэрца
Ўсё завяршаюць і тым набліжаюць развязку.

Трубяць у рог. Пераможца сярод пабрацімаў.
Жарты, абдымкі. А звер на бялуткай пасцелі
Вотчыны роднай прылэг і нібы спачывае.
Нетры лясныя стаілі ў сваёй таямніцы
Шчэ аднаго, што паранілі,— можа, і сына
Гэтага волата. Хай выжывае, не буду
Гнацца ў пагоні за раненым. Час падганяе.

Спынім забойствы! Сумленне, і розум, і гонар
Ўладна загадваюць кніжніку: як са званіцы,
Бі ў сваё звонкае слова, узбройвай народы
Супраць разбою! Бясконца купае і губіць
Марс збраяносны людзей у крываваых купальнях.
Свет хрысціянства з яго хрысціянскаю верай
Трэснуў даўно, і расколіна ўглыб пранікае
Дома і ў войску, хістаюцца веры асновы!
Хто вінаваты? Чыёю злачыннай рукою
Губяцца сувязі братнія, бурацца храмы?
Вораг знішчае — мы скажам, а трэба ж прызнацца:
І ад сваіх міжусобіц мы ўсе не дужэем,
Нашы ж мячы падсякаюць і веру Хрыстову.
Кінуўшы здрадліва ворагам лютым на здзекі
Веру дзядоў і бацькоў, нам адно застаецца:
Літасці боскай чакаць і прасіць даравання.
Мала надзеі, аднак, што ўсявышні прабачыць
Грэшным у веры, злачынным у справах жыццёвых.
Гонар, сумленне зямных уладарцаў, здаецца,
Спяць беспрабудна. Усе іх учынкі і справы
Людзям на гора, дзяржаве ж — на шкоду і страты.
Болей за ўсё непакоіць іх сверб панавання:
Вострыць мячы пастаянна сусед на суседа —
Ты або я запаную, дваім жа нам цесна.
Братазабойствы, грызня, міжусобныя войны —
Іхні занятак фізічны і свет іх духоўны.
Б'юцца князі-ваяводы, а стогнуць народы:
Воіны ж гінуць у тых і другіх у сутычках,
Што ім той смерд — наша гора і нашы пакуты?
Ім бы свайго дамагчыся, а ты хоць заліся
Ў горкіх слязах. За мурамі рыданняў не чутна —
Значыць, гандлюй і крывёю і лёсам падданных.
Ворагі нашы ўсё бачаць, смяюцца з няшчасных.
«Пастырам будзь па-над паствай» — гаворыць пісанне.
Будуць — чакайце! Ваўкамі грызучь сваю паству.
Вось да чаго давяла непамыслная прагнасць
Славы, багацця і ўлады, і як ачарсцвілі

Ўсё іх нутро сябелюбства, раскоша і слава!
Свет абшукайце — ці знойдзецца ў ім заваёўнік,
Што заваёўваў і гладзіў рабоў па галоўцы
І не купаўся ў крыві і слязах зваяваных?
Турак агнём і мячом вынішчае ўсе нашы пасады,
Паліць мястэчкі і сёлы, руйнуе святыні.
Горад захопіць гандлёвы, дзе маецца прыстань,—
Крэпасць будзе, нагоніць сваіх басурманаў
Гвалт і рабункі чыніць, а людзей непакорных
Рэжа пад карань — жанок і дзяцей не шкадуе.
Што яму значыць клінком мацярынскае лона
Выпусціць разам з маленькім? Усё ж па загаду:
Сродкі — любыя, а мэта адна — вынішчэнне.
Войска разбіўшы, народ абяззброіўшы ўсюды,
Ён і не дбае, што голыя рукі адпомсцяць.
Стогне і ў цемрадзі ночы злавеснай народ наш
Вобмацкам долі шукае. Жахлівыя здзекі
Церпіць пакутнік пад страшным прыгнётам чужынцаў!
Мы — шчэ натоўп, грамада непісьменная, цемра.
Князь і баяры — усе, каму льга заступіцца,
Глухі да нас і не горай, чым жорсткі татарын,
Душаць пятлёй галасы абурэння ў народзе.
Плаха і кат-выканаўца — вось доля любога,
Хто пастаяць за закон і за бога азваўся.
Як толькі ён, наш заступнік нябесны, трывае,
Бачачы ўсё гэта? Як у крывавым патопе
Верных гасподнямю слову, набожных, знаходзіць?

Боская маці, прачыстая дзева Марыя,
Чуеш імя сваё ў песні і бачыш, напэўна,
Як затрымцела ад страху рука вершатворцы?
Раб твой пакорлівы слёзную гэту малітву
Шле да цябе, баючыся: а можа, не прымеш?
Можа, маўчаць і цярпець? Я ў душы адчуваю:
Вартая ты не малітвы раба, а харалу
Цэлага свету зямнога — людзей і стварэнняў,—
І велічання, і славы ты варта таксама.
Я ж ці знайду і ці вымаўлю вуснамі ўзнёсла
Слова-зваротак, тваю не прынізіўшы годнасць.
Знаю, што ты міласэрная, добрая маці —
Ты мне даруеш, і тут я з васковаю свечкай
Перад табою, святой багародзіцай, кленчу.
Бледны, прыгнечаны ношай грахоў сваіх цяжкіх,
Вусень-чарвяк падбірае будзённыя словы
Ў гэта маленне і шчэ спадзяецца, што зможа

Вымаліць краю тваю абарону-спагаду.
О, заступіся за нас! Праз любоў к Чалавеку
Бацька наш бог і абраў цябе сам, і паставіў
Першай заступніцай люду, і ты заступіся!
Як птушаняты ў нягоду пад матчына крылле,
Так пад тваю абарону і мы прыб'ягаем.
Хай хто пакрыўдзіць дзіця і малое заплача —
Маці ж прыгорне крывінку сваю і суцешыць.
Ты — наша маці-заступніца, мы — твае дзеці,
Крыўдзяць, цкуюць нас і ганьбяць — утры нашы слёзы.
О міласэрная ўцешніца, дзева Марыя,
Не пакідай нас, прымі гэту скаргу-малітву.
Кінь свой спагадлівы позірк на нашы палеткі —
Гоні і ляды, што скрозь здратаваны і збіты
Коньмі татарскімі, коламі іхніх абозаў.
Бачыш, якія бясчынствы дазволены лёсам
Зброі варожай? Там сённяя страшэнныя здзекі
Чыняцца з нас, хрысціян, што адзінае веры
З сынамі тваімі, міралюбных і прагнучых міру!
Нашым князям, што ў сваіх міжусобіцах розум
Нашай крывёй замуцілі, падай на пахмелле
Мысляў і ўчынкаў цвярозасць, вярні раўнавагу
Мудрых дзяржаўцаў, напамні пра іх абавязкі,
Гэтак злачынна забытыя, — карай напамні!
Свет вар'яцее, і ўсе міратворцы на словах —
Гэта ваўкі пад ягнячым руном красамоўства.
Ім без твайго настаўлення, прамудрая дзева,
Думка не прыйдзе, што трэба за розум узяцца.
Дзе ім убачыць з харомаў, як з хатак вясковых
Гоняць бічамі галоту ў палон на пакуты!
Стань загародай на бітых шляхах і гасцінцах,
Вартай памежнай між воляй народаў і рабствам.
Папскі прастол Адрыяна і свет хрысціянства
Заклікам боскім згуртуй, апалчы супраць турак.
Хай накіруюць па ветры свае каравелы
І перахопяць мячы, што варожаццю ўзняты.
Хай ён тым дурням, аслепленым злосцю, пакажа,
Дзе небяспека і смерць, і няхай вінаватых
Так пакарае няўмольнаю ўладай закона,
Каб паслядоўнік, стырна не ўпускаючы ўлады,
Нашую зброю скрыжоўваў са зброяй варожай
Толькі за праўду, са шчырай адданасцю справе
Мужа дзяржаўнага веў каравелу дзяржавы
І праз хаос, і праз штормы жахлівага часу!

ФРАНЦЫСК СКАРЫНА

(1490—1541)

ПРЕДЪСЛОВІЕ В ПСАЛТИРЬ

Всяко писание богом водъхненное полъзно ест ко учению и ко обличению и ко исправлѣнію и ко наказанію правды. Да совършен будеть человекъ божий и на всяко дѣло добро уготован, яко светый апостол Павел пишеть. И сего ради светые писма уставлѣна суть к нашему навченію и справлѣнію, духовному и телесному, различными обычаи. Едины законом ветхым и новым, и другие святыми пророки даны суть нам. Иные деянием светых отецъ, а некие притѣчами премудрых учителей; некоторые теже песнями и псалмы, от царя Давыда и от иных божиих певцев сложенными, яко ест Псалтырь. Ты же вси первоменованные писма, кажное с них токмо едину речъ в собѣ замыкаетъ; яко закон живота вечного людей допустити учить. Пророци, приидущие, доброе добрым, а злое злым проповѣдуютъ. Деяние же и животы светых отецъ жити нас на свете, боязни божией и в терпении навчаютъ. Притчи пак и преповѣсти премудрых учителей — добрых обычаев, млодых и старых наставляють.

Псалтырь же сама едина вси тые речи в собѣ замыкаетъ, и всех тых учить и все проповедуетъ, — суть бо в ней псалмы, якобы сокровище всех драгих скарбов, всякии немощи, духовныи и телесныи, уздаровляють, душу и смыслы освѣщаютъ, гнев и ярость усмиряють, мир и покой чинять, смуток и печаль отганяют, чювствие в молитвах дають, людей в приязнь зводятъ, ласку и милость укрепляють, бесы изгоняють, ангелы на помощь призывають.

Псалом ест щит против бесовским ношным мечтаніям и страхом, покой денным суетам и роботам, защититель млдых и радость старым, потеха и песня, женам набожныя молитва и покраса, детям малым початок всякое доброе науки, дорослым помножение в науце, мужем мощное утверждение. Псалом ест всея цѣрькви единый глас свята. Украшаетъ псалом всякую противность, еже ест, бога ради усмиряеть. Псалом жестокое сердце мякчить и слезы с него, якобы со источника, изводитъ. Псалом ест ангельская песнь, духовный темъян, вкупе тело пѣнием веселить, а душу учить.

И что ест, чего в псалмох не найдешъ? Нест ли там вѣличества божия и хвалы его?

Там ест справедливость. Там ест чистота душевная и телесная. Там ест науки всякое правды. Там мудрость и разум досконалый. Там ест милость и друголюбство без лъсти, и все иншии добрые нравы якобы со источника оттолѣ походять. Там ест великая тайна о бозѣ в троици едином, и о воплощении господа нашего Исуса Христа, и о вмученьи его невинном, и о воскресении из мертвых. Там ест надежа востания из мертвых и вечного живота, боязнь страшного суду и вечного огня. Там ест многих скрытных таин зъявление. Все тыи речи якобы у великом сокровищи в сей малой Псалтыри знайдешь.

И видечи таковые пожитки в так малой книзе, я, Францишек, Скорынин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повѣлел есми Псалтырю тиснути рускыми словами а словенским языком напред ко чти и к похвалѣ к богу в троици единому, и пречистой его матери Марии, и всем небесным чином и светым божым, а потом к пожитку посполитого доброго наболей с тое причины, иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил.

А зовѣтся Псалтырь гудба, едина подобна к гуслиам. Яко сам царь и пророк поет, глаголя: «Хвалите господа во Псалтыри и в гуслѣх!» И сего для поставил ест царь Давыд четырех вѣликих ереов. Их же избрал от всех людей: Азафа, и Емана, и Ефана, и Идифума, абы гудли на Псалтыри пред киотом завета господня и псалмы абы припевали по вся часы, яко пишеть о том в первых книгах Паралипоменона. Ест же той роздел Псалтыри от гуслей. Гуслѣ имеют много струн. Псалтырь же толико иматъ 10 струн, яко пишеть о том: «Хвалите господа во Псалтыри десятиструннѣ!»

А была сия гудьба уставлѣна духом светым на знамя десятерого божьего приказанья, еже дал господь Моисеови на горе Синаи, а то к нашему научению, абы мы Псалтырю поючи, чтучи и говорячи всегда имели дисятеро божье приказание пред очима. Так же будь ведомо, положил есми некоторые на строницах в сей Псалтыри главы з розных книг, а то для того, абы знакомито было, иже все иные светые писма згожаються с Псалтырею и одно на другое светчить. А то, чтучи в тых книгах, их же суть главы на боцех пописаны, знайдете. Так же положил есми на боцех некоторыи слова для людей простых, не рушаючи самое Псалтыри ни в чем же, яко суть Онагри Игеродеево жилище и хлябие, и иные слова, которыи суть в Псалтыри нерозумныи простым людем, найдуть ее на боцех руским языком что которое слово знаменуеть. Теже розделил есми

вси псалмы на стихи, потому, яко ся в ьных языцех делить.

А так ест конецъ предъслова Псалтыри.

ПРЕДЪСЛОВИЕ
ДОКТОРА ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ
С ПОЛОЦЬКА ВО ВСЮ БИВЛИЮ
РУСКАГО ЯЗЫКА

Бивлия — греческим языком, по-русский — сказуется книги. Тако убо светый Матфей починаеть Христово благовѣствование: «Бивлос генезеос Исус Христу», то ест по-русский — книга родства Исус Христова. А можете тым именем называти вси книги Ветхаго и Новаго закону для достойности его, понеже Бивлия зуполная все то в собѣ замыкаеть.

О сей книзе пишеть евангелиста, наперстник Христов, во узявлении своем, глаголя: «И видех во десници сядящего на престоле. Книги написаны внутрь и зовнутрь. Написаны суть воистинну». Сие книги внутрь духовне ест разумеющим о тайнах превеликих божиих яко же пишеть апостол: «О глубино богатества премудрости и разума божия, яко неиспытаны суть судове его и не изследованы пути его!» Написаны теж и зовнутрь, понеже не толико докторове, а люди вченые в них разумеють, но всякий человек простой и посполитый, чтучи их или слушаючи, можеть поразумети, что ест потребно к душному спасению его, самому спасителю глаголющу: «Исповѣдаю ти ся, отче, господи небеси и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открил еси тая младенцем». Прото ж добре Григорей Великий, учитель вселенский, о сей книзе пишеть, глаголя: «Святое писмо все иныя науки превышает, понеже, егда бываетъ чтено, под простыми словы замыкаеть тайну».

И тако младенцем и людем простым ест наука, учителем же и людем мудрым — подивление. Яко река дивная мелка — по ней же агнець брести можеть, а глубока — слон убо пливати мусить.

В сей книзе всее прироженое мудрости зачало и конецъ; бог вседержитель, познаван бываетъ. В сей книзе вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне найдете. Ту навчение филозофии добронравное, яко любити бога для самого себе и

ближнего для бога, имамы. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением, ласки и згодою посполитое доброе помножено бывает. Ту научение седми наук вызволенных достаточное.

Хощеши ли умети граматику, или, по-руски гаворячи, грамоту, еже добре чести и мовити учить, знайдеши в зуполной Бивлии, Псалтыру, чти ее. Пак ли ти ся любить разумети лоику — она же учить з доводом розознати правду и кривду, — чти книгу светого Иова, или послание светого апостола Павла. Аще ли же помыслиши умети риторику, еже ест красномовность, чти книги Саломоновы. А то суть три науки словесные.

Восхощеш ли пак учитися музыки, то ест певници, премножество стихов и песней светых по всей книзе сей знайдеши. Любо ли ти ест умети аритметику, еже во кратце, а неомылне считати учить, четвертыи книги Моисеевы часто чти. Пак ли же имаши пред очима науку геометрию, еже по-руски сказуется землемерение, чти книги Исуса Наувина. Естли астрономии или звездочети — найдеш на початку книги сее о сотворении солнца и месеца и звезд, найдеш во Исусе Наувине, яко стояло солнце на едином месте за целый день, знайдеш во книгах Царств, иже солнце воспать поступило неколико ступнев, знайдеш во светом Еувангелии о новосотвореной звезде часу нарожения нашего спасителя Исуса Христа. Более воистинну чудитися превеликой божией моци мусиш, нижли учитися. А то суть седм наук вызволенных.

Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делех, чти книги Судей, или книги Махавеев; более и справедливее в них знайдеш, нежели во Александрии* или во Тройи*.

Пак ли же во кратце сведати хощеши много тысящей лет лѣтописець, чти книги Паралипомена. Там, поченши от Адама даже до Седехии, останочного царя Иудина*, роды положены суть. Потребуеши ли науки и мудрости добрых нравов, часто прочитай книги Исуса Сирахова, а притчи Саломоновы.

Надо все над то мы, христиане, ведаючи все науки быти минущие, потребуем речи вечное душевного спасения. Чтимы ж уставичне светое Еувангелие, а чтучи его наследуимы дела нашего избавителя Исуса Христа! А тако с помощью его внидем в живот вечный и в царство небесное, угатованное избранным Божиим.

Потреба те ж ест ведати, иже Бивлия делиться на двое: у Ветхий закон и у Новый.

Закон Ветхий иматъ в собѣ двадесеть и четыре книг. Книги первые Моисеевы суть «Бытъя». В них же пишеть о сотворении света, о зачале людского поколения, о разделении языков и земли, и о роде еврейском и вниитии их даже до Египту. Вторыи книги «Исход», еже суть написаны о рождении Моисееве, о десети язвах фараоновых, о выштии из Египту сынов израилевых, о десятеру приказании божием и о многих иных судех его. Третьи книги «Леувит» пишуть о храме божием, о ризах Аароновых, о жертвах и службах леувитских. Четвертыи книги «Числа» кажутъ о считании сынов израилевых, о дарех князей, о пророчестве Валаамове и о четырехдесяти а о двух станех, игде же отпочивали суть на пустыни. Пятые книги Моисеевы, рекомые «Вторый Закон», вызнаменають бо святое Еувангелие и что у предних книгах положено ест широче, то сие кратце в собе замыкають. То ест пентатеухон гречески или пятеры книги Моисеевы.

О сих пяти книгах апостол пишеть, глаголя: «но во церкви хощу пять словес умом моим глаголати, да иных научу, нежели тму словес языком».

Затым книги светого Иова — зеркало долготерпения. Все слова в нем полны суть розуму. Стихами и гаданием ест пишеть. И о воскресении тел нащих из мертвых наясней пророкуеть.

Потом Исус Наувин преходить Иордан, уводитъ сынов израилевых в землю обетованую, приемлетъ Ерихон град, поразив царей многих, землю людем по жребиех разделил.

Книги пак судей: Офониила, Аиофа, Варака, Гедеона, Ептая и Самсона, мужей пресилных и богатырев смелость выписуеть. При них же книжка Руф, прабабы царя Давыдовы, положена ест.

По сей книги четырех царств сынов израилевых у Бивлии положены сут. Предние двое называются от еврей «Шмуел». В тях пишеть о рождении Самуилове, о помазании на царство Сауловъ, о боех и о царстве Давыдове. Задние пак двое называютъ еврей «Млохим». В них же знайдеши, поченши от Саломона царя даже до Ехонии, и от Еровоама, сына Навафова, царя даже до Осии, его же плениша до Асирии, царей иудиных и царей израилевых четырьдесети справу выписану.

Затым двое книги Паралипоменона, еже опущеное во книгах Царств. И к тому, поченши от Адама даже до пленения Ерусалимля Навходносором царем, премногие роды еврейские почитаеть.

К тому двое книги Ездры о выпусении з неволи перское

людей еврейских, о ставлении у другое Ерусалима и храму светая светых, розделне по народех жиждущих, что которыи делали суть, и о леувитах, вышедших, выписуеть.

Потом книжка Товиф науку отцем, яко имають учити сыны своя, кажетъ.

Паки книжка Юдифа-вдовици. Она же для высвобождения отчизны, взор на собѣ мужем даючи, не лютовала ест живота своего.

По ней иная книжка Есфира-царице, еже с Мардохеем збавили от побитий людей израилевых.

За ними суть песни царя, Давыдовы книги, рекомые по-гречески Псалтирион, а по-еврейски Тилим, еже имають в собѣ кафизм двадесеть, псалмов полтораста, стихков или припелов две тысеци и шесть сот.

По Псалтыри кладутся трое книжки Саломоновы: Притчи, Еклезиаст и Пѣсни песнем. В первых науку младенцем, во вторых — мужем, во третих — старым выпи-суеть.

За тыми суть книги Исуса, сына Сирахова, рекомые Церковник, всю науку о добрых мравех в собѣ замыкающе. Подле них ест книга «Премудрость божия», понеже наиболее пишеть в ней о страсти мученик божиих и о житии светых его.

Потом суть книги шестнадцать пророков господьних. Исая первый. Сей не толико пророчество пишеть о Христе, но подобен ест в нем евангелистом.

Вторый пророк божий Еремиа, во утробе материне посвященный, во младости своей начал пророковати. К тому теже написал книжку, еже словеть «Плачь Еремиин».

Третий пророк великий — Езекииль. Сей на початку книг своих пророковал о четырех евангелистах Христовых и на конци о храме божием. А то велми сокрите.

Четверты пророк болший — Даниил, времен познаватель и всего света царств исказатель, час истый пришествия на землю Христова и смерти его ясней иных ознамуеть.

Пророци пак меньшие суть: Осия, сын Вериин, — первый; Иоиль, сын Фатуилев, — второй, о сошествии светого духа на апостолы являеть; Амос, пастырь и пророк господень, — третий; Авдей, он же и сказуется раб господень, — четвертый; Иона, сын Амафов, — той три дни суци во чреве китове тридневное Христово воскресение преобразовал, — пятый; Михей от Морасхи — шестый пророк посреди меншими, о том пишеть во книгах царств; Наум — седмый, пророкуя о Христе глаголетъ: «Сѣ на горах ноги исповедующего и благовествующего мир»; Аввакум —

осмый пророкуеть, глаголя: «Бог от полудня приидеть и святой от горы Фаран. Прикрила ест небеса слава его, и хвалы его полна ест земля». Софония, сын Хузиев, — девятый; Агей — десятый пишеть: «Съ еще мало и порушу небо и землю, и море и сушу, и погну всеми народы, и приидет чааный всём языком». Захария — один на десятый пришествие господьне во Ерусалим, седящего на осляти, пророкуеть; Малахия — два на десятый, а останочный от пророков менших. На конци же Ветхаго завета положены суть двое книги Махавеев. А тако имате первую часть Бивлии высловену.

Другая пак часть Бивлии, еже ест «Новый закон» спасительный, суть книги четырех еувангелистов, или святое благовествование: Матфея, Марка, Луки, Иоана, по четырех странах света имя господьне несуще, яко колесница, и престол живоначалное троици.

Затым Павел — апостол ко седма церквам пишеть послания, осмое ко евреем, Тимофея и Тита и Филимона научаеть, — сосуд избранный и вчитель всех народов.

Потом «Деания апостолская», о церкви Христове множащейся, святой Лука евангелист, лекарь к душному здравию, пиша науку даеть.

Потом святой Яков, Петр, Иоан, Иуда седм соборных посланией написали краткими словами, великое поучение нам оставляюще.

На конци Бивлии Апокалипсия, или възъявления, книга святого Иоана, положена ест. Колико слов имуще, толико таин в себе замыкающе.

О сих книгах всея Бивлии подле милости розуму моего розделы вократце положих. А в чем бых ся омылих — разумнейшие поправте, прошу вас для бога и для посполитого доброго.

Конец предсловию всея Бивлии.

ПРЕДОСЛОВИЕ ДОКТОРА ФРАНЪЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА В КНИГИ ИУДИФ-ВДОВИЦИ

Царство Асирское почалося ест от Веля царя, сына Немрофова, скоро по потопе. Он же почал силен быти на земли. Велов пак сын Нинос поставил ест град и назвал и именем своим — Нинива. В том граде царствовали суть тридесеть и седм царей лет тысячу и триста даже до царя Сардонапаля, — его же убил Арьба, воевода медийский,

и пресели царство то в Меды. А так пребыло ест до Цира, царя перскаго. Он же к тому имееше царство Вавилонское, понѣже Дарий царь, дядя его, убил был пред тым Валтизаря, царя вавилонскаго, иже бѣ шосьтый по цари Навходносоре, пленившем Ерусалим и Седехию царя Июдина.

Той Цир лета перваго царства своего выпустил ест жиды из пленения вавилонскаго — по седмидесяти летех по пророчеству Еремиину — и повелел им ити в Ерусалим и ставити храм господень, и вси сосуды церковные, еже был побрал Навходносор царь во храме Саломоновѣ, им вернул.

По смерти пак Цирове царствовал ест Камвизей, сын его. Того, ставячи на царство, прозвали суть Навходносором: той захотел не токмо царем быти, но и богом, яко же пишеть о нем во книзе сей. И для тое речи послал ест з войском Олоферна, воеводу своего, абы подбил вси земли под власть его. Евреи пак в том, не хотячи послухати, спротивишеся ему. И тако Олоферн, вшед в землю их, обляже наипервей град Вефулию. И с того града вышедши жена вдовица именем Иудиф, от нея же называется книга сия, отсече главу Олофернову, избави людей израилевых от руку его.

А для того царь Навходносор, или Камвизей, его же Ездра называет во книгах своих Артаксерсос, заповедал евреом, абы не будовали храму господня в Ерусалиме. А то ся делало пред нарожением нашего спасителя Иуса Христа из пречистое богородици девицы Марии лѣтъ пятьсот тридесят и девять. Потом на вселенском соборѣ в Никии святыми отци дозволена нам сия книга Иудиф чести к нашему научению, абыход, яко зерьцало, жену сию преславную пред очима имеюще, в добрых делех и в любви отчины не толико жены, но и мужи наследовали и всякого тружания и скарбов для посполитого доброго и для отчины своея не лютовали, понеже от прирочения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведають гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих,— тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають. Прото ж и сия вдовица Иудиф для места рожения своего выдала ест живот свой на небезпеченство, но господь бог для доброго умыслу ея помог ей, яко непобедимого от людей побѣдила.

Потреба теже ведати, иже сия книга Иудиф, яко книга Данила пророка и книги Ездры, еврейскими словами, но хальдейским языком наипервей от летописцев написана ест.

Конѣць предъсловія.

Богу в троици единому ко чти и ко славе,
Матери его пречистой Марии к похвале,
Всем небесным силам и святым его
к веселию
Людем посполитым к доброму научению.

ПРЕДЪСЛОВИЕ В КНИГУ ИОВ

Пишетъ святой Иаков апостол в своем соборном послании, глаголя: «Образ примите, братия, злострастия и долготерпения и трудов!» Пророки, иже глаголаша именем господьним, — «Се блажим тых, они же потерпеша. Терпение Иовово слышасте и конѣцъ господень видесте, яко многомилостив ест господь и щедр». Сия слова апостольскаа являют нам достоинство, святость и терпение святого Иова. О нем же пишется книга сия. И что ему господь бог за его терпение дал ест.

Достоинство его тыми словы знаменует, понеже нарицаеть его пророком. Он же глагола ест именем господьним. А ест воистину пророк божий, пророковал убо о востании из мертвых свѣтлей и явней всех иных пророков божиих, тако же о иных тайнах божиих. Святость же его знаменуется в тых словах, яко же рече апостол: «се блажим тых, они же потерпеша».

Яко бо злато искушается огнем, тако и святии божи терпением. Сам наш спаситель глаголетъ: «Блажени плачущиися яко тии утешатся». Терпение пакъ святого Иова ясне высловил святой Иаков, глаголя: «терпение Иовово слышасте!» А о том его терпении в сей книзѣ пишется. Прото, хоцещи ли ведати, елика потерпел ест святой Иов, чти часто сию книгу, по тому порозумеши и речеши, яко воистинну правду о нем апостол глаголетъ, и мѣзду, которую принял святой Иов от господа бога за тое терпение, в тых словах высловил: «Конецъ господень видесте, яко милостив и щедр господь: дал убо напоследы всего водвое святому Иову, елика же сперва имяеше; яко не до конца прогневается господь и кого караетъ, того милуетъ».

В сих книгах открил ест нам бог великие тайны святым Иовом. Напервей, чего ради господь бог на добрих и на праведных допускаеть беды и немощи, а злым и несправедливым даетъ щастье и здравие; теже о бѣдном и горком животе людском на сем свете и о конци добрых и злых; те же, которые зобижаютъ убогих, что на таковых бог перепушаетъ; также о различных дивех божиих, еже учинил ест во многих зверех, птицах и рыбах, и што ся в

чем знаменует; и о иных многих тайнах, яже чтучи, в сей книзе найдеш.

Делится же сия книга на главы, а главы ся делять на стихии, по тому ж яко и Псалътир ся делить. Поченши от третиея главы даже до останочное, вся сия книга стихами розделена ест,— яко же, чтучи, поразумееш.

И всякому человекѹ нужна чести, понеже ест зеркало жития нашего, лекарство душевное, потѣха всем смутным, наболей тым, они же суть в бедах и в немощах положены, надежа истинная востания из мертвых и вѣчного живота.

Прото ж я, Францишек, Скоринин сын с Полоцка, в лекарских науках доктор, знаючи сее, иже ест найвышшая мудрость размышлѣние смерти, и познание самого себе, и въспоминание наприидушие речи, казал есми тиснути книгу святого Иова руским языком богу ко чти и людем посполитым к научению.

Конец прѣдсловию.

ПРЕДСЛОВИЕ В ПРИТЧИ ПРЕМУДРАГО САЛОМОНА, ЦАРЯ ИЗРАИЛЕВА

Пишетъ святой Иоан во своем Еувангелии, иже наш спаситель рекл ест сия, в притчах глаголах вам,— «Приде же час, яко к тому не в притчах возглаголю к вам, но явѣ, о отци моем возвѣщу вам». Много крат преже того в притчах глаголал ест к нам господь бог, нежели принял человекство от пречистое богородици Марии.

Святыми отци и пророки, а наболѣй царем Саломоном, он бо просил ест от господа бога мудрости и разума. И отвеща к нему господь бог: «Понеже жадал еси у мене словѣси сего, а не просил еси собѣ дней многих, ни богатства, ни же душ врагов твоих, но жадал еси собѣ мудрости к научению судов,— се учиних тобѣ по словѣси твоему и дах тобѣ сердце мудро и смыслено таково, иже несть был пред тобою и по тобѣ не встанеть ин подобен тобѣ»,— яко пишеть о том во третих книгах Царств царей Израилевых и и во вторых книгах Паралипомена. И тако господь бог дал ест царю Саломону мудрость большую, нежели которому иному человекѹ. И сего ради называется прѣмудрый, понеже мудрейший иных был. Выкладывается же руским языком Саломон еже ест мирный или спокойный, понеже был мир и покой по вся времена царства его.

И написал ест царь Саломон трое книги к нашему научению. Первые, рекомые Параболѣ, то суть Притчи.

Вторые — Еклезиястес, а то ест Соборник. Третье же называются Песни пѣсням. А в тых троих книгах божиим повѣлением мудрость свою выписал, яко сам о том во притчах глаголетъ: «Се выписах ю трети обычаи».

В первых же сих книгах, еже словуть Притчи, пишеть о мудрости, о науце, о добрых обычаех, о заповѣдех, якося имамы справовати и жити на сем свете, глаголя: «Притчи Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, ко познанию мудрости и наказания, и ко зрозумению слова смыслена и ина».

Во вторых же книгах, рекомых Еклезияст или Соборник, пишет о суете, о празности и о краткости, глаголя: «Слова Еклезиястес сына Давыдова царя Израилева. Суета суетная и все суетно», та же далее. И тамо нас отводить от избытнее пращи сего светнаго жития и приводить ко вечному небесному житию.

В третих же своих книгах, еже словуть Пѣсни пѣсням, кажетъ, ест ли же в ласце милостиваго бога доконаем сего суетнаго жития, како имать душа наша радоватися с господем богом в царствии небесном, даючи нам приклад о любовнику и с своею любою глаголя: «Поцалуй мя поцалованием уст своих!» И даже до конца, яко же чтучи знай-дешь.

Притчи же нарицаются еврейским языком «масшлоф», а грѣческим — «параболѣ», по-латине же — «провѣрбия», а по-русским — «притчи или присловия», понеже иными словы всегда иную мудрость и науку знаменуютъ а иначе ся разумеютъ, нежели молвены бывають, и болши в собѣ сокритых тайн замыкають, нежели ся словами пишуць.

Делятся же сии книги на трое: первая часть ест от зачала даже до десятое главы, а вторая до двадцеть пятое, третья же до конца, яко же по початкох глав тых — первое, десятое и двадцетпятое поразумеешь.

В первой части пишеть якобы отецъ сына научая мудрости, разума, умения, страха божия и иных добрых нравов. Во второй же части царь Саломон кладеть притчи различныя, игде же едина каждая притча особливую речъ в собѣ замыкаетъ, добрую и злую, не имаючи жадинаго взгляду к задней или ко предней притчи. И в трѣтей части пишуцься присловья царя Соломонова, собранные от мужей наученых Езекиею, царем Иудиным, по смерти Соломоновѣ. Сия же останочная часть сокритей в притчах пишеть, нежели преднии двѣ. А то в прировнании одних речей ко другим.

Мовил же ест царь Соломон притчей три тысеци.

И сопсал своего складания стихов пять тысецей. И учинил розмолвение о прирожении древ и былин, поченши от древ кедровых, еже растутъ на горѣ ливанской, даже до травы ископф, еже растутъ при муре. И мудре повѣдел теже о прирожении зверей, птицъ, гадов и рыб, яко пишет о том в третиx книгах Царств царей Израилевых.

Пожиточны же суть сие книги чести всякому челоуѣку: мудрому и безумному, богатому и вбогому, младому и старому, набольи тым, они же хотят имети добрые обычае и познати мудрость и науку; долгота бо дней и лѣта живота, и мир приложатся им; милосердие и правда не оставятъ их, ест ли же пилне послушаютъ и соблюдутъ притчи положенные в книгах сих, якоже сам царь Соломон нижей о том глаголетъ. Ест бо в сих притчах сокрита мудрость, якобы мощь в драгом камени, и яко злато в земли, и ядро у в ореху. Кто ю найдетъ, сей найдетъ милость, и достанетъ благословения от господа, и придетъ к нему все доброе, посполу с нею хвала и честь безчисленая мощио ея,— она убо ест мати всех добрых речей и учитель всякому доброму умению, в ней воистинну ест дух разумности святой, единый, различный, смысленый, скромный, вымывный, движющийся, непосквѣрненный, истинный, сладкий, чистый, стальной, добротливый, и всякую иную имеющий в собѣ добрую цноту.

Прото я, Францишек, Скоринин сын с Полоцка, в лекарских науках доктор, разумея сее, иже без страху божия, без мудрости и без добрых обычаев не ест мощно почстиве жити людем посполите на земли, казал есми тиснути Притчи или Присловия премудраго Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, руским языком напред ко чти и к похвале створителю, спасителю, утешителю богу в троици единому и пресвятой, преблагословенной, пречистой матери его Марии и всем небесным чином и святым и святицам божиим, потом людем простым посполитым к пожитку и ко розмножению добрых обычаев, абы, научившися мудрости добре живучи на свете, милостивого бога хвалили по тому, яко же прилежит на великую высоту и велеможность имени его святого.

Конечь прѣсловия в книги Притчей премудраго Соломона, царя Израилева.

Сия книга, рекомая Притчи или Присловия премудраго Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, иматъ в собѣ глав тридесять и одну. Пишетъ же в них царь Соломон о мудрости, о страху господнем, о службе божией, о науце, о карании злых нѣравов и о научении цнот и добрых

обычаев, о хитростях женских, о царях, добрых и о злых, о справедливости, о суждех, о речах противных, о ненасыщенных, о зверях неких и о дивном приращении их, о речах трудных к познанию, и о иных многих различных речах.

А пишется сия книга тым же обычаем, яко и Псалтырь, и Иов, и Исус Сирахов, понеже каждая глава делится на притчи якобы не некия стихи или розделения, яже чтучи поразумееш.

ПРЕДЪМОЛВА ДОКТОРА ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ В КНИГУ ИСУСА СИРАХОВА

Исус Сирахов — он же написал ест книгу сию еврейским языком и потом из еврейскаго языка преложил ест на греческий язык на прозбу Птоломея Евереета, царя египетскаго,— сей был родом евреянин от колѣна Левгиева из преславнаго града Ерусалима сын Сирахов, и того ради нарецається Исус Сирахов. Сирах же был сын Исусов, сына Еседехова.

Того Исуса Еседехова, деда Исуса Сирахова, послал был Елиазар, ерей великий ерасулимский, ко Птоломею Филядельфови, царю египѣтскому во Александрию — он же был ест вторый царь во Египте по Александре великом Макидонском — и с ним седмьдесят и единаго мужей, избранных в законѣ божием и во пророцех и во всех иных писмех святых добре наученых, духа святого и философии исполненых, еврейскаго языка и греческаго досконале умелых. Сии же седмьдесят и два учителя выложили суть из еврейскаго языка на греческий закон божий, даный Моисею на горѣ Синайской. То ест пятеры книги Моисеовы, шестнадесеть пророков, книги судей царств, псалмы Давыдовы, мудрость Саломонову и иные многие святые писма, их же для краткости несть потрѣба тут меновати; и написали суть вси сие книги греческим писмом. И положил е ест царь Пътоломей Филяделф во книжници своей промеж иными книгами. В ней же имееше различных книг иных а иных более нежели четьырдесятъ тысящей. Таковый убо был милосник науки и мудрости, иже болѣй избрал оставити в науце и в книгах вечную славу и память свою, нежели во тленных великих царских сокровищах.

По смѣрти же сего Пътоломѣя Филядельфа царствовал ест во Египте сын его, Пътоломей Евреет. И той послал ест во Ерусалим по Исуса Сирахова, абы приехал к нему во Александрию.

И внигда беша Исус Сирахов во Александрии, в некий час внииде во книжницу цареву и узрел ест тамо множество книг различных и межи ими видел писмо и книги деда своего, Исуса Еседехова. И възрѣвновал ест тому дабы оставил теже и по собѣ память, яко и предковѣ его оставили суть, дабы память его не загнула во вѣки,— яко сам о том кратце пишеть во предословии своем,— и сего ради преложил ест книгу сию из еврейскаго языка на греческий, и назвал, ест ея «Панаретос», еже и сказуется — всех добрых нравов сокровище.

Писал же ест сию книгу Исус Сирахов пред нарожением господа нашего Исуса Христа из пречистое девици Марии лѣт двѣсте и девять во врѣмена Пѣтоломея Еверета, царя египетскаго.

Потом же, по нарожению нашего спасителя, лѣта четырьсотого двадесять и девятого святой Герасим-презвитер, он же беаша на Иорѣдани, выложил ея з греческаго языка на латинский и назвал ест ея «Екклезиастыкус», еже по руский выкладается «Церковник», понеже церкви святой ест сия книга велми потребна, все бо в ней о церковной науце и о нравех добрых пишеть. Наболѣй о мудрости, о страху господнем, о слове божем, о справедливости, о вере, о любви, о надежи, о чистотѣ, о службе божей, о долготерпении, о смирении, о милостыни, о крепости, о трезвости, о мерности, о почтливости, о щедроте о тихости, о друголюбии, о науце Закона божия, о послушании родителей своих, о справовании самого себе, о товаристве добром и злом, о похвале мужей святых, о славе царей праведных, о достоинности пророков божиих и о инших различных многих добрых обычаех и нравех, яко же чтучи в ней знайдеши. И елико крат в ней будеши чести, по каждом чтении новаго нечто научишися чего жь есь пред тым не умел, вся бо Саломонова и Арестотелева божественая и житейская мудрость в сей книзе краткими словы замкнена ест.

Просто ж и я для похвалы божей и для посполитого доброго и розмножения мудрости, умения, опатренности, разуму и науки приложил есм працу выложить книгу сию на русский язык, елика бо прежде писана быша к нашему научению написана суть, яко святой апостол Павел к римляном глаголетъ: «Сего ради милостивый бог з различных языков нам прежде писма ест послал, абы есмо чтучи е, его миловали, ему служили и вонь веровали, и к тому совершенные нравы имели и добрые дела чинили, яко бо без веры не можемы полюбитися богу, тако и вера без дел

мертва ест». Сия же книга сама нас добрых обычаев и дел научает более, нежели иные многие книги. Прото ж потребна ест ея всякому человекѹ чести.

Пишетъ же Исус Сирахов сию книгу по тому ж, яко и царь Саломон свое книги пописал ест, во кратких словах великий и многый разум замыкаючи, яко сам о том в предословии своем вышей глаголетъ: «Где же узрите нас последующе образ мудрости» и далей, «то ест мудрости Саломоны».

Делится же сия книга на двое. Едина часть от зачала книги даже до čtyрдесят четвертое главы. А в той части приводить нас к мудрости и к добрым обычаем путем разуму. Вторая же часть починается от čtyрдесят четвертое главы даже до конца. В сей же части приводит нас к святости и к добрым делом путем прикладу, припоминачи нам жития святых, како добре поживши на свете по смерти достали суть вечное славы.

Конецъ предсловія.

СКАЗАНИЕ ДОКТОРА ФРАНЬЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА В КНИГИ ВТОРАГО ЗАКОНУ МОЙСЕОВА

Людьское естество двояким законом бываетъ справовано от господа бога, то ест прироженным а написаным.

Закон прироженный в том наболей соблюдаем бываетъ: то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хощеша от иных имети. А на том, яко науднении, вси законы писанныи заложены суть, нашему спасителю Исус Христу, глаголющу: «Вся убо елика аще хошетъ да чинять вам человекѹци, тако и вы чините им; съ бо ест закон и пророци». Съи закон прироженный написан ест в серци единого каждого человекѹка, апостола Павлу, пишущу: «Егда бо языци — они же закона не имають — естеством законная чинят, сии закона неимуща сами собѣ суть закон, иже являютъ дело закона, написано в сердцах своих».

От зачала убо веков, егда сотворил бог первого человекѹка, написал ест закон сей в серци его. Прото ж Адам и Евва, первии родителе наши, познали суть грех свой, иже не послушаша створителя своего, и для того сокрилися от лица господа бога посрѣди древа райскаго. Каин теже познал ест грех свой, иже убил брата своего Авеля, прото ж и рече: «Болши ест безаконие мое, нежели бых могл мило-

сердие умолити». Тым же обычаем и нынѣ единый каждый человек, имея разум, познаеть, иже непослушание, убийство, прелюбыдеание, ненависть, татба, несправедливость, злойманье, неволя, досаждение, гордость, злоречение, нелютость, клеветание, зависть и иная тым подобная злая быти, понѣже сам таких речей от иных не хоцеть терпети. А тако прежде всех законов или прав писаных закон прироженный всем людем от господа бога дан ест, и весь во едином словеси скончается: «Возлюбиши ближнего своего, яко сам себе».

Закон же написанный или от бога ест данный,— яко суть книги Моисеовы и светое Евангелие, или от людей уставленный, яко суть правила светых отець, на сборех написанные, и права земская, еже единый каждый народ своими старейшими ухвалили суть подлѣ яко же ся им налпей видело быти. А прото ж межи собою ся не сровнають, понѣже иные, а иные иным, а иным языком ся любить, толико в том хотят ся згожати, абы были права их или закон почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подлѣ приращения подлуг обычаев земли, часу и месту, пригожий, явный, не имея в собѣ закритости не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный.

Кто ж пак найпервей з людей во своих народах почал е писати? О том кратце ткнул есми во предословии своем, еже на перьвыи книги Царств.

И вчинены суть права или закон для людей злых, абы боячися казни усмирили смелость свою, и моци не имели иным ушкодити, и абы добрыи межи злыми в покои жити могли, яко святыи апостол пишет: «Вѣмы убо, иже добр ест закон, аще кто им законне дееть. Ведяще сее, яко праведному закон не ест положен, но неправедным, и непокоривым, немилостивым и грешником, не учтивым и сквѣрным, отцу досадителем и матери досадителем, убийцам и блудником, мужеложником и скотоложником, лъгарем и кривоприсяжцем и иным всем, они же здравому вчению противляются».

Потреба теж вѣдати, иже закон или право различне ся от людей называеть. Едино — посполитое, понѣже от всех народов посполите соблюдаемо ест, яко мужа и жены почтливое случение, детей пильное выхование, близко живущих схожение, речи позыченное навращение, насилию силою отпрение, ровная свобода всем, общее имение всех. Тым законом живяху верующии во Христа по вшествии его на небеса, яко пишет: «Народу же веровавшему бѣ сердце едино и душа едина и имение едино; никто же, что от имения

своего глаголаше, свое быти, но бяху им вся обеща».

Другое право — языческое, от многих убо языков ухвалено ест, яко земля чужих мечем достование, градов и мест утверждение, послов без переказы отпущение, миру до часу прирченого выполнение, войны неприятелем своим оповедание.

Иное — царское. О нем же пишет Самуил, глаголя: «Тое будеть право царево: побереть сыны ваша и наделаетъ с них езцев и гоньцев, и встановитъ себе воеводы, о сотники, и ратае поль своих, и коваче зброй своих и прочая». Прото ж и апостол пишет: «Повинитесь убо всякому созданию человекюю господа ради, аще царю, яко преобладающему, или князем, яко от него посланым на отмщение злодейцем, божий убо слуга есть к доброму твоему. Естъли же зле чиниши — бойся: не без ума бо мечь носить». И паки пишет: «Воздадите ж всем долги, ему же урок — урок, ему же дань — дань, ему же страх — страх, ему же честь — честь».

Некое же право — рыцарское или военное, еже на войне соблюдаемо бываеть, яко справовати полки, знати своя места, розумети глас труб, делити користи, давати оброки. О сем пишет евангелиста: «Вопрошаху же его воины, глаголюще: «и мы что сътворим?» И рече к ним: «Никого не обидте, не оклеветайте и довольни будете оброки вашими».

Иное пак право — мечьское, иное — морское, а иное — купецкое. О тых всех и о иных писати для краткости преставаю. А вси тые права или уставы божии закон в себе замыкаеть. Он же ся делитъ на двое: Ветхий, яко суть пятеры книги Моисеовы, а наболей сии, рекомый Второй закон, понъже что в первых четверых широце выписываеть, то в сих кратъце забираеть. А сей Ветхий закон до воплощения слова божия держан имел быти святому Павлу, пишущу: «Егда же прииде сполнение летом, посла бог сына своего, рожающагося от жены, бывающаго под законом, да тых, они же под законом, суть искупить и вместо сынов е приметъ». И ту ся почал Новый закон, спасителный; он же до скончания веков пребудеть самому збавителю, глаголющу: «Небо и земля мимо идеть, а словеса моя не могутъ пройти».

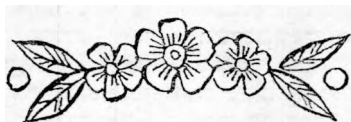
Ведал ест Моисей духом светым о законе новом Христовъ, иже имел по нем быти Второй закон ласки, то ест светое Евангелие, и на знамя того написал книги сии Втораго закона, прото ж и поведед в них, глаголя: «Пророка з народу вашего и от братии вашей, яко мене, возбудить вам господь бог ваш; того послушати будете». Сии два зако-

ны: Ветхий и Новый, вси три светии патриархи пред Моисеем указовали — болшему быти последнему, нежели первому. Авраам два сына имел ест: единого от рабыне, а другаго от свободныя. Но той, иже от рабыне, по плоти родился, а иже от свободныя — по обетованию; еже иначей бывають сказаема — сии суть два законы. Един от горы Синай в работу ражая, еже ест Агарь,— Синай убо гора ест во Аравии, прилучаетъ же ся к нинешнему Ерусалиму,— и работает со чады своими. Вышний же Ерусалим свободн ест, и той ест мати всех нас.

Исаак, хотяй старейшему сыну дати благословѣние, и дал е младшему. О нем же речено ест: «съ болший поработает меншему». И яко же пишеть: «Якова возлюбих, Исава же возненавидех». И Яков по тому же учинил, благословяя сыны Иосифовы,— на младшего положи руку правую, а на старейшего — левую, крест Христов ими выобразуя и закон новый болший быти, нежели Ветхий, знаменуя.

Теже Моисей, хранящим закон Ветхий, не обещовал толико землю добрую, текущую млеко и медом. Наш же спаситель, Иисус Христос, обещуетъ, полнящим закон новый, светое Евангелие, отпущение грехов, ласку Божию, дары духа святого, живот вечный, царство небесное, яко сам ко апостолом рече: «Аминь глаголю вам, яко вы шедшеи по мнѣ в паки бытие, егда сядеть сын человеческий на престолѣ славы своея, сядете и вы на дванадесети престолѣх, судяще обемонадесетема коленом Израилевым».

Конѣцъ сказанию.

ЛІТАРАТУРА ДРУГОЙ ПАЛАВІНЫ XVI — ПЕРШАЙ ПАЛАВІНЫ XVII СТАГОДДЗЯ

СЫМОН БУДНЫ

(1530—1593)

[ПРАДМОВА ДА]

Освенцонных княжат и панов их милости панов Николаев Радивилов, княжати на Ольще и Несвижу, воеводы Виленьского, навъшшего маршалъка и канцлера великого князства Литовьского и далей, а княжати на Дубниках и Бержах, воеводы Троцкого, великого гетьмана великого князства Литовьского и далей. Сыном перьворожоным их милостям, княжатом молодым, паном Николаем Николаевичом Радивилом от бога отца через Христа, единого сына его в духу святом, утешителю, ласки, покою, и вечного благословенья верьного христового збору братья, а слуги их княжацьких милости, верьне жадають.

Бог всемогучьй, освѣцонные а милостивые княжата, потому ся всегды напротив грѣшному человѣку заховал, ижь хотя жь сам от него отходил, пред ся его дивным обычаем от блуда и грѣхов выривал. Тако ся напервей ко оным першим родителем нашим показал. Сих бо, — по оном их тяжком упадку, а по утраченью оногo образа и подобеньства божиего, на который были створени в оной первой невинности, святости, справедливости и у правде, — з особливого милосердья своего, в гнѣве своим не рачил зоставити, але ужалившись над их упадком рачил им, заразом и всему потомству их, предивный ратунок урадить, а таковое племя обещаць, через которое мѣла быть стерта голова проклятому противнику сатанѣ, и оный упадок знову мѣл быть направлен, и оная первая невинность и справедливость привернена, которое то обетници, о сосланю того светого насенья, ухватившись вѣрою, первые родители наши оною ся ажь до смерти тѣшили и оною жь приверьненого благославленого живота доступили. Так же сынов и потомств-

ва их, колько кротъ, коли хвала панская нарушена бывала, николи пропомянуть не рачил. А потому жъ, по оном грозном всее плоти через потоп зглаженю Ноя, а потом Авраама, Исаака, Якова, патриархов святых и всих дванадцати поколений израильских, которые вывел з Египту, тот же от веков милосердный бог занехати не рачил, але им опять оную свою обѣтницу о насенюю благоденствем якобы знову отновил, в котором мѣли быти благоденствены вси народы людские. А тое насенюе, водлуг выкладу апостольского, называется Христос.

А так явне ся и з старого и з нового закону оказуе, ижъ пан бог всякого человека упалого опушати не рачил, а опять ни через жадного иншого збавити не хочеть — одно через Христа пана, оное вечное в благоденствованое сѣмя, спочатку в раю обещаное, а водлуг выполненя часов, с пречистое девицы нарощеное.

Так жеть и теперь, освѣщенные а милостивые княжата, нам, остатнему потомству отцов наших, и пред остатным днем, содравшы слепоту от сердец и очью наших, через духа святого и светлость Евангелия сына своего, отец оный всего милосердыя учинити рачил, же нам оную выполненую вечную обетницу Христа пана, которую нам был сатан в пропасти римского и греческого Вавилона затмил, слово его святое нарушил и тайны посквернил, знову праве объяснить, а яко пальцем оказати. А нас, с тое Содомы антихристовой вырѣвавши, опять знову ку истинному збавителю притегнути рачил, которого тут, в тех малых новое кузни книгах, оным славным, здавна далеко росъширенным словенским языком суть накоротце пописаны права. А вашим княжацким милостям, яко тех двух в той Речи Посполитой славных одного кореня филиаров, сыном не иным жадным умыслом, одно, яко и оног часу (абы ништо иначе не судил) и святой Лука евангелист побожьному а зачному Феофилу двое книг своих приписал для много слушных причин, — поданы и приписаны, а звлаща для, зараз з млодости в сердцах из зачатя и занятя милости ку слову божиему. К тому тѣж и для того, абы ся ваши милости не только в чужоземских языцѣх кохали, але бы ся теж... и того здавна славного языка словенского розмиловати и оным ся бавити рачили. Слушная бо речъ ест, абы ваши милости того народу язык миловати рачили, в котором давньные предѣки и их княжацкие милости пановѣ отци ваших милости славне преднейшие преложеньства несуть.

А так он, который сам всего початком и единым от веков збавенья поводом ест пан бог всемогучый, и ваши княжац-

ские милости еще в молоденстве и знайти рачил. Рачте ж прото его доброты святое въдьячными быти а такого гостя зотворонными сердцы приняти, якобы есте были с такого навеженья вдьячными сыны узнаны. Ботсе вашим княжацким милостям, яко се вышей доложило, тот первородный в том языху плод только для самого того офьяровал, абысте ваши княжецские милости зацного стану княжата, а передьнейших вожов сынове, всим иншим с себе добрый взор а приклад давать рачили, а тая отчизна и Реч Посполитая з ваших милости благославленное надеи ожидать могла.

Яко есте тогды ваши княжацские милости с одного кореня леторосли, рачте ж ся зачатъ и в том одном правдивом, верном спольку множить и ростъ, абы есте ваши княжецские милости были не только с повинности одное крови, але и з единости одного гасла, единого гетмана Христа рыцерьями и братьею а сынми единого навьшшего бога! В чом ваши княжецские милости рач помножить и ублагославить бог отец через Христа, единого сына своего, в духу святом утешителю нашим. Того мы вашим княжацским милостям от нѣго жь самого сердечне жичимо.

А то, што ся на тот час, хотя не с таковое годьности, якое бы святыя таблицы божие достойны были, але з якого жь колвек даного таланту вѣрне от вѣрного Христова збору братьи, а слуг ваших княжацских милости, на том новом початку накоротъце выдать могло, просимо: «Рачте, ваши княжацские милости, дотуль з ласкою завдячне примовати, покуль пан бог до чого большого допомочи будетъ рачил!»

Дан* з города Несвижского, от въплощенья Христова в року тысячном пятьсотном шестьдесятом и втором, месяца июня, дванадцатого дня.

Ваших княжацских милости повольные слуги:

*Матфей КАВЕЧИНЬСКИЙ,
Симон БУДНЫЙ,
Лаврентей КРИШКОВСКИЙ.*

К ВСѢМ БЛАГОВѢРНЫМ ХРИСТИАНОМ ЯЗЫКА РУСКОГО ПРЕДЪСЛОВИЕ В КАТИХИСИЮ

Катихисис — слово ест греческого языка, сказует же ся на словенскую рѣчь — Оглашение или гласом учение.

Вѣдомо бо маеть быти, ижь апостоли и их ученици не тако скоро и не так латвѣ, от еллин или от жидов к вѣре Христовой приступующись, тайнами святыми служили. И окрестил убо Пётръ и иншии апостоли на день съшествия

святого духа от людей израилевых три тисечи, але умиливши их ся сердцем и любезно приемших слово окрестил Филипп, иже от седми диакон царици Муриньское земли каженика или скопца, але аже из Муриньское земли в Еросолим поклонитися приехавъшаго, а наболей через ангела показаного, от себѣ научоного и еще вѣру о Христе, ижъ сын божий ест, исповѣдавъшаго.

Окрестил Петр еще Корънилия, але оного, которого молитвы и милостины възыдоша пред богом, оного, о котором глас божий в видении по три крять рече, иже бог очистил ест, ты не скверъни, оного, на которого дух святой видимым образом еще научающу Петру напал. Окрестил апостол Сила сторожа темъничного в Филипъпусѣх, але ажъ перъвей к апостолом каючися поведѣл: «Господие, что ми подобаетъ творити, да спасуся?!» Але аже перъвей Павел и Сила глаголаста ему слово господне; еще аже перъвей понял их в дом свой и омыл их раны. Инъшие мѣста опускаю. Досыт бо явѣно, ижъ апостоли никого от поган и от жидов не крестили, аже перъвей оного научили и в вѣре искусили.

Потом пак и труднейшее искушение было настало на хотящих креститися. Находим бо в посланиах учительских и в некоторых правилѣх, ижъ котории ся крестити хотѣли, перъвей через немалый час повинѣни били опричь в церъкви стояти, на колѣна припадати, чтение евангелское услышавъши, а наболей, коли уже мѣлася вѣчера господня зачинати, вѣн из церъкви выходити, певный час поститися и на каждой недели в четверг «вѣрю» пред епископом или пред презвитером исповѣдати. А докул таковыя речи кто выполънил, крещон не был, але такового звано оглашеным, а по-гречески — катикуменос. Науку пак их таковую Оглашением, по-грѣчески, — Катихисис.

Был то обычай вельми потребный и пожиточный, бо затым многие и в познание бога и его правды приходили, и в святом житью росли и укреплялися. К тому и учителя мусели своего уряду быти пильными. Лечь диавол не допустил сему обычаю долъго межи христианъми стояти, свящим бо челоувѣком, по слову евангелскому, прииде и вѣсѣял плевелы, се ест, коли ся ленили учити людей, научил их диавол, абы вѣрили, ижъ без науки, без вѣры и без исповѣдания можетъ челоувѣк спасен быти, тольки бы водою в детинствѣ окрещон был, а пришедши к разуму, только бы в певные дни мяса не ел, милостину хотя жь от злого набытя давал, святым ся молил и таковыя речи заховал.

А на остаток на тое ся спущали, естли кто мѣл, што бы попом по души дал, абы тѣло на посвященной земли поло-

жили, проводили, поминали, третины, девѣтины, полсорочины, сорочины, польгодини и години и инѣшїе таковыє вымыслы чинили. Для того имения, села, мѣста отписовали, монастыри и будованые церквы надавали, або знову будовали колоколы, потирионы, дыскосы, ризы, иконы или балваны куповали, надѣваючися для такowych справ спасения, царствия божиего и живота вѣчного. Все тое, мовлю, затым в церквоу Христову вошло, ижъ онъ святой обычай, которого ся первая церквоу по повелению Христову держала, допустили диаволу вывести, а шкодливы онъ плелъ вѣсѣяти. Христосъ бо рече: «Шедшеи, научите вся языки, крестяще их!» Тии пакъ не только не научаютъ, але и сами мало правды знаютъ и онымъ, котории бы учили хотѣли, забраняють. Не иначе, но яко предъ тымъ законъники жидовскїе. О нихъ же господь рече: «Горе вамъ, законъникомъ, яко взясте ключъ разумению сами не внидoste и вхождающимъ възбраните!» Не надобѣ о томъ много писати. Все бо вѣдаемъ, яковыхъ теперь учителей маемъ.

Вѣдаеть весь свѣтъ, яко на свои степени вѣстають. Не тайно тѣ же, яко на нихъ стоять и справуются. Лепшею плакати, нежели ихъ норovy выписовати. Оно певная рѣчь, ижъ напрасно ихъ поправления в науцѣ или в житии ждати. Лучшей, абы каждый, кто не хочеть згинути, иншого собѣ лекарства за часу искалъ, а такowymъ постыромъ покой дал. Тако бо повелѣваетъ господь, гдѣ к апостоломъ, се естъ всѣмъ учителемъ рече: «Вы есте соль земли! Аще же соль обуяеть, чимъ осолится?» Ни в что же будетъ к тому, точию да и ссыпана будетъ вонъ и попираема человеки. Солью называетъ всехъ учителей, яко бо соль заховуеть што ею посолится, абы не провоняло. Тако и учитель наказаниемъ, поучениемъ и напоминаньемъ заховуеть людей отъ духовное гнили. Але если того не чинить, повелѣваетъ господь вонъ его выкинути и потоптати, яко соль, естли бы одурѣла, або силу свою утратила. Чого жъ для непослушни есмо того повеления самого сына божиего?

Заисте бы непотреба сего слова мало важити. Повинни бы есмо и на оное слово памѣтати: аще слѣпецъ слѣпца водить — оба в яму впадетася. Слышиш ли, възлюбленный мой брате, ижъ ты самъ господь остерегаетъ, абы есь в яму не упалъ? Упадеть всякъ, кто ся слепому водити допущаетъ. Чого жъ для от такowychъ слепцовъ не бежимъ? Чому ся имъ водити допущаемъ? Смилуйся уже каждый над собою бога для. Встани от сна, уже пора обачитися. Досить есмо вже спали, коли есмо за справою силъ слепцовъ ни бога знали, ни о спасении своемъ на чимъ лежить вѣдали. Нехай то былъ часъ

гнѣва божиего за грѣхы предков наших, который ся за преданиа, або лепей за сны и стареческие басни, взявши, слово божие были опустили. Мусило тако быти. Бо и святин апостоли о том прорекли и написали: Наболей Павел, сосуд избран Христов, тако к солуняном пишеть: «Послеть,— рече,— бог дѣание лъсти, вѣровати в лжу, да суд примут вси невѣровавшии истиннѣ, но благоволиша неправду».

Розьсмотри, молю ты ся боголюбче, естли ся сиа речь святого апостола, мовлю, вышших часов не збыла? Апостол здѣ пишеть, яко бог мѣл послати дѣание лъсти. Сиа леть чиа быти мѣла? Хиба оного, который еще в раи родителей наших прельстил? А как же тогда прельстил; толко ижъ Евву от божиего слова отвѣл? И иным обычаем ему прельстити нельзя. Докуле бо человек держится слова божиа, дотуле заблудити не может, поневажъ свѣчу, которою себе свѣтитъ, маеть. По оному слову свѣтилник ногам моим — закон твой, и свѣт стезям моим. Але естли тую свѣчу потѣряеть, мусить кождый заблукатися и, яко слѣпец, дороги рукою шупати, яко и апостол повѣдаеть. Прото пророк рече: «аще не был господь Саваоф оставил нам сѣмени, яко Содом убо были быхом». Сѣменем слово божие называется. Тым ти обычаем диавол прельщаеть. Вѣдаеть бо, ижъ скоро люди отступять слова божиего, уже все, што он схочеть, учинять. Для того и сих часов на тое был привел, ижъ слова божиего учителя не казали. Зачим всякие злы речи в церкви силу взяли? Лечь нынѣ бог милостивый, ужалившись нас, открыл нам грѣшным слово свое правдивое и что день значней откриваеть. Учителей ачьколвек зрѣдка вѣрных посылаетъ. Прото годится и нам всѣм мѣтися к тому самым, абы есмо тое неизреченное ласки вдячни были, слово божие объма, яко мовять, руками приняли, держали, по ему жили и иных к нему приводили. А ижъ жатва многа, дѣлатель мало, того для аз недостоин, от святыя церкви служителей наменьший, сию книжку от божественных писаний написах, абы вси слова божиа и истины разумения жажущии мѣли, чого бы ся и сами учили и дѣток своих научали.

Знаю тое, ижъ бы потреба сию науку достаточней выписати, але тако и час и приумение наше знесло. А ведь же напотом, естли будетъ божиа воля, может ся ширей у другое управити. Наболей четвертая часть, се ест о святом крещении и о вечери сына божиего, помыслити можем опричную книжку выпустити. Ласка господа нашего Исус Христа с всеми вѣрными. Аминь.

Писан у Клецку под лѣты вплощения господа и спаса и бога нашего Исус Христа 1562, июня 10 дня.

ФІЛОН КМІТА-ЧАРНАБЫЛЬСКІ

(1530—1587)

Л и с т 7

ДО ПАНОВ РАД ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Освецонные а ясневельможные милостивые панове рада Великого княжества Литовского, панове, панове мои милостивые!

Даю ведати в (ашей)¹ п(анскей) в(ельможности), паном своим милостивым, тых часов, марца третегонадцать дня, в субботу, приехал до Орши з Олександровы Слободы служебник мещанина виленского Лукаша Мамонича* на имя Алексей, которому дня вчерашняго, в пятницу, две недели минуло, як з Олександровы Слободы выехал; а як з Москвы выехал, вчерашнего дня; в пятницу, марца второго, одинадцатый день минул.

Тот Алексей о князю великом московском дал таковую справу, иж на тот час ест в Олександрове Слободе з обема сынми своими.

О справе его найпервей тое поведил, иж с черемисою и татары нагайскими перемирие взял, которые при бытности его князю великому и присяги чинили, и дары великие отнесли, и были честовани через колько дней великими достатки, на которых, де, честях и тот Алексей з иными купцами тых панов е(го) к(о)р(олевской) м(и)л(ости), государя нашего милостивого, межи ними был. И вже, де, запевне князь великий при обех тых царствах — Казани и Астрахани преспечно зостал. И чинили, де, ему присягу не только о тые царства з ним покой заховать, але и противно каждого неприятеля его ему помогати. Яко ж, де, за певнее того там же тые купцы выведали, иж, де скоро о святках*, по всех границах панства его к(о)р(олевской) м(и)л(ости) Великого княжества Литовского войска татар нагайских и черемиские будут, где бы до часу того покой з ним зоставен не был.

¹ У дужках падаюцца зробленыя даследчыкам літаратуры А. Ф. Коршунавым расшыфроўка тытулаў асоб, запаўненні пропускаяў слоў, злучнікаў ці цэлых выказаў, без якіх губляецца сэнс сказа.

А к тому и о том, де, так слыхать, и сами, де, москва некоторые, панствам тым жычливые, о том так говорить, где, де, в том року государ ваш з ним, государем нашим, дела якого делати не будет, на другой, де, год будет трудно до всего прийти.

К тому поведил тот Алексей тые новины, иж, де, при бытности их от цара перекопского был у великого князя посол, которого, де, приймавал у городку у Братошине, межи Александровую Слободую и Москвою, в посьродку по колкодесят верст.

И коли, де, того посла приймавать мели, сам, де, князь великий сел на местцу своем государском и вложил шлык на себе бараний, а ермяк сермяжный, а перед ними держали топор*. А сына, де, посадил подле себе в таком же убере.

И коли, де, посол перед него пришел, посельство справовал, в котором посельстве мовил от цара, абы ему давал с каждое головы людей своих по гривне, а Казань и Астрахань привротил, хочечи вечный мир сам через себе и на потомство свое з ним и потомству его заховати. А если бы того всего князь великий учинити не хотел, он ему обещал от цара, иж в него будет гостем на лето*, а в поминку подал ему от цара нож голый*.

То пак, де, князь великий, гды выслушал посельства, отказал, де, тому послу тыми словы: «Цар, де, господар твой, просит мене о дань, ино, де, нечего дати — он мене всего сам ограбил, а то ты, посол его, видиш, в чом я тепер сежу и ничего не маю, а што маю, то посылаю».

Знявши, де, тот з себе бараний шлык, а з сына такой же другой, и тому послу дал.

«А што, де, мне упоминается о царства мои, тому, де, быти не мощно. А обещаетса, де, ко мне на лето быть гостем, я, де, его жду и браги*, де, дополна навару. А послал мне через тебе, посла своего, нож, а я ему посылаю топор»*. И с тым того посла (отправил).

И тот же Алексей поведил, иж если бы, де, его не зашло таковое от цара перекопского посольство, бралсе, де, вельми охотно до Москвы, а з Москвы готовано, де, ему стацею* аж до Якимова Починку. И што, де, которых людей, стрельцов потроше чесных, прислал был до Смоленска, ино, де, есми слышал тое, же и тых зась обернут до войска. Бо, де, вже заразом росказано, скоро по отправе того посла перекопского, всей земли готовится против татар на берег и на Оку реку. В(аши) п(анские) в(ельможности), панове мои милостивые, о всем том рачте ведеть.

С тым жычечи в(ашим) п(анским) в(ельможностям), моим милостивым паном, в ласце божей при добром здровью фортунного панованя.

Писан у в Орши, месяца марца 13 дня, року 1574.

Л и с т 10

ДО ПАНОВ РАД ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Освецонные а ясневельможные, милостивые панове рада Великого княжества Литовского, панобе а панове мои милостивые!

Тых часов, месяца апреля 11 дня, на самый Великдень, в обед здесе до Орши приехал посланец от воеводы смоленского, дворянин князя великого на име Иван Зверов, который дал мне листы зашытые за печатми самого князя великого.

Один лист писанный до е(го) м(ости) панов рад Коруны польское, а другий лист писанный до в(аших) п(анских) ве(ельможности), панов рад В(еликого) княжества Литовского. Которые листы в целости, яко мне ест даны, до в(аших) п(анских) м(илостей) посылам и за то покорне прошу, абых от в(аших) м(илостей), панов моих милостивых, о то писание до себе мел, естли тые листы врыхле до в(аших) п(анских) м(илостей) дойдут. Бо тот посланец воеводы смоленского коло того пильное всказание до мене мел и просьбу чинил, иж бых тых листов не омешкал (послать), днем и ночью до в(аших) п(анских) м(илостей) поспешить.

Только то и сами в(аши) п(анские) в(ельможности) ведать рачыте, иж мне, слуге в(аших) м(илостей) пограничному, о посылки таковыя трудно для того, иж на страву давать не маю чого. И яко велекроть о то до в(аших) п(анских) м(илостей) пишу, оповедаючи и чолом биючы, и просечы, абых поратоване на то, которое з скарбу е(го) к(о)р(олевской) м(илости) мел.

В(аши) м(илости), панове мои милостивые, не только мене, слуги в(аших) м(илостей), в недостатку моим ратовать в том, але и отпису жадного до мене, служебника в(аших) п(анских) м(илостей), чинить не рачыте.

А прото ж нехай то будет при воли государской и в(аших) м(илостей), нехай се моим недостатком — чого, боже, не дай! — Речи Посполитой потреба не затрудни, а мене,

слуги в(аших) м(илостей), вже больш ку знищеню не приводи.

Я вже, слуга в(аших) м(илостей), мам за свое. Нехай же тое Оршы иншы хто з товариства моего, слуг в(аших) м(илостей), скоштуе. И теперь на тое выслане, абы не была ласка служебника е(го) м(илости) пана подскарбего, пана Головни, и тых листов до в(аших) п(анских) м(илостей) не имел бых чым выслать. Аж пан Головня, видечи так пильную потребу, тому посланцу на страву дал, а я не маю за што и хлеба купить; з голоду з слугами и з шкапами здыхам.

А о князю великом тот посланец, дворанин его, дает справу, иж, де, ест на тот час на Москве. А его, де, с тыми листы, едучы ему на службу з Смоленска против татар на Оку реку, посланец князь великого в дорозе поткал и з дороги е(го) здесе до Оршы звернул.

Яко ж сего ж дня, на Великдень, рано перед обедом, слуга каштелин (кашталянаў) з другим товарищом своим, влохом Антонием, которые просто з Александровы Слободы од князя великого с товары своими выехали, были (у мене) и дали ми тую справу, иж, де, ест (князь великий) у великой непреспечности от татар, и весь люд свой зе всих украин и зе всих городов обернул против татар на берег. А сам, де, Великдень мел прыймовать на Москве.

А к тому и от иншых шпегов своих вем, иж вси скарбы свои з Александровы Слободы до Новгорода Великого выпровадил и там, де, се и з сынми своими оборочает, бо, де, индей нигде местца преспечного от неприятель не мает.

А король, де, шведцкий вельми ему доробил, и теперь, де, войска шведзкие в земли его ест, и ратунку, де, жадного не мает чым учинить.

В(аши) м(илости), панове мои милостивые, рачте о том ведать. А штом в листе моем до в(аших) п(анских) м(илостей) писал и завжды пишу о нендзы моей оршанской, прошу покорне, абы то в(аших) м(илостей) панов моих милостивых, не ображало, бо голодному смерть на уме, и в таком опатреньи лепшей ми ест умереть, нижли живу быть. А то ж вже, кому хотечи, оставляйте Оршу, а я уже до государа е(го) м(илости) еду. Большой силы моей стать не може, бо юж в обетницах старость зашла, а потом смерть найдет, а сором пропал.

А естли каждый о себе мыслить, и я пак, милостивые панове, чы бестыя, абы о животе моим промышлять не

мел? Будет добро — будет. А не будет — горш сего не будет. А ничого! Межи людей, а не на стороне згину.

Инного на тот час не маючы чого писать, себе и покорные службы мои милостивой ласце в(ашим) п(анским) м(илостям) пильне поручам.

Писан в Орши, апреля 13 дня, року 1574.

Л и с т 12

ДО ГЕНРИХА ВАЛУА, КОРОЛЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Найснейший милостивый господарю, королю наш милостивый! Иж пан бог сотворитель с презренья ласки свое божской рачил вашу королевскую милость, господаря нашего милостивого, з отчизн хвалебных вашей милости до тых, тут славных панств в добром зоровью принесть и на столицы незвытежоного королевства посадить. Дай же, пане боже, абы в(аша) м(илость), господар наш милостивый, на тых панствах над нами, верными поддаными своими, счастливе и фортуinne з благословенством божьим пануючи, нам хрестиянским, милосердым и справедливым паном быти рачил, и от неприятель своих господарских и наших милостиве боронил, которых абы пан бог всемогущий помочью ласки своее святое рачил тлумить и под ноги вашей королевской милости положить. А што пана бога, яко верные подданные в(ашей) м(илости) господарские, повинны есмо просить...

При том даю в(ашей) м(илости) ведать: дал ми знать воевода смоленский, иж гонец господаря его, великого князя московского, Федор Елизарьев, сын Елчанинов, до вашей милости господарской о милости идет, который будет на границах панств в(ашей) м(илости) господарских в сую середу пришлюю, месяца июня девятого дня, с которым почту двадцать человек, а коней двадцать два. Ваша королевская милость, господарь наш милостивый, о всем рач ведать.

Одно ж ми, найменшому слuze в(ашей) м(илости) господарскому, того потреба ведать и науку меть, кого (на) устречу против таковых гонцов, посланников и послов до границ высылати маю? Гды ж шляхта тутошнего уряду, которые были того повинны, вольностями прав шляхетских от того ся боронят и в тых послугах послушенства ко мне не чинят. А к тому, до кожного такового гонца и до послан-

ников и послов, давши приставы*, што маю на страву давать и отколь той брать? Так теж и тым моим посланцом, которых вперед яко з ведомостью до вашей господарской милости, так и з новинами пильными высылати буду, отколь на страву брать?

На тое все в(ашу) м(илость), господаря моего милостивого, о ласковое, милостивое опатренье прошу, абы ся недостатком моим речь в(ашей) м(илости), господарская и посполитая, в чом не затруднила и не замешкала.

То теж в(ашей) м(илости), господарю моему милостивому, ведать даю о справе неприятеля в(ашей) м(илости) господарского — великого князя московского, чого есми через шпегии мои выведал, иж, дей, на сесь час сам, особую своею, и с обоими сынами своими ест в Олександровой Слободе и на запусты Петровы*, то ест на день Троицы святые римского свята, мает быть у Серпухове, межи Калуги и Коломны, напротивку татар, которых ся запевне сподевает до Москвы к святому Ильи*.

Татар, поведают, войска великие, межи которыми три царевичи, а стоят уже в земле его, в полях пустых, на урочищах в Лужках Овечиих. Ино против них зготовал, дей, войска свои немалые и положил около реки Оки, при которых и гуляй-городов* набудовал, дей, немало.

И в первом, дей, полку стояти мают Мстиславский и Петр Морозов, а в другом полку — Иван Шереметьев да князь Иван Шуйский, а сам, дей, у войску посланковом быти мает. А сына, дей, молодшого отправить мает до Москвы, а старшого сына отправляет у Новгород Великий с татарами казанскими и касимовскими* и иншими войски, опасаячися короля шведцкого войск. Теж и в(ашей) м(илости), господаря нашего милостивого, в том выистью перемирья перестерегається вельми.

Послы его, которые еще зиме с Полоцка переехали до Смоленска и которые мели до панства в(ашей) м(илости) господарского ити, тые и теперь у Смоленску лежат. И тое ведомости нет, естли здесе тые ж послы пойдут або иншие с иншою справою отправлены будут.

И тое теж ведомости через шпегии мои досягнул, иж гонцы его московские, которые, дей, в тых часех от панов рад до князя великого отправлены, до него дошли. От которых, дей, порозуменье взявши, своего гонца до в(ашей) м(илости) шлет, и в тых, дей, часех вборзе сподеваются его до Смоленска...

А о посланцах в(ашей) м(илости) господарских, за

ознайменьем и писаньем в(ашей) м(илости), до Смоленска воеводе смоленскому дал есми ведать...

Писан в Орши, месяца июня 1, року 1574.

Л и с т 19

ДО ОСТАФЕЯ ВОЛЛОВИЧА, КАШТЕЛЯНА ТРОЦКОГО

Ясневельможный милостивый пане троцкий, пане, пане мой милостивый!

О новинах, годных ведомости вашей м(илости), п(ана) м(оего) м(илостивого), звлаща о посланцах е(го) к(о)-р(олевской) м(илости) до Москвы, о прыистю их до Оршы, постановеню на границах августа первого дня — о том всем далэм юж особливым листом моим до всих вобец в(аших) м(илостей) панов рад ведать. С которого мам за то, же в(аша) м(илость), м(ой) м(илостивый) пан, справить рачыл, яко и листы его королевской милости панов посланцов дошли, которые, знать, через пана Суходольского ити мели. А што се потем поновит, не омешкам в(ашей) п(анской) м(илости) дать знать.

А на тот час з ласки божой з овей стороны тихо, и перемирья се дочасного сподевамы, и тут о всем се том с паны секретары, ведле науки в(аших) м(илостей) панов, намовило и справило, и о инных справах неприятельских ведомостей вшеляких их милостям ознакомило: вонтпить в(аши) панским милостям не потреба. В которой отправе дошло мне писанье в(ашей) м(илости), м(оего) м(илостивого) пана, с Польски первой сего и тепер через служебника моего Зуба а отъехане государское* и о иншие речы. Которое, милостивый государю, хотя ж подложное, але богодохновенное не дармо мови писмо: «Заповедь господня издаличе просвещающе очы», — а не только очы, але и сердце мое осветило.

Дивные суть судьбы божи! Мы от ворот, а он дирую вон. Не только нам того розумети, але такого государского отъеханя всему свету не вместити! Неслыхана от веку, абы хто слепорожену отворыл очы; так и помазанцу божему тым способом од подданных своих уехати! Ова, второй ест Нептонов (?). Бы ту в(аша) м(илость), п(ан) м(ой) м(илостивый), ущы свои мел! Який же около того шмер на Москве, який пры границах! Страх божий! О всем все ведают, прекладаючы то живот государский, яко был в руках наших, которая ему была вчастность, який покой, яко-

вая вдячность, што за роскош, што за послушенство, яка соромота через цедулы, за очы и в очы, яка преспечность здорова его. Яка тепер обелживость, похвалки, одповеди! Если бы чого кому не дал, если бы теж, ведле права, кому судил, вытегаючы ременья з нас? И што за выхованье мел, уруганя, посмеху, прикростей самому и слугам его французам, розберанем маетности его, именовей скарбов? Див божий и страх божий! Не вымовить, не выписать того человек не може.

И уведелэм то, м(илостивый) п(ан), з Москвы об отъеханю кроля е(го) м(илости), тую нещасную новину 12 дня, то есть июня 29 дня, я во вторник. И далэм то е(го) м(илости) п(ану) воеводе виленскому знати через три дни, не сквапяючыся не смел писать. А потом, добре не рыхло, почалосе проносит и промчалосе тое отъехане е(го) к(оролевской) м(илости) наипервей от купцов, аж юж потом в(аша) п(анская) м(илость) з милостивое ласки своее через посланца, пана Стравинского, ознаймене мне учинить рачыл. Иж, еднак, не тым способом, яко ушы се наши здесь наслышали и яко на Москве слыхать, — жебы по поврозе мелсе спустить, — и вже, дей, тым потешыл, яко в(аша) м(илость) выписать рачыл.

О звроченю зась е(го) к(оролевской) м(илости) — што се потом дало ту розголосить и оповедеть, а потом и листы в(аших) м(илостей) панов рад до воеводств и до мене выдане с певною справою, вжесьмы на том престаля, только што потом будет, не вемы. Бо того тут звроченя е(го) к(оролевской) м(илости) не певни, а не только того пана, але не прудко и иншого. Абовем если так бы было, хто бы да таковое роскошы хотел вступить, яко овде слышетъ — яко наши цноты французове выличают...

(Што за) люди того панства?! Яких послушенств не мусило быть? Яких щодробливостей? — Только дай!

Якое справедливости? Богатому так, а убогому сьяк! Которого сумнения? — Кого кто не пекне через ногу!

А лакомство? — Бо, де, весь бы свет роздал, душ польских и литовских не (на)сытить: все мало!

А цнота всех справ? — Тая се, де, в них из ботов вызула! А вдячносте? — Дись о том добре мови, а ютро смердом, бенкартом зове! Всё кламство, всё лож, нет бога! Бий, забий, дери, лупи — то найлепший пан и то рыцер! От вольного цара вольный посол!

Мовечы, де, так, не вемы, чы люди, чы дьябли! А на так зацну славу и на такове вольности наши и на таковое захование противко государям тых панств... (не ведеть),

будет ли тот, (што) таковое досады ужил, не только молвити сметь, же се вернет, але и другому закажет! А вернет ли се — ино того смотреть — только не с палицою б железною, и што его мели за ниц — покажет, што умеет!

Московский, тот прозорливый Аввакум*, о том всем ведает и сперва еще усмотрел, што межи герезью не прожить, и на цесарского сына указал*. А прычел бы ему за глупство. Азали ся, милостивый пане, не оказал розум его на том пане нашем? Яко слыхать, же и то мови: «Ото, де, гледите, з своею верою не пожыли! Как нам было сына им дать або самому над ними царствовать?»

И цесарский сын, милостивый государю, цнотливый пан. И тот чы не зволит переставать на малом горщечку с покоем здоровья своего, нижли на великом з враждою.

И ближший сусед* совсем больш ведает, яко такове таковую неволю обовезать (себе). Ма кролем быть, а ниц не меть?!

Мы тут, слуги в(ашей) м(илости), розмавляем больш около своих, в(аших) м(илостей) панов, сенаторов наших. Ино некоторые мовят: «Не дай бог ляху быть! Вырежет Литву, а Русь поготову!» Давно резать почали литвина. И тот, де, с прыроженя натуры на себе сам необачное... просто як овца: где их больш берет волк, там она дальше за ним идут! Большы будет жычливый народу польскому, нижели своему!

Ова просто есмо як рыба в омуте: слепи, неведоми! Не ведаем, куды в сию есмо диру влезли!

Только яко в(аша) м(илость), пан милостивый, рачыш писать духа пресвятого словы: узнать нам вечность свою, а брыдкость греху; пыхы наше вызнать, абысьмы с Капернау* не усунени были!

Где ест слыхано?! Дитя еще невеста родит, и с того дитяти мает быти внук — дай тому имене, аспекттиву! Сыну дай, брату дай, слуге дай! Дай, дай, дай! А на обход Речи Посполитое што? А заслужоному што? А все розобралшы, чому быть? — Только до убоства престися? Да вже и лупют!

Ото, государю пане, от таковых бед люди топятса! Ото с таковых нендз давятса! Ото с того в неволю даются! Яко и говорят многие во вси стороны: «Не только абы московский (князь) государем быть мел, але, хотя бы вже дьябел с пекла, только абы кривды людей божых мстил, а в порадок привел», яко мови дух божий на поганы. «Постави, господи, законодавца над ними, да розумеют языцы, яко человетчы суть».

Хотя на сторону московского в той мере не треба се огледать естли первей не хотел, не надеемся, абы и тепер хотел. Только нас, пане боже, уховай от инного якого умыслу его, яко слухы доходят: «Королей, де, в них много, надобе б, де, почать што!»

Перед тым москва, овде приежджаючи, залецала а до наших склоняли, а тепер ни словка о добрую прыязнь!

Я, государю, што важу и чую, о всем праве яко до государя моего преспечно, не обинуясь пишу, видечы так милостивое а праве открытое сердце в(ашей) п(анской) м(илости) противко мне, негодному слуге в(ашей) м(илости). За которую щырошь всемогущый бог в(ашей) м(илости), пану государю моему милостивому, отплатою будет!

Только, государю, науки мне таковое от в(ашей) п(анской) м(илости), м(оего) м(илостивого) государя, не здержу борзо... учылшыся: «Словеса господня, словеса чыста; ты нас, господи, сохранешы и соблюдешы ны от рода!»

(А што ваша милость), пан и государ мой милостивый, пишеш о осторожность мою — естли бы и повторе в таких службах розказовано и ужывано, — абым се опатровал яко е(го) м(илость) пан Гарабурда. Государу пане! И кашы не хочу, и по воду не иду!

Пише ми государиня моя троцкая: «Ожогшыся на молице, велено на воду дуть». Я того и первей не знал, што чынить; только што велено чынить, тое чынил. А сее писание в(аших) м(илостей), государей моих... Бог и слепому очы отворит. И все перед в(ашей) м(илостью), дай бог, прыеханем моих окажу.

Только, государю, чолом бью о науку: чы ждати мне посланцов з Москвы, або зараз ехати, — што бых рад сердечне учынил, абы у Вильне в(ашей) п(анской) м(илости) заехал.

А што в(аша) м(илость)°, пан мой милостивый, рачыш писать, иж е(го) м(илость) пан подскарби за прычыною в(ашей) м(илости) панскою обещал мене чымкольвек на страву мне и на посланцы обслати, ино, государю, ничего ми не послал е(го) м(илость).

Нещасный есьми дворянин, згиб есьми в нендзы, а больш з жалю: люди на кашы переелы кашу, а я з голаду здох на сторожы! Помсти, боже государю, грехопадение, хто розумеет! Бо придет час, коли будет надобе Илии Муравлевина и Соловья Будимировича придет час, коли будет служб наших потреба!

Рачыл теж в(аша) п(анская) м(илость), п(ан) м(ой)

м(илостивый), писать до мене в речы королевны е(е) м(илости), нашее милостивое панны*, — ино обещаю в(ашей) м(илости), государю моему, всею крепостию и всею моею душою службыти ее м(илости), ведле наибольшего преможеня моего!

Листы, милостивый пане, до пана Стравинского*, и листы до пана Лясковского, и до пана Каменского тое ж години розослалэм, и сполом вси и всем за тым розказанем в(ашей) м(илости) службыти будем. Так и о отправу пана Стравинского до в(ашей) п(анской) м(илости) и до Польски пыльне стояти буду, яко того час прыйдет, бо еще жадное ведомости о сеймиках* не мамы. Только змилуйся, государу, яко отец милостивый: постой за нами, нендзнейшыми слугами в(ашей) м(илости), о тое заслужоное наше, абы лет наших, маетность потратившы, внивеч не пошло, а на души государя нашего милостивого зешлого и в(аших) м(илостей), панов государей наших, розлитие крве нашей не пало!

С одного жалю, с фрасунку мовить не могу. Только ме тешы милостивая ласка в(ашей) м(илости), пана моего милостивого, и охлоду ми чинит, гды колись кольвек огледам писание в(ашей) м(илости) и здоровье в(аших) м(илостей), государей моих, слышу!

Але тепер над то все, в(аша) м(илость), государ м(ой) м(илостивый), далшы ведать о здоровью своем, ласкава милостиве... холопа своего Еремяша, сыначка моего милого, благословенством своим панским обослати роженье! А я, государю, согрешил есьми, а больш у фрасунках моих — сего щеняти маленького, паука божого, в(ашей) м(илости), государю великому, и упоменути писаньем моим не смел есьми, которого дал ми бог з ласки своее светое за щастливого панования в(ашей) м(илости), и тому ж государю моему под ноги подножка в(ашей) м(илости) оферую. А имя ему, государя, у великого пророка* ест писано в давнем року. И который — дали бог, — дошолшы лет своих, (если я умру — змилуйся над ним!) — будет з матухною своею службыти до скончания живота своего.

А о причину, м(и)л(остивый) государю, до его м(илости) пана подскарбега и тепер чолом бяю. Змилуйсе, яко пан хрестиянский! Не покиньте мене в той нендзы, а вжды чым же бых кольвек опатрен был! Наг есьми, и бос, и простоволос!

Которому себе з найпокорнейшими службами моими милостивой ласце поручам!

Дан з Орши, року 1574, августа 5.

ВАСІЛЬ ЦЯПІНСКІ

(1540—1603)

ПРЕДМОВА

**Василей Тяпинский зацной монархии словенской,
а злаща богобойным ласка и покой от бога
отца и пана нашего Исуса Христа**

Рад покажу мою вѣру, которую маю, а злаща народу своему рускому. Тые ее оным давним вѣком славною, предков своих умѣтностью, покорне, яко довнимаю, подтвердятъ, а если есть в чом блудна, оны то поправят: ведь же держу же не иначе, одно з Евангелии, от бога через Христа пана и его апостолов поданое, которая есть сума закону божего, которая з словенского абы им теж и их власным языком руским в друку вышла.

И о тое, маючи пана на помочи, несмысленным або красомвным выводом, не залецаными, ани часу угажаючими словы, але, яко сприязливый, простой а щирый, правдиве, вѣрне, а отвористе, з зычливости ку моей отчизне,— поневажь котрым бы то властней учинити пристоело: митрополитове, владыки и ништо з учоных через так многий час не хотѣли,— з убогое свое маетности народу моему услугу, на которой и теж при ней и на именечку, хотя ж то было невеликое вжо дле накладу, а злаща книг старих давних на розных и не близких месца доставаючи,— над то еще в минулые лѣта тяжкие дороги дле друку и потреб тому належачих подыймаючи, а праве все до того зачинаючи знову,— ач вельмим столь ведь же пред се и должачисе, ибы ми теж ижем то не влох, не нѣмецъ, або не доктор, а ни який постановеный межи попы. Але з чого бы мѣли пана з выкриканем фалити и радоватсе, же з их з посредку русин их им своей Руси услугующий, бы ми, мовлю, яко то призвоито бываеть, и такую невдячностью, взгардою, а некоторые, вместо помочи або дяки, и зазростью платити хотѣли. Не одно ми тое все для мое повинности и ку ним зачливости не есть прикро, але и овшем за ласкою пана бога, вдячно, стареючися о их збавенное, а на остаток учъстивое и зацное, хуть и упреимость сердца моего им показовать, и то ку фале божией кончить.

Вжо бо а еще, хотя ж то не без большое трудности пришло, ижь двема языки за раз, и словенским и при нем тут жо руским, а то наболший словенским, а злаща слово от

слова, так яко они вси везде во всех своих церквах чтут и мают; не одно для лѣпшое их вѣри, же се не новое што, але их же властное им подаеть, але теж и для лѣпшого им розсудку, над то и для их самих цвичения, в том не леда учоном езыку словенском евангелия — писания святого Матфея и святого Марка и початок Луки есть в той убогой мосей друкарни от мене друкарни от мене им выдруковано.

До чого, абы первой сами и их детки смыслы свои не яко готовали, острили и в вѣре прищивчали, тым часом тот катехисис, а который сами зданем своим, яко довнимаю за речь исте потребную ест ли не зараз, вжды з своим часом, узнають, им вперед подаю. Ова их охотными и хутливыми ку можнейшим наукам в слове своем, ку статочному розсудку и ку умеетности пан учинить и взбудить. А то не без великое се потребы чинить, тая бо теперь межи ними яко устала, яко загнула; обачиване речей жалосных кгвалтом слова до уст гонить.

Бо а хто богобойный не задержать, на такую казнь божию гледечи, хто бы не мусил плакати, видечи так великих княжат, таких панов значных, так много деток невинных, мужов з жонами в таком зацном руском, а злща перед тым довстипном, учоном народе езыка своего славнаго занедбане а просто възгарду, с которое за покаранем панским оная ясная их в слове божьем мудрость, а которая им была, праве, яко врожоная, гды от них отишла, на ее мѣстыце на тых мѣст такая оплаканая неумеетность пришла, же вжо некоторые и писмом се своим, а злща в слове божем, встыдають?! А наостаток, што может быти жалоснейшая, што шкарадша, иж и тые, што се межи ними зовуть духовными и учителя, смѣли мовлю, намней его не вмעות, намней его вырозумения не знают, а ни се в нем цвичат, але и ани школы ку науце его нигде не мают, зачим в полские або в иные писма за такую неволею, немало и у себе и дети, не без встыду своего, бы се одно почули, немалаго заправають?

Тут бых я им их же хоть одного, з множества личбы оных славян Иоанна або Григория, которых дле великое, не толко в своем, але теж и в розных езыках, науки и для вдячное их вымовы аж золотоустыми звали, бы были живы, рад их взял себе за причинцу до них в том, а наостаток за светка им тое речи. Естли б бо тепер были, заисте зуметь бы се мусели, видечи, яко окраса и оздоба народу их в потомстве их отнята а просто загнула; которим о як же бы потреба се стареть о улитоване самих над собою. Гды бо бы, не ре-

кучи в часы давние, посмотрели, яко то был зацный, славный, острый, довстипный народ их в умеетности и яко многокрот посторонние учоные народы их мудрость мусели похвалять и овшем се от них учить.

Але бы хоть самое писмо свое, тетраевангелия и апостола словенского, которое, могу мовить, перед тисечею лѣт от нѣкоторого з словян выложено, а которое не одно в их, але и по всѣх церквах: сербских, московских, волоских, бульгарских, харвацких и иных чтут, уважали. Исте, хто бы хотел а умел тот выклад чести, обачил бы иж цѣлевал, а снать и за собою оставил. Тот муж, наш милый словенин* латынских и иных толмачов яко властне слова з греческого выкладал, иж трудно зрузуметь, чи болшь греческий або словенский язык умел.

И бы не было болшь, тогды и оттуль досыть знак немалый маем, як пред тым словяне, которым а што может быть прироженшого одно не Русь, был люд довстипный, а естли бы пак еще се короткости не фолкговало, а злаца бы были в читанью писмь своих оних беглийшими, то есть же бы се неплонно им приводило.

Бы были, мовлю, што се там пишеть паметниками о их довстипе и острости, якие оны синоды з папою римским и з иными памети годные мевали, яко мнозства людей к вѣре з блудов выдвигали и яко в розмаитых языках учоными были; к тому, яко живот светобливый вели, яко теж межи собою злых и фалшивых в вере братьов знашали, лечили, направляли; яко зась учителей своих*, водле науки слова божего, светобливым малженством от иных отделили, и их тым оздобеных всим народом и верам и понине ку прикладу, праве, яко свечу, чистостю малженства светячую были показали,— было бы што заисте широче о них выписовать.

Але только один явный, ясный а вечное памети годный, приклад их припомню, а который и без писма всим вѣдомый, значный а праве видомый есть. Яко они дле так великое светобливости своее мимо иных таким гойным даром были от пана оздобени, же не рекучи мимо папу римского, але и мимо оных часов наученших народов в Либии, в Антиохии, в Пентаполии, Сыцьлии, в Месопотамии, в Палестыне, в Финиции и инде. Яко то и на око бы се усмотрѣти могло и у нам недалеких влохов, немцов, поляков, французов, ганкликов, гишпанов, а коротко мовечи, над всих на свете христьянских народов, в слове божьем прозрѣвши, сами одни только того были доказали, же, подлуг науки апостольское, своим влосным языком от так давного часу слово боже вы-

ложили, имели и нам зоставили. В чом иные вси народы их прикладом, ледве се аж за тых наших веков обачили и до того, и то не без малого забуреня и ображеня, пришли, же слово божее з латинских и иных писмь своим теж езыком прироожным перекладати и читати почали.

Але дал бы то пан, иж бы вы, каждый от себе, о зацные панове, котори есте той речи якобы отцами по таких фалебных предках своих позастали и на мѣстьца их вступили, поневаж в том або жадное помочи люцкое дле греху нет, або только вы сами тому з милости ку отчизне вашей помочи бысте могли, гды ж простота человека бедного посполитого, на вас очи завжды удавала и удает и за вами идет.

В тую потребу отчизны ваше, в простоту грубую про недастаток науки братии ваше прикладом своим милосерным, если есть што милости братерское у вас, — гды ж межи всими люцкостями ничего не есть так власного, а злаца богобойному человеку, яко улиоване, которим указуем по себе неякое подобенство добротливости божее, а наконец, дле заплаты собе от пана вечное, — тому народу вашому, неуметностью заведеному и утрапеному, допомагаючи, митрополита вашего, владык и учителей ваших до того прозбами вашими вели, же бы не подкупов, не посулов дле поседаня столиць один перед другим, не до живостей и привильев, один над другого обварованейших, але слова божего сами се учили и других з маетностей и именей от ваших предков им не на марнотрацства, не на строй и што такого, але дле наук наданных. Ова бы ку науце, — леч не такой, яко тепер на вѣчный свой встыд только прочести и то ледво в своем езыку на большь учатсе, — школы заложити и науку слова божего, от так много лѣт занедбаную, выдвигнути братья вашей хотели и усиловали. Которих я не одному которому, але всим и з с тою потребою отчизны ваше богопойной пилности, ростропности и верности поручаю и зоставую, просечи пана, абых был готов, если она до конца згинет, з нею згинуть, або, если через вашь ретунок будет выдвигнена, з вами и з нею выбринуть.

А тут вжо конец речи моей чиню, которую замыкаючи, и то в жалости моей мовлю, если на тот час за нашу невдячность милосердья бы божего не было, тую казнь от нас отдалити. Злаца тепер наокол видим, иж везде вси рѣчи злыми розсудками так суть попсованы, иж не может быть ничего так добре поведено, на што бы потвар не могла быть учинена, а ни теж жадин от того, чога се раз хватить

отступити не хочет, абы се не здал в чом поблудит. Еще теж ижъ посполите бываетъ, же живого человека в дарех, а злаща своего або собе знаемаго, люди скромне и без образы зносити не могутъ. Прото абых и при правдивой повести зостал и злого мниманя ушол, не мовлю всих, але таких ни усиленною прозбою, ни плонным забеганем, а ни лагодными и прибавляючими доводы спирати хочю, але учинивши повинности своей досыть, мусим до маестату божего отозваться, перед которим вси стати мусим.

А в том ничего не вонтьпим, же оный справедливый судья речь нашу пофалить, хотя ее так неприятели взгаржають и выкидають.

А тепер побожного читольника дле Христа просим, естли мнимаєт в нас быть што выступного або з стороны науки, або з стороны нас, абы того не приписовал нашей злости, але люцкой кривкости а не умеетности, а иж бы дле Христа отпустил. А естли ж тая рѣчь есть не мала, в которой нам вину даєт, нехай нас не соромтит, але нас нехай в том християнске напоминаєт, бо естосмы готови и зь Иоаном Крестителем здробнети, абы пан Христос рос.

Наостаток, всих побожных дле Христа просим, абы жадное васни не мели против тым, которие нас щипанемъ, ожиганем преследують, або иж бы и зь Ияковом або Иоаном не жадали спущеня огня з неба дле забороня господы и месца у них слову божему и овшем водле науки Христовое. Нехай им всего добра зычать, а з нами нехай за них пана бога просят, абы се упамятали а збавени были, и иж бы сами собе не зазрели так великое ласки божее зь их же имь достоинством и зацнством зачинаючое. Аминь.

БАРКУЛАБАЎСКАЯ ХРОНІКА

Сейм* великий был у Берести лета бож(ого) нарож(еня) 1545, на котором сейме был король его милость полский, великий князь литовский Жикгимонт Казимерович* з королевою Бонею* и с королевнами*. А при его милости сын его милости, господарь наш, другой кроль полский — Жикгимонт Август и с королевою своею Алжбетою*, дочкою короля чешского и римского Фирдынанда*. При которых на сейме при их милости обоих королех много было бискупов, панов рад*, панове рада Великого князства (Ли-

товского), панята и вся шляхта хоруговая*, и вси рыцарства всех земель и княжества Литовского, же так было множество людей на том сейму, иж на обе стороны около Берестя на колконадцать миль стояли. А при их милостех обоих королех на том сейме Берестейском много было послов яко от хрестиянских господарей, также и от бесурменских*. А был тот сейм у Берести так много — от святого Петра и Павла* аж до святого архангела Михаила*.

С того сейму Берестейского его милость господарь наш кроль Жикгимонт Август и з королевою Алжбетою поехал до Вилни и взял его милость у свою справу все Великое Литовское панство, Руское* и Жомоицкое* отца его милости Жикгимонт(а) Стар(ого) корол(я).

Того ж сейму Берестейскаго, на котором сейме их милости кролеве обадва были, князь Семен Глебович Пронский* принял веру римскую, а назван Фридрихом; на тот час дано ему воеводство Киевское*.

МОГИЛЕВ

За господаря кроля Жикгимонта*, за митрополита Иону, за владыку* полоцкого пана Хребтовича, за держанем пана Стафия Воловича, за старосту его пана Баркулаба Корсака*, а пан Иван Чорный был городничим, а место Могилев засели люди прихожие: на Леткове, к Печерску идучи, то вотчичи* Сухоч, Бутак, Андросович, около места прихожие люди — селяне с Княжич, з Головчина, з сел многих; которые сели за Дубровною* (рекою), то буйничане и голынчане, селяне также и з Радивонкович. Бо первой было село Радивонковичи, а потом Буйничичи — старые села, давние. А которые сели на слободе, на Гривце, на берегу оного Кощоваго, коло Десятинныя (церкви), продки их з Смоленска — пришлые смоляне, то ест Гаврило Дристун, Иван Беляй, Максим и иных много, также Овтушко Богатый, — тые вси з Смоленска пришли.

Лет(а) 1526 болший замок заробен и принято много горы Могилы, на которой теперя замок Могилев стоит, по горце Могиле назван Могилев. Почавши от Днепра, идучи подле Дубровны аж и за Печерское, на гетой стороне кгрунты, то все буйницкое было. А Буйничичи село княженье можное держало: князь Крошинский, князь Мосалский, пан Баркулаб, пан Солтан, пан Филон и иных панов (много).

ПОЛТЕСК

На запусты великие мясные* князь Иван Василевич московский, царь восточный, град славный великий Полоцок взял* под кролем Августом* року 1563.

БАРКАЛАБОВ*

По взяти Полоцком за господаря короля Августа, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Варсанофия Валоха, за ласкою господаря кроля, за великие и почтивые послуги, за силное горловане, за нелютование здоровья и нежаловане маетности у справе рыцерской военной его милости пана Баркулаба Ивановича Корсака, ротмистра и старосту дисенского, на лесе глухом, на кгрунте лесном, на врочищу, прозываемом Брус, закликавши на волю и давши слободы год дванадцать людем прихожим, за волею божиею и за благословенством людей духовных, заложил замок именем своим Баркулабов року 1564.

Такъже сооружил храм святого Духа, а другой — престол* Рожства господа нашего Исуса Христа и посветил его року 1568.

За владыку Варсанофия, за митрополита Иону, року 1568, за кроля Августа, за пана Баркулаба и за врьдника его Раковского; села: Вендорож, Куты, Ловечы, Будиша людами прихожими засадили. А потом в том же Вендорожи року 1586 во великий пост* церков святого Покрова сооружена и попу вендорожскому его милость князь Богдан Соломерецкий* тую церков отдал, бо тая была первей парафея* Баркулабовская, парафея отца Алексея Гавриловича Мстиславца, отца Феодора Филиповича Могилевца.

Року 1570. Владыка полоцкий Варсанофий Валах переставился* у месте Могилеве. Поховано албо погребено его через пана Филона у святого Спаса в Могилеве. Того ж року 1570 священника Куренского совершено на владычество Полоцкое именем Феофана.

Року 1576. Наехал, албо взято Стефана Батуру, княжа семикгородское, на кролевство Полское. Тот господарь король Стефан Батура, княжа семикгородское, праве был человек побожный, рыцерский, военный, щасливый, правдивый, правый. Того ж року корону принял, а Гендрик король с кролевства Полского утек до своее земли.

На початку от него новый календар украдоватися почал; прето немного лет и на свете мешкал.

Пан Баркулаб Иванович Корсак, староста дисенский и

ротмистр королевский, войт* дисенский, рыцарь и воин добрый, славный, замок Дисну, замок Вороници, замок Леплю, замок Чашники — тые вси замки по взятию Полоцком веспол с паном Романом Ходкевичом сами и з своим людом позакладали и места посажали людами добрыми.

А потом року 1576, месяца августа 20 дня, в понедельник, у вечере, дву годин в ночи, пан Баркулаб переставился на старостве Дисенском в замку Дисенке. А погребено честно тело его у месте Виленском у церкви святыя Пречистыя богородицы.

Року 1578, месяца генвара 2, на Стретение* господне князь Януш Чорторийский* п. Евву Баркулабовну, дочку пана Баркулабова, в стан малженский за себе взял.

Того ж року 1578, на святой недели* у во вторник о полудни матка пана Баркулабова у Баркулабове переставилася пани Марья Кгитовтовна, городничая полоцкая; а поховано албо погребено тело ее милости у Могилеве (в церкви) святого Спаса у притворе*.

Року 1579 господарь король Стефан Батура, король польский, княжа седмигродское, под князем великим московским, князем Иваном Василевичом Полтеск замок взял с поляцами и литвою*.

МОСКВА МОГИЛЕВ ВЫЖГЛА В ПЕТРОВ ПОСТ

Року 1580 господарь король Стефан был под Псковом и взял город Псков*. А москва, то ест Серебряный* з немалым войском место славное Могилев выжог. Там же у краи Шклов, Копысу, села велми выпустошили. Также и около Могилева. На Орши и до Радомли, Мстиславля — тых замков не подходила, ани рушила.

А в Боркулабове князь Чарторийский Иван з войском своим на тот час был. Так теж и Темрюк* со тристами войска татарского при нем был у Боркулабове. На тот час и сторожу у Новоселках московскую поймали. А потом Темрюк и князь Чарторийский, князь Иван, взявши ведомость певную от сторожи московское, которую поймали у Новоселках, то ест на имя Ивана..., и князь Иван Чарторийский заехал от Шупень, дорогою великою шкловскою до Могилева тянул. А москва под местом Могилевом места жгут. А Темрюк з Боркулабова дорогою могилевскою на Задубровеня до замку Могилева з войском притянул. А войско литовское у Шклове стояло. Тепер же от Могилева почали отпирати с трех сторон: Чарторийский от Шупень, Темрюк з Баркулабова, войско литовское з Копыси, и з Шклова.

Москву от Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было труп московского гледѣти; реку Днепр сильным трупом язовища* загородили, иж колко недель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали для великого гнюсу труп московского.

Року 1579. Пан Андрей Гудовский, урядник баркулабовский, собравши войско немалое, пешого и конного люду триста, с паном Филоном и з его милостью князем Богданом Соломерецким, старостою кричевским, а надо всими тыми войсками люду учтивога яко шесть тисечей пан Андрей Гудовский гетманом был. Под Смоленском и Рославлем так места выжгли, волости, села попустошили. Под замьком Смоленским мощно и охотне штурм мели, толко не дал им господь бог его достати албо выняти; з ласки божое з добычею великою до домов своих здоровы з доброу славою приехали.

ЛИСТ ОТ ПОСЛОВ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО

Божею милостью царя и великого князя Ивана Василевича всея Руси, володимерского, московского, новгородского, казанского и царя витариханского (г. зн. астраханскага), господаря псковского и великого князя смоленского, твердского (г. зн. цвярскога), югорского*, тримскаго*, вядскаго, болгарского* и иных многих — Стефану, божиею милостью королю полскому и великому князю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому, мазовецкому*, княжати семикгородскому. Што первой сего по взятию Полоцка зсылалися наши бояре с твоими паны понееннокроть, и ты о то(м) нам явно знати не дал, и писал еси во своих листех, и паны твои заводнем и мудрыми речами писали, и того было явне зрозумети нелзе; што по прожнем обычаю послов своих слати не хотели есте, и мы к тебе послали послов своих, а ты приказал к нам нашим дворянином Григорием Афанасовичом Нащокиным рок, а к тому року нашим послом поспеть невозможно было. И мы к тебе послов своих отпустили, а наперед послов своих послали есмо к тебе гонца Федора Шишмарова з листом, жебы ты а наших послов з войском почекал. И ты к нам гонца своего отпустил еси, а сам еси не вернулся, идеш на конец землю з войском. А послом нашим росказал еси к собе ити наспех, прагнучи кров христианскую и хотячи видячи крови розлиания во хрестиянстве. И написал еси у своих листех, што-

бы нам своими послы приказати вси слова и нам почому позгинути, што тебе мило албо любо. А от тебе не слышавши, албо которое уставиш новое дело, чему ся стать нелзе, и мы перед богом и перед тобою змирячися, послом своим к тебе ити росказали и на которой мере.

Року 1583, месяца септеврия 8 дня, его милость князь Богдан Соломерецкий, староста кричевский и луцкий, приехавши з войска з службы з двору его кр(олевской) милости с под Пскова, по взятию, панну Евву Баркулабовну, старостянку дисенскую, у стан малженский за себе взял, а веселе было у месте Виленьском.

Того ж року 1585 у пост Филипов* у пущи Сидоровской его милость князь Богдан Соломерецкий побил лосей десять великих а вепров диких великих осмь, где теперь село Сутоки и Махова.

Того ж року Василей Сескович з уряду зъехал, а пан Роман Ревут на врьяд баркулабовский наехал.

Того ж року 85, праве о светом Петре, албо на самый день Петра и Павла святого, у Головчине робили — пруд сыпалы. Якобы о полудни у месте Головчине, у брони остроговой, сильный и великий гром забил 12 человек; а трех человек не знашли, не ведет, где ся подели, если вода занесла албо песок засыпал.

Того ж року многа множества страшных и великих чудес господь бог оказати рачил: перуны и грады великия, сухость, морозы маль не через все лето были у Литве. От великого морозу на поли у колосьи жито посхло, многия дома панов зацных от перунов великих погорели, зиме з морозов и метелицы по дорогам многое множество людей убогих, также и купецких померло.

А (в) лете великий жар был. Жито, яри, трава, такъже ярины огородныя — все погорело у Литве, а звлаща около Менска, около Вилни. Люди убогия з хлеба на Русь давалися. Молодцы, жонки, девки много на Русь и на Украину понаходило.

Року божого нарож(еня) 1584 великий князь Иван Василевич первой сына своего Федора посохом пробил*, а потом сам и сын его старший умерли.

Року 1599. Стефан Василевич Годунов на царство московское коронован*. На весне великая вода была у Смоленску. У замку швырень зрыла, ставов, прудов много посповало.

Року 1585 о семой суботе* Хомутовский, врьдник пана любелского*, села Гарбовичи, Хотетов, Следноки и Струпищи, Забалотя, Батуня и иных много сел побрал за пана

любелскаго держаня: а первой была волость замку Могилевскаго.

Року 1586, веснѣ у великий пост пан Михайло Гарабурда послом на Москву ходил. Оттоль вывез примиря на год двадцать, а мешкал на Москве аж до семое суботы, а приехавши у Литве умер.

Того ж року на святаго Юрѣя* мороз а снег у колена выпал. Тогда на Фом (иной) недели* люди овсы, ячмени сеяли, а предсе был урожай добрый.

Того ж року пан любенский и пан троцкий умер, а пану Льву Сапезе волость пана любелскаго досталася.

Року 1583 календар новый выдан за кроля Стефана, за митрополита Девочку за владыку полоцкаго Терлецкаго, ляха, ба перед тым был ротмистром, и век свой зжил.

На тот же час было великое замешание промежи панами и промеж людми духовными, также и людми простыми. Было плачу великого, нареканя силнаго, похвалки, посварки, забуйство, грабежи, заклинания, видячи яко новые свята установляли, празники отменяли, купцом торги албо ярмарки поотменяли. Праве было начало пристѣя антихристова у таком великом замешанью.

Того ж часу почали у во Лвове, у месте Виленском, у Берестю школы науку выдавати, братерство* якоесь установляти и тым закон и веру утвержати. За патриархи* не кажут бога просити, ани его упоминати, толко за папежа. Тепер же почали сеймы, соборы* чинити и до них изъежчатися.

Року 1586, месяца июля, на святаго Бориса и Глеба в месте Могилевском церков святаы Богородицы сооружена и через владыку посвечона.

Того ж року 86, было посту Петрова 5 недель. Того року ячень, овес сеяли на десятой недели. Предсе был урожай великий, добрый. Жита мера была грошей по 14, а четверть жита по грошей полчварта.

Того ж року 86, о святом Духу на Москву ехал и на Орши был Еремея, патриарха антиохийский*, з своее земли до Москвы ехал рок; тогда на дорозе в него вси слуги отмерли. А мовил языком антиохийским*.

Року 1586, месяца декабря 4 дня, часа 9 о полудни, великий король полский Стефан Батура, княжа семигородское, переставился, а поховано у Кракове.

Року божого нарож(еня) 1588 взято на королевство Полское кролем королевича швецкаго*.

Року 1587 зима была велми снежная, морозы силные,

метелицы великие. Такъже и весна велми неуставична была: редкий день минул без снегу аж до святого Юрья, а Юрей святыи был 2 недели по святе. А потом на четвертой недели по святе в ночи были немилостивые страхи великие: дожди квалтовные дома подрывали, верхи позносили; яко через всю тую ноч не засыпали люде. По полям у пастухов статки градом побило, а в лесе деревем. У князя Головчинского¹³¹ много стирт з житом перун пожог. По селам статки мало не вси побив град по полям.

Того ж року 87 на весне пшеницы переводни* сеяли на 5 недели, ярицы на 7, овсы, ячмени на 8 и на девятой, але не увошли от великих морозов, (которые) еще с первое святыя Пречистыя* почалися. Гречихи не косили, а хотя кто и косил, немного пожитку мел. Того року жита жали по Покрову* святыя богородицы, овсы и ячмени жали на 3 недели по Покрове. Тот рок 87 велми был на все згола незрожайный и голодный.

Року божого нарочения 1587, месяца июня 7 дня, послышли московские до Варшавы кроля обирати на кролевство Полское по смерти кроля Стефана: боярин и наместник коломенский, великоперимъский Стефан Василиевич Годунов; боярин и наместник коломенский Феодор Михайлович Троекуров ярославский; печатник и ближний дияк господарский Василей Яковлевич Щолканов; думный дияк Дружина Панътелеев Петелин.

На том же сейму Варшавском ничего доброго не усеймовали, бо межи панами была великая незгода: поляки вотовали на Максимилиана*, цесаря християнского, литва вотовала на князя московского*, кролевая* вотовала на кролевича шведцкого*. И затым розъехалися, не поставивши ничего доброго. На том же зъезде было немилостивые посварки и забойства. Выличили на том сейме невинне забитых семьсот голов.

Были теж на том сейму з многих и далеких земель, то есть от царя турецкого, от князя московского Ивана Василевича*, от Максимилиана, цесаря християнского, от кроля шведского. Всих тых было з розных украин послов двадцать.

Конвакация* септебря 20 дня. Пана Кишку послали послы по кролевича шведского Жикгимонта Третего, с которым кролевая сама послала двору своего выбраного люду коней пятьсот.

Року божого нароч(еня) 1588 взято на кролевство Полское кролевича шведскаго Жикгимонта Третего; а коро-

новано у Кракове на Вознесение Христово*. Того ж часу и тело кроля Стефана поховано.

Прето, што ся почнет не з благословенства божого и старших панов, господарей наших, а за призволением белых голов*, не много господь бог помагает и грады множит, албо покой дарует.

Тепер же за держаня кроля пана нашего Жикгимонта Третего явилася промеж панами великая немилость, показалося отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболей на веру кафолическую, на веру хрестиянскую. Оставивши голову Христа, спасителя нашего, показывают и становят на то местце старшим головою Петра* и насветшаго папежа.

Были войны розные великие Зыкгимилем волоским, з кролем шведским*, с козаками запорозкими, праве згола якобы мало не пуста земля была. Такъ же у збожью неурожай, голоды великие, доро (го) в сильная, поветрие, моры, лета непогодныя, незрожайныя; праве на все недобро и неспоро было стало.

Року 1587, месяца октября 1 дня, за Жикгимонта Третего, за владыку полоцкого Феофана, за митрополита Девочку на Вендорожи посвящено храм Покров святыя богородицы через Федора Филиповича, священника баркулабовского, за благословением Феофана, владыки полоцкого.

Лет две тисечи без закону пред потопом. Лет две тисечи зь законом со обрезанием. Лет две тисечи зь Евангелием, то есть хрестиянство.

Року 1588. После Петра святого был на Орши патриарха цариградский именем*. Тот на Москву ехал до князя Федора Ивановича, а з ним три владыки. Всих было при нем коней 50. Тот бо на собор до места Виленского листы писал до митрополита и до всех епископов.

Того же року 88 у месте Виленском, там у тых краях, такъ же у Киеве и на многих странах великий мор был.

Того ж року 88, от семое субботы аж до Рожства Христова, велми великая была непогода и неуставичность. В лете дождю не было, а у восень снегу не было, толко вѣтры а дожди. У восень о святом Покрове велми поводок великий был, аж по лугом пошла, праве яко на весне велика была. А до Рожства Христова у Днепре вода прибывала и з берегов выливалася.

Року того ж 88, месяца генвара 18, после святого Афанасия* на третий день дожди великие были, аж снег согнало. Праве было яко на веснѣ: пастухи на бор с статками

погналися на паству, а потом за недель три знову зима лютая.

Того ж року архиепископ Феофан, владыка полоцкий, господин благоверный, у Полоцку преставился. Там же погребено тело его честно.

Того ж року 88 совершено на владычество полоцкое Афанасия Терлецкого, за кроля Жикгимонта Третьего, за митрополита Михаила Рагозу.

Року того ж от господаря кроля выслано напервей до Орши енералы, то ест над дванадцатми возными един енерал местце старшее мает, Богдан Биряленок, яко ж пред тым у тых краях не бывало.

Року 1589, месяца мая 30 дня. По запустах святого Петра и Павла у пятницу ее милость кнежна Богдановая Соломерецкая, княгиня Евдокия Баркулабовна Корсаковна, у замку кричевском за староства князя, малжонка своего, породила сына именем (патрона) Исакия Долматского по прозвищу князь Богдан; а крестил его старец убогий.

Того ж року 89, пан Кгригор Вилянт у закупе Баркулабов держал год три. Он у волоки меския роздавал*.

Тот рок 1590, яко в лете сухость, так зиме морозы (мел) сильные, великие. Было так, иж ляда у восень палили.

Року 1590 были козаки запрозкие Матюша с полком, Голый с полком у Могилеве. Аж до Минска приставство* по волостях брали, а кривды, шкоды не чинили, толко жонок охочих, тых намовляли и закликали, абы з ними на Низ ишли*. И взяли з собою жонок и девок яко двесте поголов.

Року 1592 о мясопустах его милость князь Богдан Соломерецкий, староста кричовский и олучицкий, Буйничичи, Чайки откупил и у волоки поволочив. А пред тым было многих розных панов (маетность) — князей Соколенских, князей Мосальских, князей Крашинских, пана Филона и далей.

Того ж року 92. Его милость князь Богдан Соломерецкий, староста кричевский и олучицкий, слободы осадил — село Махова и Сутоки.

Того ж року 92 сталося великое и немилостивое замешане у вере от римлян на святую веру восточную греческую. Почали соборы помесные* чинити, то ест у месте Виленском братство навчонных людей до себе на поратунок прибавили з места Львовского Григория Раготинца, Стефана Зизания*. Тяя силную и великую войну з рымляны* мевали не толко на ратушах и при рынку по дорогах, но и посредку церкви святое войну, потарчку великую мевали; яко ж им

господь бог противу их упоров великих, измышленных уставов и законов николи не помог и не поможет. Теперь же почали от господаря кроля до архиепископов с прозбами и грозбами листы фалшивые писати и посылати по всех градах. Року 1590, месяца июня 29, у Берестю литовском на Рождество Иоана Предтечи* был собор за митрополита Рагозу, а за владыку полоцкого Терлецкого, нижли на том зьезде ничого доборго не вчинили. На который собор и его милость князь Богдан (Соломерецкий), староста кричевский и олучицкий, посылал попа своего баркулабовского Федора Филиповича.

Року 1592. Жикгимонт Третий, божею милостью король полский, великий князь литовский, русский, пруский, жамоицкий, мазовецкий, инфлянтский, королевства Шведскаго наближний дедич и пришлый (король).

Ознаймуем тым нашим листом всем посполите, каждому зособна, кому бы новин ведати належало, нынешним и напотом будучим. Иж мы, господарь, видячи быти прихилных ку поровнаню у вере святой архиепископов религии греческое Ипатия*, луцкого епископа*, лвовского* и холмского*, которые до нас, господаря, с тым прислали хотячи под зверхность и благословенство одного пастыря светейшего отца нашего папежа римскаго быти, ему старшенство и зверхность признати, заховавши в себе вцале вси справы и церемонии в целости во церквах божиих. Што мы, господарь, видячи предсявзяте их потребно до речей збавенных*, то от них з вдячностю приймаем. А иж бы за таковую хуть свою ласки нашее господарское были вдячны и певны, тогда то им тым листом нашим, привилеем, им самым и их потомком, по них всех епископом, презвитерем и всему епископству церкви восточные римския варуем и упевняем и словом нашим господарским прирекаем и обещуем, сами з себе и з яснейшими потомствы нашими королевства Полского. Иж хотя бы на тых речонных епископов подати и листу привилія нашего от патриархов и митрополитов, яких же колвек причин ку неблагословенству были на них винайдованя, клятвы выношены и выдаваны, их то им епископом самым и всему духовенству их намней николи ни в чом шкодити не мает. Обещуем и словом нашим королевским для вшелякого оскарженя и клятвы и оглошенья, бы и добре противу станом их водлуг справ духовных и светских было для всех причин каковых духовенствов владычеств, на которых оны мешкают з данины предков их и от нас, того от них не отоймовати, и при их животах и нашим (иншим) особом не давати. Але их

заховуем вцале с примноженьем ласки нашея и вывышеньем учтивости во упокою на тых владычествах, яко верных подданных и богомолцов наших, поки остатнего живота их ставати будет. И еще на тое им каждому, хто бы ся до таковое едности порядку прихилили, свободы, волности по тому ж, яко их милость духовные римские мают, также и они мають и будуть мети, што мы обецуем еще иншими привилеями нашими им надавати с примноженьем ласки нашея господарския.

А то все обецуем мы, господарь, за нас и за потомки наши тым помененым епископом: Кириле Терлецкому, владыце луцкому; Гедиону Болобану, владыце лвовскому; Леонтию Пелчицкому, владыце пинскому; Дионисию Збаражському, владыце холмскому; Гермогену, владыце полоцкому, вцале держати до их животов. И на твердость тое речи дали есмо им сесь наш лист, привиле, подписавшися рукою нашею королевскою, до которого печать нашу коренную притиснути есмо велели.

Писан у Кракове, месяца марта 11 дня, року 1592.

**БЫЛ СЕНОД* У БЕРЕСТЮ РОКУ 1593,
МЕСЯЦА ОКТОВРИЯ 16**

Так се деяло на день зьезду зложоно (го) октобра по старому, а 16 по новому. Сходилися духовенства и рыцерства, послы и панове засесть, и духовенства до господы* княжати его милости воеводы киевского*, до каменицы пана Ра(й)ского, отколь посылали до митрополита двох особ от духовных, а двох с кола рыцерского*, ознаймуючи иж се зъехали на сенод, абы ознаймил местце, на которое бы ся сходили з ними для намов, тому часови належачих.

Он отказал, иж еще не намовилися о местцу, але до заутрешнего дня, четверга 7 октобра отложил. И прибита была карта от него в церкви соборной мурованой, там местце схоженю ознаймуючи. В том часе мел быти ему дан позов духовный от отца Никифора*, ексарха, посланого на то от Гаврилия, патриархи костантинопольского, абы перед ним становился назаутрее для усправедлиwienia в таковых выступлениях. В чом будучи от когось перестережоный, митрополит и владыка крылися у госпде ксендза бискупа луцкого.

Того дня не рано, у среду, прибыл до Берестя его милость пан воевода троцкий*, и зараз был у его милости княжати воеводы киевского, который повѣдил, иж ест послов от его крол(евское) м(и)л(ости) на тот сенод зь его милостью паном канцлером* и паном подскарбьм*, которых же немаш, абы се тым его м(и)л(ость) не ображал.

Тую обмову его милость кгда княжа в коле поведил, тым вси были ображени людским повоженьем, же их милость знати не дают и не давали, и стерегли уплыненье ся часу сыноду.

Сынод зачали того дня. На самым року маршалка обрали духовные*, также поселств с килку поветов слухали.

У четверг заседали княжа воевода киевский из сыном княжатеи, воеводою волынским*. Велми рано на свитанью (поехали) до его м(и)л(ости) пана воеводы троцкого, а были там годин зекгаровых болш пяти под полудень. В тым (часе) приехал пан канцлер с подскарбим и шли просто до воеводы троцкого, где и князя застали. И знову толко ж час не малый сами стравили. От себе слали послов до митрополита шесть особ духовных, 6 послов з места, давши до него моневе, и на писме доложивши в нем, абы часу не зволочил а з ними сышолься и намовил.

Кгда ж тот зьезд толко народу рускому зложон, дознавши его быть, и тых владыков отщепенцами, оных за пастыров не мети, а иных обрать, а их зложить старатисе будут, если о собе справы певное не дадут публице, если при старой вере и благословенстве патриарха стоят.

Тых послов поткало княжа,— вжо ехали до митрополита. Тые послы митрополита зостали вже в панов сенаторов менованых. Которому кгда так поселство веселое прочитали, просили о цедулу тую; одно ей им не дано. Тые вси прошли от митрополита без отказу, обещаючи своих послать, яко зараз и прислали пана Прецвица*, кашталяна каменецкого, пана Шуйского*, третего — Каменицкого, инстигатора*.

Тые до княжати его милости широкими словы реч учынили о том поселстве, иж то с господы в(ашей) м(илости) ровне яко отповедь, або декрет яким был послан до митрополита, ображающие тым о то, иж им того там писма не зоставили, кгда ж они головного по того зьезде местце его кр(олевской) милости поведающие быть конклюдзыи оной, одное справы без их милости быти не могла.

Княжа учинил обмову, иж тым был у их м(и)л(ости), однак держачи то от их м(и)л(ости) всих, же штоколь-век чинили, то бачне чиним и при них стоит и стояти будет. Потом розвелися троха з речу до плачу, же се то они ничым (не) ображают: «Мы вси маем ся тым ображати от тых здрайцов наших, которые то наварили и от тых, хто им того помогает, вжды терпливе зносячи явную кривду, на бога помсту и оборону положив».

Потом поведил пан Гулевич*, человек досыть добре

годный, маршалок обраный, иж (не) княжа его милость, але мы все послали, а княжа его м(и)л(ость) ест яко одна персона. Если их милость и оные послы поведели, жехмы не до вас посланы, але до их милостей княжат, а до ново-крещонцов и евангеликов* не мем жадное справы. На тот час, гды они будут, там ничего слушного постановлено быть не может. Он теж поведал: «Я теж вас не прошу, абысте який отказ чинили от мене».

Княжа теж оповедаючисе вобец, же ничего без них в той справе чинити и мовить без их милостей не хочет.

Потом по малой хвиле прислали их милости, же сами хочут быти у княжати. И приехал пан воевода троцкий, пан канцлер, пан подканцлерий* и шли на упокой до княжати*. По годинѣ мают быти у княжати, прислал до кола, иж хочут их милость у в(ашей) м(илости), а то вже было смеркшисе; чекали на них килка годин. В том образившысе тым вси, иж так долго на них чекают, кгда ж не вем, о чом намовы сами з собою чинят, где идет о всих нас и сумнения нашего. Прирекши у пятницу о 14 године зъехатисе и речи зача (тыи) кончити и разъехалисе, а гурмом з нареканьем. И то могли сенаторове слышать добре, бо были окна на улицу, а гук немалый теж был людей.

Назавтрее, у пятницу, по мене прислав пан подскарбий и, иных собрав до себе, там же напоминал: а што ведать, якую с того потеху, обещаючи на потомные часы, ведучы до згоды; чого аниколи в нас не мог зъеднати з отказу, же мы не хочем быть таковыми, яко там тые отщепенцы. Он мне отказал: В(аша) м(илость) не смееш пана воеводы смоленского». А на том заплатил, жем не от его милости приехал, але сам от себе.

Потом ехалисмы до кола, до братии. Там же была инструкция поселств, читаных до всих земель и поветов: земли Волыньское, с Подоля, с Подгоря, з Руси*, из Литвы*, зе Лвова, с Киева, с Премышля, с Пинска, же много их плачом были порушони, у послов самых привилев браты их; указано колко постановеных порядков патриархи костентинопольского. А по тым часе от к(о)р(олей) их м(и)л(остей) конфѣрмованых доводов. За се на писме, што ведят, як много указалосе на митрополита, як писал до людей листов зашитых и отвористых, упевняючи их, иж не ведает, ани мыслит о том отщепенстве.

За тым реченье мовены были, не быти им послушным, от духовных. Теж декрет на писме был наготован, коли пан каменецкий и з ним княжа воевода волыньский от панов послов его кро(левской) милости (вернулисе), абы с кола

рыцарского было высажено депутатов чтыри, а з духовных чтыри. Также много ани своих не ведаючи, иж до добрых речей хочут се зносит, до чого далися намовити, еднак не инде и (не) на иншом месте, одно там же, гдесмы заседали. В другой избе варовавши собе тож, абы их депутаты в жадную се реч без ведомости всего кола не вдавалися. Але поданые, от них слышавши, до кола принесли. Там панове сенаторове дали невинне нашим латине. А потом скоро казанье вчынил на две године княжа. Наши килку посланцов слали, зовучи своих до себе, што обачивши сенаторове, казали му кончить.

И пришли наши. Тот штосмы розумели, принесли нам, иж хочут згоды, абы папежа головою признати, календар приняти. На то собе не дали наши реч ани слова. Отказали до них через пана Древинского* и пана писара володимерского, иж на то зезволити не могут з многих причин. На тот час, аж не всим порадком тако верячы и неслушным поступком, зачалися (размовы) о направи в речах духовных, (казали, што) с так малою частью людей духовных ничего становити не могут; але папеж нехай с патриархами о том намовит, або, порозумене вчинившы, сенод зложат и о том становят, а мы без старших своих духовных о том и мыслити не хочем. Тыи принесли орацьи до них, жалосно учинено, упорными зовучы. За тым декрет от того наместника патриархового аферован. В том ноч зашла.

В суботу скоросмы се зешли до кола. Декрет патриаршый и проклятво на митрополита и владыки было по руску читано, переложено з кгрецкого, барзо словы пиенкными и досыть жалосными. В том пан канцлер литовский прислав до мешан виленских, зовучи их до себе, которые пойти не хотели до их згоды. Тот же им отповедал, иж того з жалем и со клопотом уживете, — што они светчили в коле.

Пан маршалок теж наш усказал до пана канцлера, иж есте, панове литва, стратили, — тым преводим не мало панства до Полски. В том зараз от пана канцлера и от пана подскарбего пришли до княжати воеводы киевского иньстикгатор Каменский с килку слуг их, припоручаючи у тридесяти тысячей золотых оного екзарха, посла патриаршеского, завучы его шпекгом з Бельгор(ода) и до того Стефана* и попо зовучы их выволанцами*. На што княжа им отказал, иж не только ве тридесети тисечей золотых, але и в килкукроть сто тысячей приймую и на сейме их становити будут, а там се откажет, если то слушне выдают выволане на людей невинных. В хто слушне заслужил, на того не выдают. А коли колко был, а вказувано на то и грека.

Тот отец Никифор — Азар Протасый — сей якобы первоседалник по патриарсе*, пытал, что то за кголк. Поведал му по грецку, иж его припоручают. И встав на лаве, упросивши, поведил, иж тот сам здрайца, хто мене здрайцоу подоймовает. Духовный, жены, детей нимаш, абых се мел того подоймовать для набытя маетности, але и свое острадал для имени Христова. Але тые сами суть здрайцами, иж крадут християн, подмовляют, розные причины найдуют. И вказал привилеи своих всех чтырех патриархов* посланныя его в тот край зо всякою моцью, якобы сам патриарх был добровольного приеханья на сейме, обещающысе ставити, яко и станет.

Такъже княжа его милость, жалем будучы порушный, вказал до пана канцлера и до пана подскарбего, иж нехай королем его милостю не грозят, бо он вестъ яко повинность и веру пану своему хова, и его фамилия старожитна, не новотна. Але нехай их милость мовят, (иж) мне грозят сами собою. Если што мают до мене, ставлюся их милости всюду, где ми кажут.

Потом прислали князя Шуйского и з другим якимсь лешком (мовити) иж в нас згода доходит в костеле, если воля в(ашей) м(илости) быть там з собою помоч быти. Поведил, же зараз пошлем. Десять человек с кола рыцерского, десять особ духовных, десять послов мещан выправлено, або протестацый осветченые вчинили, (кгда) на то не зезволят. И возные были з княжатем и енералов* килка, которые кгда приехали до костела, там их до фортки гайдуки* пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили. Они теж ехали назад з великою жалостю. А то было в субботу вже не рано.

Того дня княжа воевода волынский, волынцов и подолян мело быть не мало у пана подскарбего на обеде. И не были там, будучи тым барзо ображены. Протестацый не принято в замку ньяких наших. Митрополита и владыков праве квалтом, слыше примушано до присяги. Они просили для бога на отложенье до сейму, але арцыбыскуп лвовский, бискуп луцкий, пан канцлер их упевняли ласкою кр(оля) его м(и)л(ости), обещающы то им, привели их до присяги. А там же митрополит з чтырма владыками присягнул на старшинство папежу, на календар и на артикул, иж дух святой от отца и сына походит, и на едность костела.

И зараз в неделю езуита в соборной церкви служил имшу. А Скаркга* казане поведал. А Потей службу служил у костеле в Рожейского олтара. Там же у олтара руского, где служил римлянин, в келиху вино у кров барзо шпетную,

смордливаю обернулася, же тот езуита не поживал. А у олтаря римского у Потейя вино обернулося у простую горкую воду. Там же у Берестью нашолся было человек якийсь простый, который великие речы мовил, же страх слов его людей преникал, бо писмо все напаметь знает. Штось дивного? Певне не тот, што мел у голову заходити*, и напаминал, абы людей своей веры мощность держали. Тых лотров — митрополита, их владык — не видали, бо их не пустили римляне.

Того ж дня в субботу зараз з костела пан воевода троцкий приехал до княжати, пожекнул, жалуючи незгоды, и ехал до Чернавчич. А мы в неделю вси разъехалися, заварши то и запечатовавши и подписавшисе до того писмом, албо универсалу его кр(олевской) м(и)л(ости) послалисмь. Ужили пана Гулевича, маршалка, а пана Еламолинского и пана Броневского* — людей годных. Праве два евангелицы, а третий (з) новокрещенцов.

Року 1592 июня, по старому 11 дня, в неделю. Была брань великая, велми страшная. Почавши от западных краев, замков украинских: Чернигов, Гомель, Любеч, Белая Церков, Переясловль, Стрешин, Речица, Рогачов, Кричов и иных многих мест и замков в тых всих (землех). По селах и местах и местечках немало збожа попсовала град и буря великая. А на бору, на лесе и по лугом со пчолами дерево бортное. На воде угляды (!!) згола, штось троха зостала, буря великая поломала. Яко ж на тот час давали справу и жалосно поведали, иж, дей, у одного мужа северскаго* бортного дерева сто поломило, у другога двесте, у третего триста, иж страшно о том слышати было. А дороги каждый от села до села волостью прочищали. Навет и тепер на лесех, на бору и по болотах поломатые (дерева) видети много.

Яко ж то рок 92 был урожа(й)ный (для) жита, овса, гречихи, хотя ж не росла, але добра; пшеницу иржа побила. Цена житю была таней: четверть по грошей пяти, мера жита по грошей двадцать.

Того ж року по Феофане владыце совершенно на владычество Полоцкое Нафанаила Терлецкого*, начальника новому календару без(з)аконному его даному и безыменному. Как того зовут, хто то подал? Ни Моисей*, ни Христос*. И то было велми скрыто, потайнъ межи собою ховано аж до року 96. Того ж року 92 дал господь бог видымый знак, иж у восень о Покрове на дереве лист не опал и был зелен у восень так, як на весне. А на других деревьях так и зымовал.

Року 1594 на весне заложена церков у Могилеве свя-таго Спаса у монастыри. Была велми иконами украшена. Потом настало якоесь братство от святаго Спаса: по месту ходили, новые церемоние чинили не ведлуг уставу святых отец, на осляти по колку рок ездили. Згорела церков свя-таго Спаса. Жеребя волк заев. Дитя, которое седело вместо Христа, то ослепло.

Того ж року, весне, у Могилеве, зложен костел свя-таго на селищу Овтушка, небожчика. Богатого, бо пред тым у Могилеве полских костелов не бывало.

Року 1594 за кроля Жикгимонта Третего, за митропо-лита (прапушчана прозвішча: Рагозу) за владыку полоц-кого Афанасия Терлецкого, за стараньем и великою пил-ностью его м(и)л(ости) пана хрестиянского его милости князя Богдана Соломерецкого, старости кричевского и олу-чицкого, и за христоролюбивою женою его м(и)л(ости) кня-гинею Евдокиєю Баркулабовною Корсаковною, а за уряд-никами их милости паном Федором Глетивским сооружен и посвящен бысть храм святаго великомученика Георгия* через священника боркулабовского Федора Филиповича и бысть поручена или подана во служение, действованиа службы божественныя везати и решити детей духовных отцу Тимофею Алексеевичу.

Замет заметано около церкви, и келия постановлена, и монастыр заложен чернцы: Отца Афанасия его милость князь Богдан благоверный упросил, абы братия при нем была.

Был у Берестю собор року 1594.

Того ж року пан Островинский умер. Тот рок велми был мочлив, бурлив, студен; на збожье мерный был урожай.

Того ж року 94, месяца декабрия 17 дня, во второк по ранной службе, у Буйничях, принявши тьло Христово от рук своего духовника у светлицы буйницкой, ее милость пани Боркулабовая Паланея Крошинская* того ж часу по при-ятию святых Христовых таин, побожне, богобойне, з великим набоженством, принявши святые тайны, душу свою господу богу предала. Якобы з полгодаины на руках духовника своего была и преставися. И похована того ж року месяца мая в неделю середопостную в церкви барку-лабовской. Вышей крыласа левого гроб ей бысть.

Того ж року 94 по святе велебном Нафтанаил Терлец-кий, владыка полоцкий, с того света переставился*. Жил на свете своего живота леть шесть. Тот помаленку уводил новый календар* бо был родом поляк и мовил по полску.

Лета божого нарожения 1595, месяца ноябра 30 дня, в по-

неделю(к), за тыдєнь пред святым Николою (прибыл) Севериян Наливайко*. При нем было козаков 2000, дел 14, гаковниц.

Мѣсто славное Могилев, мѣсто побожное, дома, крамы, острог выжгли: домов всех яко 500, а крамов з великими скарбами 400. Мещан, бояр, людеи учтивых так мужей, яко и жон, детей малых побили, порубали, попоганили, скарбов теж незличоних побрали с крамов и з домов. Тут же войско литовское пана Радивила, (каштеляна) троцкого, гетмана литовского, до Могилева у погоню за козаками притегнули люду рыцарского конного збройного: татар 4000, литвы 14 000. Над тым людом был гетманом на имя Миколай Буйвид.

В тот час Наливайко лежал у Могилеве две недели. Услышал о том Наливайко, и ж гетман з великим людом и з делами до Могилева тягнет, тогда Наливайко з могилевского замку на гору Ильинскую, где теперь церков святого Георгия стоит, бо на тот час не было, выехал.

А так войско литовское на поли буйницком, имену велможного его м(и)л(ости) князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олучицкого, на войско Наливайково вдарили и кругом оступили. Там же зранку аж до вечера, яко бы(л) вже к вечерни звонити час, межи собою битву мели, яко ж литва з войском великим натискали на войско Наливайкино. Предсе один другому войску мало шкоды учинили, бо великую армату, так дѣл и гаковниц, пулгаков велми при себе множество мел (Наливайко), также люд свой отаборив коньми, возами, людом, шол мощно. Яко ж з дела с табору наливайкины козаки пана зацного, пана Григория Анюховского забили. Первей коня под ним застрелили, а потом, выпадши с табору, козаки его самого разсекали.

Тепер же литва, от козаков отступивши, до Могилева на болший луп поехали. А козаки на всю ноч ехали до Быхова аж на Низ. Литва за козаками гналася аж до Рогачева, да ничего згола не вчинили козаком. А литва и татары рушилися до Менска, до Новагорода и до Вилни, набравшися тутошнего краю лупу.

По выеханью козаков и литвы, тогда было зиме: ни зима, ни лѣто, ни осень, ни весна; аж до месяца мая, до святого Афанасия, снегу не было.

А и ж козаки Наливайкиного войска почали творити шкоду великую замком и паном украиного замку.

Того ж року 95, з войском литовским погонивши, в селе Лубни, на речце Суле, козаков побили. Первей Савулу стяли. Панчоу чвертовали. А Наливайка Северина, поймавши по

семой суботе до кроля послали. Там же его, замурававши, держали аж до осени святого Покрова: там же его чвертовано.

Року 1596. После Духа святого поставлен на владычество Полоцкое Григорей, протопопинич виленский, назван бысть на владычестве Гермогеном.

Того ж року 96 за митрополита Рагозу, за Жикгимонта Третего, за канцлера Лва Сапегу у Берестю правдиве на соборе владыка луцкий, владыка володимерский, владыка полоцкий, иных мало не вси приступили и подписалися до нового календару.

Того року почали бога просити за патриарху Гавриила константинопольского, 1596.

Лета божого нарож(еня) 1597 было Благовещение в пяток великий. Тот рок велми был недобрый. Были хоробы, болести розмаитые, многие, великие. Зима была люта, снежна. На санех ездили по святе велебном недели две. Почали орать пашню по святе на пятой недели, и то велми было грязно. Также и вода велми велика была, шкоду великую низким местом и двором, прудом починила, плоты, также и струбов много порозносила. Жита четверть купили по гр(ошей) 12, овса четверть гр(ошей) пять. Ярицу, обес того року починали сеяти на девятой недели. Досевали овес и ячень на 13 недели.

Того року было Петрова посту недель 5. Тогды позная ярица высыповалася за неделю пред святым Ильею, а предсе увошла. Умолот был средний — на лих, ни добр.

Року 1596. Никифор, великий протосинкгел и екзарх патриаршего престолу, от всих четырех (патриархов) посланный престолу константинопольского со всим собором.

Понеже святая божая апостолская, кафолическая церк-ви, сиреч патриарша, сиреч престол константинопольский, отвержению конечному предасте митрополита киевского Михаила Рагозу и нѣкоторых еще с ним епископов его яко отступников и разорителей церкви соборное, сего ради, силою и властью святого Духа подаем, всѣм благочестивым иереем, дяконом, иже наше мудрствующим обычае и догматы на власти имети, иерейская совершати невозбранно во всех епархия(х) и где еще ключими будут отцу Радиону, протопопе менскому, со всеми до владзы его належачими, поминающе имя патриарха Гаврилия, донелѣ же ими вместо отверженных поставленны будут епископом приимати приходящих ку соборной церкви нашей, иж хранит божественная истинная обычаи и догматы, явѣ известно исповедающих. Тако убо повелеваем усѣм. По сем благодать божая и

неизреченная милость да будет со всеми вами, иже наше мудрствующими.

Писан у Берестю на сыноде, року божого нароженья 1596, месяца октября 10 дня.

Тут подпис по грецку: Никифор, первоседалник престола великого Константинопольского.

Гедион, епископ лвовский. Власная рука.

Кирил, митрополит сербский. Власная рука.

Епископ преmysский. Власная рука.

Никифор Тур, архимандрит киевский, монастыря Печерского. Власная рука.

Року 97. Во великий пост его м(и)л(ость) князь Богдан именем Исакий у месте Баркулабове почал учитися по руску грамоте и по кгрецку. А был бакаларем пан Лаврентий Зизаний*, человек навченный, з места Виленского прибавленный. А родился его м(и)л(ость) князь Богдан в року 88*.

За господаря кроля Жикгимонта Третего, за канцлером Лва Сапеги, за митрополитом Михайлом Рагозою, за владыкою полоцким Гермогеном, за новым календаром (папежским); за смирением и благословенством преосвященного святейшаго вселенского патриархи кир* Рафаила*, за архиепископа его Гедсона Болобана, владыку илвовского, также и за духовника своего отца Федора Филиповича, священника баркулабовского; благоверный пан его м(и)л(ость) князь Богдан Соломерецкий, староста крычевский и олучицкий, на власном кгрунте своем Панковском и Новоселском, на речце, прозываемой Дашковце, на лесе-пуци Сыром Корени, закликавши и давши слободы албо волности людем прихожим на год петнадцать седети, волно мед сытити, пива варити, горелку курити, заложити рачил именем своим место Богданово. На тот же час и церков, то ест храм святаго заложити рачил на том же именью своем именованом Богданове, также именем и сына своего князя Богдана, место Богданово.

Року 1598. Того року были хоробы, болести многие розмаитые. Зима была маласнежная. А предсе рано стала, запором зышла.

Того ж року пану Сапезе Лву, канцлеру литовскому, досталось староство Могилевское в держане. А от него урядником был на Могилеве Голубицкий, хоружий полоцкий.

Року 1599 у вилию Рожства Христова по старому (стилю) рачил быти на чести у Баркулабове у его м(и)л(ости) князя Богдана Соломерецкого его м(и)л(ость) пан Лев Сапега з многими зацными паны велможными у месте Боркулабове.

Того ж року 99, місяця генваря 6 дня, у олторок князь Петр Жижемский, староста речичский, рачил заручити панну Крыстину у его м(и)л(ости) князя Богдана Соломерецкого, старосты крычевского и олучицкого. А веселе был року 1600 по святом Крещении* в неделю.

Року 1599. Тот рок был велми меженский, албо голодный: жита куповали четверть по талюру, а мера жита по две копе без двадцати грошей; а предсе здоровый на люди. А куповати збоже было везде много так у домах, як и в торгу, толко дорого.

Року 1599, місяця мая 27 дня, праве в сему субботу церкви Боркулабовское дочка жидовки Марьямки, арендарки боркулабовское, именем Стирка. И пилне слезне упала и просила священника боркулабовского Федора Филиповича для бога, абы была прекрещена у веру христианскую. Яко ж порадившисе с паны постронными, з боярами, землянами* з шляхтою и з урядником боркулабовским паном Федором Плетинским, наупоминаючи писмом тот умысл христианкою быти, ни для малженства, абысь мела за которого человека христианского замуж пойти, албо для лакомства маетности, але правдиве.

Оная жидовка именем Стирка тыми словы отповедала, стоячи пред церковью, пред всьми зацными паны и пред народом христианским: «Иж, дей, я, панове мои, вже давно з молодости моее, а правдиве, дей, вже полтора року, яко сама ся на то позволила, просячи со слезами господа бога и кладучи честный святой крест, ложачися и вставаючи, на лица своем, абы мне дал то видети, христианкою зостати. С хутью и з великою радостью того прагну Христову веру мети».

Яко ж назавтрии в день сошествия святого Духа з народом божим и много множество панов, шляхты, людей учтивых так мужей, яко и жон и детей, яко ярмарочного часу крещена была, у ваннѣ погруженна, и названо во святом крещении именем Елена.

Того ж дня matka ее Марьямка с криком, с плачем, для бога просечи, приходила тут же до крестилницы, падаючи просила, абы ее не крестившы пустили, обещуючи за то великий поклон и подарок дати.

Яко ж нькоторые мещане видели многое чарованье оное Марьямки, што она поганскими чарами египетскими дочце своей чинила. Яко была везена до их милостей князей до Буйнич, оная Марьямка, улезши у лазню студеную, голову открывши, волосы распустивши, печку розметала, чаровные поганские слова говорила, проклинала, обема руками назад

кивала, ноги свои везала, иного много зла, поганства творила, проклинала, абы жива не была.

Тот рок 99 был велми урожайный, добрый, здоровый, погодный, на всем добрый. Жито куповано четверть по грошей петнадцать, а мера по 40 гр(ошей), овса четверть по 4 гроши, мера овса гр(ошей) 16. Жито, гречиха, овес, пшеница — на то на все велми был урожай добрый.

Року 1600. Того року была зима люта и снежная. Благовещение было на святой недели* в (пя)ток. Почали орати по святе на четвертой недели.

Того ж року, месяца апреля у понеделок, на святого Мартина*, папы римського*, взявши з науки от Лаврентья (Зизания) зараз дано (пана его милость Богдана Соломерецкого) до науки латинския, до пана Максима Герасимовича Смотрицкого*.

ЛИСТ ОТ ПАНА НЕКОТОРОГО З РОКОШУ* . ВЫПИСАНЫЙ О НОВИНАХ РОКОШОВЫХ

Новины в(ашей) м(илости) ознаймую, которые ми в тую пришлую среду праве вседаючому, на рокош с Подляша* мене дошли. Препис з листу слов власных до мене писаного в(ашей) м(илости) выпишу. Нещасливые новины моему милостивому пану ознаймую, же наши битву з рокошаны прогнали; што королевской милости пришло людей тридцать тысячей чужоземского на помоч. Который, надею великую маючи, а до того рады злое услухавши, легце себе важечи панов рокошан, которых не было болш над пять тысячей, хотев их смерти. Але они плац утримали. Хотя з obu сторон немало пало, але еднак стороны нашей чужоземского люду, немцов, немало пало. То уже битва была по выезде моем с под Вислицы. Зачым тут наши мазурове* и подляшане и инших воеводств бегут заразем за ознайменьем оттамътоль, от панов депутатов, як на квалт, яко перепис универсалу тые новины от понеделка 8 дня октября на выезде моим тые новины принесены.

УСИВЕРСАЛ РОКОШОВЫЙ РОКУ 1606, МЕСЯЦА СЕН(ТЯБРЯ) 25 ДНЯ

Мы, рады и станы рыцарские, которыесмы се тут до кола зезду рокошового, для актикованя справ Речи Посполитей, на тым рокошу намовеных, такъже и давано знать о респонсе его королевской милости на поселство от нас да не депутоване, и тут на том местцу зоставлени суть всим

их милостем коронным и в князстве Литовским обывателем ознаймуемы, иж дня вчорайшого од его королевское милости их милость панове послове нашы воротилисе и з отповедю и з респонсем нам всим, не тылко барзо жалосным нам, не тылко очекиваню нашему, але першим респонсем и декларациям его кр(олевской) м(и)л(ости) противным. Бо место того, в чом есмо од его кр(олевской) милости отух отрымати мелисмы, тераз згола ничего, ани наветь дирректум респонсум на жаден артикул не однеслисмы и овшем усим правам пригана, яко бы не слушне, не уважне, навет и не побожне в нас подане быть мели ест учинена. Затым турбоване Речи Посполитой ест нам приписано и пены таковым служащие на нас с прегрозками суть захрона зась и устификованьем тым, которым от рады злые, ад абсолютум доминум служаще, коле нашим вина была дана.

А тот ест ефентия респонсум его кр(олевской) м(и)л(ости) против зданю пред ним сенаторов до него, которая она рада ад абсолютум доминум служонца, которые тераз, яко иншые уразы Речи Посполитой тылко негкативе там зноша*, юж праве скутечне выража, кгда ж при тым наступила резолюция талия, аб(ы) ту на нас з войском натрет. А тот рокош кровию нашою обляти, их конатус наше про реипублице боно предсезяте розервать. Такъже бы нам до далших косулаций и попартя прав, волностей наших прийти не могло до которых консулаций, иж в респонсе нашим на посельство кола тамтого Вижлицкого данным одозвали мы се ту ани кгвалтовным на нас наступом попредити и розервати хотят, если им до конца цнота зацного рыцерства в том якого не учинит встроту, которые, яко мают ведомость, почуваютьсе в том, што отчизне, што волностям шляхецким на своим повинни так се декларовалти, же рачей нам Речь Посполита допомочи хочет, ани ж бы на нас брони свои поднести мели, иж теды юж праве от рещт иде.

А иншого ратунку на тот час отчизне нашей не видимо. В(ашей) м(илости), наших милостивых панов и ласкавых братий, просимо, абысте в(аша) м(илость), яко на кгвалт, с тою готовостю овде посилатьсе и з оною Речи Посполитой опатроватся в(аша) м(илость) рачили бежит нас посилят тые, што суть поблизу зараз. А што одлеглейшые, на день 19 месяца октября, тут под Сондомир, жебысте прибывать в(ашей) м(илости) рачили, где и респонсови его кр(олевской) м(и)л(ости) и той то, которой еще и некоторые прагнут о практыках постронных информации при-

патрившисе до завартя, зась сполна до пана бога згода рокошу того приступити нам прийде. А мы тым часом, на той стражи будучы, кгвалтови, прав и волностей наших одпор давать и оным здоровьем своим заставятсе не зане-хаемо, где бысте в(аша) м(илость) нас рихлым прибытем своим, такъже и ратунком пенежным до затрымания и причи-нения людей служебных посилить не занежали з рук в(ашей) м(илости) пан бог крови наше апостерегает, прав и волно-сте (й) утрачоных певне бы патрали. Але и сами пострадав-ши милых свобод юкгум серенитатис про патрия, а на кгар-лах своих* носячи дни з неулитованым жалем провадити и кончити бысте мусели.

А еднак мы статечне в(аша) м(илость) против Речи Посполитое и против нам, братии своее, взаем (адв.) ною милостью жадного не маючи вонтпеня певнисмы, же в(аша) м(илость) в той ледво не остатней юж то ни Речи Посполи-тей и нас, братии своей, отбежати не будете рачили, могучи звлаща в добрым уваженю о вси поступки зъездов прешлых с того рокошу, же ничого иншого, едно што до варунку и беспеченства Речи Посполитой и целости прав и свобод наших належит, то собе ничогось важачы.

А с другой стороны, абы кандоре, яко щирый их противко нам поступок лацно уважити, бо кгдысмы за суспицією, которую нас неслушне в огиду подавали о замыслу отмъны пана з себе з речью самою знесли оседчат, и он цѣ тож, же направи самой Речи Посполитой такой еднак, которая бы не проформа без skutku, але ретелною была, потребуем.

Они своими артикулы нас зарутили роботе наше, ми на прерыпендии, нас хочачи отразити, зараз зь иньшей меры, на нас натирати, вси поступки наши потопят, абы так зачатой окултате реймен вцале зоставал. Не занежало затым в(ашей) м(илости), паметаючи на тот звязок конфедора-ции*, прикладом предков наших межи нами учиненую, на (л.160) которой имена свои зь обовязком вѣры, почти-вости и сумнения с подписом рук даже, се же ни в чом не отступуючи, skutком и речью самою оное выпелнит и досит оному учинити будете в(аша) м(илость) хотели дать в Сен-домеру 20 дня месяца вресня, року 1606.

Миколай Жебрыдовский, воевода и енерал краков-ский;

Ян Швейковский*. Рукою своею;

Самуел Ташицкий, депутат воеводства Краковского;

Войтех Сосницкий, депутат воеводства Виленского;

Федор Субчавский Проскура, депутат киевский;

Петр Стабровский, каштелян пернавский, рукою;

Станьморский з Морска, рукою своею;
Иоан Сулигостовский з Свлигстова, депутат воеводства
Судомирского;

Станислав Стадницкий*, староста жикволский, депутат воеводства Руского;

Януш Радивил, маршалок зъезду рокошового;

Иоан Гарьбурт с Тулцына*, хоружый лвовский з Руского воеводства;

Миколай Щенец Сондомирский;

Войтех, страж Белахова;

Одровеж, депутат повету Опочинского;

Героним Прылецкий, депутат с повету Освоитского Заторского;

Ян Лемахий з воеводства Любелского;

Героним Милиша, депутат воеводства Белского

Павел Рашовский з Рашова, депутат повету Высокогорского;

Ян Швейковский до книг подал рукою своею.

РОКУ 1606. АССЕКУРАЦИЯ, ТО ЕСТ ВОЛЬНОСТЬ

Миколай Жебрудовский з Жебрудович, воевода и енерал краковский; Ян Хоронский, снятинский староста; Януш Радивил, княжа на Биржах и Дубниках, подचाший Великого князства Литовского.

Ведомо чиним всем и каждому зособно, иж мы, дознавши ласки его кр(олевской) м(и)л(ости) пана нашего*, всъ покое и в той то Речи Посполитой замешане, абы далей до крве сполней братии нашей розляня не пришло, а то в том, же тая ассекурация его кр(олевской) м(и)л(ости) под Вислицею братии наше обывателев панств тых дать тут упевненьем своим панским утвердити того не занехал, же на вси помноженя прав и свобод тое сполное отчизны наше, на которое бы ся над вислицкие артикулы стали, тое Речи Посполитое вси згодитися позволит и близко пришлом сейме ест готов. Для того упевняем в том его кр(олевскую) м(и)л(ость), пана нашего милостиваго, иж люде вси пенежные, которые мы под тот час над звычай зобрали были распустимо и потом хоругови подносити не будем, ездов жадных и зобраня братии через универсалы иншые складати не маем. И тых, которые суть (л. 161) через нас зложоны, не только сами занехаем, але теж и других от того отводити будем, стараючися о тое пилностию, абы тые речы в том замешаню узрушонные, успокоены были и далший узрух першей турбации в Речи Посполитой не чинили.

До того ся сполне его кр(о)л(евской) м(и)л(ости) так, якосмы повинны, зо всех сил наших приложим, што колвек будет доброго и сполного отчизне належало. В тот час до домов наших спокойне, жадных сходок болшей не чинечи, розедемся и на сейми, даст ли пан бог, пришлым, если на нем будем, без войск и приймованя людей над звычай, яко до упокойных рад* становимысе у во всех справах Речи Посполитое зычливе и верне его кр(о)л(евской) милости радити будем. На што тое все писмом нашим даем, еднак руками нашими подписаные и печатми нашими запечатованые.

Деялосе у Янове у в обозе под Ядловцем октобра первого по старому, по новому десятого, року 1606.

Року 1600. Панове волынские, панове литовские, также козаки запорозкие, змовившися и знявшися вси вкупе, волохи отгамовали, войска Могилево побили, армату отняли*. Воевода мултянский* втек и з Мигалем*, троха не поймали, и много за ним гонили аж до границы мултянское. Троха ся было успокоило. За то была дана козаком лежа у Киеве; гетманом был Самуел Кошка*. Лежали (козаки) у Гоми, в Речицы, в Рогачове, у Баркулабове на пристанство аж уждали*.

Року 1600, месяца августа 8 дня, с понеделка на вторник, пан Лев Сапега, канцлер Великого князства Литовского, староста могилевский, албо теж за росказанем его м(и)л(ости), слуги его м(и)л(ости) пан Голубицкий, врядник печерский*, Ян Рожновский (село) Требухи до замку могилевского привернули. А тое имене было от веков на монастыр Печерский святыя богородицы надано от княжат буйницких по самую речку Дубровню. То все буйницкий кгрунт был.

Року 1600. Того року было Благовещение на святой недели у во вторник.

Року 1600, месяца септеврия 18, в че(тверто)к пан Ян Варшавский*, также его м(и)л(ость) пан Лев Сапега, канцлер литовский, староста могилевский, на Москву до царя восточного князя Василия Годунова* послами ходили и з ними княжат, панов зацных множество. И мешкали на Москве недель 20. Тамо ж приняли примере на год 20.

Того ж року 1600, октов(риа) 7 дня. Гермоген, владыка полоцкий, если за грех свой албо з божого допущения, первой того хорев у Полоцку, потом у месте Виленском лекарство поживал, там же, едучи з Вилни, в дорозе Сморгонинех, там же смертию ганебною живот свой скончал,

смерть претерпев. Яко был на постырство дирею влез, так же в дири, в дорозе, зле живот скончал.

Того ж року у самую у восень не по обычаю, месяца септеврия 17 дня, у в олторок, от западу силный, великий гром был в нас и по всим сторонам велми силно гримел. Также и блискане молони было. А в ночи мороз и вѣтер был. А тое было прознаменование — напредѣ будеш читати рок Христа 602, 603. Великие болести, хоробы (были), такъже великие, голод, неврожай силный. Было поветрие албо мор на людий перехожих, множество на Низ (Днепра) идучих. Около тысец 4 з голоду мужей и жон, детей пошло, так иж страшно было видети, иж на улицах, по дорогах, по гумнах, у ровех псы мертвых многих тела ели.

Року 1601. Великая война была у Вифлянтех* с кролем шведским за Жикгимонта Третего. Того ж року запорозкие козаки у Швеции были*, да ничего не помогли, толко великую шкоду господарю вчинили, бо место славное, место богатое Витебск звоевали, мешчан побили, панны поплюгавили, скарбы побрали многое множество людей порубали, незличонные скарбы побрали...

Того ж року 1601 по волости Могилевской гайдуков до Выфлянт выбранцов выбирали.

Того ж року 1601 за господаря кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Потяя-отщепенца, за вселенского патриарха кир Рафаила* постановлено на владычество. Гедиона, а первой звано его Миколаем; и тот отщепенец.

Того ж року 601, месяца августа пятого дня, преставился священник юрьевский отец Тимофей Алексеевич. А справовал ерейства своего год 4*. Парафея его была: полместа, село Былевичи, Ходутичи, Липовка, Панковичи, Новоселки, Тризнаина слобода, село Лежнево, Богданова слобода.

Року 1601. Тот был неуставичный, то ест почали жито на хлеб жати голодные люде пред Усѣкновением главы святого Иоанна Предтечи*, а в копы почали жито жати на святого Симеона Столпника*. И то было зерне велми мякко. А дожали жита перед Покровом за 2 недели, бо дожд уставичне шол недель 12. Ярь почала высыповатися о святом Петрѣ, а по святом Покрове за две недели почали ярь жати. И то зелено было. А потом после святого Симеона Столпника ок (тобра) 4 дня снег великий выпал. Прето, што было пашни, ярицы, овса, пшеницы, ечмень, горох, боб — то всё снегом напало и великую яри шкоду учинило. Згола было всему недобро як збожю, также и людем. А предсе цена збожю средняя была. Яко ж и знак тому упадку збожю:

в року 600 было зле, гром гримев у восень по Воздвижению честнаго креста*.

Того ж року 601 были у Швеции козаки запорозкие люду четыри тысечи. Над ними был гетманом Самуель Кошка. Там же того Самуила убито, а поховано у Киеве. Нижли там у Швеции козаки запорозкие ничего доброго не вчинили ани гетманови* и пану королю жадного ратунку не дали, толко з Швеции утекли. А тут на Руси Полоцку великую шкоду чинили, а место славное и великое Витебск звоевали, злата, сребра множество побрали, мещан учтивых порубали. И так шкоду содомию чинили* горше злых неприятелей албо злых татар.

Того ж року 1601, месяца октября десятого дня, цѣлую неделю снег силний и квалтовный ишол. Выпал до полголени. Также и буря сильная была. Тогда пшеницы, ярицы, овес, гречиху, горохи и вси овощи, великое множество ярицы на полях непожатые, также и копы жатые снегом позаметала метелица, иж было жалосно и страшно гледѣти и выповедити уздыханя и плачу людей убогих, пашников немаетных.

А так лежал тот снег 2 недели аж до Дмитровы суботы*. Яко ж з великих морозов река Днепр был замерз, и ездили по нем яко серед зимы. А потом за ласкою всемилостивого господа бога для плачу и великого уздыханя снег ростал и река Днепр росплынулся.

А потом почали жати-горевати па снегу у стужу. Были теж морозы великие, огнѣ клали, сами грелися, иж страшно и жалосно было гледѣти. Три, два человеки на день ледво снопов 40 нажнут овса албо ярицы, бо велми к земли (прилегло).

Люди убогие ярь на весне жали-горевали, але вже толко для статку. А того много статками на весне сами господари свое збоже травили. Маки, горохи, бобы, проса, репа — то все згола погинуло. А которые молотили ярь, зерня толко знак. А коли змелет, спечет, — то у печи испечется, а з лопаты у печ не зложит. С печи аж аполоником выберет. Также и жито велми было неумолотно. А коли муку житную у хлебе спекут, то тесто печеное солодко, а за скорину хотя ложки клади, а в печи не печется.

У восень роли и жито сеяли. Которые старым житом, то предсе нивошто*. А которые житом новым сеяли, тые ни жали. Яко ж две доле тых людей было, которых оралы и не сеяны были.

На лето куповали жито четверть по грошей 35, яр по гр(ошей) 40. Пшеницу куповали четверть 40 грош(ей), овес

по гр(ошей) 40, конопель чверть 20 грош(ей), горох чверть 20 гр(ошей).

А тот гнев божий был и непогода, почавши от Менска до Полоцка к Витебску, до Орши, до Мстиславля, до Пропойска*, до Рогачова, Могилева, Любошаны.

Потом у Речицы, в Лоеве, в Киеве аж на Волынъ добрый врожай был. А так потом много множества людей убогих з голоду на Низ (Днепра) з жонами и детками и зь семьею (шло), што иж страшно было не только видети, але трудно было и выписати, то ест зверху, з волости Шкловское, з Друцка, з Дубровны, з Круглы, з Бобря, з Витебска, с-под Полоцка, с-под Менска и з инших многих украин.

Того ж року была зима злая, снеги великие и силные были морозы. Многим людем поморозило кому ногу, кому палцы, другому вид: уши, нос; а другие з морозу померли.

А коли вже была весна в року 1602, тот наход людей множество почали мерти. По пятеру, по тридцати у яму (хоронили). Хворых, голодных, пухлых многое множество,— страх видети гневу божого. А так при великих местах человека по одному у яму ховали: священники проводили. Там же, которые ишли на Низ, тые вси там померли, мало се зостало. А так мерли одны при местах, на вулицах, по дорогах, по лесах, на пустыни, при роспутях, по пустых избах, по гумнах померли. Отец сына, сын отца, matka детки, детки матку, муж жену, жена мужа, покинувши детки свои, розно по местах, по селах разышлися. Один другого покидали, не ведаючи один о другом. Мало не вси померли.

А коли тот наход у ворот, албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отец з сыном, сын со отцем, matka з дочкою, дочка з маткою, брат з братом, сестра з сестрою, муж з жоною тыми словы мовили силне, слезне, горко мовили так: «Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, сподариня, солнце, месец, звездухно, дай крошку хлеба!» Тут же подле ворот будет стояти з раня до обеда и до полудня, так то просячи. Там же другой под плотом и умрет.

Того ж року куповали жита чверть 40 грош(ей), пшеницы чверть 50 грош(ей), овса чверть грош(ей) 38, гречихи чверть грош(ей) 40, гороху чверть гр(ошей) 40, конопель чверть 50 грош(ей), капусты ведно кислое 3 грош(и), ушаток капусты кислое 24 гр(оши), ячень чверть грош(ей) 70.

А коли варива просил, тые слова мовили: «Сподариня, перепелочко, зорухно, зернетко, солнушко, дай ложечку дитятку варивца сырого!»

Того ж року 602 з ласки божей весна почалася добре. Нижли до святого Юрья ледво штось жито посеенное

почало з земли являтися, а другое усходити и то потросе. Почали орати на Страстной недели*. А нѣкоторые до свята потросе маку, пшеницы посеяли.

Того ж року на Страстной недели во среду гром загри-мел велми грозный з дождем и з бурею немалою. А то был знак недобрый и праве злый, бо на десятой недели того року 602, в четверток великий, страшный был мороз. Што было цветов, то все поморозил. Правда, початок был гроз-ный, а остаток плачливый. Што было огородных речей — капуста, ботвинье, цибуля, маки, горохи, ячмень, ярица, — то все мороз побил, чого з великим плачем было видети тых людей голодных, которые толко огороды были засеяли, а жита не починали (жать). У восень цена всему збожю была такова, як в року вышей описан(ом).

Того ж року 602 у восень жито посеяное велми было урунилось. З ласки божей осень была погодлива и вдячно глядѣти было, — велми зелено. Также севба позная добра была.

Того ж року 602 веснѣ и летѣ на люди были з божого допущеня хоробы великие, горючки, бегунки. По местах, по селах много малых деток померло.

Того ж року 602, за кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Патея-отщепенца, за владыку полоцкого Гедеона, за святейшаго партиархи кир Гедiona*, месяца септевря 7 дня, со олторка на среду о полночи, канон Рожства святыя богородицы, славный пан хрестиянский, пан побожный, церкви божой миловник, князь Богдан Соломерецкий, во святом крещении называемый Алимпей, его м(и)л(ость) староста крычовский и олучицкий, на старостве своем во граде Крычове переставился в добром сумненю и памети. А погребено (его тело) при славной памети пану отцы Иване в Соломеричах в церкви святого Покрова. Того ж року князь Иван Соломерецкий у Высоцку переставилься.

Року божого нароженя 1603. Были козаки запорозкие, неякий гетман на имя Иван Куцкович*. При нем было люду козацкого яко 4 тисечи. Брали приставство з волости Боркулабовской и Шупенской, то ест грошей коп 50, жита мер пятьсот, яловиц полтараста, кобанов 50, сал свиных 100, меду пресного пудов 60, масла пудов десять, куров пятьсот, сена воз триста.

Того ж року 603. В месте Могилеве Иван Куцка здал з себе гетманство козацкое для того, иж у войску великое своволенство: што хто хочет, то бройт. На тот же час был выеждый от его крол(евской) милости и от панов и рад.

Напоминал, грозил козаком, и ж бы они ни которого квалту в месте, по селах не чинили. Перед того ж выездного от его крол(евской) милости приносил один мещанин на руках своих дѣвчину, у шести летех змордованую, зквалчоную, ледве живую, чого было горко, плачливе, страшно глядети на тое. Все люди плакали, богу сотворителю молилися, абы таковых своеволников вечные выгладити рачил.

Потом по Иване Куцку был гетманом Иван Косый. Тые козаки брали приставство у Полоцку, у Витебску, на Орши, у во Мстиславлю, у Крычове, у Могилеве, у Головчине, у Чечерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всех местах.

А на Волянню, на Подолю, у Киеве — там на тот час жолнери лежали, которые з Волох выехали, яко десеть тысящ. В tych всех краех приставство брали.

Такъже у Менску и по всей Литве там жолнери, татарове, которые выехали з Швецией, по tych местах приставство брали.

Яко ж в tych роках 600, 601, 602 великие, силные были незрожаи; также голоды, поветрее, хоробы, бо в летех tych бывали льтом велике морозы, силные грады. У Могилеве жита четверть куповали по грошей 40, ячень грош(ей) 50, пшеницу гр(ошей) 50. А около Головчина, Полоцка и Витебска куповали жита четверть по грош(ей) 60, ечменю четверть по грошей 70, пшеницы четверть по грошей 70.

Такъже гречихи, конопель знаку не было — все мороз побил. Тогды всего того насеня в Киеве, на Волянню куповали и то потросе, ледве можный огород засеял. А на поли, по лядах, по нагноях ниhto не бывал, албо редкий сеял, бо насеня ярнаго каждый мало мел.

А коли козаки запорозкие назад на Низ отсоля выездчали, теперь же великую силную шкоду по селах, по мѣстах чинили: жонки, девки и хлопята з собою много брали. Такъже коней много з собою побрали. Один козак будет мети коней 8, 10, 12, а хлопят трое четверо, жонки албо девки — две албо три.

Того ж року 603. Народ божий з Низу до домов своих назад пошел. Великое множество мужей, жон, детей, но еще болши tych было, которые на Низу померли.

Року 603. Весна велми была студена, морозлива (л. 167) аж до недели Фомины*. Того року был святой Юрей во великую субботу*. А предсе з ласки божое на весне и у восень жито на поли зелено было. Яко ж с тою зеленью и зацвило на 7 недели по святе, а никако ж пожовкло. Почали ярь сеяти до Великодня, а досевали яри на 7 недели.

Хто сеял на третей недели, тые загорели. А хто сеял ярь на 7 недели, того ярь добра была. Житу добрый урожай был и вмолотистый чисто. Жито почали (жати) люди голодные до Ильи святого, а дожинали в копу за тыждень по Ильи.

Тот рок 603 велми был сухой, жаркий. Як был дожд о Дусе святом, потом о десятой пятницы*, а потом на святого Илию.

Того року напал снег месяца ноембра 5 молодика и оттоле стала зима за две недели до запуст Филиповых. А потом мороз, снег, метелица великая была от Юрья святого* аж до Крещения. По Крещению святом колко недель великая неуставичность. Так было: если настанет месяц, то снег, дожд, бура, метелица, морозы, гололедица, ковзота, студень, иж трудно было выповедати. Потом недели третей в пост великий у во второк в ночи был дожд сильный, аж снег согнало и весна стала.

Того ж року 603. В месте Виленском, в Менску, у Радошковичах, на Орши, у Шклове и по инших многих замках было поветрее великое в пост Филипов. А в которых замках поветрее не было, в тых местах по дорогах, по улицах страж великую день и ноч мевали аж до Рожства Христова. А предсе господь бог тых в целости здравых заховал. А потом з ласки божое было по всим странам здорово.

Теперь же з ласки божое урожай на все добрый был. Жита мера — копа гр(ошей), ярицы мера — копа грош(ей), овса мера — грошей 50, гречихи мера — грош(ей) 60. А за таковое милосердие и великую его ласку, честь и хвалу госпуду богу воздавали, пили и ели. А которые померли, тых упоминали, плакали, жаловали и паметку творили, за тых душ и за грехи их господа бога просили, абы господь бог не поменул грехов их.

Теперь же радость великая была, иж муж жену в далеких странах знашол, отец сына, matka дети, дети матку, приятель приятеля, ближний ближнего своего. А где который умер, от тых один одному поведал, где похован.

Року 1604 на Василя святого*, то ест новаго лета, была зима велми добра, погодлива до великого посту. А потом на пятой недели великого посту снеги, дожди великие были, аж Днепр ростекся, а снег согнало. Предсе весна непогодная была. Тогды жито у цвету мороз побил. Также огурки у цвету мороз побил. Яко ж на тот час у господарстве мало хто бы ся мел огурками похвалити, хотя ж их гораздо и добре кукобили. Ягод, яблук, иных овощей мало ся зостало для великих дождов, морозов, градв. Толко грибов абабков в лѣте велми много было зродило, иж кождый человек по

двакрат у грибы на день ходил. Такъже за великими дождами около великих рек трав ни троха сена не косили. Вода вешняя стояла по святом Петре тыждень. А коли почала вода вешняя спадывать, яко бы три дни было. Потом болшая вода дожчевая нашла. И так поведали, якобы серед лѣта на Москве снег великий и мороз был, колко недель на санех в лѣте ездили.

У нас на низких местах у в огородах капусты, цыбули, яри згола потопило. И стояла вода мал не до Ильи святаго*. Зима была велми суха. Людем купецким велми шкодила, бо снег мал был. Жита, гречихи, пшеницы, овес, ечмень, горох в той цене был, яко в року 603; бо тот рок вари мало было, толко грибы, ледники, опенки ели. А рыб вялых мало было для великих поводков. На люди з ласки божее было здорово.

Року 1605. Весна з ласки божей была добра. Снег заразом согнало. Жито на зиму сеяное, як было зелено у восень, так же было зелено и на веснѣ. С тою зеленостю и зацвило. Предсе житу сухость была велми зашкодила: дождю мало бывало. У цвету яко у жите, так и ярь мороз, сухость зашкодила. Двои были усходы. Гречихи добрый урожай был и пленна была.

Того року куповали жита четверть 8 грош(ей), овса четверть грошей 4, пшеницы четверть грош(ей) 16, конопель четверть гр(ошей) 6, маку не было ни троха, ни цыбули. Чосники и того было велми малый урожай.

Того ж року 605. У Баркулабове за Лахвою* у волоки (поле) порезано через урядника пана Федора Плетинского.

Того ж року 605. Який ся знашол у краю Низовом*, а звлаца у дворе князей Вышневецких* якийсь Дмитр Иванович царевич*. Яко ж бывши при дворе их милости панов радных и собравши войско немалое люду низовского и козаков запорозких, такъже люду руского множество, с тым людом поехавши, Стародуб, город московский, взял. Листы по всей Москве розослал, поведаючи себе быти царя Дмитра Ивановича московского, которого еще малого якобы мел Годун стратити, нижли страшно (выповедати), и до царя Годуна принесено, але не оного Дмитра Ивановича, в него место малое дитятко, а его дивне было сховано и на Украину Низовскую было вывезено. Яко ж о того Дмитра Ивановича животе и мешканю, о бытности его, обычаех и поступках и мешканю его дивне и плачливе и трудно было выписати. Яко ж история о нем ест написана по достатку у других летописцах.

Яко ж не по малом часе оный Дмитр Иванович з людом,

взявши Стародубь и Москву, осел, а Годуна с царства своего московского согнал* и не ведати, где ся Годун подел. Яко ж Дмитра Ивановича познавши его Москва па давных знаках царских, был корунован царем вместо отца своего Ивана, царя московского, на Москве. А хотя ж и короновали его, предсе не мели со собою доброе и зуполное згоды. Одна Москва приймавала его за царя, а другая не приймавала. Тут же промежи ними была сильная и великая незгода и посварок. И велми о нем штось дивне радили. Хитре, мудре, скрыте, молчком радили, о чом наперед слышыте.

Року божого нарож (еня) 1606. Тот рок з ласки божей был здоров, на всем добрый, нишли рок мокрый. Жито, яри плохи были. А предсе цена была яко в року 1605 описано. Предные поводки были частые. Сенов мало было статку. З ласки божей было здорово также на люди.

Того ж року 1606. Дмитри Иванович, будучи ему коронованому* царем на Москве, не порадившись, ани пытавшись сынов боярских, по своей ему воли, по своей мысли, послав (послов) и змовивши панну зацную за себе у пана воеводы сондомирского в Полщи*. Яко ж оные послы, змовившы панну, привезли на Москву и самого пана сондомирского воеводу, также з ним много множество добрых, зацных панов, и паней и панянок зацных, шляхетных. Яко ж того ж року 606 было веселье на Москве и было при том веселю литвы, руси и поляков, волынцов, поведали, яко сем тысящей выбранцов, коштом великим выбраных, а злате и серебре, в жемчугу, у каменью дорогом, иж того ум человеческий сказати не возможет.

Яко ж по том веселью за колко дней албо недель москwa вся, зобравшисе и змовившися межи собою, в ночи без вѣсти безпечне, грозно вдарили на палац самого царя, царя Дмитра Ивановича и на весь почет его, так литву, русь и поляки, и на пана сондомирского. В тот час побито от москвы много множество почту царя Дмитра Ивановича, люду зацного, люду служалого рыцарского, панов зацных, шляхетных, также зацных паней, панянок. Тым всим великое насилство, посмеване, што их злый умысел мыслил, то чинили. Плачливе и страшно было слышати о таковой злой пригоде тых людей учтивых. А самого царя Дмитра не ведати, где ся он подел. Одны поведали,— убит, а другие поведали,— жив утек. О том ништо на тот час певное ведомости не мел. А самого пана сондомирского (г. зн. Мнишка) не згубили и з дочкою его до вязеня посадили. А которых на тот час панов не побили, тых множество люду

служалого яко убогих, так и богатых полупивши, шаты добрые з них собравши, брони поотнимавши, нагих, босых за границу выгнавши, попускали.

А то за великие прикrostи литовские и насмевань полское сталося им, иж был збудовал царь Дмитр ку воли жоне своей на Москве костел полский и мниши служили службу божую, а з русских церквей великое насмевань чинили, попов московских уруговали, з них ся насмевали. (Масквичы) мели то себе за великую кривду и великое зелживости своей, не хотячи у царстве своем, абы была вера ляховитинская, бо в них того от веков не бывало, ани хотели того во царстве своем мести. Прето их побили, помордовали и с царства своего Московского проч выгнали, а себе на царство царем помазали Шуйского*.

Потом того ж року 606 господарь, кроль полский Жикгимонт Третий, послал гонца своего о том до Москвы пана Яна Кгенсевского. И того там же на Москве посадили, и седел тот гонец много.

Того ж року 606, месяца июня 5. Почался починати якийсь рокош. Там же на тот рокош зьедчались панове руские, пруские, жомоитские, мазовецкие, подляские, вольныцы, литва, поляки,— згола от всех земель и поветов панове велможные, панове зацные всяких вер, всяких языков. И стоял тот рокош у Сондомиру месяцев шесть. Яко ж там тот край выгубивши, выпаливши, спустошивши от Покрывници две миле, и не учинивши и не постановивши ничего доброго, у восень о святой Покрове розехалисе проч.

Тот рок 606 з ласки божей добрый был, толко на фебру много было хворых. А збожу была цена: жита мера по гр(ошей) 24, овса мера гр(ошей) 14, гречихи мера гр(ошей) 20, ечменю мера гр(ошей) 20.

Той же рок 606 велми дивный был. А то в том, иж вода все лето так была велика, яко праве весне. Не толко летом, но и о запустех Филиповых: раз упадет, потом прибудет; и з берегов выливалася. Прето сена велми мало косили.

Року 1607. Тот рок з ласки божей был здоров на люди, также и врожай збожу средний был, также и цена збожу была: жита четверть гр(ошей) 8, пшеница четверть грошей 6, ечень гр(ошей) 6, овса четверть грош(ей) 5, гречихи четверть гр(ошей) 4.

Нижли того року 607 великая была незгода и замешане кролю с панами, паном с кролем, з рокошанами, великий бунт, забите, кровопролите; от господаря кроля на дома насылане; шляхте шкоду великую починене. Велми страшно было слышати, албо тым, где се то деяло, видети. Яко ж

и конституция* были выдали релии греческой, а потом за великою (невзгодою) и дивными справами разорвалося. На том так не постановилося, толко великое забийство, мордерство, кровопролитство поделали рокошаном. Яко ж о таком постановеню рокошанскому тут же в том року 606 есть вышей описан(о).

В том же року 607 было великое на християне и немилостивое жолнерство, лупежество. По местах, по селах жолнери берестейские, жолнери кгороденские тые по волости кролевской капщизну брали, а на панских и княжеских (землех) приставство на подданных вытегали. К тому зась особливе жолнеры Лисовского, жолнеры Кгороденского тые по подданных кролевских и князских, панских, шляхецких великое и немилостивое приставство албо стацию по волостях брали яко збожем, так же и пенезьми.

Того ж року 607, месяца мая, после семое суботы ишол со Шклова и з Могилева на Попову Гору якийсь Дмитр Иванович*. Менил себе быти оным царем московским, которые первей того Москву взял и там же оженився. Бо тот Дмитр Нагий* был напервей у попа шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал. А потом до Могилева пришол, такъже у священника Федора Сасиновича, николского (попа), у селе дети учил. А сам оный Дмитр Нагий мел господу у Могилеве у Терешка, который проскуры* заведал при церкви святого Николы. И прихожувал до того Терешка час немалый, каждому забегаючи, послугуючи. А мел на себе оденье плохое: кожух плохий, шлык баряный. В лете в том ходил.

А коли были почали познавати онаго Дмитра Нагого, в тот час з Могилева на село Онисковича Сидоровича* аж до Пропойска увышол. Там же у Пропойску были его поймали, во везенью седел. А потом пан Рагоза, врядник чечерский, за ведомостью пана своего его м(и)л(ости) Зеновича, старосту чечерского, оного Дмитра Нагого на Попову Гору, то ест за границу московскую пустил, со слугами своими его пропровадил.

А коли приехал до Москвы*, то ест Поповы Горы, там же его москва по знаках царских и по писаных листах, которые он, утекаючи з Москвы па замках написавши, давал. Через тые уси знаки его познали, иж он ест правдивый, певный царь восточный Дмитр Иванович, праведное солнце. Тут же почали радоватися. В шаты, убиоры каштовные одѣли. Потом конного люду семьсот до него прибегло. Тут же почал лысты писати до Могилева, до Оршы, до Мстиславля, Кричова, до Менска и до всих украинных зам-

ков, абы люде рыцерские, люде охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразом с Поповы Горы оный Дмитр Нагий, сей мнимый царь московский, осел замок московский Стародуб. Тепер же почался люд гулящий, люд свовольный скоро Дмитро той и молодцы. Якийсь наймит з Мстиславля до него пришол.

На тот же час на Москве (сел) царем князь Андрей Шуйский*. Тогды, собравшы войско, Дмитраш и почал войну творити з Москвою и с князем Шуйским. Нижли одны москвичи признавали его царем быти и самая Москва и вси большие бояре московские и инья.

Многая Москва, которая первой его добре знала быти царем московским, (рекла) ино, дей, якийсь вор московский, а другие поведали быти и называли его так — плут. Итак до онаго Дмитра Нагого москва писала быти его таким — царь вор, Гриша Отрепич, рострыга*.

Потом зась явился другой царь на Москве именем Недведок. Тот Недведок з людом немалым сам передался на Москву царю Андрею Шуйскому.

Теперь же почали войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска сильные. Отселся з Литвы Рущкий з ротую, Лисовский, Велемовский, Сапега, и иных много. А з Низу роты великие: князь Вышневецкий з ротую, князь Ружинский* з ротую. Там же (прибывало множество) волинских, подольских зацных панов з ротами. А з Полщи пан Стадницкий з ротами великими.

Там же на Москве в тот час бог ведает, што ся там деяло: места, замки малые выплендровали, але под столицею все лето стояли, много штурмов утратили,— не достали.

Там же купцы шли многие з горелками, и тые великую шкоду Москве делали, хотя купцы. И тые жолнерами себе поведали быти. Яко ж оные жолнере и вси купцы, которые там на Москве были, чудно и велми дивно о цари Дмитре поведают: якость дивне у войску справует, иж, дей, у ночи не спит, толко убравъшися во платье леда каковое, то...

Року 1608. Летом великие и сильные войска ишли на Москву до царя Дмитра. А нам в том краю сильную, великую шкоду починили у статку, а наболшей у конях. Тые то ишли жолнеры, имена их описано в року 607.

Того ж року 608 розгневане божее было — много псов устеклых понсавалося, коней и людеи много покусали и (тые) померли.

Того ж року 608 патриарха вселенский кир Рафаил переставился. Того ж року на местце его был посвящон вселенским патриархом именем кир Неофата.

Того ж року 608 лето было мокрое, поводки были частые. Мало хто при реках великих сена косил, бо и до восени поводки великие были.

Того ж року 608 много деток малых з воспы померло.

Король Владислав* ишол под Смоленск в року 1633. Шеин* на тот час з войском великим под Смоленском был и королю Владиславу поклонился и дела его, что Смоленск добывал, королю Владиславу достались. Меновите:

«Однорожец» сажний* три и болей	1
«Кгранат» сажний чтыри	2
«Гладки» сажний три	3
«Кречет» сажний три	4
«Волк» сажний три	5
«Царь пушка» сажний три и болей	6
«Коваль» сажний три	7
«Юрей» сажний три	8
«Пасынок» сажний два и болей	9

При тых и иных дел малых припроважено з Смоленска, числом всих...

УСПАМІНЫ Ф. ЕЎЛАШОЎСКАГА

Самому пану богу моему зо всяких добродейств его насветшое милости нех зостава вечна честь и хвала, за которого презренем и я, Федор Евлашовский, уродилэмсе от вышэйпомененых родичов* моих в Ляховичах в року от нароженя сына божого тисеча пятьсот сорок шостого, месяца февраля семого дня, в неделю ночи пришлое около полночи. И дано ми име ведлуг свята руского, которое было на он час в понеделок месяца февраля осмого дня, а у рымянов положоно ест месяца марца второго дня — Теодора, гетмана, от Лицыниуша змучоного.

А яко мелом вядомость от родичов, же в рок по уроженю моем премовилэм до отца моего «абба», з чого се они урадовали. Але я намней потом не мовил, аж в полчварта року от нароженя моего почалом мовить.

А в пятом року почато ме бавить наукою рускою, кгда ж в тых часех в тэй нашей строне не было еще иных наук. И для того ж пришло ми зостать з рускою и полскою наукою, и по-жидовскы написать умелом. Але тое письмо их потребуе уместности языка збрайского, або хоть немецкого; кгда ж вжо тепер Библия* жидовская немецким языком выдана, чого полским языком учинить бы се не могло для ортографей, якей в ынших языкох не маш.

А потом, удавшисе на службу, трафяли ми се таке паны, которые ме оборачали до браня поборов и чиненя личб, порозумявши на то з натуры способного. А пан бог был завше со мною.

А потом, за наступленем и поднесенем войны от короля его милости Жикгимонта Августа* с кнезем Иваном московским*, былэм первший раз на войне, где и битва была нашим щаслива над москвою року 1564, месяца ген[варя] 26, на Иван полку* над рекою Улою.

А потом аж до уприкреня были ми частые язды на тые войны*, а яко юж тераз упатруе, мало потребные, бовем же и Речи Посполитой пожитку не веле тэ войны приносили. А мне паметнэ зостали для утерпеня велких пригод, трудности, шкод и невыповеданых невчасов.

Самому ж пану богу хвала, же ме зо всих их выбавять, а, праве, на некоторых местцах чудовне охранять рачил, давши ми, праве, у вшитких люди вдячность, ласкэ и учыньность над надее мое. А неприятелей, которые некеды з зазрости повставали и кгловы свои подносить хотели, значными плятками отвращаючи, а упорных и дивными припадками з света згладжаючи, жем юж, праве, такою ласкою божою не толко убезспечоный, але и роспещоный будучи, никгдым се ку оброне от неприятель моих не готовал, аним се за слова их брал, очекиваючи власнэй нашей помсты божей, ктора тэж никгды не омешкала. А друкгды и вэ мне самым аж плач и вэлке порушене в духу чинила. Уважаючи так вшехмоцнэко, велкекго бокга незапаметане мне межи незличоным людом, яко робачка малого, и непажаловане трат моцнейших на мене ку обороне моей.

Року 1566 мешкалэм в месте Виленском, выбираючи побор, названный покгловный, где мел великую утеху, слухаючи слова божого вэ зборе хрестиянским* за министров* учоных Вендрокгорского и Костеницкого.

А претивным зась обычаем зналэм великую ласку мужа годного памяти князя Яна Маковецкого, архидьякона варшавского, кустоша* и каноника* виленского, писара в скарбе кр[оля] его милости, который ме барзей в тэ то личбы въправил* и доброго ме пожитку набавил и веле людам в знаемость подал и залетил, бовем на он час розность вяры не чинила наимнейшей розности в милости приятелскей, для чого самого тамтот век злотым ми се види от нинейшого веку, кгде юж и межи еднэй вяры людьми облуда все заступила, а покготовию межи розными вяры ани се пытай о милость, щирость и правдиве добрэ заховане. А навенцэй межи свецкими станы.

Помне бовем и недавно прешлых часов, кгда дисейший папеж Клименс еше кар [ди] налэм был у кроля его милости Стефана* в Вилни, сеद्याлэм у столу князя Балтроеа Недвицкого, каноника виленского, з преднейшими слукгами влохами* его. Тые же се, кгда довели, жем евангелик, дивовалисе барзо, яко ме смял князь каноник на обяд свой взывать. А кеды им он преложил, жем в нас з того жадна ненависть не быва и милуемысе яко з добрыми приятелы, хвалили то влоши, мовечи, же ту бог живе, а кганили свое домове права, а радней неснаски.

О бокг бы то дал, абы и тэраз ласкаваше веки наступить могли, жебы хрестияне, хоть в частиах або обычаех вяры порознени, але, еднак, хрестияне преложеного и навышшого монархэ хрестиянского, отца папежа, в лепшим пошанованю мели. А од некто, яко от отца мондрэкто и ласкавэкто знашани и миловани были прикладэм отца домового, который сынов своих и розных от себе и от друкгей братей в обычаех знашать умел.

1566. Поветре в Княстве было. Того ж року вышпомененого юж в есени поветре кгвалтовне в месте Виленским было. Мешкалэм под ним немало, бачечи там доктора Сэпрца и инших каноников и людей розных немало, кторе тэж в тым поветрю живо zostали были. А маючи от помененого доктора престрокгэ, межи иншими речами: абым се прелекнення варовал, кгда ж се покусы ради в поветрю указую [т], але если бы се што привидяло, жебым шедл претив тому бэзпечне и добро не се мел, и то мяло зкгинуть.

И так я, юж будучи в собе постановеный, едучи з Вилня до дому, мяновите в Дорогове, в стодоле ночуючи, обачилэм юж на свитаню в ызбе огнистого человека, до кторекго кгдым се порвал, он тэж до мне выстэмповал и, зшедшисе срод избы, порвалэм з запаля ноже и ударилэм нань. А он, зникнувши зась, се был в тым же конте указал и зновон до мне шедл. А я чапкон рутилэм нань и окно отворилэм; юж малый день был. А то згнуло. А там в ызбе был кгосподар з жоною и похолэк, подрожный. Але того не слышели.

Потым ба [я]лэмсе ехать до дому, розумеючи, жем се заповетрил. И так там умыслилэм был бавитсе длужей, до чого се тэж и причинка налязла: згнула ми была ручница* кротка з олстрэм* з воза моего в стодоле, о кторон, ркомо, выведане копным обычаем* чинилэм. А вшитким впрод то видзэне мое поведалэм.

Обачили потым ручничкэ мое над возэм в самым верху завешонон, аж драбинэ зэ вси принеслши, отнято ю.

Затым невяста, стара шляхтянка, неяка жолнэрова,

кгдым ей мовил о тым видзэню, же се бое[м], если бым кгде не заповітрил (бовеи и в Новокгородку было повітре), она ми рече: «Не бойсе, не повітре!» Але, указавши недалекo свой домэк, «З окна,— поведила,— видедам, яко лятавец* приходи до тэй ту невясты кгосподарскей».

И так же за ее отухою ехалэм до дому, где за ласкою божою зэ вшиткими здровым был. Одно ж потом вэ три чвэрти року припадать ми почало в спаню, за яким колвек злекненем душеие прикрэ барзо. Именовали докторове тэ хоробэ инкубусэм. И лечено ме на то на розных местцах. Але, хоть юж не так часто, яко сперву было, однак же през увесь живот мой почувалэм я в себе тэй припадок.

Того ж року (1566), на первше роки земске* в повете нашом вэ вшэм панстве Литэским о светом Михале, а новокгородске, за заповітренем мяста Новокгородского, в Ляховичах сужоны были. А старостою на он час был ляховицким пан Володымир Семенович Заболоцкий, зацного дому чловек з Москвы.

Року 1567, а веку моего 21, были лят[эм] у короля его милости Жикгимонта Августа послы великие московские, то ест на име: Федор Иванович Кольчов Умногo, наместник суздальский, чловеков з ним 727, а коней 922; Григорей Иванович Накгой, дворецкий, люди з ним 269, а коней 370; Василей Яковлевич Шолканов*, дьяк або писар, людей з ним 229, а коней 332. Сума всих людей 1225, а коней 1629. С которыми о покою ниц се не постановило.

Тое ж осени король его милость был з войском и в шиху под Радошковичами.

Року 68 по сойме Кгороденском и по зезде воинском ехал король его милость до Люблина для сконченя унеи*. Откуль року 69 на друкгей недели посту великого* анове сэнаторове литэвсцы, бачечи веле речей себе противных, отехали были з Люблина. Вшак же по велкей ноцы* през универсалы* короля его милости, за печатю коронною вынесенными, зновон до Люблина собрани будучи, скончили унию августа месяца 11 дня.

А пред тым еще земля Киевская, Волынская и Подляшская до Коруны* присужоны и списами прилучоны были не за раз, але зособна, по еднэй зеи от Литвы* урываючи, яко святча привилия им даные. В подляшским — найпервша дата, албо снадней одэрване, марта пятого. Затым у Волынской зеи — двадцать шостого дня мая. А Киевска зеи трохе се далее затримала была, аж ей привилей выдано шостого дня чирвца; в едним же року 69.

Року 70 был съем у Варшове, але се розехали без кон-

стытуцей за незькгодою. А под тым часом послы были у московского (князя). А меновите, с Полски — пан Ян з Борчина Кротоский, воевода иновлодзславский, а пан Рафал Лещинский з Лешна, староста радеевский. А з Литвы — пан Миколай Тальвош, кашталян менский, а пан Андрей Иванович*, писар короля его милости. Которые князю великому московскому Ивану Васильевичу о доконченью унее нашое ознаймили и примере на три лята принесли. См[е]ялсе московский на ознаймене унеи, мовечи: «Давном я то ведал, же ляхи и литва королевские».

Того року трохам был до дому се з Варшовы зворотил в лете и знову ж с початку есени ехалэм до Варшовы и мешкалэм там през вшитке есень, гдем спыскавалэм в потребах короля его милости, хоть ми та послукга мерзила.

Приехалэм до дому остатнекго дня кгрудня в року 70, где заставши пана отца и паню маткэ у вечере. Зараз не моглэм доседеть у столу. Припала ми срокга кгорючка, бовем в дродзэ мелом при собе хорых люди и заповітрилэмсе от них еще у Вэнкгрове. А потым жем се през тыйдень ехал не под [д] аянце, аж юж кгвалтовне ме в дому зламала. И то была дивна справа божа, же ми в дорозе уфолкговать рачил. Лежалэм в тэй хоробе сем недель и отпадывалэм або в рецыдывэ входилэм трикроть, даючи причины на то з необаченя моего, яко в молодом веку моем. Ледвем се выбил и оздравять почал под месопусты* в року 1571.

В том року 71 по велкей ноцы ехалэм до Варшавы и мешкалэм при дворе; аж липца 17 ехалэм был до дому. И прияхавши до мястэчка, што се зове Добрым, захоралэм на горючку и казалэм се везть аж до Бранска, маючи там доброго човека, кгосподаря Яна Мазника, где долежал выпоцэня и сконченя тэй хоробы. А пани matka моя, не ведаючи о мне, гдэм был и што се со мною деяло, але сэрцем материнским чуючи то, велцэ се зфрасовала и здрое себе попсовала, звалаца по первших хоробах моих и фрасунках своих значне здорова урвала и за приеханем моим до дому. Але по первшим привитаню жалосный былэм, розумеючи о ее недолгим животе. Яко ж потом в марцу пришлым живота доконала.

А я еще есени тэй мусялэм Варшавэ наведить, кгды ж там король его милость Август мешкал. А мне потреби к[o]p[оля] его милости правнэ ку отправаню злецонэ были.

На початку року 1572 былэм забавеный потребами его милости пана Миколая Криштофа Радвила*, маршалка

дворного*, княжати на Олыце и Несвижу, а тэразнейшого пана воеводы*, троцкого, кторых потреб, як у пана великого, досыть было. Але ми се наприкрыла над инше справа якекгось пана Шахна, земенина* его княжеской милости з маетности Сверженской, который задарши с паном Миколаем Служкою, старостичом кричовским*, суседом тэй же маетности Сверженской, дивнэ штуки вырезал и паны затруднил; аж добре се его милость пан маршалок (звляща яко в млодым веку свым) доведявшисе, с паном Служкою до поровнаня приятелского пришол и пану Шахнови за добре не мял.

А от тых часов завшем служил в потребах его княжеской милости пана воеводы нинейшекго троцкого, хоть потым не завше притомне, однак же правдиве и пилне аж до тэй старости моей, в которой то, а меновите в року панском 603, пишу и дятком свым раду мою зоставую, абы се при мне и по мне его княжеской милости, и дятком и домови его княжеской милости прикладэм моим служить не вымовили и приняли.

В том року 1572, дня 8 фебруарыя, сполнило ми се от нароженя моего лет 26, а семьй двадцатый настал.

В тым же року нещесливого месяца марца второго дня в неделе предэднем умарла намилшая matka моя Феодора, осиротила з великим жалем пана отца нашего и нас, детей их милых, кторей тяло пристойною учтивостю похованэ зостало в Ляховичах в церкви русской.

А ту се за смертю пани матки моей розэрване мысли моих стало вторе: были яхать до Угор и до Турцэи (сабраліся), звездать инше краины далеке, научиться ремесл розных, кгда жэм был жалосный... смертю того ж месяца ту ж наступуючую.

А потом же за смертю пана отца моего и дятэк ховане и опатроване албо опека дятэк их, братьей и сестер моих, на мя припадши, в тых кутех свята мне затримали.

Того ж року месяца... был съем валный у Варшове, але сам король его милость Август юж был хорый, прето ж се там ничего не постановило. Был и чауш* на сойме от турка. Слухали кго панове радные сами. На местцу кролевским арцибискуп гнезненский Якуб Уханский седял. Мовил турчин, слуга чаушов, за его указованем турецким по-латине, которому признавано, же добре мовил. А при отправеню его чинил му респонс пан канцлер Валентый Дэмбинский по-полску. И татарин наш наготованый хтял му тлумачить. Але чауш не казал, поведаючи, же сам розуме по-полску. Указована то от многих людей, же се туркове

в Парыжу французским пилне латины учать. А боже, дай (каб.) не пренеслысе до них науки, яко се пренашали первой от народов тых до других, што тепер, яко слышемы о велким наук розмноженю в панствах турецких, хоть теж и веля хрестиян, турком прилекглых, в языку се их турецким закохали. А што ведеть, ку чому то за часэм свым пан бог привесьть будеть рачил?

Под тым же часэм король его милость фримаркем за Свислоч пустил Ляховичи его милости пану Яну Ходкевичу, на он час старосте жомоитскому, и взял е его милость 12 дня червца в тым року 72. Того ж тэж дня человек зацный, подле Ляхович мешкающий, Федор Юряга умер.

Ям был у Варшаве при дворе, где тэж поветре моровэ значне се показовало. Кроль не хтял бы выехать, аж дворня и на замку мреть почали. Помарли похолента Балицкий и Конарский, а червца 19 умер князь Масалский, в ласцэ на он час королевской будучий. Тэды ж кроль его милость, улекнувшисе, дал се вывезть на ноц до Пракги за рекэ Вислэ, и так далее проважоно кроля у возе велким, на то згкотованым з блонами, а в ним ложко с кролем лежачим висяло. Приехано з ним так до Кнышина 28 червца. А ям еще в дорозе впалл в тежкую горючкон и казалэм се весть до Кнышина, кгдем ледве с тое горючки выходил.

Умарл король его милость Август в понеделяк липца 7 дня, години 18 або третей с полудня, которого то смерти, яко се там сподевано, не таено, але зараз всим обявлено. 8 дня липца в шаты королевске убрано. 9 липца еще без труны на столе при стене всим людям, кто хтял видеть тяло королевске, указано. 10 липца до труны тяло вложено. А за тон смертю кроля его милости и хоробою моею застали листы мое неподписанные, которые мне король его милость на маетности данэ написать был казать рачил, што се велкему нещастю моему причитать муси.

За тым зязды в Полце и в Литве бывали. Послы цэсарске* и инших панов приездчали. От турка се пилне [?] выстерегали. Немней розорваня з Литвою обовялисе, абы се Литва з московским (князем) не порозумели. И прото ж были от поляков у Кгродне пан воевода подолский и пан каменецкий, кгде се о згодной элекцыэй намовили. Опускам тоя, ведаючи, достаточне то од инших выписано.

В тым же року 72, видячи я пана отца моего осиротялого и велце для смерти малжонки свэй жалосного, радячисе и намовляючисе з ним, зрозумялэм, жэбы позволил на яким владычстве* живота доконать. Доведавшисе о ваканцыэй владычества пинского, чинилэм велке старане,

не упоминаючи прац, накладов и розных практык, кгда ж то все для добродейя отца моего милого был повинен. Але кгдам ми до накладов пенезей* не стало, былэм так нещесный, жем се ту около Ляхович у люди тых, которым се часто в потребах их згожал, на узычене пенезей способить не могл. Аж, о котором мней надеи мялэм, пан Андрэй Жданович Доровский, и по смерти му добрэ слово zostавуе, же ме пенезми был поратовал, жем то владычство пинске пану отцови отрымал, на котором он в року 73, стычня 18 дня, в Новгородку от митрополита Ионы Протасовича посвецоный был. До Пинска приехал на столицу свою 26 стычня в понеделок. С тых всих речей нех буде на веки самому богу честь и хвала. Амэн.

А так, с Пинска се отправивши, почалом се старать о отыскане в Турове, где княжа Константин, воевода киевский, боронил. Для чога знову преежденья и накладов немало быть мусяло. Былэм в Турове у княжати, и zostавил ме еще на обетницы. И так долго зволок, аж в Кракове на ко ронацэи кроля Гэнрыкове в року 1574 кгдам му послужил до отысканя именов Острога и инших през пана Лаского, воеводу сирацкого, кролеви Августови заведеньх, тож был в Турове пану отцу мсему поступить казал.

Там же, ркомо, поуспокоившисе, пан отец мой был на тэй зацнэй столицы владычества пинского в всяким людцким поваженю, добрэй славе и оздобе. Але не долго, бо в року 1574, будучи в Турове, впал у фэбрэ и, с полрока в ней бывши, умарл в Пинску року 1575, дня 9 марца, вэ срэдэ ранючко, где потом и тело его похованэ в цэркви святое Пречистое. А на мене припало ховане дятэк его, и плачене немало долгов его. Але пан бог мой не опускал ме и в тых речах розумови моему трудных, але ме значне рятовал и зэ вшэх их выбавять рачил. Нехай буде зе вшэх добродейств своих пан бог похвалон на веки. Амэн.

В том тэж року умарл в Ляховичах сын пана виленского, пан Ярош, снять, около лят 15. А в тэй млодости свэй пэлэн был мудрости и ростропности велкей. Умарл тэж пан Андрей Грегорович Ходкевич, подстолий Великого князства Литовского, велцэ добротливый и рыцэрский* пан, которому мяно было дать в малженство воеводянку виленскую Х. Радивиловну. Але се то тон смертен пана подстолего розэрвало. И выличил небожчик пан виленский, же то юж была за его ведомостен едэнаста пара люди з дому их ходкевичовского, приходечи до сповиновацэня з домэм радивиловским, розэрвала.

Року того ж 1575 в маю зъехавшисе панове и рыцэрство

до Стенжицы, конклюдовавши Генрыка кроля венцэй юж не чекать, до элекцыэй нового пана (караля) приступили и, змешкавши там три неделе, розехалисе, в розерваню ничого не справивши.

Ехалэм за позволенам пана моего до Острова, у Люблина мястэчка будучого, на право там з шляхтою Казановскими от их братовое, цорки годного памяти мужа Стэфана мостовничого*, отца дисейших сусядов моих панов Вадашинских. А стонтонд едучи до Брестя, пред Полюбичами былэм в велким страху от грому, же муселизмы под частыми срокгими перунами, значне межи нами сподаючи-ми, ехать миль з полтретей, не маючи, где застановитсе. Потом, приехавши до дому, былэм у того то пана мостовничого, а меновите липца 24, в неделе. А межи иншими розмовами припоминалэм тот страх громовой, якосмы се натерпели. Он на то поведял, же му еще млодэму в Кракове от якогось преежчого кгвяздара практыковано, же мял меть смерть от грому в року живота его шестдесентым, а якобы му юж з ласки божей лят шестдесят минуло. И так се покгласкал по броде. За чим на сэрцу мым стало ми кго барзо жаль. И пытам: если се боит, кгда му се трафя быть под громэм? Рэкл ми на то, же не дба [ет] никгда, ежелих где потреба быле з душным збавенем.

А по тых розмовах и розеханю нашим в десяти днях, мяновите серпня 4 дня, в четверг, того пана мостовничого гром забил в полю под сосною, под которую был для дождчу, подяхавши, станул.

В тэй же есени был пан виленский з войском у Лифлянтех. Зэбравшисе (г. зн. з войскам), взэл Борку. А ям был на Воляню и у Ольщэ. А к воли пану Стэфану Лозце, маршалку мозырскому, былэм з ним у Бабине у шляхэтного мужа пана Андрея Бабинского, и змовилизмы за него сестру пана Ложчину, панну Томилу, в том року 1575, месяца паздерника 18 дня.

Року 1576, месяца лютого осмого дня, сполнилосе мне лят тридцать и настал рок 31.

Воды в том року навесне кгвалтовнэ были. И трафило ми се быть, кгда бронено вырваня моста у млы [на] ляховицкого, названого нового, где Януш млынар стал на крайней балце, отбияючи пешною у воде кригу ледовую. А за ним два хлопи древнэм велким з мосту тлукли тэж лед. И упустили тот паль, который, выпадши им з рук, ударил Януша млынара в тыл кгловы. А он упадл в став до воды. И зараз през испуст пренесеный на дол у глубину великую и не рыхло з ней указалсе, несеный далеко водою,

а пешнэ пред се мял в руках своих. Аж так и вышел з воды и над надее всех нас, люди там будучих, жив зостал, бо не можно му (было) жадного ратунку дать.

Лята того ж от неякогось Пацкевича Степана и Михайла Зверова, москвитина, и от иных неприятелей моих щастю моему, хоть малому, пред се зазрошонцых, мялэм немалэ фрасунки, с кторых ме сам толко пан бог, хвалы вечне кгодный, вызволял.

В том же року, вресня 11 дня, былэм на комисыэи в Менску межи князем Соломирицким и мястэм менским. Была бурда велка там. И также пан бог обронил.

Паздерника 5 выехалэм з дому до Туруня и ступовалэм до Бялэй, где была справа велка его милости пану Радивилу з опекунами Тетерского о имене Свержно. Оттуль на Варшов ехалэм и былэм в Торуню 23 того ж месяца паздерника. Там был юж Стэфан кроль, яко 15 дня того месяца приехал и сэймовал. А цэсар Максимилиан* 12 дня паздерника умарл. На сэйме тым,* кром намов о кгданщанах*, ничего не справивши, пожекгнали послове кроля его милость 2 дэцэembra. Ям немало справ судовых мел пред кролем его милостю и щастило ми се за ласкон божон.

Позналэмсе тэж з кролем Стэфаном и его венкграми, которых найчастей панове до себе на обяды прошивали. И я помню Закейды Януш[a], Варити Юркгой[a], Нодох Петэр[a], Batory Peter[a], Бурномиса Януш[a], Кэнды Пэтэр[a], Вержевич Мартин[a], поляк, Мигал[a) кух-мистр[a], Крычек[a], а пахолента Фэрэнцый и Асэмэрый.

Там же в Торуню привитал новый рок 1577, а в ним приехалэм до дому в неделе, дня 13, месяца стябрья. А ухлопотаный вжо будучи працами и влокитами уставичными, уважаючи тэж волю и росказане бога вшехмокгонцэко, уступилэм в малжэнство светое з теперешнею малжонкою моею Ганною Болотовною, сестрою пана Данила Болотовича з Руси, в том року 77, месяца февраля десятого дня, которых ест продок чловек значный, еще за короля Казимира* з Москвы был приехал, на име Антони Болото. И был славным мужем и потомки его през час немалый. А другие, з них розродившисе, розно се розышли и, под паны некоторыми, оселости боярские побравши, яко то вэ Шклове и инде мешкають.

В маетностисмы се з обу строн равной знесли были, але з благословенства божого была нам (сям'я) спора и помножаючаяся над працу и надею нашу. Мялэм з нее добру жонэ. Не упрыкрыли ми се для ней дни живота моего, была бовем у пригодах и хоробах сэрца мэжнеко, цноты велкей.

Пыха и зле мысли, снать, онэй никгды до сэрца не наступовали. Ку убогим, хорым и засмучоным людям упреймого милосердя (была), же и в ночи, спать не могучи, о такиховых рятунку мыслила и старане чинила. А хоть у вере русской трвала, але так бачне и не упорне, же то намнейшей незгоды не указовало.

И люди ведеть того не могли. Тым же болшей, смотречи на наше спокойное, тихое и весялое помешкане, в зайзрость впадаючи, мовами своими фалшивыми нас щипали, и розными способы иншими, а наконец и чарами прешкодить то усиливали.

Але пан бог, который ме пасл одного самого, не опустил ме и с тою малжонкою моею, и не подавал нас на волю неприятелей наших. Але их самых, розными плякгами дотыкаючи, яко от скалы, от нас отпалые и завстыжонные зоставовал. А нас з ласки свэй насветшей в дятэчки помнажал яко ж напрод ку великой потешности дал нам первородного сына Яроша. А потым инше сыны и цорки, же по нынешний рок 1604, яко се то пишэ, сполнилося сынов 9, а цорэк пять. С которых юж мамы Яроша, сына нам милого, жонатого с цоркою пана Станислава Петрашевского, а цорку нашу Раину в малженстве за паном Яном Грушовским выданую, о чом будет ниже на потым, на местцу своим ширей.

В том року бавилэмсе в дому пана его милости, (пан) виленский начастей в Ляховичах мешкал.

Под тым же часэм в маетности бискупства виленского у Недзведичах был урядником пан Василей Рогачовский, чловек мудрый и велкекго захованя у люди. Мел малжонку у себя Токачовну, невястэ барзо добрую. Ова не веде, з чого впадл в мелянколию, о всем себе зле тушачи, наконец о ласце у князя Валеряна, бискупа, пана своего, и товаришов. А бискуп он цнотливый то миловал его, яко сына. И товарише не были му незычливыми. Кторекго, як то на ме велце ласкавого, розными способы отводилэм от того и поднялэмсе был яхать, з ним до Вилни для опатрени здровя его.

А зрозумевши по ним, же мыслил о учинене якей смерти себе, бо ме просил за жоною и цоркою своею (даглядаць). Ознаймилэм малжонце его и некоторым слугам его, яко ж они покрыли были железа и ручницы.

Але в понеделок святочный в тым року, маи 27, гды се люде при полудню розэшли, замкнувшисе сам один, ручником се в ызбе обесил.

Сталосе то з велким страхом людцким. И сам его милость пан виленский, услышавши то в Ляховичах, был див-

не стрвожоный и веле на то мовил, конклюдуючи, же не ведзон люде, не ведзон, цо ест шатан.

А потом за его ж милости помоцон выпровадилэм з Медведич до себе в дом малжонку и цорку небожчиковску. И поховалисмы тело его в Ляховичах у старой цэркве.

А пани, змешкавши при мне и жоне моей в дому моем шесть недель, отехала в повет Менский и шла была замуж за пана Макаровича.

Я жем се был барзей престашил, бовем первого ж дня, зласса в ночи, былэм там у пани Рогачовской. И зновон в Ляховичах мялэмсе не добре вэ спаню. А летавца, што начастей не толко в ночи, але и вэ дне, же и инше люди, при мне будучи, видали. Мне тэж не див было надивнейший припадэк, о котором в року 66 писалэм.

Того ж лята король его милость Стэфан под Кгданском з войском был. А московский (князь) Иван у Лифлянтех замков сила побрал и позаседал.

Та же с под Кгданска з обозу принесено ми листы кроля его милости на мостовничество Пинское и Сэрвецкое, па небожчику пане Стэфане вакующее.

В месяцы лютым указаласе была комета велка на зимным вьсходе слонца и была час немалый.

Року 1578 его милость пан Ходкевич, пан виленский, сам з войском ехал до Лифлянт барзо хорый. А мене на съем до Варшова выправил в пилных справах своих и княжати Корецкого, пришлого зятя своего, который съем зачатый был стычня 20 дня. Маршалковал межи ж послами наш литвин — князь Лукаш Болько Свирский.

На том же сейме был у Варшове княже Ерый Фрыдэстраж гайдуком*, потым и пута нань вложоно над надее его, кгда ж му ласкэ кролевску обещовано. Того ж потым лята пришлого вэ Лвове кволи туркови стять дано е.

На том же сейме был у Варшове княже Ерый Фрэдэрык з Аншпах, маркграбя* брандэмбургский з малжонкою своею. Вырежал им кроль Стэфан и кролиова велкон учтивость, и банкэт велкий вэ дне и в ноцы з танцами чинено. И выправил собе опеку над княжатем пруским. Але му потом княжна малжонка его умарла. Шидзоно при дворе, же се танцэм порушила. Припоминано тэж, же нешкоден был его милость пан Замойский, канцлер, от того Аншпаха, яко и от кгданцан. А то щесте вшитко, праве, заразом з ласкою кролевскою ему было припало.

В том же року по святках в Новгородку, под роками земскими, запалившисе в ночи от стадолы пана Андрея Ива-

новича, писара его кр[олевской] м[и]л[ости], згорело домов 12.

В тэж часы умарл пан Александр Ходкевич, староста городенский, пан барзо добрый. Погреб был тела его у Су-прясле 31 дня августа отравеный.

О светом Михале былэм при его милости у Горóдне, маючи велке sprawy перед судом земским.

Того ж року 78,22 октября, побито наших от Москвы под Кесю о двана... и арматы немало побрано...

Року того ж 78, в листопаде дня 9, в день неделный, умарл княже его милость Юрей Слуцкий, пре[з] велке богатства и скарбы собранные славный пан.

Року 1579 о трох кролех былэм у Городне, маючи потребы немалэ.

В лютым за се 23 дня умарла побожна пани Маковецка Ганна з Синевиц.

В маю тэж 3 дня, в неделе, былэм при велким жалю и фрасунку у пана Ивана Баки у Осташине, имену его, где му умарла малжонка Александра, княжна Крошинская.

Чловек то был невыповедянэй доброты, пани шляхэтна, бокгобойна, уроды пекнэй, а покоры векшей, як вере, же от пана бога и людий всих была милована. Пророковалэм на сэрку моим, же не мел меть такей друкгей.

Яко ж взял потом тетку ее, ктора первой была за Тугановским и Подаровским, Татьяну Скумину, далеко юж розну от тэй первшей, хоть сестреницы е, наддэр скупую, ктора до зэбраня пенезей му помогла. Але отдатку на збор новокгродский и учинки милосэрные, в чим первой обфитовал, и з людкости его звыклое отвела. Бо за небожщцу первшую и мне был кони зэ три дал, а за тэ[й] ни козлентка, а еще ме велкей шкоды набавил.

Напервей по забитю сына моего Яна при Бруханским преставал. А потом за отданем от вельможного пана Александра Ходкевича маетности Добромышльское сынови моему Ярошови, был зазростю затопеный, штрафуючи о то того зацного пана и шацуючи тэ маетность на пятнасте тысячей злотых. И затым одэрвал в Деревней себе до живота влок оселых з рудником и млыном пять. А сумы прибавил за выкупно у себе ж над 14 сот коп грошей еще шесть сот коп грошей. Нех му то отда пан (бог) в он день справедливый сэндя.

Того ж року 1579, августа 4, у вовторок години 18, в месте виленском умарл он, великий пан, а монархом справами своими ровный Ян Ходкевич, пан виленский, староста жомоитский, з велкон жалостен люду посполитого. Которо-

го потом 13 октября погреб отправено на замку виленским в костеле светого Станислава. Кроль его милость Стэфан в тэ часы был з войском под Полоцком. И добыто Полоцка 30 дня августа.

Ганна Болотовна уродила сына Яна, которого потом в року 1602 [в] фебруары 16 Олбрыхт Бруханский забил в Новокгородку под роками земскими.

Потом в декабры был съем у Варшове, на котором пан Андрей Тризна и я с повету Новгородского послами были. И працовалисмы, пишучи Трибунал*, яко ж увесь написанный, и король его милость подписал его пам. Але выдать се не могл без контыгуцэи, кторей с того сэйму не было, толко Унивэрсал Поборовый. Была там у Варшове и ее милость пани виленская, стараючисе о вечность маетности Свислочцей.

Докончилсе тот сэйм 9 стычня року 1580. А в тыйдень потым было вэсэле на замку. Отдавал пан канцлер Замайский сестру свою за пана Дялынского.

Там же у Варшове в року 1580, стычня 11, згорело на Предзамчу 5 домов. Гайдуки и венкгрове не зле бронили и не подлей рабовали, што се трафило. А кроль его милость был убралсе по велкей острожности, бовем то в ночи было.

Року 1580, месяца кветня 23, в субботу, на праяждцэ кроля его милости Стэфана у Вилни, змовившисе его (миласць) пан Криштоф Радивил*, пан троцкий, гэтман великий* с паном Володимером Заболоцким, москвитином. (Якобы Влодымир не хтял му чапки знять.) Пришли потом до слов злых з обудву строн, здрады и отмиткэ. Кеды е[го] (миласць) мовил пан троцкий на Влодымира, тэды Влодымир мовил: «самэсь такий». За чим, образившисе, пан троцкий ехал до пана воеводы виленского, отца своего. Кторый, выслухавши скарки о тэн припадэк, так му рекл: «Не помстишь ли му се тэкго, тэды и я о тебе так розуметь буду, яко то он назвал».

Тэй ночи намней пан троцкий не спал, фрасуюнцсе на Влодымира. А стал за бронои завилейскон в дворе своем, прозваном Довойновском, где до его милости зье[хал]осе ротмистров и жолнэр велке множество.

А Влодымир стал у мещанина Полгрошка, которого дах припушоный был в дах каменицы Авкгуштына, войта виленского. С которое ж то каменицы и даху войтовского коморники пана троцкого, вшедши под дах Полкгрошков и прекопавши пяскуна избе, видели Влодымера и што се з ним деяло. Яко потом же ездил до панов сэнаторов, просечи о

поеднане пана троцкого. Але же се было спознило, обещали му се были наутро. Потом в господе свэй ходил до лазней, о чим всем давали знать коморницы и инша челядь пану троцкому, пытаючисе: «каже ли, тэды могут его с пулгаку* забить». Але его милость не казал. И так в тых пресылках ночь зэшла.

А рано, в неделю 24 кветня, ведзонц пан троцкий о всем, же се Влодымир готовал до цэркви светое Пречистое, заехал з улицы и брони завелейскей ку костелови с [вен-тэкго] Духа, где велкость людей пеших в кляшторе была. А ездни — в улицы. И, препустивши Влодымира за фортку, едни з строны, а другие з велких врот и с тэй улички указалисе, пред которыми шол пехотою Кгорецкий.

Маючи свой гнев на Влодымира, тот, споткавшисе, рутил Володымирови камнем до перси. А Влодымир добыл шаблицы, ктору носил с правэй рэнки, и левон се рэнком бронил потэжне.

Москва, его слуги поутекали, окром Путилом, званого москвитина. Тот се самотреть з литвинами двема застановил, але от велкости люди поранени за разэм были. А Влодымир, ку одной строне под муры складаючисе, уступовал. Там же его тот Кгорецкий кордом под правон персть препхнул, же юж без мовы вз двух годинах умарл.

Та весть, кгда кроля Стэфана на замку еще не убранго дошла, дивне се был стрвожил, же не рыхло до убирания пришел, ходечи по покою, ляментуючи, аж подканцлерый коронный князь Боруховский, приехавши, гамовал его, розважаючи тот нещасливый припадок.

Вем, же и сам пан троцкий не хтял его забить, одно выбить. Але се то иначе стало за власною вазнью Кгорецкого, же Влодымир, зоставши старостою трабским, приврацал его под своен владзон з якимсти именем его, кторе пред тым в присуде тым трабским было.

Ехал был зараз потым пан троцкий до кроля, але кроль, выславши к нему того ж князя подканцлерого, вротил его и до себе ити не казал.

Был потом сам пан воевода виленский у кроля, обмоваючи сына своего и заступуючи, же то он казал, здаючи здрозе свое на волен и ласку его королевской милости.

Немало се то-то так тарло. Сэнаторове кроля его милость усмиряли. Аж 11 дня мая вз сродэ допустил кроль его милость пану троцкому в себе быть, застановивши, абы наимей Влодымира не упоминал.

И седял кроль на впрעדпокоем. А мы люде, не ведаючи того, тиснэлисмысе, хотечи слышать рацые обмов пана троц-

кого. Который, пришедши, просил кроля, абы не мел за зле, же през тот (час), з некаторых нещесных припадков свых у его королевской милости не бывал. Над то ниц венцэй не мовечи, шедл кроль на покой. А сэнаторове, допровадивши его, зараз и с паном троцким розехали.

Потым на первшы съем з вядомостен королевскон сестра Влодымирова, которая ту с Полоцка з мужем была взята, позвала была пана троцкого. Там также сам пан воевода виленский пана троцкого заступовал. А маючи вышитэк сэнат по себе, кроля ублаггал и сестре Влодымэрове цось пенезми дал.

На он час при забитю Влодымира кроль в тым свым запаленым гневе написал был цэдулэ рукою своею: кто был Влодымир, яко лят двадцать четыре стравил на дворех кроля вэнкгэрского и полского, мужне завше в речах рыцэрских поступаючи, а тэкго дня у спикненю и збунтованю людским згинул. И хтял то меть на хоругви над гробэм его.

Ям был добре вядом Влодымера. И не учинил того он с пыхи якей, не чапкуючи пану троцкому, але з мелянколией свэй велкей, же, ядонц, сам з собою мовил, мыслил. И частокроть на спотканю з паны миял их, запомявшисе, хоть кго друкгий чапкованем почастил. То аж напомнимый от слуг, водал за ним, водал за бога просечи, абы не мел за зле.

В тэж часы был у кроля в Вилни гонец московский, стараючисе о вызволене вязней и о примире.

Року того ж 80, чирвца пятого дня, дворяне королевские, зослани, во Троках поймали и, приведши до Вилни, Григора Остика дали до везеня пану маршалкови. Которого потом, судивши и неяких намов и порозуменя его з Москвою досвятчивши, дано его стять 18 дня того ж месяца чирвца в месте Виленском пред костелом Свентоянским. А кроль яко вчора выехал был не войну, и был потом под Луками.

В Слуцку на тот час были 4 докторы: сандомирский Бартолян, краковский Мартин Фоксос, любелский Лаврэнцьюш, слуцкий, тэж старый и добрый. Там се веле панов, пань и розного стану люди были на лекарство зъехали. И яко кому пан бог здарил, отправовалисе.

Року того ж 80, вресня 5, король его милость под московским (князем) Луки взял был. И люди под меч дано было, яко упорный. Который замок потом за примирем вернен московскому.

В тэж часы пан Филон*, убэзпечоный през фальшиве шпекги з невеликим людом, припал был до Смоленска. А там велке войско было московское, же аж тэй же ноци Филон

уходил. Люди наших сила погинуло. Там же суседа моего Михай[ла] Зверова, москвитина, поймано и обещено. Был ми то велким неприятелем. Пане боже, отпусти му!

В том же року был кроль его милость, змовляючисе о потужности пришлое войны.

Року 1581, генваря 20, в пятницу, жона моя мила Ганна Болотовна уродила мне сына Яохима ту ж предэ днем, а на цалым зэгару години 14. Тот на сесь час вжо то три роки во Влошех у княжати Мантуанского. Пане боже, му блокгослави!

В мес[яц]ы чирвцу Москва, невядоме в руске земе вторгнувши, огнем, мечем и забранем велкие шкоды почи-нила.

Того ж лета и в есени, в року 81, король Стэфан был под Псковэм, гдем иж пре[з] хоробы мое не был. Слухам рад инших, кторы, вядоми будучи, о том выписали.

Бородич пан Иван, повинный мой, едучи с-под Пскова, умарл в дорозе кгрудня 22 дня, а похован у Кгравжиш-кох.

Року 1582, названого от мене нещасливого с пэвных причин, же ми в ним марца 22 умарл милый, а едыный же у мене рожоный брат мой Иван в месте Виленском. И не дошла ме та вядомость пре[з] злую дорогу аж за тыйдень. А през который тыйдень, будучи я в дому моим, яко у тридцати милях от Вилни, тэскнилэм барзо, жаловалэм и мовилэм до жоны моей, же запэвне ми брат умер. Так то сэрца людцке чую[ть] здалека припадки дятэк и милых приятелей своих.

А прото ж ездилем до Вилни и далэм тело его поховать, водле порученя его, у светое Тройцы в цэркви русской. Зажилэм жалю над обычай и злое дороги.

А едучи назад, ледвосмы вси не потонули на Немне реце под Ивем. Ям был з гостем* якимсь едэн там приехал. И юж се з нами п[а]ром починал был на нутре заливать. И так напоминаючи превозников, абы се не ленкали (бо юж были шосты порутили, мовечи, же гинем), а горечо пану богу се молечи переехали.

А после слуги, з возом моим и со всеми конми едучи, на том же местцу тонули. Кони спыхали, а тым болшей лодки заливали, же все дощечки вода знесла. А воз предними колы завесилсе в лоди, ктора на кгуре шла. А другая се лодя у воде занурыла. Люде превозни и слуги мои были в лоди. А инши, побравшисе конем за окгоны, не ведали, што се з ними дее. Ано коне шли тэж за лодею вниз, куды вода несла, аж е потом на берег, где и я был, принесло межи

лозы. И там се рятавали. Ово толко, здумявшисе дивным судом божим, хвалилэм насветше име его.

Потом сен[тябра] 23 отдалэм сестру мою панну Зофею за пана Щасного Самсоновского.

Месяца паздэрника 21, в неделе, умерл зацный и богобойный муж Иван Третяк, приятель дому нашого. А по нем декабра 10 умарла добрая тэж приятелка моя, пани Твиклинская Дорота Кграбовская. А сам (муж яе) по ней на великон ноц умарл року 83.

Року 1583 по Кгромнице зима се постановила мощно по первших неуставичностях.

Мялэм на тэн час у себе велким приятелем старостэ ляховицкого пана Сымона Шлятковского, которему дня 21 лютого жона Сулимьянка умарла з великим жалем веля люди. А за нею в том же року, новэмбра 18, и сам Шлятковский умер, человек привелкон доброть свое вечне кгодный памети.

В том року 83 пани виленская в повете Новгородском мешкала. А я з роков на другие роки уставичне и в розные поветы: до Новгородка, Менска, Слонима и Волковыйска ездить мусял. А в poste мусялэм у Вилни (быць) и знову о святках там же быть для справ задворных, которых се намножило было. Мандатов всих было 17. Розмышлялэм в себе, яко за живота пана виленского и едэн позэв по некто не был, але се тепер накгродило. Приятеле не дбали на онэ захованя давнэ, кождый своего щастя смотрел. А Ходкевича жадного в раде кролевской не было, а наконец и даровать му не мели, этуй, пане боже, на потым.

Року 1584, февраля 5, оженилсе был пан Мартин Окунь с панною Боянэцкою. А назаяутр оженилсе пан Ян Монвиж с панною Мложевьскою. Отправовала тэ весэля пани виленска в Ляховичах з велким достатком, ова вшистка пекнэ часу своего.

В марцу мел справ панских сила у Вилни пред кролем, и в речах кролевских пилновалэм, и взывано ме на интыкгаторство.

В том року пани виленская мяла затруднене не малое з Матфеем Волком, который, маючи еще от самого пана его милости фолварк ляховицкий Павлюковский у петисот копах грошей, справил был себе другий лист неправдивый на другую такую ж суму пенезей, для чого аж сама ездить до права мусила и очевисто первой у земствах, а потом и у кгородку фалш задавала. Потом же он того листу отступил, и то аж у пришлом року. В том року 84, августа 28, уродил ми се сын мой Лаврын.

Року 1585 зима была барзо тепла. Быдло на полю бывало и колы ездчано. Пан Кгзовский старый в лютым парализжэм рушоный, а 8 марца умарл.

Мая 26 перун замок на Мыши запалил, который бардзо прудко згорел. Того ж дня, а подобно в одной године, ударил перун в дворе моем у сырницу и голубинец, але не запалил и не забилничого. Дите ту ж было и голубята в голубинцу.

Того ж року, месяца новэembra 3, жона моя сына Мартина уродила в ноци на 13 године.

Року 1586, будучи мне у писара ляховицкого Федора Зенкевича на чти, у других зваде а за моим розважаню, ранено ме в руку левую и неведялэм от кого. А то было стычня 19 дня. А кгсподар был цалый. Предсе потом врыхле 23 лютого умарл з горючки. Потом в марцу былэм у Вилни для потребы Кгославского и ездилэм до Ковна.

Там же ми марца 5 дня, ночуючи у Рынконтах, разбойницы мало были не забили. Але за ласкою божою вилневцов обоз немалый до тое ж стодолы наехали, а разбойницы поутекали. И кгсподар якись тэж нецнота, вымавялсе, же што мел чинить, кгда ж на ноч збересе немало и што хотят, то чинят. Самому пану богу хвала за его оборону!

Там же, до Вилни звротившисе, далэм был пенези Кгославскому на имене его Скубятовское первой заставою, а потом и на вечность купилэм.

Кроль его милость мешкал того лета в Городне, отпочиваючи от первших прац свых, юж се тэж часом капэлюшэм и рукавицами не мерзил, з чого венкгрове сперва шидили. Бавилсе тэж выеждчанем на поле з мысливствэм.

Мне того лета пришло внет (тэрминова) и по двокроть в потребах пани виленское и дятэк пана моего быть. Яко ж мяновите липца 24 мялэм пред кролем справу з Тарановским безносым, кторый по змови з иншими жолнэрми, яко то хорый, на то выставеный был. Розумеючи, же у кроля вмьасто ялмужны мел отрымать презыск на добрах панских за заслужоное свое, за чим бы инсымплио [!] своих долгов вси дойти могли, позвал был паню виленску и дятки о три тисечи золотых. И кгда указал истоты королевске и его самого, яко веле у скарбе славное памети пану виленскому и жолнэром винно, а потом указалэм протэстацызи сеймовэ, же се заплааты упоминано, и яко се змовили жолнэре, и яку бы шкоду детям пана моего принесло, тэды, по одстапеню моим (яко потым от панов ведял), в так яснэй речи вакгалсе кроль ддукго, если то отложить, яком я про-

сил, до заплаты тых сум з скарбу королевского, чили зараз присудить на добрах панских. В чом от панов рад, а мяновите пана Воловича, пана виленского; пана Глебовича, воеводы троцкого; пана Лва Сапеги, канцлера, пана Войны, подканцлерого, спартый будучи, так позволял, мовечи же, конечно, бых ям тэ заслужонэ тому жолнэрови на добрах пана виленского присудил, бы не указано тых протестацый сэймовых, же се упоминано заплаты именем своим и всих жолнэров. И так нам отложено до заплаты з скарбу, ведля истот королевских. Веде то бог, кгда то будет.

Там же в Городне на тот час июля 12 умарл пан Михал Гарабурда, впадши в горючку пятодневную. Не могли докторове ж Буцэла и Сымона урятовать. И тремя днями пред его смерткю ознаймили королеви, и уряды его были назначонэ и упрошонэ иншим.

В том тэж року, округного кгрудня месяца 12 дня, тот славный и велцэ зацный пан и монарха велкий, король его милость Стэфан Баторый умарл на замку городенском в милых палацах своих от него збудованых.

Шкода кролю, жесь по велких працах, кторых ест ее был з млодости приучил, и тэ лят килка Городном се у отпочиваню своим забавил. А моим зданем, где бысь звыклэй працэй уживал, еще бысь был далее потрвал. Але певней ведял то пан бог, чому так, а не иначе меть хтял.

Рок 1587. Стычня 9 снило ми се, о чим я не мыслил, жем был в месте влоским Мантуи, видял кнежей Мантуи, положене замку, места, вод, мостов мурованых. А кгдым то поведял пану Андрееви Скорулскому, кторый там бывал, поведял, же там положеня власне так, яко се мне снило. То, снать, презентовало ехане (туды нам сына моего милого Явхима, кторый в року 1575 еще поехал и по тэн час там мешка.

Марца 10 уродила жонка моя первшу цорку Раину того ж року 87-ого.

Рок 1587 по смерти короля его милости Стэфана зходил тот рок элекциями, бо, порознившисе у обраню пана, едни чекали и прибавили были Максимилиян*, сына и брата цэсарского, а иншие, кторые зэзвали были на Жикгимонта, сына кроля швэдского, чекали кто тэж. И затым была им битва в Бычине в року 88, стычня 19 дня, где по прекграню строны Максимилиановой и сам был взятый (взянем), и немало панов полских, кторе з ним преставали.

А Жикгимонт, кроля швэдского сын, за приеханем свым ту ж был зараз коронованный, еще первой (выбраны) в року прошлом 87, декабра 27 дня.

Року 1588, стычня 23 дня, Жикгимонт Третий, кроль полский, на Литве присегу повторил, бовем был без наших коронован.

В том року 88-ом былэм с паном Одаховским в Шклове и в Копыси недель з осм. А пани виленская для лекарства была у Люблине. А кгда се ей на здровю не поправовало, ехала была до дому. И, едучи, на дорозе в мястэчку, в Козим Рынку, умарла 3 дня кветня. А 21 червца погреб ей отправено у Гнезне в костеле евангелицком мурованом.

В том же року, липца 30, жона моя уродила цорку другую. Дано ей име Галшкою (назвацца).

Року 1589 на нове лято у нас ту в повете Новокгородском муж был барзо добрый Албрехт Кавечинский. Отдал разэм на едным вэсэлю тры порки свэ замуж. Кторый, сынов не маючи, одно цорэк шесть, не фрасовавалсе нам о то и еще зэзнавал, же так му лепей. А то, снать, чинил с побожности своее, же волю свою подбьял под волю божу. А кгда му се так трафило отдавать замуж разэм три цорки, люди посполити практиковали: не долго быть малженствэ так одного дня отданных. Яко ж потом врыхле умарл му старший зять Ян, Москальницкий, а в року 603 помарли два — Вировский и Высоцкий. Ова не легцэ потреба важить и кглосу людцкого, вэдля онэй приповястки: «вокс попули — вокс деи»*, бовем о вере оного чловека жадэн вонтпить не може. Был и в тым пробатус. И тэкого се он против тэй людскей практыце, ему пэвне вядомэй, важил з зупэлности вяры свэй, же се ведля практыки тэй не мяло стать ниц такекго.

Року 1589, стычня 28 дня, пан Александэр Ходкевич кроля Жикгимонта Третего у Городне первший то кроть привитал, также и королевую тетку его и сестру его, королевну их милость. Мевал в себе сэнаторов из двору королевского завше на учтах.

Потом была его милости справа 31 стычня о аренде мыт старых литэвских, также аренд з маетности Бирштанское и инших. Мяновано того на 50 тысячей коп. (грошаў) литэвских и указано на то истоты пана небожчика. А в нас наимнейшей кватацыэи не было. Ям в тэй справе мовил яко налпей пан бог здарять рачил, венцэй се спускаючи на ласкэ его королевской милости, а указуючи веле заслуги пана его милости и инше правнэ понеконд причины. А были при его королевской милости сэнаторове: князь Барановский, бискуп (плоцкі), пан Дорогостайский, воевода полоцкий, пан подляшский, пан Сопега, канцлер.

Были вшистцы их милости нам зычливи так, же дэкрэтэм король его милость, даруючи то, отпустить и с того квитовать казать рачил.

Того ж дня княже Семен Слуцкий короля витал пред покоем з орацыєю наготованою, а яком ведял, от его милости пана Миколая Криштофа Радивиля, воеводы троцкого, написанною. Мел при себе зэ двестя особ ланцужно, але у пана Александра было тэж нас также веле, а вшистко стары слуги... сивцов болшей, в жалобе по паней виленской. Тэды кроль и панове болшей очи до нас обрацали и кролеви указовано, же то вшистко слудзы небожчика пана виленского, отца его. Аж нам мило было того щастя заживать, бо згола и пан и мы вшистцы зналисмы велкон милость од вшистских люди.

От своих приятелей горейсмы мели, бо, приехавши с того щастя, за якусь опеку поеднал пан Александрэ пана Волского осемьнасту сот коп грошей, а при нем и Кумолки — весь коштовну от Гнезна за якимсь то змышленным правом зостали, а пан троцких трима тисечма и шестен сот коп грошей. Тоть то дети пана моего в долги заводить почало.

Потом поеднал князя Семена Слуцкого за неякую весь Хоромцы, от небожчика проданую, а на то права не мел и очищать опасалсе [!], был за то заплатити две тысянце-злотых. Отдано тэж потом сестру их милости панну Зофею за пана Дорогостайского року 1590 септэмбра 23 у Вилни. И то бысть мусяло з велким коштом их.

В тэй есени року 1590 были поветра моровэ на розных местцах, и в Новгородку сrokге было.

Отк[обра] 31, року 90 умарл сосед и приятель мой, человек барзо добрый [беатус вир], пан Валентый Чарковский.

Року 1591 пан Александрэ Ходкевич посылал по всех маетностях отчизных, напоминаючи урядников, абы границы упэвняли и з сусяды без укывдзэня их становили. Сам в Мышской маетности выеждчал, где боярове мышсцы Бутримкове зашли были кгрунту Вэрещачиногo* и, напрацовавши там сам немало, потом, взявши мне и старшого Бутримка, на стронэ отъехавши, выпытал вшиткей правды, иж то они зашли и новэ тесы на древе простым трибом положили, а старую там ближей до Мыши указовали. А так, зрозумевши, зараз судьям правду ознаймил, а старую границую от рогу границ Островское и Добромышльское вести тем же Бутримком казал. А хлоп зараз копцы за собою

капати казал, кгда ж се па тэ границэ обоя страна згодила; отнесл то его с похвалу веля люди.

Року 1592 яко з есени, так и от нового лета не докучили зимна и снегов не было. И была то зима, праве, безснежна. Колами вси ездили. Пан Александр был на сеймику трибуналском и не хтял се поднять на Трибунал. А мне пан Григорей Униховский зазрял так, же Жабкэ з Богушевичом обрано было.

Марца 9 княже Ян Сымэон Слуцкий умарл. Чирвца 30 умарл тэж пан Каспар Керсновский, подсудок новгородский, у Городеи, маетности свэй, положившисе на приполудню спать. 16 серпня пан Ян Кароль Ходкевич ехал еще до чужих земель. А пан Александр до Варшова на сэйм послом ехал.

Року 1592, вресня 1, вэ вторек, на соймику в Цырине обрано на элекцыи подсудковской на тот уряд чтырех: то ест Ивана Маскевича, Оникея Униховского, Миколая Подаровского и мене. И з ласки пана бога вшэхмоцного, кторый, яко хцэ, керуе сэрцами кролев и вшэх люди вэдля воли свэй станови, отдано то подсудковство мне. И привилей мне на то принесено до дому без великого старания моего 28 дня того ж месяца вресня. И выконалэм присегу на тот уряд мой на покох трекрольских стычня 7 дня року 1593.

Пан Миколай Тлуховский, слуга еще небожчика пана, завше ми велку приязнь обещовал и утверждал то рукоданем, а никогда ниц у панов млдых не допомог, же мое речи шли нещасливе. Потом дошедлэм, же Иван Кречетовский, неприятель мой, запомняльый добродейств моих, кторым еще одцу его Хоме, казнодею клецкому, и матери его, кеды ю жиды клецкие были в долгох взяли, показовал, и его от продаваня дров в Ляховичах, голца взявши, до пани виленское залетил и при себе права стоять и приучатисе права казал, змовившисе з тым Тлуховским, не тылко мне, але и панов в их справах ошукивал. А себе накганяли — Тлуховский маетность коштовну на Руси, названую Селцо, забрал, а Кречетовский — Малковичи, Конюхи и Мазурковцизну, што все мне было от панов не толко обещано, але и листы подавано, кторых потом Ян Кароль Ходкевич з их направи подписывать и скончить не хтял.

А так, кгда се готовано вэселе пана Жалинского с панною виленскою Галшкою и Тлуховскому дойзреть поручоно, попадла кго хороба дворска, указуючисе на кглове и на чоле. Чого он, хотечи без издебки збыть, казал жидови Балвэрови мазать себе тэ кгузики шарон мастен, не запнув-

шисе, звлаща зиме. И так зъездил был з Ляховичей до Гнезней, а звротившисе до Ляхович дня 15 стычня року 1593, казал еше лепей намазати. А в тым, кгда та масть сэрца допадала, того ж дня вечор [ом] знагла умарл. Сполниласе на ним та приповесть: «здрядливе сэрцэ само се порази». Не иж бым се с помьсты божий, над неприятельми моими выконанэй, радовать мел, але тым ствержамсе у вере моей, же мам бокга правдивого, вшэхмоцного, бронячого мне от всех неприятелей моих.

Року 1593 кроль его милость выехал з Варшова до Кгданску и Швецызи 12 серпня.

В том же року, паздэрника дня 15, умарла зацна и бокгбойна пани конюшина, Зофея Александровна Ходкевичовна-Корицка.

Року 1594, мая 20, в пяток, припадала хмура сродзе зимна, спустила снег велкий и лежал три дни. Помарло от тэй хмуры и зимна и вятру квалтовного сила людей, по трою индей вэспол, а не могли себе помочи. Птаства по гнездах, самэм видял, барзо веле поздэхлых. Страх был и под дахэм сядячи.

А троха пред тым, мая 1, отдалэм Яроша, сына моего милого и первородного, на службу до пана Яна Кароля Ходкевича.

Року 1595 о трех кролех рокизмы судили земске новогродске.

В том року 1595 Наливайко, козак, собравши войско козаков, первой се указовал на Подолу, у Волошех, кусилсе был и о турецке замки. Потом, врацаючисе до Полски, сплендровал маетности пана Калиновского, мстечисе за обещене некгдысь отца его наливайкового, и еше, снать, от отца Калиновского. Там же заюшонный, шедл до Луцка, в ярмарк, праве, где бискуп, с преднейшими шляхтою выехавши, упоминал и еднал кго за мястэм и купцами. И зложили килка тысячей злотых, а не могло быть без збытков и шкод.

Оттуль, юж лепей заюшонный, удался на Полесе аж до Петрыкович*. Юж так своволне все починаючи и вколо обсылаючи, подарки себе давати заказуючи. Яко ж и давано. Одно з Слуцка помешкано было. И прето ж убекгл[y] Слуцк новембра 6 дня и был там немало. Заварлисе были на замку з двема сынами, детми малыми пана виленского Яронима Ходкевича. А пан виленский, воевода новгородский пан Скумин* и инше панове и шляхта зъехалисе до Клецка. Не ведели, што почать, услышавши, же се и в замэк слуцкий (казакі) добыли юж.

В тым (часе) послал был Наливайко полковника Мартинка, о котром веле трымал, яко ж и был человек сэрца велкекго, до Копыля с пентюсэт козаков. Которым с пригоды там, потрафивши гайдуков их (міласці) пана воеводы виленского, впадши до млына и испусту под мястэм, бронили преештя до мяста и так спросне козаков настреляли, и Мартинка забили, же сила их на пляцу (засталося). А иншие назад се цофнувши, по дрозде и хростох зоставили. А инше, пострелеными юж будучи, в огонь скакали и кгорели, бо были стайне дворовую тут, у того млынка будучую, запалили, же се барзо их мало до Слуцка вротило.

Наливайко, стрвожоный тым нещестем а розумеючи, же затым з Клецка зэбрани панове куситьсе мели, онь у Слуцку зараз тэй же години, яко тых в Копылю бито, новэмбра 25, а он третего дня, новэмбра 27, з вечора, выбравшисе з Слуцка до Омгович, знову ку Полесен вытегнул. И потом кгрудня 13 Могилева мощно добыл, мяста и замку сплендровал и попалил.

Панове за ним выправили Буйвида, человека паменти годного, давши слуг своих, а пан виленский своего двору двесте коней; с которыми, яко розных панов слукгами, розум сам указуе, яко бы[ло] Буйвидови трудно, же за непослушенством их ничего годного почать не могл, толко, зазябившисе, здрове стратил и у небачных люди на ославе шванковать мусял. Там же згинул Оникей Униховский, человек сэрца доброго и великого захованя.

Наливайко ходил потом над река Днэпрем вниз, аж потом порвавшисе з Рогачова за якимись практыками, припадл знову до Петрыкович.

Повяты же збекгалисе вкупэ и спрудка потом зъехалисе новгородский в Копылю, где был его княжацка милость пан Миколай Криштоф Радивил, воевода троцкий, напрод вшитких приехавши в килкон сэт человека, и там же се инши спешили до его милости.

Затым приехал пан воевода новгородский и инше панове. И шиковалисе в полю року 1596, дня 15 лютого. Было людей о три тисечи и так готовых, аж мне мило было, давно юж войска не видявши.

Пан воевода се троцкий з справованя людьми вымовал и здавал то пану воеводе новгородскому. Але юж никому не уймуючи, признавам, же досыть се д[e]яло порядкови пристойному.

Пан воевода виленский с повятэм Минским приехал до Шацка. Там же и наши с Копыля ехали.

А Наливайко с Петрыкович, бывши в Турове и в Го-

родку, болшей удалсе до Высоцка и на Волынь.

Лобода*, теж отвротившисе от Шацка, шол там же Киевщиною ку Наливайкови...

Року 1602 юж у нас в Новгородку роки звыклэ земске поменяны были на сэйме прошлом през послы наше — пана Зенкевича и пана Подаровского, которые, на том сойме зъехавшисе на роки новэ громничнэ, з собон се зкгаждали. И вымовялсе пан Подаровский, же о той отмене и замешаню радней ниж поправе роков не ведал, хоть то по некто-ре соймики успоминано было. Подал на сойме, абы в нас во всем панстве роки не розны, але едны часы звычайем полским постановены были. Але жебы то едно в нашем повете о том, снать, жадного човека не толко воля, але и помышлене не было.

Пан Василей Зенкевич знал се, же се о то старял и пана Подаровского втегал, жебы и он на то призволил, але се он никгды до того не знал.

И так на тых злых, в сэрцох людских разэрванных роках будучи, я от пана судии того ж то пана Зенкевича напоменный, не зезволяючи з множеством люди на зламане тым роком, при нем приставши, судилих мы е.

Не ушедлэм помсты божий, же ми на тых роках в лютым месяцы, 16 дня, в субботу, забил сына моего Яна, второго по Ярошу, первшим сыне моем, незбожный Олбрыхт Бруханский с помощью Корсака, швакгра своего, там же на месте в Новгородку. О чом гкды мне, на судех седячому, ведомость дана, просилэм вшистких, абы там в рынок зэ мнон пошли, где пан судья з ласки свэй продковал. Мне держеть казал, з иншим тяло, юж забитэ, сына мое [го] на сане взявши, на уряд и потом до господы моей отправадить казал.

А внет потым, кгды се доведял, же того забитя сына моего был найветшон причинон тот же Корсак, сестранец екго, рушила кго крєвность. А од ражене з духа по ново-крещенству або давно не было, або на тот час утекло от него проч.

Послал до мне, абых слал за тыми, кторы ехали в покго-нен за Бруханскими, жебы се што злого тому сестринку его не стало.

А ям не толко не слал никого, але ани ведял о ничием еханю и о свете: жив лим был або не.

А назаютр, в неделе, маючи в себе Вировского, Лоховского, Богушевича и инших, приводил ме, абы з ним на судех заседал.

Видяло ми се, жем там был на он час не межи людми,

але Каинами*. И прето, чогом не рад мовил, мусялэм рэц: — если розумить не хцон моей пригоде, абы их то самых поткало.

Потом в понеделяк, кгдам се юж мел з места з тьялэм провадить, подал ми пан судья, жебы не вадило постать в рынку з тьялэм, а Лицциниус жебы там премовэ учинил.

Я тэды, яко дите от жидов, яко поведаю, з клотэ [!] звабеныи и сподаваючисе, же ми улжэ жалю Лицциниус, яко человек учоныи, якон утешнон мовон, казалэм се застановить в месте.

Але же тий Лицциниус, усевши подле пана судьи, взял аргумент з Саломона о своволном млоденцу и также карал сына моего, в кгробе юж будучого.

Я, видечи, же вшитко спросьне калэм и похлебствэм смердяло, казалэм далее ехать, бо друкгекго сына моего мел юж у себе от килку лет в науцэ и твиченю своим, а бодай не горшого выховал. Нех им пан (бог) одда, он справедливый судья, бовем за тым нещестем моим вшитки облудные приятеле мое, машкары свэ ухиливши, незбожнэ твары свэ указали и ядовитэ злости свэ явней выливати почали.

Не заспалсе юж велям их пан, бог мой, обронца мой живюнцый. Не вонтпе о его свентэй ласцэ и з иншими, же ми skutэчнон справедливость и экзэкуцью учинить рачи.

И так плачливым с тых незбожне укнованых роков звротившисе, поховалом тьяло того забитого милого Яна, сына моего, в каплицы моей мурованой в маетности мэи Скубятовской дня 21 лютэкто ж.

А в тым тэж часе вышол день урожения моего 18 лютэкто ж, кторый обсэрвалэм друкгды з даростен, а тэраз с плачем и велкон жалостен, з чога всего нех бэнде похвалено име пана бокга вшехмоконцэкто.

З тэй так велкей жалости мэи — смерти, а тым барзей же забитя сына моего, немней тэж з оказаня облудников, кторы, мнон, час немалый за приятелей се и велки и верни вдаваенц, лудили, пофрасованныи впадлэм у велкон а до мянованя не ведеть, якон хоробэн.

Напрод марца 7 дня убумарлом без вшелякей причины на полторы години и, пришедши к себе, былэм мдлый, аж повторе марца 14 рано обумарвши, также веле о себе не ведал. А того ж дня, увечор убумарши, былэм в зафицэню шесть кгодин экгаровых. Потом вэ днях кветневых, приходечи к себе, ехалэм был до Новгородка для роков марковских* кветня 23 дня, и на дорозе у Валевцэ трохим был земдял. И за тым, вжо приехавши до Новгородка, не

засядалэм на судех. Обраный на местце мое пан Григорей Немира, присегу на три роки учинивши, отправовал их.

В маю зась на рочкох кгородских была справа нам о забите Яна, сына моего, з Бруханским и з сынами его. И пошла была на инше рочки, а у других рочкох до Трибуналу. А потом на рочкох липцовых, в небытности мэй, през Яроша, сына моего, заварта была угода з Бруханскими, вэдля которэй потым пред судом трибунальским, 13 (дня), месяца вресня, Бруханский сам и сынове его з цэдул препрашали мне в сынов моих. И ни еден зэшлы [!] иншем им поотпушал. Але иж не ставил отец сына Олбрыхта. Сам за него, водле опису своего, на рок зуполный на везене засел в замку новгородском. И в том похибивши листу своего, што мел засесть в дому замковым, по левой руцэ стоячим, то он по той же левой руцэ еще пред домом тым давним замковым збудовал избу собе сам и в тэй засел был.

А я юж не корыстечи в том его седеню, а сам там за хоробою моею ехать не могучи, посылалэм з листы моими. Первей зашитый, абы ехал с того грунта. Он до мне отписал, абых му послал на то лист отвороный. Ям и такой лист ему посылал през зятя его Мокгильницкого и през Косаковского, до которых, яко они справэ давали, так отповедял: «Не вем, чому ме подсудок зтонд выправуе, вшак тэраз зима. Также и дома в избе сеद्याл, также мед пие, яко и дома, и также жона зэ мнон сыня, што и дома».

И так покгардзэни приятеле вротилисе из тон учинио-стен моен. И я потом от него жадногом вьсказаня и словкам не мял, аж послышалэм, же умарл там в том мешканю своим а, праве, знагла. Были дивне кглосы и мни-маня людцке о тэй смерти его. Я замилчивам, яко невядо-мый в тым ниц пэвного.

Рок 1603. От стычня 22 сэйм вэлкий зачиналсе у Кракове для заповетрэня у Варшове. А в нас ту в Новгородку року земске громничнэ сужоно. Але 20 дня, лютэго (месяца) пригодне сталисе: бурда (была) пану Зенковичу, судьи нашому, з неким Лякгеницким, жолнэром з роты князя Порэцкого. За чим се и рота юж зэ Здетеля, у пяти милях до нас, была вротила и роков нам досудить не дала, жесьмы се без часу розъехать мусели. Крветня 9 дня пан Самуэль Волович оженилсе з нашон Ходкевичовнон Гальшкон, по Жалинском вдовою zostалою.

О Марку с[вентом] хоралэм и не моглэм быти на рокох обраный. На мое местцэ Марко Полонский, присегу учинивши на одны тэ роки, отправовал.

Мая 8, на день вступеня панского, сынова моя Ярошо-

ва уродила сына, кто рекгом я был, вэдля дня тэкго, Станиславэм мяновал. Але Ярош звал кго Янэм. Было дите над подобенство дети вшитких ростропнэ, а знало, яко в килка лят, вшитко цуднэ и росло прудко. Потом умарло 7 кгрудня з велкон жалостен в дому моим.

Чирвца зась 29 мялэм за ласкон божон вэсэле в дому моим. Отдалэм цоркэ мое Раинэ за пана Яна Грушовского. Пане боже и добродею мой, рач им блокгославить!

В том року 603 мелом трое писане от милого сына моего Яохима, яко того лета с панэм свым, княжатем Мантуанским, был в Нэаполим. Морем там ездил. Якон там велкон учтивость неаполчицы указовали княжати, немней, яко велкему монарше. Был там для лекарств.

Мой зась сын, хоть там инших з моря мыто брало*, здравый был. А потым вэ врэснен, впадши в дивнэ фэбры, 23 дня мало не умарл. А ям ту дома, того ж 23 вресня, зле сны о нем видял и написалэм был в минуцях тогорочных, утешившисе, же было то в первший квар[те] месяца. Аж з писаня его тот же день 23 обачивши, дивовалэмсе судом и справом божим, хвалечи пренасветшее име его.

Далей в том року 603 не было в моей вядомости, што бы писаня годно было. Одно то, же пан Ян Кароль Ходкевич вжо то другой рок в Лифлянтех з войски мешка, завешши там паню малжонку и сына Яроша малого. Дэрпту*, аж кго, праве, знэдивши, ркомо, през трактат достал, замэчки околичнэ побрал и влости сприврацал. Под Рэвель* и Нарву уставичне узгоны чинил так бэспечне, яко пред тым вэ чворо на соб[е] з болши[м] войском такей бэспечности не уживано. Пане боже, му блокгослави!

Не слышалэм я венцэй речи щасливых того року, але жалосных. А на есень поветря морового у Вилни и у нас ту в Новгородку, в месте и в повете, добром вядом. И зэштя тэж з свята люди зацных гурмэм, праве, в едным тым року, кторе порендкэм там мяну.

В лютым, 13 дня, под Дэрптэм забито мэжа годного памети, човека значне рыцэрского — князя Дмитра Полубенского.

В марцу, 12 дня, умарл пан Михал Фронцкевич, подкоморый полоцкий. Того же марца, 20 дня, умарл пан Ян Одаховский, человек в чужих краинах длуго бывалый и велце человек добрый, и мой приятель правдивый. О заправде не умял, або не хтял тот заживать облуды.

В тым (месяцы) помарли по себе прудко швакгрове два — Павел Вировский и Ян Высоцкий. Умарл тэж Мико-

лай Подаровский. За ними тэж в липцу, дня 19, умарл староста несвижский Войтех Першко, брат мой милый и человек велцэ добрый, которого погреб зложоный был зразу на 25 августа.

Але иж с презрэня божого, приехавши до Несвижа пан кграбя с Тэнчина того ж дня мянованого, вэ чварток вступил в малженство з княж[но]ю Галшкою, цоркою его княжеской милости пана воеводы троцкого. Рач им, пане боже, блокгославить! Ова доброго слугу и час погребу его оборотилсе в вэсэле в дому того велцэ зацного и побожного пана.

А потым погреб тяла пана Першкова отправеный был 4 дня, врсня (месяца), также вэ чварток, на котором были их милости сами — княже его милость воевода троцки и пан грабя с Тэнчина.

В тым же нещесливым року 603, в листопаде, 20 дня, умарл, а може речь, упал стлуп панства Литэвского — его милость пан Криштоф Радивил, воевода виленский, в Лосо-синэй, имену цорки свэй, пани Сопэжинэй, канцлеринэй, в хоробе недлукгей.

По ним зараз умарл тэж пан Ян Нарушэвич, кашталян жмоитский. Оно того так веле в том року было, аж было с пострахэм велким упоминать.

В том же року, кгрудня, 12 дня, умарл княже Александр Острожский, воевода волынский, в Красном, маетности своей на Подолу.

Не видивши тэж там доброго товариства, сусед и приятель мой, пан Беньян Чарковский умарл року 1604, стычня 2 дня, не в дому своим, але у Лняниках, у пана Григория Униховского, где се обадва лечили у неякогось Шкоты, доктора. Мой то был велкий приятель по некеды прешлых нехутях и заздростях, кторых был по ним и по пане Униховским дознал. А бодай и от инших не за то юж нецнотливою заздростен не [щеснон] познавалэм о непогамованэ кглупство.

Розумет же бог, чинячи другому добре, мел бы се в бокгатэй рэнце свэй так выдать, жэбы тебе юж не мел чого з ласки свэй дать.

Дзякую я тебе, боже мой, ойче пана нашего Езуса Христуса, же межи иншими дары твоими далэсь ми на то был, жем се од заздрости устрець мокгл так, же никгды сэртэм моим не пановала и непотребного, яком знал по инших, жалю, хоробе якейсь подобного не чинила.

МЯЛЕЦІЙ СМАТРЫЦКІ

(1572—1633)

ФРЫНАС

гэта значыць Плач адзінай святой агульнай апостальскай усходняй царквы з тлумачэннем догматаў веры, упершыню з грэчаскай на славянскую, а зараз з славянскай на польскую мову перакладзены **ФЕАФІЛАМ АРФАЛОГАМ**, сынам той жа святой усходняй царквы.

РАЗДЗЕЛ I.

У якім змяшчаецца Плач або нараканне святых ўсходніх царквы на сваіх сыноў, якія ад яе адракліся.

Гора мне беднай, гора нешчаслівай! Ах, з усіх бакоў з маёнткаў аграбленай! Гора мне, абдзёртай на свецкую ганьбу з рыз маіх! Бяда мне, абцяжаранай невымоўнымі цяжкасцямі! Рукі мае ў аковах, ярмо на шыі, путы на нагах, ланцуг на клубах, меч з двух бакоў востры над галавою, вада пад нагамі глыбокая, няўгасны агонь па баках, адусюль стогны і энкі, адусюль страх, адусюль праследаванні.

Бяда ў гарадах і вёсках, бяда ў палях і дубровах, бяда ў гарах і прорвах зямлі. Нідзе няма месца спакойнага і прытулку бяспечнага. Дзень у болю і ранах, а ноч у стогнах і ўздыханнях праходзіць. Пякучае лета праймае мяне да непрытомнасці, а холад зімовы да смерці, таму што цярплю нагату прымусовую і нязноснае праследаванне. Раней я была цудоўная і багатая, а цяпер абрыдлая і бедная. Калісьці была каралеваю, якую кахаў увесь свет, а цяпер усімі пагарджана і даведзена да смутку. Падыйдзіце да мяне ўсе народы, усе жыхары зямлі; паслухайце майго голасу; пазнайце, чым я была раней, і падзівіцеся мною! Цяпер я стала пасмешышчам для ўсяго свету, а раней была для людзей і ангелаў прадметам захаплення.

Я была багацей за ўсіх аздобленая, прывабная і мілая, прыгожая, як ранішняя зорка на ўсходзе, цудоўная, як месяц, бліскачая, як сонца; як адзіная дачка ў сваёй маці, я была падаравана ёй адзінай чыстай галубкай, нявіннай, цнатлівай і нічым не апаганенай.

Цудоўны бальзам мае імя, а прозвішча — крыніца жывяя вады. Калі мяне ўбачылі дочкі Сіона, то прадракалі мне быць найблагаслаўленаю каралеваю. А карацей кажу-

чы, тым была паміж сіонскімі дачкамі, што Іерусалім сярод усіх гарадоў яўрэйскіх, што лілея сярод пустазелля, такою і я была сярод усіх дзявіц. За гэту прыгажосць маю кароль, прыгажэйшы за ўсіх сыноў людскіх, пажадаў майго хараства, а пакахаўшы мяне, з'яднаў з сабою вечным сямейным шлюбам.

Дзяцей радзіла і выхавала, а яны адракліся ад мяне, сталі смяяцца з мяне і абражаць мяне, бо раздзелі маё цудоўнае адзенне і голуую мяне выгналі з уласнага дому, адабралі аздобы майго цела і пазбавілі маю галаву ўсёй яе чароўнасці.

Што можа быць горшым?! Днём і ноччу я павінна турбавацца аб маёй беднай душы і думаць аб сваёй раптоўнай пагібелі! Усе вы, хто стаіць перада мною і глядзіць на мяне, паслухайце і падумайце, хіба ёсць дзе боль, большы, чым мой, ці ёсць дзе такі смутак і жаль, як пакуты мае!

Дзяцей нарадзіла і выхавала, а яны адракліся ад мяне і сталі прычынай майго заняпаду. Вось чаму я сяджу адна цяпер, падобна той удаве, якая з гора лемантуе. Яшчэ нядаўна гаспадыня ўсходу і захаду сонца, паўднёвых і паўночных краёў, цяпер дзень і ноч плачу, а слёзы цякуць па шчаках маіх як патокі рачныя і няма каму мяне супакоіць: усе ад мяне паўцякалі, усе пагарджаюць мною. Сваякі мае далёка ад мяне, прыцелі сталі ворагамі, сыны мае, пазайздросціўшы племя яшчарак, джалюць маё цела зарзнымі джаламі.

Слухайце жалобную аповесць маю ўсе народы, слухайце ўсе, хто жыве на зямлі!

Сыны і дочки мае, якіх я нарадзіла і выхавала, пакінулі мяне і пайшлі за той, якая імі не пакутавала, каб досыць насыціцца ад яе тлустасці. Святары мае аслеплі, пастыры, не жадаючы ведаць таго, што змаганне ідзе за душу, анямелі. Старцы мае здурнелі, юнакі здзіцелі, дочки пайшлі на распусту, і ўсе аднадушна, бога і праўду забыўшы, замахнуліся на маю душу. Разінулі пашчы свае і, скрыгочучы са свістам на мяне сваімі зубамі, кажуць: «Вось ужо і дзень той прыйшоў, якога мы доўга чакалі, пойдзем жа і знішчым яе і выкаранім з зямлі памяць аб ёй!» Замест кахання абражаюць мяне, за дабрату маю злосцю мне плацяць і ўзнагароджваюць нянавісцю міласцю маю. Замест каштоўных рыз маіх надзелі на мяне стружкелыя анучы і зрабілі мяне прадметам насмешак.

Гора мне ў гэтай душэўнай пакуце! Гора мне абшарпанай, бяда мне пагарджанай, ад пастаянных слёз прыгупілася вастрэня майго зроку, парушаны ўнутраны спакой,

ад пакуты змарылася цела маё, ад пастаяннага ўздыхання старэю, як дым, праходзяць мае дні, косці мае сталі падобны высушаным скваркам, як сена, пасечана я, і сэрца завяла, ад голаснага плачу майго, мае косці прысохлі да цела.

Раззавілі на мяне свае пашчы, як варожыя пашчы, на-поўненыя здрадлівымі і фальшывымі словамі. Узялі ў свае рукі сякеры і шукаюць маю душу для таго, каб яе загубіць.

З усіх бакоў сеці, усюды ямы, з усіх бакоў ядавітыя джалы. З аднаго боку драпежныя ваўкі, з другога — рыкаючыя львы. З гэтага боку ядавітыя смокі, а з таго — бязлітасныя васіліскі. Не знаходжу таго, да каго магла б звярнуцца. Не ведаю, куды накіравацца, перад кім схіліць сваю галаву, пад чью абарону падацца. О неба і зямля! Хіба ж то не пакута і не чуты жаль, што сыноў нарадзіла і выхавала, а яны ад мяне адракліся? Аднаму мужу была пашлюбёна, за аднаго выдадзена замуж, ад аднаго зацяжарыла, у адным чэраве насіла, адным малаком карміла, аднак (нажалы!) сыноў розных звычайў, на пакуту і сорам свой, бачу. Ніводнага няма з іх, хто быў бы паслядоўнікам бацькі. Няма нікога, хто ішоў бы за маткай. Больш таго, пазаздросціўшы вырадкам і тым, што выклікаюць падазрэнне, яны навастрылі свае языкі супроць бацькоў. Бацьку сарамоцяць, а матку абражаюць. Бацькоўскай навукай пагардзілі, мацярынскае старанне зняважылі. Было іх многа, але няма ніводнага, які рабіў бы добрыя ўчынкі...

Няма ніводнага. Усе паўсталі супроць мяне, нібы супроць той, якая ніколі імі не пакутавала. Усе узброены, як на небяспечнага ворага, узбунтаваліся і шукаюць прычыны, каб знішчыць мяне. Няшчасная ж я маці! Што я зрабіла такое, што цярплю ад сваіх уласных сыноў нязноснае праследаванне? Што ж я зрабіла вартага смерці, за што жыццё маё знаходзіцца ў небяспецы?..

Пашукаю ж я прычыну іх непрамернай злосці. Можа, яна дасталася ім у спадчыну ад бацькі, а мо з матчынага паблажлівага, нястрогага выхавання? Бо як добры плод сведчыць аб добрым дрэве, так і добрыя паводзіны дзяцей аб добрым жыцці бацькоў апавядаюць. І наадварот, злосці бацькоў прыпісваюць тое, што асуджалася ў патомках. Але нічога падобнага ні ў якім выпадку не знойдзецца ў іх бацькоў, бо бацька іх добры, ціхі, сціплы, лагодны, ласкавы, пакорны і паслушны да смерці. Што ж датычыцца маці, то яна чыстая, бездакорная, нявінная, пяшчотная і ветлівая. Бацька мудры, справядлівы, шчодры, міласцівы, на гнеў не паспешны, ахвочы да ласкі, не вельмі строгі, а калі гнявіцца, дык не на доўгі час. Матка дзеталюбная,

строгая ў меру, клапатлівая, паслушная да крыві, аздоблена і ўсялякімі дабрачыннасцямі ўзбагачана ад таго, які на ёй ажаніўся. Пагэтаму ні бацькоўскія ўроджаныя якасці, ні матчына малако не былі прычынаю вялікай злосці дзяцей...

Засмучана я, убогая, бедная і самая нешчаслівая маці з усіх матак, бо куды толькі ні пайду, усюды бачу, якую мне сыны прыгатавалі здраду. Тут яны непраходную яму капаюць, там закідаюць драцяныя сеці, з гэтага боку выпускаюць ядавітыя джалы, а з таго смяртэльны яд выліваюць. Адны гэта робяць адкрыта, другія тайна, некаторыя лісліваасцю, а некаторыя пагрозай, аднак усе аднолькава пасягаюць на маё жыццё, усім адна матка ненавісная...

Бяда мне, што сыноў нарадзіла на пакуту сабе, а дачок на раны! Лепей мне, па праўдзе кажучы, было б беспатомнай жыць, чым глядзець цяпер на такую гушчу сваіх бязбожных сыноў. Лепей было б ім, сапраўды, не радзіцца чым, нарадзіўшыся, атрымаць у спадчыну вечную пагібель, у якой будзе лягчэй Садоху і Гамору, чым ім...

О біскупы, біскупы! О сыны, занядаўшыя бацьку і маці! Дзеткі, народжаныя і выхаваныя ў царскіх палатах, а зараз па свайму жаданню перайшоўшыя ў карчмы і шалашы! Дакуль вы будзеце спаць непрабудным сном? Дакуль вы будзеце яшчэ трымацца нядбайнай гнуснасці? Прыдзіце да вод шырокіх чатырох евангельскіх патокаў і абмыйце гразь прастаты вашага розуму! Хіба ж вам яшчэ мала той каштоўнай страты, якую я зношу, дзякуючы вашай нядбайнасці, такой вялікай страты золата, срэбра, перлаў і дарагіх каменяў, якімі я ганарылася, аздобленая вашым бацькам, на працягу колькі дзесяткаў год як найслаўнейшая каралева? Дзе зараз той вельмі каштоўны каменьчык-карбункул, бліскучы як светач, які я насіла ў сваёй кароне паміж іншымі перламі, як сонца паміж зорамі,— дом князёў Астрожскіх, які вылучаўся сярод іншых бляскам святла сваёй старажытнай веры? Дзе і іншыя дарагія і вельмі каштоўныя каменні той самай кароны, слаўныя дамы рускіх князёў, неацэнныя сапфіры, надзвычай каштоўныя дыяменты: князі Слуцкія, Заслаўскія, Збаражскія, Вішнявецкія, Сангушкі, Чартарыйскія, Пронскія, Ружынскія, Саламярэцкія, Галаўчынскія, Крошынскія, Масальскія, Горскія, Сакалінскія, Лукомскія, Пузыны і іншыя многія, якіх лічыць паасобку была б доўгая справа? Дзе і другія вельмі каштоўныя мае скарбы; радавітыя, паўтараю, слаўныя, высакадумныя, моцныя і даўно па ўсяму свету праслаўлення добрай славай, магутнасцю і мужнасцю народу рускага дамы: Хадкевічаў, Глебавічаў, Кішак, Сапег, Дарагастайскіх,

Войнаў, Валовічаў, Зяновічаў, Пацаў, Халецкіх, Тышкевічаў, Корсакаў, Храбтовічаў, Трызнаў, Гарнастайскіх, Бокіх, Мышкаў, Гойскіх, Сямашак, Гулевічаў, Ярмалінскіх, Чалганскіх, Каліноўскіх, Кірджаяў, Загароўскіх, Мялешкаў, Богавіцінаў, Паўловічаў, Сасноўскіх, Скумініх, Пацеяў?..

Не ўспамінаю тут таго шырокага ў княствах і паветах рускай зямлі каштоўнага майго адзення, аздобленага незлічонымі перламі і рознага колеру каменьчыкамі.

Аднак жа вы, злачынцы, абдзёрлі мяне з такой пышнай рызы маёй і над бедным целама маім, з якога самі нарадзіліся, здзекуецеся смехам і кпінамі! Але пракляты той, хто на ганьбу сваёй маці адкрывае яе голае цела; праклятыя і вы, хто з майго голага цела насміхаецца і цешыцца! Прыйдзе той час, калі вам самім будзе сорамна за ўсё гэта! Лепш бы вам было не пазнаваць праўды святла, чым, пазнаўшы, адкінуць яго, загасіць і затаптаць! Які ж ты пастыр, ганарыцца сваім пастырствам і ў той жа час абражаеш бога пагібеллю яго авечак? Ты, духоўны жрэц, выхваляешся сваім пасвячэннем, а адракаешся ад святасці божай. Ні жыццё, ні звычаі, ні вашы ўчынкi, ні адзенне не паказваюць вас як настаўнікаў; ні ваша мудрасць, ні навука, ні размова не сведчаць аб вашым пасвячэнні і пастырстве. У жыцці вы карчмары і купцы, у звычаях лежабокi, у размове невукi, у абыходжанні лісы крывадушныя, а ў адзенні драпежныя ваўкі.

Мудрасць ваша, уменне, размова бязглуздыя, марныя і распусныя, і выселле непрыстойнае, у якім і вы самі, і тыя, хто вас пераймае і ідзе за вамі, загінеце...

Утаймуіце сардэчныя матчыны ўздыхi, атрымаеце ўзнагароду ў канцы яе жыцця! Абатрыце заплаканыя вочы сваёй радзіцелькi, каб калі-небудзь яе крывавыя слёзы не скаціліся на вас, а плач яе вас не згубіў! Не цітулам, але самой справай пажадайце быць духоўнымi жрацамі, не словам, а ўчынкамі пастарайцеся быць настаўнікамі і кіраўнікамі. Каму ж я гэта гавару, да каго мае словы звернуты? Да жалезнай сцяны, ці я іх на вецер пускаю?..

РАЗДЗЕЛ 2.

У якім змяшчаецца навука ўсходняй царквы свайму сыну, які пакінуў яе сумесна з другімі сынамі.

Сынку! З благаслаўненнем божага віншавання я, маці твая, станаўлюся перад табою. Вось стаю перад тварам тваім і з пакураю прашу ў цябе дазволу на лагодную з табою размову.

Падымі сваю прасвячоную галаву і паглядзі на тваю матку вясёлымі вачыма, паглядзі, сынку, і пазнай мяне, пакажы чалавечнасць і пакору, уласціваю дзецям, дапусці мяне да сябе, а працягнуўшы руку, прымі мяне, няхай не будзе чэрствам тваё сэрца; падымі свае вочы на пакутніцу матку тваю і ласкавым поглядам пажадай яшчэ таго, каб зараз са мною спакойна гаварыць, бо я не для таго прыйшла да цябе, каб кпіць з цябе, а для таго, каб вучыць, не для таго прыйшла, каб выклікаць у цябе запал гневу, а для таго, каб зрабіць цябе пакладзістым і пакорным! Я прыйшла не за разрывам сыноўняй да маткі міласці, а хутчэй за ўладкаваннем яе. Падзівіся, сынок, гледзячы на нечуванае матчына ўніжэнне, і злітуйся над непамерным яе плачам, жальбою, пакутай і смуткам, прычынай якога з'яўляешся ты сам з другімі сваімі братамі, а маімі малодшымі сынамі.

Выхавала я вас з радасцю, а згубіла з плачам і смуткам; парадзіла я вас на пацеху і падпору сваёй старасці, а пазнала ад вас горшай, чым ад яўных сваіх ворагаў, непрыязні, горшай нянавісці, бязлітаснейшага ўціску, бесчалавечнага праследавання і шкадлівага заняпаду. Для вас і па вашай віне я, ваша няшчасная маці, засталася ўбогай, пакутуючай, асірацелай і пагарджанай, сапраўды, усім светам, якая цяпер з гора, седзячы над прыкрым салёным вавілонскім берагам вады і бачачы вас і многіх другіх мізэрна тонучых у ёй па вашай жа, сыноў маіх, віне, горка плача несучэшным плачам і жаласлівы, поўны болю і ляманту, узносіць свой голас пад самыя воблакі...

Няхай жа цябе ўзрушыць сыноўняе спачуванне да сваёй маці; няхай уразіць тваё сэрца гэты такі горкі, які пранізвае само неба, мой плач, маё ўздыханне і галашэнне! Прашу цябе, сын мой, суцеш мяне, дзеля бога; суцеш мяне ў пакуце маёй, бо я з маладосці тваёй не пераставала цябе цешыць! Абатыры з вачэй маіх слёзы сваім апамятаннем і зваротам да маткі, бо я цябе не даводзіла да слёз у гады твайго дзяцінства!

Застанься, сынок, каля маці твае ў яе старасці, бо кожны бывае пракляты богам, хто пакідае яе сваім учынкам і словам; пашануй мяне і будзеш мець за гэта благаслаўленне ад самога бога! Не давай прычыны, каб цябе твая маці падваргала праклёну, бо матчын праклён разбурае дамы сыноўня!

Што ж табе за слава ад крыўды маёй? А што за пацеха з майго зганьбавання? Пагэтаму паслухай, сынок, з вялікай увагай маю навуку і прымі маё напамінанне, пажадай узгадніць сваю волю з помыслам свайго бацькі, і добра з табою будзе...

ЛЯОНЦІЙ КАРПОВІЧ

(1580—1620)

КАЗАНЬЕ НА ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

Церков святая восточная, православные християне, о нынѣшнѣм презацном дни и хвалебном празднице пѣсни и гимны, от вышнее богословии утворенные, в духовном веселю и утѣсѣ спѣваючи, в одном з них тыми словы мовит: «Приидѣте, взыйдем на гору господню и в дом бога нашего и узрим славу преображения его, славу яко единачадого от отца, свѣтом примѣм свѣт и, преложени бывше духом, троицу единосущную въспоем в вѣки!»

З радостью от тебе слышим, матко наша церкви, тот твой так милый и солодкий к нам голос, вдячне приѣмем тое напомнимане, хутливыми се ставим на выконане того росказаня твоего. И хто ж бовѣм того бы собѣ не зычыл, абы тые всѣ слова skutком выполнити могл?! Хто бы на так сличный видок не рад глядѣл?! Хто бы ку так милому и пожаданому кресу не рад бѣжал? Хто бы спѣвцем богоотцем, крил голубиных не потребовал, абы могл возлетѣти на тую гору, для которе радуются и играют другии горы, а погорки скачут, яко баранки, на тую, мовлю, гору, которая вторым небом ся стала для показаное на ней небеснаго царя славы? На той бовѣм горѣ божества облистала красота, на той — распятія преднареклася таемница, на той — въскресения выобразилсѣ образ, на той — несказительности объявиласѣ оздоба, на той — не вечерняго оного в царствии божием дня открылася свѣтлость, на той — (в пресличной оной шат Христовых ясности) будущая оная святых тѣл засвѣтилася ясность, на той — (в пресвѣтлаго оболочка тѣню) утѣшное оное въсхищение угодников божых на оболочки префигуровалосѣ.

Хто бы, и повторе мовлю, на той преславной Фаворской горѣ станути не хотѣл, на которой станули пресвятыи ноги Христа спасителя нашего, в том кштатѣ и постати, в которой на тот свѣт судити живым и мертвым приидет? Хто бы, мовлю, того преможного и страшливого судии, тихо и ласкаве ставячогосѣ, не рад видѣл? Хто бы его, не о судѣ и караню, але о незмѣрном и предивном милосердю руючогосѣ, не рад слышал? Хто бы персон тых, с которыми

о так важных и великих речах тот преможенный цар намову чынил, с которыми о выконаню скрытое от вѣков таемницы, о поднятю в Иерусалимѣ, за збавене наше, муки и смерти добровольное розмавял, оглядати; хто бы той так превеликой славъ, ясности и оздобѣ их, в которой ся на он час показали, присмотрити; хто бы на тот знаменитый фест, на тот презачный зъезд и сейм прибыти не хотѣл, на который князи людстии събралися с богом Авраамлим, на который княжата всее землѣ, на который началницы старого и нового закону богочалным мановением зехалися и, подобные подобных собѣ обачившы, миле ся з собою привитали? Обачил бовѣм великий вѣроу боговидец Моисей теплаго в вѣрѣ слову самовидца Петра, обачыл, завезеный возом и конми огнистыми, яко на небо, и смерти до тых часов неподлеглый девѣственник Илия того, который, възлегшы на пламенныя Христа бога перси, вышей ниж на небо огнистыми богословия крилами възлетѣл и смерти также и поднесь не вкусил, девѣственника Иоанна.

Хто ж бы тому их прелюбезному витаню припатритися собѣ не зычыл? Хто бы боготрезвенным оным небесное солодкости вином прагненя своего утолити не прагнул, которого скоштовавшы верховный апостол Петр як в нѣяком изступленю оные слова заводал: «Господи, добро ест нам здѣ быти! Аще хощещи створым здѣ три сѣни: тебѣ едину и Моисеови едину и едину Илии!»

Не вѣдаеш Петре и сам што мовиш, естесь бовѣм пьяным. Упоила тебе една тая, которое скоштовал, премирное оное славы и небесное солодкости капля. Але ты твой пан до самого не смертельное роскоши жродла вызывает, которого не доступиш, если по вкушеню тое теперѣшнее солодкости яблока крестного не скоштуеш. Не вѣдаеш што мовиш, иж хочеш отпочивати пред выконанем працы, иж хочеш триумфовати пред отрыманем звитяжства. Треба впрод (мовит твой учитель до тебе) отрещися себе, взяти крест свой, подняти за имя мое, муку и смерть, а потом не з одним толко Моисеом и Илиею в трех, о которых мовиш, прибытках, але з незличоным оного преблаженного почту, оного много племенитого, в бѣлые шаты оболченного и в руках палмы звитяжства маючого, народу, множеством в оных многих отца моего обителех, в оных коштовных небесного моего дому палацах отпочинеш.

Правда теды то ест. Петре, иж добро ест з Христом спасителем быти, леч не на той толко горѣ, але и на каждом мѣстцу. «Аще бо пойду посередѣ сѣни смертных, не убоюся зла, яко ты со мною еси», — мовит Давид. Добро ест з ним

и терпѣти, если бовѣм «з ним страждем, з ним и прославимся», — мовит Павел. Добро ест з ним и умирати. Он бовѣм ест живот наш, который кгда ся явит, кгда в повелении и в гласѣ архангеловѣ и в трубѣ божий с небеси снийдет, тогды и всѣ для него и в нем умерлые з ним въскреснут в воскрешение животу, з ним ся явят в явление неизреченное и безконечное славы.

Не вѣдаеш и з другое мѣры, Петре, што мовиш, кгда ж яко тѣлом от землѣ высоко стоиш, так и розум твой вышей чувственного розумѣня поднесеный маючы, и в оном якобы захвищено в предверые вышняго царства вшедшы, и нѣякую оного не вечерняго дня зару обачывши, и якобы концем палца вышняго оного покарму скоштовавшы, таемниц наполненные слова отрыгаеш. Вспоминаеш бовѣм три скинии, на кшталт троякого в животѣ людском стану, то ест стану закона, стану ласки и стану хвалы, альбо блаженства оного вѣчного. О которых трех скиниях, православные христиане, и я недостойный з любовию вашею, за ласкою и помощью божею, побесѣдовати, а в той бесѣдѣ троякое преображене, або премѣнене души истиннаго христианина (в котором ся теж skutки тых трех преднѣйшых богословских цнот, вѣры, надежды и любви отчасти выразати и оказовати будут) уважати умысл пред себе взяшы.

Прощу впрод того истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякого человека грядущаго в мир, абы он сам не по нашему достоинству, але по премногому и неизслѣдимому богатству щедрот своих и мнѣ, мовячому, и вам слушающим на зрѣние славы преображения своего душевные очы отворити и просвѣтити свѣтом своего богоразумна рачыл.

Троякую скинию, альбо прыбыток, православные христиане, небесная ластовица, до третѣго неба взлетѣвшая, святыи апостол Павел в листе своем до евреюв вспоминает: первую, до которое завше волно было входити священником (а тая се называла святая); а другую, по второй завѣсе, до которой один раз в рок един архиерей не без оферы крве входил (а тая се называла святая святых); третью zase, о которой там же, троха ниже, взмѣнку чынит тыми словы: «Не в рукотворенная бо святая внииде Христос, противо образна истинных, но в самое небо, нынѣ да явится лицу божию о нас».

Там тая першая скиния была тѣмней фикгурою второе. Вторая zase до третее (водлуг оных пророческих слов: «Пойду от силы в силу») провадит.

Першая теды скиния за наступеньем второе на сторону уступити мусѣла, яко церков божиа спѣваеть: «Прииде сънѣ

законная благодати пришедши». Уступил тѣнь закона, кгда надешла ласка. Уступил закон старый, кгда новому нашлосе мѣстце. Уступил Моисей законодавец, а наступил Христос ласкидавец. Уступили пророцы, кгда наступил от них пророкованный. Уступила литера забияючая, а наступил дух оживяючий. Еднак иж и литера тая образом и фигуурою была духа, с тых мѣр и она мусела быти в чести, мусела мѣти славу.

Але яко болшую славу служба закона ласки над службу закона неволи мает, тот же апостол в оных словах своих выразне докладаеть: «Аще ли служение смерти писменны образованно в камени, бысть во славу, яко немощи взирати сыном израиелевом на лице Моисеово славы ради лица его prestaющия? Како не множает паче служение духа будет в славѣ. Аще бо служение осужденна слава, много паче избыточествит служение правды ко славѣ, ибо не прославится прославленное во части сей за превосходящую славу, аще бо prestaющее славою много паче пребывающее во славѣ».

Што бовѣм за поровнане тѣню до истоты? Што за поровнане офѣр быдличих до офѣры баранка, глядячого грѣхи всеѣо свѣта? Што за поровнанье киоту древяного з киотом одушевѣленным? Што за поровнане манны покарму пустынного, которого едши, жидове на пуци поумирали, з хлѣбом, с небесе зшедшим, которого хто есть, не умрѣт навѣки? Што за поровнане крови козлее и телчее з найдо рожшею кровию Христа, спасителя нашего, которая не только тѣло, але душу и сумнѣне от мертвых дѣл чистит, освѣщает и просвѣщает? Слушне теды, там же и тот же святыи апостол с того се невымовне тѣшит и тым ся, яко наибольшею прерокативою, хвалит, иж ест служителем нового завѣту Христового, и иж оног старозаконного Моисейского покрывала, албо заслоны, на обличу своем не мает, але открытым обличьем славу господню взираеть.

Еднак же не тут ся застановляет, але еще в оной третей скинии, в оном небесном прибытку, досконалшогося зрѣнна присно сущное оное славы сподѣваючы, в тые слова мовит: «Видим убо нынѣ яко же зеркалом в гаданиих, тогда же лицем к лицу».

Речет хто, а яко ж тое перьшое слово апостольское з овым послѣдним згодитися может? Там абовѣм твердит то, иж юж без покрывала открытым лицем славу господню взирает, а тут на кштат нѣякого покрывала, албо заслоны, зеркало и гадание воспоминает.

На то ся отповѣдает, иж юж нѣмаш заслоны и покрыв-

вала законного, которое бы боронило оком мысли и розуму на премирную оную славу духовне смотрити, але ест еще за-слона смерти и зепсованю подлеглого тѣла, которого взрок на таковое видене тупый и слабый ест барзо. Тепер бовѣм, яко тот же апостол мовит: «Отчасти разумѣваем и отчасти пророчествуем, егда же придет съвершение, тогда еже от-части упразднится», кгда ся дни дороги и пелкгримацыйи нашее скончат, в тот час до дому и отчизны приидем, кгда тот земный и дочасный прибыток смертелного и сказителного тѣла розрушится, в тот час до прибытку оного нерукотворенного и вѣчне в небѣ трваючого (за ласкою и помочю отца будущаго вѣка) въведени будем.

Тепер юж до того прибытку простую и добре през ходотая нового завѣта уторованую дорогу, тепер юж до оное страчоное през прадѣда Адама отчизны нашее приверненое собѣ през второго Адама право и дѣдичство, тепер юж до оных нерукотворенных небесных святая святых кровию небеснаго архиерея обновлений собѣ вход маем и юж естесмо дѣдичами царства и наслѣдниками оных невымовных в небѣ добр, еднак же того дѣдичства и тых добр през вѣру толко и надѣю (по мѣрѣ влитое в тот малый и немощный съсуд тѣла любве) ужываем и з него ся тѣшим. Але до skutечное оного посессыи держаня и ужываня аж в тот час приидем, кгда младенцами албо дѣтми быти престанем; кгда в мужа съвершенна, в мѣру возраста и исполнения Христова, достигнем; кгда и тые два в том дѣтинном возрастѣ, якобы педакгокки, и в той гостинѣ и дорозѣ, якобы преводники, вѣра и надѣя устанут и на сторону уступят, а сама толко юж не от части, але досконалая любов наступит; кгда и самые тые дѣтинные и пелкгримские шаты з себе зложим, в которых нас свѣт не знает, яко о том еден з гостей, на нынѣшний фест везваных, мовит: «Възлюбленнии нынѣ чада божии есмы и не уявися, что будем».

Але што за див, же слуг свѣт не знает, гды и самого пана не познал, обачывшы его в одмѣнном габите, в пелкгримском убѣре, в служебничой постати, в убозствѣ и нищетѣ послѣдней. Леч кгда тот преможный пан в своем прирожном габите, в своем пресвѣтном убѣре, в своей превелможной славѣ и оздобѣ ся явит, в тот час и нас убогих, подлых, взгаржоных и, яко нѣякое смѣте, ногами милостников того свѣта подоптываных в подобные своей велможности шаты приоболочет, яко тот же и там же апостол иевангелиста мовит: «Вѣмы же яко аще явится, подобни ему будем».

А што за див, кгда еще и на том свѣте тот независтный

всѣх добр даваца, тых так невыможных даров участниками нас учынил, кгда славою подобия своего украсил, кгда с образных образу своему створил? Яко бовѣм он ест по естеству превѣчным, едиnorodным с присносуущным сыном и словом бога отца своего, так и мы сынами его по ласце, для него и в нем приспособленными и по предувѣдѣнню избранными (з не пребраного милосердия его), естесмы. Яко он ест натуралный дѣдич в дому отца своего, так и нас по благодати дѣдичми богу и сполдѣдичми Христовыми письмо называет. От заправды слушне тое слово другий, на нынѣшнюю бѣседу везванный, гость мовит: «Им же честная, нам и великая обѣтования даровашася, яко до сих ради божественнаго будете причастницы естества».

Хто бовѣм так великой зацности, хто так знаменитой прерокгативе выбранных божиих не удивится? Хто так гнойной того преможного кроля ласце и щодробливости (которое так дорогие и не ошачованные подарки и упоминки выплынули) со страхом и любовию не поклонится? Хто тых так невыможных добродѣйств невдячником быти захочет? Хто того так великого добродѣя своего през преступство воли и закону его святого ображати важитися будет? Хто по вывышеню на так высокий стан скажное натуры своее знову ее грѣхами плюгавити, знову быдлѣчными пожадливостями зневажати, знову звѣриными намѣтностями до подлости приводити, знову, яко свиня в калѣ и болотѣ, марности и спросности телесное валятися и на чачок блестячого шкла роскоши и покою на том свѣте, короткого и непевного, тые так дорого цѣнные клейноты префримарчати зезволит?

Але тых скарбов и клейнотов свѣт в нас не видит и для того нас за сыны божиие не признавает. А чому ж не видит? Для того, же то все скрыто и заховано ест посполу з животом нашим. «Умросте бо, — мовит на чыне выбраное, — и живот ваш съкровен ест с Христом в бозѣ. Егда же явиться Христос, живот ваш тогда и вы с ним явитесь в славѣ».

А в тот час, яко голову нашу пред тым оплеваную, поличкованую и посмѣяную, так и члонков ее през мѣч и огонь досвѣдчоных, тот марный и облудный свѣт познает и тые слова, ведлуг Саломона, о каждом з них мовити будет: «Сеи бѣ его же имѣхом в смѣх и в притчу поношения. Безумный живот его вмѣнхом неистово и конец его безчестен, како вмѣнися в сынех божиих и в святых жребий его ест».

Юж бовѣм там великую и предивную отмѣну юж оное преславное преображение правица найвышшого учынит. Абовѣм, яко тот же святыи апостол мовит: «Преобразит тѣло смирения нашего, яко быти сему съобразну тѣлу славы его».

Тело теды тое, которое умирает в безчестии, явится в тот час в невыможной славы. Тѣло тое шпетное явится в невыможной пѣнкности. Тѣло, грѣху подлежлое, явиться безгрѣшным. Тѣло сказительное явится несказительным. Тѣло смертное явится безсмертным. Тѣло, тежаром обложоное, явится всякого высокопарного орла, лѣгчейшим и быстрѣйшим. Тѣло, розным недостатком и уломностями подлеглое, подобно будет в славе, подобно будет в ясности, подобно будет в оздобе увелбенному Христовому тѣлу.

О милое, о вдячное, о веселое, о щастливое, о пожаданное преображение! И хто ж тебе участником быти сподобится? Тот, хто ся впрод тут на свѣте духовне преобразит, хто старого человека с пожадливостями его скинет, а в новаго приоблечется, хто от тых земных марностей и спростностей ум и сердце свое отдалившы на высоту высоких (в живой вѣре) цнот и богомыслности себе вывышит. Таким теды способом, хто тут духовне с Христом на гору Фаворскую възидет, тот истотѣне з ним на горѣ оной, в которой вѣчне живет и царствует, отпочинет.

Взглядом которое горы, тая другая ест якобы нѣяким до часу на короткое мешкане выставленным кгмахом, албо рачей наметом, который за преселенем мешканцов своих до оного горнего мешканя порушон быти мает? Так яко се и оная першая скиния за наступенем тое второе, в которой тепер пребываем, розрушила. О чом пенкне святыи Иоан Златоустый на оный псалом: «Господи, кто обитает в жилищи твоем, или кто вселится во святую гору твою?» выклад чынечы, в тые слова дишкурует: «Обачмо впрод в гистории, што ест жилище (албо прыбыток), а што гора. Прыбыток называлсе сѣнь свѣдениа, которую поставил Моисей, а гора божа — церков, которую збудовал Саломон».

Там же троха нижей: «Обачмо теж таемным выкладом и вырозуменем, што ест прыбыток, а што гора божа, и яким способом потреба первой мешкати в прыбытку, а потом в горѣ божей. Прыбыток моисейский и церков соломонова носили образ и фигуру двох церквей христовых: тое, которая ест на земли, и тое, которая на небесех. Церкви, которая ест на земли, был фигуурою прыбыток моисейский. Церкви зась, которая на небесѣх (была фигуурою) церков соломонова, збудованая на горѣ. Двѣ то суть церкви

личбою, але една способом вѣры. О той, которая на земли, рекл господь: «На сем камени созижду церков мою!» А о небесной мовит апостол: «Приступисте к Сионовѣ горѣ и к граду бога жива — Иерусалиму небесному, и к позору тмам ангелов и собору первородных, написанных на небесех! Яко теда моисейский на пуцы прибыток частокрот з мѣсца на мѣсце был преношон и тых, которые в ним мешкали, приходнями и пелгримами чынил, так и церков Христова, на земле будучая, ест прибыток пустынным животом свѣтячийся».

И троха ниже: «А прето ест теж церков намѣтом, поставленным от господа, а не от человек. Абовѣм яко прибыток, албо намѣт з одного мѣсца на другое преносится часу преследованя, тому ку воли, который мовит: «Аще гонят вас в градѣ сем, бѣгайте в другой. Але мѣстца таким способом отмѣняючы, мѣсца знову не отмѣняет, бѣгает бовѣм от града в град, але не бѣгат от благочестия в нечестие, албо от побожности в незбожность (от правовѣрия в ересь)». Яко тады моисейский прибыток так и сам был преношон и на многих мѣстцах мешкал, а соломонова церков, на горѣ уфундованая, стала непорушона и жадным способом не могла ся поколѣбати, покуль была церковью божиею, так и на земли христова церьков, як в далекой краинѣ мешкаючая, побожных в собѣ мает пелгримов, албо приходнев, а вышняя церков первородных на небесех юж не мает пелгримов албо сусѣдей, але мешканцов и обывателей побожных».

И троха ниже: «А яко ж естесмо в той церкви приходнями албо сусѣдами? Послухай. Яко сусѣд албо приходень, вшедшы на час до мешканя якового, знову з него за росказанем пана своего на иншее мѣстце ся преносит, так и мы, вшедшы в церков през крещение, знову з неи през смерть на мешкане вѣчное ся представляемо. И которые есмо тут, на долѣ, были пелгримами и приходнями, там на горѣ мешканцами и гражданами ся ставаем, и которые яко гости и преходни тут на земли преследованесмо терпѣли, там яко приятели и дѣдичи отпочываем».

И троха ниже: «О том теда, который бы и того сусѣдства и там того вышняго мешканя годен был, пророк бога пытается. «Господи, кто обитает в жилищи твоём? Пытаю тебе о мешканцах, о которых печу и старане маю, а ты мя о них вѣдомым учинити рач, яко пан. Вижу, пане, церков твою, прибыток которого ты сам, а не жаден человек, поставил. Але иж патриархове (старого закону) поумирали, пророци уснули, праведницы, до тебе побрани, жидове роспяли, погане злоречийством преследовали, еретицы зблудили».

А я и тых слов слушне доложити могу: схизматицы отступили, пастыри зволчилися, звѣзды прелестные от мысленього, церкви твоее, неба спали, злость ся умножила, несправедливость гору вылетѣла, дорога правды скрылася, много ухищренная лесьть и прелесьть наступила, лжехристи и лжепророци многие повстали, волцы в одеждах овчих премногие ся зъявили. Не меншую теж личбу нечистотам своим послѣдующих мают, а число спасаемых уменьшається. И в самых мнимых христианех любов высыхает, щирость и незлобие оскудѣвает и огонь ревности и подвигов древних угасает, а страсть, миролюбие и самолюбия набарзѣй ся кгрунтует. Все бовѣм своих сих, а не яже твоя суть, ищут, все на повинность свою мало помнят, все не себе для тебе отместятся и взгоржают, але и sprawy а послуги, ркомо, твои для своего власного пожитку и дочесного зыску выконывают, albo рачей бруху и мамоне служат.

В такой теды злости и превротности старѣющогося свѣта хто может спасен быти? Хто может в том твоём, о котором ся вышей рекло, прибытку неотмѣнне а неотступне змешкати и до конца претерпѣти, а затым и в оную гору святую твою вселитися? «Просвѣтимся,— мовит там же и тот же святой Иоан Златоустый,— духом святым, научилемся и зрозумѣлем, который то народ, albo которые люди там будут мешкати. Тые, прави, о которых другий пред тым положонный псалом взмѣнку учинил, которые для имени твоего зъеданы и пожираны бывають як покорм хлѣбный, о которых реклесь: «Ни ли разумѣют все дѣлающеи безаконие, снѣдающеи люди моя вмѣсто хлѣба?» Тые теды, которые пожирають, не мешкають, але тые, которые пожираны бывають, мешкають. Овца бовѣм могут мешкати на дворѣ» того доброго пастыра, волцы не могут.

Потым сут слова святого Иоанна Златоустаго о двух церквях, одной воюющей, а другой триумфующей, хто теды в оной второй треумфовати и отпочивати хочет, мусит в той первой бѣды и невчасы военные зносити. Хто, мовлю, в оной вышней горѣ, в оной небесной, мысленного Соломона, церкви щасливым мешканцем и вѣчным обывателем статися усилюет, мусит первой в том земном прибытку, мусит в той дочасной скинии, albo намѣте, убогим приходнем и пелкгримом быти.

Противным зяся способом, тые жадною мѣрою там мѣстца мѣти не могут, которые тут на земли не як гостѣ, не як приходнѣ, не як пелкгримове, але як дѣдичные обыватели мешкають, в ней ся кохають и так на ней фундуются якобы никгда на оный живот преселены быти не мѣли, не наслѣду-

ючи оных древних угодников божиих... Не мешкает там в оном славном мѣстѣ Каин, который мѣсто на земли закладает, з богом и з ближним нещире ся обходит и брата з зависти преслѣдует. Не мешкают его потомки, которых сынами людскими, которых исполинами в силѣ, славѣ и можности свѣтской квитнучыми писмо называет. Мешкает Авель, который щире з богом, щире з ближними ся обходит, преслѣдоване терпит, а не преслѣдует, не злое злым, але злое добрым, ненависть любовью, встеклый гнѣв братний терпѣнием звитяжает.

Мешкают и его, албо вмѣсто его, воскрешоного насѣня потомки, которых сынами божиими, духовный рожай з бога през обѣцаного мяса маючими, писмо называет: которые тут, на земли, мѣст и домов ку мешканю не фундуючи, а ни на великие скарбы и славу того свѣта ся здобываючи, але толко як пелкгрывове, быдло для поживеня ховаючи, под намѣтами мешкали. Не мешкает, яко святой Амбросий мовит, в оном мѣстѣ разбойник, по лѣвой сторонѣ, распятый, который о дочасный живот ся старает. Але мешкает разбойник благоразумный, который дочесного живота и здоровья забывши, абы толко в оном пришлом животѣ, в оном безконечном царствии своем тот цар превѣчный на него вспомнѣл, просит и жадает. Не мешкают в оном мѣсте тые, которые тут, на земли, кгрунт щасливости своее закладают, тут покою, тут роскоши, тут славы и богаства шукают, тут долготу дней, тут золотые лѣта собѣ обещуют, тут, с того падолу плачу, рай роскошей, тут, с того мѣстыца выгнаня, отчизну собѣ чинят, а затым оное вѣчное не прагнут и бынамнѣй о нее не дбают... беспечне и роспусне живут, и беспечне а без встыду што хочут броят...

Не мешкают и тые, которые ач от тых вышей вспомненных богу бридких и мерзких речей ся уклоняют, ач теж правостою вѣры и титулом сыновства церковнаго ся хлюбят, але чистоты и святобливости сыном церковным призоитое не заховуют; которые при вѣре доброй дѣл добрых не чинят, албо недбале чинят и озябле в християнской повинности своей поступают, в трудѣх человеческих быти и с человеки раны приймавати не хочут, але и богу и свѣту, заровно услужити и догодити хотячи, на обѣдвѣ ноги свои храмлют и оный страшливый декрет божий: «Ни тѣпл еси, ни студен. Изблевати тя имам от уст моих», — на себе приволокают.

Не мешкают и тые, которые тут, на земли, богатств и можности, тут покою и роскошей шукают, а затым да оное вѣчное отчизны своей не тескнят; которые славы от человек

ишут и в ней ся кохают, а затым славу, которая ест от самого бога, марне а нещасливе тратят; которые, наконец, за Христом, спасителем своим, на гору с працею ити не хочут, а затым без працы на дол за дияволом сходят, albo рачей, в самую пекелную долину стремглав упадают...

Але мешкает в оной горѣ, в оном горнем Иерусалиме, тот, который ся тут на свѣтѣ гостем и пелкгримом быти знает, и яко гость и приходень, от телесных пожадливостей, воюющих на душу, отдаляется; который пядию измѣренны быти дни живота своего визнавает; который в всѣх дѣлех своих послѣдняя своя поминает; который на выистье с тое гостины до дому отчыстого завжды ся готовит; который везванья с того выгнаня до пана своего завше ся сподѣвает и добре на привитаню его пописатися хотячи, со страхом и трепетом жития своего время жителствует; который, свободу от грѣха улюбивши, свободы, злость покрывающее, не шукает, але яко слуга божий, божие богу впрод отдавши и ему сумнене и вѣру вцале заховавши, звѣрхности теж от него поставленной, повинность вшелякую, до вѣрнаго подданства и послушенства принадлежачую, зупелне отдает и по апостолскому слову бога боится, царя чтит, братство любит и не зле, але добре чинячи, скорби, утиски и гонения терпит; богатство, если течет, сердца не прикладает, але, яко добрый и вѣрный шафар, оным шафуючи, око слѣпым, а нога хромым бывает; который ни с ким облудне, ни с ким превротне ся не обходит, правду в сердцу, и правду на языку носит; и который никого укривдити, никому шкоды и прикрости ниякое учинити неумеючи, щирость и незлобие голубиное, але теж и мудрость и ростропность змийную (не толко маетность на розшарпане, але и тѣло на забите, быле бы голову свою вцале заховал, быле бы, мовлю, от Христа спасителя правдивое и несмертельное головы своее никгды ся не оторвал, охотне выдаючи) заховует и в всѣх справах и поступках своих необлудным, неозяблым, не малеваным християнином ся быти оказует, але вѣрне в дому пана своего працует, пилю в виноградѣ его робит, охотне тяготу дневную и упалене слонечное зносит и, яко Моисей, рачей «страдати з людми божими, нежели привременного грѣха сладость имѣти» обирает, а над вси оздобы и дикгни-тарства свѣтские взгарду и насмѣвиско Христово на собѣ зносити зезволяет.

Таковый теды, яко ся вышей рекло, с Христом на гору вѣсходит, такового бог богом называтися нестыдает, такому мѣсто оное, которому сам майстром и будовничим есть, на мешкане готует...

АФАНАСІЙ ФІЛІПОВІЧ

(1597—1648)

НОВИНЫ ПРАВОВѢРНЫМ ПОЖАДАНЫЕ О УСПОКОЕНИЕ ВѢРЫ И ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ, ЯК БЫ СУПЛИКУЮЧИ ПРЕЗ НИХ ДО КРОЛЯ ПАНА И ДО СЕНАТУ ЕГО ВСЕГО, ВЕДЛУГ ТИТУЛОВ КОЖДОГО, В ТЫЕ СЛОВА

Наяснѣйший по Иисусъ Христѣ, кролю полский, пане, пане и добродѣю мой велце милостивый! Яко вѣрный подданный ваше королевское милости пана, а пана мнѣ милостивого, я, убогий законник чину св. Василиа Великого, так вашей королевской милости, пану мнѣ милостивому, як и всѣм станом вышшим, средним и нижшим ознаймую. Иж запевне-запевне хотѣлем и готовалемся, юж справою духа святого (як тому простым сердцем вѣрую) на сейми валном, в року теразнѣйшом 1645, на пересторогу всего христианства, под той час схилку свѣта (в чом воля творци нашего ест), списавши в килка десят фастикулов*, в костелѣ варшавском, при бытности вашей королевской милости, як найспокойнѣйший час, розным особом и сенатором подати, оголосити и доводне, не сам през себе, але о укрѣпляющим мя Иисусъ Христѣ, довести и указати.

Леч дивные sprawy бога, в троици святой православно славимаго и пречистое богородици, ходотайки, благодѣтелки и патронки наше, упередивши той час перед сеймом за килканадцать недѣль, як бы о причинѣ иншой, о Дмитровича, царевича московского (а то власне прикладом слѣпорожденнаго воженя од суду до суду для лѣпшого объясненя так великой, страшной, поважной и святобливой sprawy свѣтлости, мовлю, всѣм пожаданое вѣры православное), взято мене до вязеня и в оковы. За цю я понижоним сердцем, як правовѣрный слуга божий, православно творцу моему подяковавши, а то из вязеня, ведлуг воли бозской и часу потребного, вспоможенем пречистой богородици, повинности моей досыть чиню: о воли его пресвятой и о собѣ нендзном объясняю таким порядком.

Я то нендзный Афанасий Филипович, который праве з детства и от взятя розуму моего, ласкою божею и молитвами пречистой богородици, в вѣры православной и церкви

правдивой восточной* статечным будучи, по науках церковно-русских, служилем на розных мѣстцах и у небожчика пана Сапеги*, гетмана, 7 лѣт служилем за инспектора Дмитровичу, якомусь царевичови московскому, который, за вѣдомостю кроля Жигмонта Третего, в опець его был. Там же, зрозумѣвши омыльность свѣта того, чернцем zostалем, року 1627, у Вилни при церкви православной Святого духа, рукоположением господина отца годной памяти Иосифа Бобриковича*. И былем з послушенства в монастыру Кутеенском под Оршею и в Межигорском под Киевом, през час немалый учачися воли бозской и законного живота.

Леч бывает в законников перемѣна. З Межигоря послушне, гды знову ѣхати ми пришло, святой памяти годный муж господин отец Коментарий, игумен на тот час межигорский, при отцу Самоилу Борецким*, рекл ми на ползу тые слова: «Брате Афанасий, чернец естесь в монастырь Межигорском. Принамнѣй, тые три речи заховай: першая — будь послушным старшим своим, другая — правила церковного пилнуй, третья — бесѣд женских стережися. Тые гды, даст бог, сохраниш, спасешися и будеш потребен на службу церкви Христовой. Иди с миром!» Идучи мнѣ до Вилна, за Чорнобилем пред Мозиром, по взрѣчу Днѣпра, в пуци на дорозѣ придал ми ся человек барзо хорый. Взялем его на себе и несл немало. Той человек потом (дивные sprawy в таемницах бозских много зо мною мовивши) дал ми имя найсолодшее Исус Христос на сердце мое и указал ми як тое маю заховати: 1) мѣрность зо всѣми людьми в пожитии розумне мѣти; 2) послушенство, чистость и убозство заховати законное; 3) на смерть двоякую памятати уставичне; 4) воли бозской завше-завше во всем се отдавати, што я паметаючи (дару бозского ведлуг часу таити не треба) и по сесь час, вырितое ласкою его святою, на сердцу своем маю; 5) если бы што противного воли бозской з немоци ся телесной притрафило, то сповѣдью и покутою досконало себе очищати.

Я то нендзный Афанасий, который з Вилня, по вступленю порядном на иерейство, з воли бозской и старших моих, былем намѣстником в монастыру Дубойском, под Пинском. Там през три лѣта з духами злыми, видомыми и невидомыми, барзо бѣдилемся. И гды князь Радивил, канцлѣр литовский, року 1636, именовем Полоза утискуючи церков православную, одбирал монастыр той Дубойский на езуиты барзо мудрие, фундуючи их в мѣсти Пинском, а в тот час барзо страшнии видоки на неби и на земли (не през сон, але в день и на явѣ, только як в захвиценю яком будучи) видилем. На

небѣ — хмуры барзо гнѣвливые з войсками ушиковаными, на каране готовыми, и на земли — седм огнюв пекелных, не седм грѣхов смертельных зготованых. З тых огнюв, в пятом жаристом гнѣви, трох особ выразне видилем: нунциуша легата*, в коронѣ папежской. Жигмонта кроля и Сапегу гетмана, за преслядоване церкви восточной барзо смутно сядячих. Которое видене, гдым другим указовал, видите не могли. Толко один святобливый муж господин отец Иларион Денисович, игумен купятицкий и пинский, тые справы бозские видил и дивовался. Подстаростий пинский, пан Огородинский, незадолго потом, гды заѣждзал тот монастыр, голосно волат: «Отцеве! Для бога, што то есть?! Страх мя здымует. Чи не маш якої зрады? Пале под мостом чи не подпилованы? Отцеве, для бога, не жартом то мовлю, страх ми здоймует!» И долго ся трвожачи, аж за проводом отцев виленских, в монастыр зо всѣм поѣездом вѣхал и обнял. Я, зась в горливости моее до благочестия святого, списавши жалосный лист взглядом людей* православных, которых там не тисеча было, маючи добрую надѣю з вѣры православное, же ся тыи люде, або в особѣ тых людей вся церков восточная до православия святого мает вернути, и полецилем тот лист пречистой богородици Купятицкой, з подписами рук людей годных не мало. А мяновите подписался: отец Силвестер Краскиевич, игумен циперский, Леонтий Шицик, игумен дубойский, Иларион Денисович, игумен купятицкий, Самоил Рогаля, друкар братства Виленского, Афанасий Филипович, намѣстник дубойский, Себастиан Гуляницкий, урядник дубойский, Иван Крупкаг, писар дубойский провентовый, и инших не мало. Мене зась от того часу в монастыру Купятицком на послушание оставлено и былем терптиве.

Я то нендзный Афанасий, который року 1637 с Купятич для ялмужны на Бѣлую Русь будучи высланный, дивною справою бозскою и переводом пречистое богородици Купятицкое (который образ на граници московской правдиве и на небѣ виденый был), без писаня, чудовне столицы Московской доѣхавши, за рѣкою Москвою, в Ординской улицы, на господи, там даной будучи, справедливе о том, што ся дѣяло в дорозѣ, историю списавши, царю московскому, ведлуг росказаня бозского на задержанье и оборону и помножене вѣры святой православной подалем.

Я то нендзный Афанасий, который року 1640 послушне з Купятич за волею бозскою (што доводне показуется) на игуменство церкви православное до Берестя Литовского (где то фундамент унѣи* проклятой стался) приѣхавши,

права и привилей*, на пергаменах найденые, з страшным проклятьем на униты*, до книг гродских берестейских актиковадем и оголосилем в церкви и на розных мѣстцах, волею бозскою указуючи, же тое роздѣлене Руси а приняте унѣи незвычайным способом з неналежным пастырем ест барзо проклятое. Потом з метрик вашой кролевской милости варшавских екстрактами тые sprawy повыймовавши ново, привилей с потверженьем оных прав на церков православную Берестейскую од вашео кролевское милости, пана нам щасливе пануючого, Владыслава Четвертого*, с подписанием руки набылем. Але запечатовати его ксионже канцлѣр и ксиондз подканцлѣрий и за тридцать таляров твардых не хотѣли. И гдым был в покоях их милостей, мовили до мене: «Будете всѣ униатами, то дармо запечатуем, бо вѣдайте, же под клятвою нам заказано от святого отца папежа, абы юж болшей вѣра грецкая* тут не множалася». На тот час и ксионже Клецкий в покою ксионжеця канцлѣра был и причинялся, прочитавши привилей, абы запечатовано. Леч жадным способом не запечатовали.

Потом пришодем до старших отцев моих, а о то зрозумѣлем, же кождый з них свою привату уганяет. Господин отец Коссов* двох тисечей золотых в кождый рок на владыцтво Могилевское доходит; отец Гулевич баницию з себя зносит, владыцтво Премыское пустивши в вѣчность (як в конституции написано) «на унѣю»; отец Жолуд цегельню толко в Вилни правом сталюет*; отец Шицик привилей, еден собѣ на архимандрию Овруцкую, а другой Филатею на игуменство Золотоверхого Михаила* набывает. Един господин отец Варлаам Дѣтковский святобливе в справах церкви Печерской з розсудком духовным працювал. Иншие отцеве всѣ и законники в своих приватах приѣхали и мовят з собою: «я маю, я маю з потребу у себе церковей. Як собѣ хто хочет, нехай ся домовляет; я не дбаю». И юж о грунтовным успокоению вѣры православной ани зменки* было.

Мѣщане зась убогие з Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Бѣлска, Кобрыня, Берестя и з иных мѣст и мѣстечок плачливе ляментуют, же юж не мают и людеи, з ким бы церковей своих доходити могли! Нимаш отца и мужа святого Леонтия Карповича, архимандриты виленского и отца Иосифа Бобривича, старшого виленского! Нимаш мужей памяти годных Михаила Кропивницкого*, Лаврентия Древинского* и пана Мефодия Киселя* з колегами его в поле рицерском не стало, абы о успокоене грунтовное вѣры православное грецкое домовлялися! Немаш в набоженствѣ належном, ведлуг сумнения православных людеи, волности юж и за

гроши! Ах, бѣда ж! Креста не принявши дѣтки, а дарослые без шлюбов живут, а умерлых в полях, в огородах и в пивницах потаемне в ночи погребают! Немаш, мовлю, волности юж и за гроши! Над турецкую неволю, тут в панствѣ христианском православные люде болшую неволю терпят и мают! Бо оршане бѣдныє за тое, што в братствѣ своем новую церков збудовали, двѣствѣ червоних золотых подканцлѣрному за печать давали. А сокаляне сто червоних золотых и пятьдесят коров до фолварку особы одной за причину толко давали. И иншие также барзо ся убиали, а ничого юж не справили. Яко ж и прошлых часов, противники правды святой, умыслне (поджою духа злого) хочачи вынищити тут в панствѣ христианском вѣру православную грецкую, од сейму до сейму незбожне огризуючи одкладали; наостаток, торгоючи сеймы, и докладати юж в конституциях, абы уквѣржоная усправедлиvene мѣла, не зезволяли.

Тое все выбачивши, я, нендзный з дару духа святого, як тому простым сердцем вѣрую, шолем до господы, за «Панну Марию»*, през новое мѣсто в Варшаве, мыслячи в собѣ през имя Исус Христово, в сердцу моем нарисованое, и з горливости вызнаня православного мовячи: «О, боже справедливыи! Як то ваги несправедливости юж-юж до самого центрум и крѣсу припали. Юж-юж и сами отцеве наши старшии в вѣры православной о помноженю хвалы бозское не дбают. Юж вси як бы ся ее встыдают. А што болшая — нѣкоторые, для гоноров и свободы свѣта того латиною* и много о собѣ розумѣнем, ошуканы будучи (ах, бѣда ж!), з вѣры правдивое до иншого вѣрки, як Смотрицкий*, Скуминович и иншие, небачне перекидаются. И всѣ немал з латинников наших милых, праве, в еден струп злѣвшись, власне юж в вонтпливость людем простым вѣру правдивую и церков всходнюю подают и, як бы храмлючи, волают: «О, и тая, о, и тая вѣра ест добрая!» А то быть не може, абы много вѣр мѣло быти добрых, бо написано: «Един господь, едина вѣра, едино крещение»* и прочее. Тое мыслячи, обачилем невѣсту, од костела Панны Марии як бы в роспачи обнаженно бѣгучую и волающую з великим ляментом, руки вложивши на голову: «Згинулам! Взято ми з ложка взголовье и колдру». Помыслилем в собѣ през имя Исуса Христово: «так тепер церков православная тут в панствѣ том христианском ляментует в окраденю од злодеѣв полуденных (то есть униатов проклятых) ложа мысленнаго Саломона и в обнаженю з поккрыта ей прекраснаго» (бо в тот же час превротник якийсь, злодий и блюзнѣрца Касян* выдал книжку*, обнажаючи сакрамента пресвятыє церкви православной восточной).

Тое мыслячи, гдым поровнялся истем з тоєю невѣстою, да-дем ей червоный золотый, мовячи: «Купи собѣ што можешь». А о то зараз пал на мене дух святой в плачливом жалю и долго в том ревливѣ плакалем. Потом в господи, у Стефана Русина Пикаря в коморци, гдым одправовал ака-фист до пречистой богородицы, теды, власне в тых словах: «от всѣх нас бѣд свободы», барзо ретелный голос од образу пречистой богородицы слышати было таковой: «О, Афанасий, супликуй тепер на сейми през образ мой, в крестѣ изоб-раженный Купятицкий, до кроля полского и Речи Поспо-литое, грозячи правдивым гнѣвом и страшным судом божи-им, который правдиве юж-юж приходит, если ся не обачат. Нехай же первѣй унѣю тую проклятую вѣчне зганят, бо того впрод потреба; и може быть еще добре».

З росказаня теды я пречистое богородици и мощью честнаго креста о имени Исус Христовѣ, як тое ся и объяс-няет, року 1643, права маючи добрии, як играч який, маючи карту добрую, и як Илия пророк, горлииво до православно-й вѣры, в Варшаве на сейми валном, образ пречистой бого-родици, в крестѣ изображенный Купятицкий, в семи шту-ках, на полотни малеваных, з гисториею московскою* (вѣрность в том вашей королевской милости, пану моему милостивому, освѣдчаючи) и з написом, на пересторогу гнѣву божого и страшного суду его вмѣсто суплики от церк-ве всходней в замку и в избѣ сенаторской* пред маестатом и обещастью ваше королевское милости, пана мнѣ мило-стивого, певным а велце поважным особам сам очевидно, а в рицерском коли* през диакона моего нѣкоторым особам также значным,— подавалем и голосно, ведлуг презрѣня бозского, права показуючи, волалем. «Наяснѣйший кролю полский, пан мой милостивый. О то кривду незносную маем. Не хочут нам, людем правовѣрным, в справах побожных церковных привилеов печатовати. Не хочут нас ведлуг прав заховати поприсяжоных вашей королевской милости. И юж то от пятидесят лѣт вѣра правдивая и церков восточная грецкая под вами, паны христианскими, в королевствѣ Пол-ском для збытков унѣи проклятой, аж назбыт утиски терпит. А то за причиною и помочю ненавистных капланов рымских, а нейбарзѣй езуитов барзо мудрых, которые то, езуиты, внутрности людские в дѣтках малых отливными словы на науки облудные и на титулы высокие побравши, в школах комедии строячи, в костелах катедры маючи, и книжки пере-ницованые, измышленые ошуканем шатанским, выдаючи, неизбежно до людей простших в огиду подают и преследуют правовѣрных христиан, сами будучи неправовѣрные».

Я то, нендзный Афанасий, который назавтрее, в субботу, ведлуг росказаня нѣкоторых панов сенаторов, сам пришло-лем з диаконом моим Леонтием до пана Опалинского, марш-шалка*, даючи о собѣ справу. А од пана маршалка послан-ный былем до его милости ксиендза бискупа познанского, на имя Андрея Шолдровского, человекѣ велце уважного, о котором и его милость отец наш метрополит Могила мо-вил (гдым был в Киеви слышал): «добрый то мой приатель». Тот, у вечер приѣхавши, з сенату од вашей кролевской ми-лости, тую потѣху рачил нам ознаймити, же «король, пан наш милостивый, казал запечатовати вам тот привилей, ко-торого потребуете. Прийдѣте юж ютро до ксиендза под-канцлѣрого, а тепер идѣте до господы».

Я то, нендзный Афанасий, который од своих отцев стар-ших до запечатованя привилею недопущеный и злыми сло-вы зганеный, за шаленого менованый, а згола во всѣм (пане боже, им прости!) уруганый, оплваный и осмѣяный и обви-ненный зосталем, а за тое самое, жем ся их не докладад, спра-вующи тые суплики (если то слушна докладатися в таких таемницах бозских). Ах, беда ж мудрым, з латины до чого пришло! Юж ничего вѣры не прикладают и воли бозской не послушают, але, все на себе и на розум свой принявши, волю свою полнят и свои своих гнембят. Бо там зараз в Варшавѣ, на Долгой улици, в господи одверного вашей кро-левской милости, на имя Яна Желязовского, през килка недѣль аж до разѣзду сеймового в вязеню нендзно мя з диаконом моим Леонтием вязили и трапили. С которого то вязеня не могучи я жадным способом (в справи так знамени-той церковной, которая ся точит ведлуг воли бозской) до розсудку их духовного повабити и привести (о то рев-ностью дому божого запалившись и собою взгордивши, не будучи шаленым и овшем маючи имя Исус Христово, на сердцу моем выритое, толко для самого упаметаняся стар-ших отцев моих, доброволне, не жалуючи, обнажити себе и в болотѣ ся помазати, абы церков, облюбеница Христова, одѣта и очищена была), шалемным як бы учинившись, из вязеня сам вчасне вышедши наго, толко каптур и парамант для знаку законного на собѣ маючи, в болотѣ весь поплю-скавшись и костуром себе бьючи, по улицах варшавских бѣгал и волат великим голосом: «Бѣда проклятым и невѣр-ным! Бѣда проклятым и невѣрным! Vae maledictus et infideli- bus!» Што постерегши в господи, челядь владычая слѣд пошляковали и бѣгучого мене юж до брами Краковское (бо хотѣлем в рынку в костелы вбѣгати и волати тые ж слова, а то в день Звѣстованя*, по-новому: «Бѣда, бѣда проклятым

и невѣрным!»), там тебѣ под брамою мя обскочили и, потрутивши в болото, в колѣно и болш глубокое, стали падо мною з великим тумултом людей през долгий час, аж з господы воз привезено.

Тогды я, нендзный Афанасий, як бы умерлым удаючися, великое зимно терпѣл (бо мѣсец был марец) и юж як бы ледво живый на вози до господы владычей привезеный и знову до вязеня вкиненый был.

Я то, нендзный Афанасий, который обвиненый будучи за суплики през образы пречистой богородици, в сенати поданные, и за обнаженя ся мое для церкви Христовы, як бы шаленое, инстигациею якогось Даниловича, писара владычого, од старших отцев (до мене ведлуг диоцезии* и мѣстца сеймового в справи той судити неналежных) былем сужоный, декретованый, презвитерства и игуменства деградованый. И юж на выѣзди з Варшавы, не маючи где мя подѣти, былем пресыланый од господы до господы: от отца владыки до игумена луцкого, од того до старшого виленского, з господы знову до отца Косова за Вислу рѣку човном проважено, из-за Вислы повторе до Варшавы проважено до отца старшого виленского, господу на лазни маючого. Старший виленский, выѣждзаючи, казал челяди своей отдати мене до отца Шицика* под генсиорек*; тот потрете перевозит мя през Вислу. Одтоль же хотѣлем доглядѣти, абы запечатовано привилей (ведлуг ознайменя бискупьего*) у подканцлѣрого. Не давши ми вѣры в том, отцеве старшим мои провадят мя з Варшавы до Киева.

В Киеви жаден мя не спытал, што бым кому был винен, през час немалый, што мя барзо фрасовало, звлаща видячи, же о покой церковный и о помножене хвалы бозское не дбают. А надто трапили мя огнѣ алхимицкие*, которые палено в седми печках на ошукане особы одной*, на которой, ведлуг того часу, много бы належало взглядом вѣры православной и церкви восточной, о чом ся ознаймовалем господину отцу Зосиму Печерскому и отцу Иосифу Дунаевскому.

Я то, нендзный Афанасий, который знову (ведлуг злого уданя), за росказанем его милости отца нашего метрополиты киевского Петра Могилы, в консистории* киевской от духовных отцев, як злочинца який, сужоный былем; на том судѣ, гдым припомнил, як мя в Варшаве водили од господы до господы, отец Гизель рек: «як од Аннаша до Каиафаша»*. Потом видили, жем и без позву нань стал, инстигатора не мѣлем, зараз од всего без декрету волным мя учинили, и за благословлением его милости отца нашего метрополита киевского и всея России, ексархи святого апостолского

фрону константинопольского, Петра Могилы, одправовалем литургии святых так в Печерах, як и на великом престоли в церкви Успения пречистой богородици Печерской чудотворной з диаконом меам* частокротне. А той суд и декрет, неслушне на мене в Варшави учиненый, потлуменый зостал безвѣстне.

Я то, нендзний Афанасий, который, первый за волю бозкою, а потом и за благословением листовным его милости отца нашего метрополиты киевского, з напомнимем пастьырским знову, ведлуг жаданя братства православного Берестейского, на игуменство присланный, где, в монастыру убогом з братиею моею законною колконадцатми (що вѣдомо богу и людем) пристойне живучи, мѣлем так я сам, яко и братиа моя (а мѣщане убогии зособна) од студентов своевольных езуитских и од попов униитских непоеднокрот битя, мордованя, уруганя, на монастыр нахоженя, дорогою истья през рынок з святостями вшелякими забороненя и незносний утрапеня. В Кобриню Облочинский якийсь, архимандритом униитским мянующися, на дорози добровольной, законников, на моих конях до мене з Купятич посланных, гвалтовне забравши (О, беда ж!), священноинокови бороду урѣзал, диакона обнажил и выгнал их. А кони два с возом, з рѣчами на килкасот золотых заграбил. И од инших на многих мѣстцах барзо великие кривды и бѣды мѣлем и мѣвалисмо.

В певных теды потребах церковных и монастырских, особливым преизренем бозским, ѣздилем до Кракова. Там будучи у его милости пана Сапѣги*, воеводы новгородского, просилем яко добродѣя своего (бо на его милости грунти мешкаем), абы з ласки своей зъеднати рачил у вашой королевской милости лист упоминальный* до тых кривдников для того, же у каждого права нам, православным христианам, о справедливость трудно. На каждом мѣстцу, в дворах и в судах, уругаются з нас и гучат на нас: «гу-гу, Русин, люпус, релиа, господи помилуй, схизматик, турко-гречин, одщепенец, Наливайко»* и болшей того, хто их вѣдает, як на огиду нас подаючи до людей, навывышляли. О тож, ведлуг того теды утрапеня нашего и уруганя, листу упоминального до тых кривдников просилем. Але убогих утрапене — паном жарты. Рекл: «Поп з попом побился — што ми за рѣч? Будте униатами, будте, то в покою будете жити, або идѣте собѣ до их старших по справедливость. И лист тут до мене писанный, в котором признавает*, же вам кривду учинил, о то вам на свѣдоцтво до права отдаю. А тут дармо есте прокусалися и стравили килкадесят золотых».

Зачим я далем всему покой. Толко порекреовавши вколо мѣста з okazji для ялмужны (а снать и преїзренем бозским), былем у посла московского, припоминаючи ему и бытье мое опатрностю бозскою року 1638 в столици московской. А гдым был пытан о Дмитровичу, о котором под небытность мою в Берестю юж ся и довѣдали од пана Галенского, намѣстника гродского, в яком он тут титули и выхованю, а я реклем: «Дмитрович и сам о собѣ не вѣдает, хто ест, по-готову жаден, аже не подписуется царевичом». Я, як невѣдомый жадной хитрости и не маючи полеценя, ни от кого в таемницах о нем, далем картку его, до мене з господы писаную, з подписом руки в тые слова: «Ян Фавстин Дмитрович».

С Кракова ѣхалем до Варшавы для выкупеня привилею, о котором през писане юристы на имя Зычевского мѣлем вѣдомость, же тот привилей, которогом на сейми потребовал, есть юж запечатован. Але же за тую печать хотѣл шести тысячи золотых, мянующи: «жем то през езуитов справил, а коштом моим великим». Я зась, убогий, до задатку першого десяти червонных золотых (на которые и тепер церограф его маю), давалем еще двадцать червонных золотых, а наибольшей облик давалем. Але же не взял. Теды я, огледѣвши тот привилей запечатованный а постерегши, же его в метриках немаш, болшей не убивалемся: полецилем все воли бозской и часови щасливому.

Приѣхавши я до братии моей до Берестя, рихло потом в кляштори отцов барнадинов перший раз з сцетрум, умыслом звитязства (бо видилем запечатанный привилей), далем образ пречистой богородицы в крестѣ Купятицкий вымалевати. Вымалеванный гды ми принесено, за червонный золотый одержалем его. И маючи в целии моей, гдым ведлуг часу пред тым образом одправовал молитвы, на тых мѣст, як и прошлых часов, барзо-барзо великий страх пал на мене, и власне од образа того слышати было голос таковой: «О, Афанасий, супликуй еще през образ мой в крестѣ Купятицкий на сейми пришлом до кроля полского и до Речи Посполитое о вынищене грунтовное унѣи проклятой. Добре будет, если услухают и вынищат еи: поживут еще в приданных лѣтах щасливе, ибо и планеты указуют Меркуриуша для Венери ласковость в тых лѣтах. А порядок сына моего в суженю: первѣй пытати Адама, потом Еввы*; на остаток декрет страшный як слово вымовити злому будет за выреченем слова». По том теды я престрашеню барзо слабый былем пять дней. Правдиве, ани пилем, ани ѣл, мыслячи, што чинити. «Бѣда мнѣ мовити таковые речи и на таком мѣст-

цу, бѣда не мовити справ бозских!» Постановилем в собѣ, еднѣк, мовити. На тых мѣст пришло ми вырозумене и побудка з дару духа святого (як тому простым сердцем вѣрую), же униаты волею своею од римлян ошуканы, а римляне мяновите в постановеню бозском и порядку духовном ошуканы от шатана проклятого. Образ богородици и тое справует, абы всѣ и геретици узнали, же ест правдиве кролевою небесною и добродѣлкою великою всему народу людскому, ведлуг прироченя, а затым и всѣ святыи божиин. Крест знаменуе (як хоругов гербовая) присте Христово на суд справедливый барзо-барзо прудко. «Ознаймуи же, Афанасий, о тых справах моих и неодкладне волай, голоси, як труба найкриклившая, верещи, бо час тому. Абы вси, що именем Исус Христовым титулуются, до направы пришли, то ест: отщепенци и геретики, лютеране, ариане, нуриане, сасове, звинглиане* и иншии тым подобныи, што ено вѣруют в Христа господа, абы в порядок правдивый, духовный, седми сенодами постановленый, пришли, то ест: на правицу тепер прихилилися и прилучили, бо врехлѣ не будут часу мѣти до покуты. А войну мѣти с потребы и слушне с поганы и невѣрными Христови, абы был над всѣми еден пастыр Исус Христос, а не папеж, и една овчарня Исус Христова, а не папежова, бо теж не папеж в евангелии святом мовит: «ины овца имам, яже не суть от двора сего, и тыя ми подобает привести и глас мой услышат, и будет едино стадо и един пастыр».

Таковою теды я, нендзный Афанасий, волею бозскою, примушоный будучи, южем был почал се и готовати на високом театрум свѣта того, сейму, мовлю, валного, а Полци будучого, пред всѣм гмином людским: в костелѣ, под бытность вашей королевской милости, по прочитаню евангелии, в казаню поднести писаня в килкадесят фастикулах з образами пречистой богородици Купятицкой и з гисториею московскою (як и на прошлом сеймѣ в сенатѣ), а розным станом коронным и великого князства Литовского, также купцом чужеземцом (которыи если бы были), на розных мѣстцах потрафляючи в найльпшее оголошене зачатую справу подати и объяснити, за причиною пречистой богородици и всѣх святых, чого по нас в тых схилку лѣт и страшно-го суду бог всемогущий потребуе.

Що ж я, нендзный робак, за обмову о собѣ дам, гды то творца мой Исус Христос и matka его пречистая богородица Купятицкая так трудную, дивную и барзо великую справу и послугу на мене покорного, як на быдыятко Валаамов*, вложити зезволили? О, Исусе Христе, мой одкупителю! Чи

не волѣл бым я, нендзный, сидѣти в монастыру, як другии духовные отцеве и братиа мои, молячися тебѣ, творцу моему, за себе и за всю владзу, духовную и свѣтскую, а особливе за добродѣев моих? Чи не уважалем я того собѣ? Уважалем и уважаю, дивуючися непонятным справам его святым. Подаю то до побожного уваженя вашей королевской милости, пану и добродѣви мнѣ велце милостивому. Што бым я мѣл чинити нендзный человѣк, простак, гарбарчик, калугер убогий межи монархами свѣта, вашою королевскою милостью и царом московским, гды бы не было в том особливой воли и опатрности бога в тройце святой единого? Поневаж сам рачит мовити: «без мене не можете творити ничего же»*.

Русь же од патриархи константинопольского, Нового Риму, по Володимеру* князю з преизреню божого окрестилася року божого 987, в двадцать лѣт и двѣ по поляках. И од того там часу до патриархи константинопольского в духовное послушенство и благословенство належит. Тое многим вѣдомо, а невѣдомыи нехай в Длугоша*, каноника краковского, и в иншие лѣтописци веизрят.

Унѣя же ест проклятая — правом доводне ся показывает. Хто колвек отбѣжит пастыра своего власного благословенного и братства, а удастся до другого, собѣ неналежного, тот нехай будет проклятый от отца и сына и святого духа! Нехай будет и по смерти не раздрѣшен. Нехай будет мѣти клятву отцев святых, што сенодовали в Никеи, и всѣх святых божиих! А той то пастыр и отец духовный правдиве так везал, которому правдиве, ведлуг воли божией, межи пятми столицами духовными на том дочасном свѣтѣ с певных а тых барзо важных причин и таемниц бозских, духом святым утвороных и споряжоных, межи столицами, мовлю, пятма: константинопольскою, антиохийскою, рымскою, александрийскою, иерусалимскою, — едина владза и ровность духовной владзы з иншими столицами константинопольской дана ест; владза правдивым порядком звязовати и развязовати, ведлуг росказаня Христова: «глаголю вам, его же свяжете на земли, будет связан и на небеси, а его же раздрѣшите на земли, будет раздрѣшен и на небеси»*.

Хто того не вѣдает, же унит тот, который одбѣг пастыра своего власного для свое воли, ест правдиве проклят, а меновите тот, который без споведи и покояния належного изшол з того свѣта.

Вѣдати и тое потреба, як Люциперови* з найвишшого неба зтручене, так унитови з церковного неба для пожаданя столка сенаторского, проклятельство ся стало. Грѣх содомский* и иншие великие своеволи в велебных отцев для

певных сродков опускаются, леч пыха проклятая найбарзѣй ся ганити мусит.

Потий*, перед владыцтвом каштеляном берестейским будучи, мѣл столек в сенать. Гды зась зостал владыкою*, оного ему умкнено. Зачим розумѣючи о собѣ много, в розных особах и у пана виленского Ходкиевича порады шукал и бадался. «Чему то под кролем полским волности маем сполные, а не засѣдаем столков з бискупами?» Теды духовные рымские порадили оному, же «за причиную короля пана: гды будете мѣти од отца святого, Старого Рыму папежа, благословенство, то латво вам будет мѣти межи нами и столек сенаторский». Потий теды, для самого столка сенаторского, з Терлецким, з Рогозою* и з иншими наслѣдовцами своими, таемне намовившися, выборнѣйших людей правовѣрных з народу российского так княжат, панов, яко и землян обывателей нѣкоторых в реестр списал, именем всей церкви российской православной восточной, здрадливе, не помнячи на клятву, которую и сам на себе писал и выдал, рымскому папезови, ведлуг принятя вѣры и креста святого до народу российского неналежачому, послушенство оддал. Еднак, за тое столка не одержал. Толко, з похлѣбства ксиенжий и порады их особливой, ласку королевскую в оборонѣ тоей унѣи и фундацій их церковных до сего часу мѣл.

Од того теды часу, взявши ненависть, за злою офѣрою своею и за непорядным уроженем ся в той проклятой унѣи, як Каин Авеля и Измаил Исаака*, так проклятый унит православного брата своего забиял и преслядовал. И аж по сесь час за помочью похлѣбцов и противных правды святой ведлуг часу за попущенем божиим що хотѣл, то броил. Людей убогих вшелякого стану так в братствах церковных, як и в радах вшеляких, судовых и цеховых будучих, потваряючи незбожне зо всего, що мают православные христиане з вѣры православной, з сумнения чистого, з славы доброй и маетности и зо всего почтывого злуплял, торгал и шарпал и розмаите мордовал и забивал. А над то — що болшая — церкви печатовал, одбирал, нищил, внивеч оборочал. Набоженства сумненью побожному волного заборонял. В мѣстах, в мѣстечках и селах, в добрах королевских и шляхетских, як то в Люблини, Сокалю, в Бѣлску, в Полоцку, в Витепску, Острогу, Лвови, Грубешови, в Белзи, Кобрыню, Берестю и в инших, аж назбыт прикрости и злости выражал и преслядовал. В многих розных мѣйсах в панствѣ том христианском непотребные колотнѣ для той проклятой унѣи аж по сесь час дѣялися.

Наостаток, и з козаками внутрняя война непотребная для той унѣи проклятой была. Для тоей милость немал во всѣх выхла. Для тоей похлѣбства, лакомства, зазрости, з(д)рады, нецноты, а найбарзѣй пыха ся проклятая замножила. Для тоей и порядок духовный и свѣтскій юж-юж погинул, о котором сами уже волают: «нерядом стоимо». Ото ж тепер порядок ведлуг воли бозской стае. Тепер час наступил роздѣленья благословенных од проклятых. Тепер гнѣв справедливый бозскій и суд его страшный на лѣвицу пришол. Хто маеет уха до слуханя, нехай слушае, што ся то голосит, ведлуг часу, мѣстца и потребы.

А що нѣкатории мовят: «кролю пану до вѣры не належит; же волно як хотѣти вѣрити». Так ест. Не винен кроль пан, гды хто в духовной справѣ блудит. Але же, за помочью кролей их милостей тоя унѣи проклятая в панствѣ том христианском з допущеня бозского стала. Треба справедливым судом, в часѣ замироном, ведлуг воли бозской, абы за помочью королевскою и упала. А хто ж замѣшаня в дому повинен успокоити, если не господар, звлаща добрый и чулый в повинностях своих? Велебные отцеве певне юж того не поправят, бо самым им впрод треба ся поправити! Юж тут диспутации не треба! Преизренем то бозским на елекции щасливой медиатором покою был ваша королевская милость в той справѣ. А на коронации з присягою зашла обѣтница грунтовне успокоити. А чему ж ся не успокоила? Нехай же ся успокоит, бо юж час пришол! Нехай кождый при своей сторонѣ, як собѣ подобал и заслужил, при той зостае: благословенный по правици, а проклятый по ливици.

Стороны Дмитровича добре ся стало, за ласкою божиею, же оногo ваша королевская милость, пан мой милостивый, як правдивый в приазни до кождого, на признание чим ест до царя московского послати рачил. Неслушно бовѣм пану, з натуры и з дару особливого бозского так будучи справедливым, мѣшатися в справы несправедливые. Лацно познати кождому, гды бы был з Мнишковны, воеводзианки сендомирской, Дмитровичом. Значная ест фамилия их милостей панов Мнишков! Як пан кухмистр коронный, староста Осецкий, и иншие одозвали бы ся в повиновацтво, гды ж то великая реч быти правдивым царским сыном. До того еще з уст небожчика Сапеги, гетмана, слышалаем, гдым педагогом был. Просилем килима обити ему над лужком, теды голосно з гнѣвом рек: «На що обитя над лужком? Хто его вѣдае, хто он ест». Я на то реклем: «невѣжаючи шляхетские дѣтки при педагогах своих школ-

ные пытаются в кого бы был в опецъ». То он помысливши, заледве казал килимок и колдерку купити. Я потом врехлѣ законником зосталем и тепер волею божиею в том ся найдую. Ово згола сумматим* мовится: не на доброе он тут в титули царском почал ся ховати, бо много злого през него, як през инструмент який, своволною купою а хитростями барзо, мудрих людей шатан проклятый, за допущенем бозским, мог бы брочити. Звлаща, гды бы ся повело шатанови в цесарской сторонѣ, иншие рѣчи потом вѣдоми будут, бо «нѣсть тайно, еже не открится»*.

Обѣдвѣ тыи справы так о Дмитровича, як и о успокоене грунтовное вѣры православной грецкой, кладу на шали уважного розсудку вашей кролевской милости, пана мнѣ милостивого. Вѣдаю, же лацно будет и справедливость святыю познати, звлаща, гды не от тѣла и в тѣли тквячим мниманьем, але без заслоны от души и в души мешкающим правым розумом тую так великую, ясную и важную реч будут мѣрковати. Бо «до такой помѣри (з Липсиушом* и Диоенисом* филизофами рекну) треба розуму, а не шнура».

Войска арматные*, гды бы были миллион миллионами, трудно з богом правдивым воевати; кождый тое вѣдает. Еще и тое докладается: войска, противные богу и росказаню и спораженю его, не видячи неприятеля, сами ся порѣжут през незгоду свою. Треба тое памятати, абовѣм бог всемогучий в часи замѣроном як хто згрѣшит, так и карает: неряд нерядом стирает, который ся тут неряд аж назбыт замножил, звлаща в велебных преложоных.

А запытает ли хто: «Чи пророк ты, што то мовиш?» В покори сердечной одповѣм: «не пророк, толко слуга бога сотворителя моего, посланный ведлуг часу, абым правду кождому мовил». Еще ли хто запытает: «А хто ж того з тобою свѣдком?» В боязни божой одповѣдаю: «таемницы его святыи не потребууют великого выбадываня, толко вѣры. Моисей* сам видил купину горящую а незгоряемую. Также Пѣтр святыи — плащеницу* ему спущеную з розными гадинами, абы колол и ѣл, сам видил, а вси, дивуючися справам дивным бозским, тому вѣруемо. Того ж и тут потреба, гды ж вѣра не выдворная фундаментом ест кождому в збавене, которая на доброй воли челоувѣчей зависла».

О непорядку костела рымского в другом на-дол стопню, з воли бозской и часу замѣроного (звлаща, гды перший стопень щасливе в skutку своем зостанет), от кого колвек

правдиве ся укажет. Мене зась, нендznego Афанасиа, бог
сотворитель мой на тое власне послал, абым впрод о вы-
нищеню проклятой унѣи оголосил и объяснил, которую
послугу волею его святою и помочью пречистой бого-
родици с повинности моей православно-служебничей достит
учинилем, як то видити рачите. Згола ест на воли каждого
вѣрити тому и не вѣрити. А я, на остаток, и в пѣсни, в турмѣ
зложоной, се оголошаю нотно в тые слова.

Даруй покой церкви своей, Христе боже,
Терпѣти болш, не вѣм, если хто з нас зможе.
Дай помощ от печали,
Абымы вцѣли зостали

В вѣри святой непорочной в милы лѣта,
Гды ж приходят страшные дни в конец свѣта!
Вылучаеш, хто з нас, пане,
По правици твоей стане.

Звитяжай же зрайцов: первѣй униатов,
Препозитов, также и их номинатов,
Абы болш не колотили,
В покою лѣт конец жили!

Потлуми всѣх противников и их рады,
Абы болшей не чинили гнѣву и зрады
Межи греки и рымляны,
Гды ж то люд твой ест выбранный!

Пришел той час роздѣленя з проклятыми.
Не зѣст хлѣба ошарпанец з везваными.
До темности каже втрутить,
Звязаного в вѣки мучить.

Тут юж злости антихриста! Униате,
Кламцо и похлѣбцо, рожною лжи брате!
Памятайся в своей злости,
Зажий на собѣ литости.

Пекло на тя горящее зготовано.
Гордость твою и думы зле бы спалиано.
Стережися того огня,
Не вѣр диавлу рукоимя.

Для тебе то церков грецка ляментует:
В многих мѣстцах много утисков приимует.
Перестань же такой злости.
Не чини болш юж прикрости.

Не барзо тебе Рым прагнет и латина
Може бовѣм обыйтися без русина.
Навернися до восточней
Церкви своей святой.

Поможет в том пречистая и святыи,
Молитвы свои даючи приемныи.
В славу богу своему,
В троици святой единому,

Будь же сыном православным, униате!
Ест покута живым людем, милый брате!
Христос то тебе взывает
И пречистая чекает.

Просит за тя з плачем горким в трубѣ страшной
Матка сына в крижу, мовячи мнѣ, жалосной:
«Тепер человек ласку мает,
Напотом болш не узнает».

Хвалим же вси Христа и творца нашего,
Же нам дал юж матку неокрутно его!
Рѣч святая и знаки неомылны
Суть на вѣки. Амин».

При том, с повинности моей духовной, в особѣ всей церкви восточней, молитвы святыи в побожность и принятие ласковое вашей королевской милости, пана мнѣ милостивого, залещивши, цѣлым сердцем прагну, абы бог всеисильный вашу королевскую милость зо всѣм пресвѣтлым сенатом и панством в долгофортуныи лѣта благословил и помножил панство и справовал найлѣпший ряд. Не толко з добрых планет: Меркуриус, Геркулес, Иовишов сын, але сам творца всѣх тых Исус Христос, сын правдивого бога отца з духом пресвятым, за повабою и ублагословенем пренаймилоснѣйшой Венеры, Марии, пречистой богородици, королевой небесной, абы имя тое ваше королевское милости, Вла-

дислав, на земли и на неби з годными богу владнуло славою на вѣки,— того вѣрне сприяючи, и облюбеницу мѣти з Москвы* зычу. Бо и в том значное, даст бог, будет над вашою королевскою милостью благословенство его святое в нынишнем и в будущем вѣку. Амин.

ПАЛІТЫЧНАЯ САТЫРА

[ПРАМОВА МЯЛЕШКІ*]

Найснейшы милостивы королю и на мене ласкавыя панове братя! Выехавши з дому, богу ся помолил, штоб к вам здоров приехал да и вашу милость здоровых огледал.

Пришло мне з вами радити, а я на таких зyezдах николи не бывал и з королем его милостью николи не засѣдал. Толко за князей наших, которие королевали и которие воеводами бывали, сѣнтѣнтій тых не бывало, правым сердцем просто говорили, політыки не знали а у рот правдою, як солею в очи, кидывали. Скоро ж короли больш немцев як нас улюбили, почали нами шебунковати, и што старые наши князи собрали, то все немцом роздали нашия господари. Проч Жикгмонта* короля! Того нечего и в люди личити, бо Подляше* и Вольнь нашы вытратив, ляхом менечися. Але Жикгимонта первого*,— солодкая память его. Той немцев, як собак, не любил и ляхов з их хитростю велми не любил, а Литву и Русь нашу любително миловал. И горяздо лепш нашия за него* мевалися хоть в так дорогих свитах не хаживали. Другіе без ноговиц, як бернардыны, гуляли, а сорочки аж до костей, а шапки аж до самого поеса нашивали.

Дай боже и знов такой години приждати и тепер! Я сам коли по домовому вбираюся, то ее милость, пани Мстиславская, малжонка моя, натешитися и наглядетися на мене не можетъ.

Над то вже огледимося на все тое, милостивыя панове, и на тую нуждну немецкую штуку, што наброили. А коли ж то у іх* бывало: у сукнях перестых ходят, а гроши без числа мают, а што городов и мест держать, то не хыхі. Да он пак* и замешалися з нами и горяздо умеют все лихое говорити. Королем, паном и Речи Посполитой як туж было баламутять. А коли сам немчино идетъ, любо жена его поступаеть — через скурку скрипить, шелестить и дорогим

пижмом воняет. Коли ж до тебе паничик приедетъ, частуй же его достатком, да еще и жонку свою подле его посади. А он съдѣть, як бес надувшись, морокуеть, шапкою, дей, перекривляетъ и з жонкою нашептываетъ, дей и в долонку сробеть. Да коли ж бы гетакого чорта кулаком в морду, или по лицом, по хрибте, так што бы король, его милость, не слыхал! Нехай бы морды такой поганой не надымал.

Помню я короля Гэнрика*, которий з заморской, немецкой, стороны, был, да зрозумел, што мы ему не много давали шебунковати, а немци его не велми перекриковали, так он, познавши, што то не штука, да и сам никому не оказавшися проч поехал. Аж в свою сторону, аж за море скинул.

Кажучи правду, не так виноват король, як тые радные баламуты, што при ним сидят да крутятъ. Много тутако така ест, што хоть наша костка, однак собачим мясом обросла и воняет! Тые, што нас деруть, губять радные! А за их баламутнями нашинец выживитися не можетъ, Речи Посполитую губят! Волянь з Подлясем пропал нам! Знаю, нам приступило, што ходим как подьвареные, бо ся их боимо, правды не мовимо, еще з подхлѣбными языками потакаемо. А коли б такого бѣса кулаком в морду! Забыв бы други мутити.

И то, милостивые панове, не малая шкода, слугы ховаемо ляхи. Давай же ему сукню хвалендыфзовую, корми ж его сластно, а з их службы не пытай. И толко убравшисе на высоких подковах до девок дыбле и ходить з великого куфля трубить. Ты, пане, за стол, а слуга лях себе за стол. Ты борщик, а слуга лях на покутнику штуку мяса. Ты за фляшу, а он за другую, а коли слабо держиш, то он и з рук выветь. Толко пилнуеть: скоро ты з дому, то он молчком приласкает ся до жонки. И такого чортополоха з немцами выгнати, што до нас влезъли противко праву нашему. Од их милостей, панов ляхов, гинуть старие наши поклонны смоленские! Передирайте очи лепше о инфлянты*, бо тые мечники как влезуть, то их и зублем не выкуриш, як пщолы од меду.

Але здармо поговорили есмо о разных наших утратах. И то не малая штука — кони дрыганты на стайни ховати! Давай же им в лето и в зиме овес и сено, подстилай же их на ноч, ховай же для их слугу ляха, конюшого и машталера, а з них жадное службы не пытай. А коли ж еще лях, як жеребец, рже коло девок, как дрыгант коло кобыл, приими ж к нему двох литвинов на страж; бо и сам дидко не упилнуеть!

И то на свете дурнина — годинники! Мне притрафилосе на тандете в Киевъ купити. Дали есмо за его три копы грошей, а як есмо послали до Вилни на направу, ажно на пятую копу крутить злодей заморщик! Добры то наш годинник — петух, што нехыбне о полночи кукаракуеть.

И то велми страшная шкода — гологуздые кури ховати, их достатком варити и инные пташки смажити. Торты тые цинамоном, микгдалами цукровати. А за моей памяти присмаков тых не бывало. Добрая была гуска з грибъками, качка з перчиком, печонка з цыбулею или чосныком. А коли на перепышные достатки — каша рижовая з шафраном. Вина венгерского не заживали перед тым. Малмазию скромно пивали, медок и горилочку дюбали, але гроши под достатком мевали. Мури сильные муровали и войну славную крѣпко и лучшей держали как тепер.

И то не до речи: в богатых сукнях пани ходять! Не знали перед тым тых португгали или фортугали. А подолок рухается, а коло подолка чепляется. А дворянин в ножку, как сокол, загледаеть, што бы где щупнути солодкого мяса. Я ж радил бы, нехай бы беложонки нашие в запинаные давные убералисе козакины, шнурованые на заде носили розъпорки, а к тому, што бы з немецъка заривали плюдрики: не так бы скоро любителну скрадывали бредню. А тепер хотя з рогатиною на варте стой, в живые очи такого бѣса не упилнуеш.

Далей о чим радити, не знаю. То вашей милости припоминаю, што бы завсегда сколко сенаторов и панов литовских при королю его милости было, был бы и я. Толко королевщины не маю, бо перед другими не схопил. А што есмо казали, все правда. А Уршулю*, королеву его милости, миленко в ручку поцаловали, как и другие малодшие сенаторчики. Не дивуйтесь, милостивые панове братья! Вѣк вѣком сказываеть: сивизна в бородѣ и чорѣт в лидѣвях за поесом. На хорошее видане ставку купил.

Не толко в Смоленску, але и в Мозыру увесь повет о том давно радил, кого бы мудрого на той зѣезд к той сентенции выправити менѣ велдомого до вашей милости послали, и што бы, бог дал, умети перед королем его милостию и вами, панове братья, одкрити нашие рады.

Сказал бы хто з вас лучшей, толко не баламутячи, то и я на том перестану.

ЛІСТ ДА АБУХОВІЧА

Милостивы пане Обухович, а мой ласкавы пане! З умыслу моего посылаю служку нашего давного, пана Иоахима Говорку, обвещывшы доброе здравие Вашмосци чыли нездравие, в яким тот час господь ховать рачыт после того перепуду московского. И я так знаю, што нудно Вашмости на жываты.

Не гневайсе, Твоя Милость, на мене, што тытулу воеводского не доложыв. Написавшы б я воеводою смоленским, то бы я солгав; написавшы б опять безвоеводзким, то бы се Вашмость гневал, хоць не за што.

Я так разумею: коли Смоленск оддали, то и тытул продали. Много людей об том звещали, што люде и грошы побрали. Лепей было, пане Филипе, седзець табе у Липе*. Увалявся есь в великую славу, як свиня у грась, горш то ся стало, коли хто упадзе у новом кожусе у густое болото, у злом разуменю, у обмовах людзких и у срамоти седзиць, як дзяцел у дупли. От нам за тое, што дзешово Москва соболи продавала: всю Русь з людзми одобрала. И то есьмы обачыли, соболие колнеры познавесьмы зараз, што худо будут бицься нашие жолнеры. А што мы дурные у кожухах сем лет Смоленска добывали, то вы мудрые у соболях за четырнадцат недель оддали. Боюся вельми, што б за тое баба кому пупа не резала!

Об меншую, чаю, вину, — кажут людзе, — Осьцика небощыка* напалохав кат у Вильне, аж мясо его валялося, што одно карточку писав до Москвы неосторожно. Мы и цара в ногу цаловали и грошы побрали, а без маль нам тое не минется!

Пан Госевски* не много по-лацинску умеv, а з мнейшим людом и апаратом военным и жывностью Смоленска додержав! Мудрость велика, — кажут люде, — як свини. Кали много еи кто заживает, той ничего не дбает. А кали человек надто кусит — и постягнут мусит и хвосту бывает непокой. Зофия-философия радзила седзець высоко, говорыт глыбоко. Куделя, пане, — жыноцкая реч, да што б пекла горазд оладки. Ест у мене старые книги у новом кути. Завсюды я там много вычытав жоноцкой псоты, яковых з ума зводзяць людзи мудрых, многих и святых, а што б пак нас грешных к лиху не привели.

А коли б дотуль Вашмость писаром быв*, то б чоловеком слыv. И того б з нас годи было за нашое лихое шалбёрство. Показуюць людзе и тое на Вашмостей, якобы до вымыслення подымнаго никто не быв причыною, только

Вашмость, которым выкурыли наших мужыков, як воробьёв з веников. Без мало: з мудрых ораторов не будет много ратаёв. Послом зоставшы много правды не говорите, толко берете копы. Депутатом копы, комиссаром копы. А тые копы пострыгут не одного в хлопы, а пан нет ведома гдзе будет. У Гданьску есть там кому вал сыпати и без нас.

Што люде старые мовили, то все правда. И горазд у памяти маю, коли быв пан Мелешко, кашталяном смоленским будучы, на сейме. И я на тот час за ним з кордиком стояв, як мова в тые слова была: «Панове! Кажу Вам правду. По вельми мудрых людзях ничто на свети готая худела, што з болота чыницъ золото, а з золота болото своими шалберскими мовами и дышкурсами. И он пан з прауды непрауду зробив, а што бы е убогих людей не милы ошукав и в блазны пострыгли. Але поколь он того докажет, сам кепом зостанет. Надувся в сенате, як петух галагуски, а правды не пытай. Усё баламутня. З уткою дерзыт «так, так, так», а коли мовит тое «не так», и писнути не хочет».

Не боявся так короля Егомости Зыгмунта* и усех сенаторов, а ни умев болей ено Часовник и Псалтыр почитаць!

По многих книгах зблудився теперычны розум, як коза по лесе. А на прауду святую ни од кого ока здорового нет. Одно баламутня. И сами погибнут и нас погубят. Кожден мости, пане, ужыват буде. А какая такая особка, таки ж и поп человек!

Циунец мой з рыкунею быв з сынами на торгу у лонной маетности моей. Чув од когось и то мене звестив, што ляхы на Вашмости вельми позакарычывали хвосты. Одно б только сейм дошов, альбо оны быв хочут. Вашмости о тое турбоват. Не кепско! Дай то, боже, штоб ся тое дармо не минуло. И то ли правда, чы ли не, показывают на Вашмости, якобы Вашмость у два на дзесят сот пехоты зъехав на одзыскане Смоленска. Даремно то, Вашмость, старане! Маючы чатырнадсот пехоты до обороны Смоленска людзей зацных и добрых пры живности и гармате, да не хотев боронити, а тепер только маючы; грэблю в маентности Полонной сыпат позволяю, а Смоленска назад одзыскиват!

Ой, пане! годи фронцавитат, як слижа у Немэн упустит. Не заутра ужо тое буде! Минут его и трое люди!

И тое кажут доводне. Во всех штурмах Вашмости голько одного ткача забито и то не вельми знаменитого. Ктось побрэдил, якобы Вашмости воеводство Краковское король Его Милость в нагороду Смоленска мае дати. Боятся ляхы вельми, што бы Твоя Милост венгром оных не продав.

Нешто, пане, сто родом дому деетсяя! Дзед Твоей Милости, коли генералом быв в Мозыру, то,— слышав,— што за малые грошы неправду продавав. Пан отец Вашмости, судёю будучы мозырским за моей памяти, у кого больш взяв, того хороше осудив. Коли небощык з тэго света уступив, мозыране вельми рады были! А коли б Вашмость догэтуль за правдою ходив, то б и бог помогав!

До души то мени так дивно, што Вашмости трыста подвод под одну постель Москва дала! То б гэто не постель была так вельми цяжкая! Хыба каждая перына обернулася в чэрвонные золотые? Сяк так нагородився Вашмости пуд московски. Коли б гэтакую кучу «гною» дал вывести из Смоленска Хмельницкому до Чэгорына, и то б не без шкоды было!

Пане! У мене гэтой брэдни ест не мало! Одных перын девят, кром дробных подушек, и то одна кобыла возит, где тэй брэдни потрэба!

Меу бы што и болей до Вашмости писати, зленивяуся довже и стат не могу. Да не гневай же ся, Господару. А кто ж кого осцерэжот, коли не милы, давный свой друг?

Датт з Тулян* дня 6-го иулия 1665 року.

**ВЕРШАВАНАЯ ЛІТАРАТУРА БЕЛАРУСІ
XVI—XVII СТСТ.**

АНДРЭЙ РЫМША

**КОТОРОГО СЯ МЕСЯЦА
ШТО ЗА СТАРЫХ ВЕКОВ ДЪЕЛО
КОРОТКОЕ ОПИСАНИЕ**

Месяца сентебра, по гебрэйскому елюль, просто врсень.

Двадцать четвертого дня месяца сеньтебра

Дороблен Еросолим, сталася реч добра.

Месяца октовриа,

по гербейску тышри, просто паздерник.

Арха з Ноим на горе станула на суши.

Другий потоп не будет, так нам писмо туши.

октовриа 17 дня.

Месяца ноемвриа, по гебрэйску маргеусам,

просто грудень.

Жидом свято уставил тут царь Еровоам.

Мы о свои не дбаем, не велми ж добро нам.

ноемвриа 15 дня.

Месяца декавриа,

по гебрэйску хашлеу, просто просинец.

В том месяцы Исус Христос народился нам.

Не хто иной, тот избавил души наши сам.

декавриа 25 дня.

Месяца генуара, па гебрэйску тебет, просто стычень.

Чужоземские мудрѣцы Христа привитали,

Злато, ладан и миру яко пану дали.

генуара 6 дня.

Месяца февраля, по гебрэйску себат, просто лютый.

Смотри як то голубка Ноаху служила.

Мы о бога не дбаем, только б злость плужила.

февраля 18 дня.

Месяца марта, по гебрэйску адар, просто марец.

В том месецы господа жида крижовали,

Собѣ лихо, нам добро тым паном зьеднали.

марта 25 дня.

Месяца априля, по гебрейску нисан, просто кветень.
 Жидове сухо прошли Чирвоное море.
 Кормил их бог на пушци, не было им горе.
априля 14 дня.

Месяца мая, по гебрейску ияр, просто май.
 Ной арху готует божим повелением,
 Абы в потоп не згинул з своим поколеньем.
мая 10 дня.

Месяца июня, по гебрейску сыван, просто чырвец.
 Ужо воды вьсих топят. Ноах в корабль вошол,
 Знать, иж богу кланялься, прото ласку знашол.
июня 27 дня.

Месяца июля, пе гебрейску тамус, просто липец.
 Моисий побил таблицы з приказаньем божим.
 А мы грешим што часок, ни ся страхом трвожим.
июля 17 дня.

Месяца августа,
 пе гебрейску аов либо ав, просто серпень.
 В том месецы Аарон умер, божий ерей.
 Того собъ на приклад ты, попе, завжды мей.
августа 1 дня.

**НА ГЕРБ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО
 ПАНА ОСТАФЕЯ ВОЛОВИЧА,
 ПАНА ВИЛЕНСКОГО И ПРОЧИХ**

Што двъ стрѣлы, што врубы, што лелеи значат,
 То вси люди мудрые вельми горазд бачать,
 Которых зацный тот дом за герб уживаеть.
 Вѣрь мнѣ, иж там госпуду цнота свою маеть.

НА... ГЕРБЫ... ЛЬВА САПЕГИ

Вьсе можем своим оком лацно обачыти.
 Должыню и шырокость шнурум назначыти.
 И чловека можем познати по твары,
 Если в себе не маеть лишнее привары.
 Але, где цнота себе обрала оселость,
 Там ростроп есть до всего и мужьская смелость,
 Которая зацные завжды дома буди
 И клейноты розьдаеть. Тыми слынуть люди,
 Бо такие николи з света не изьходеть,
 Але один по другом в веки славу плодеть.

Хочеш же ся присмотреть? Герьбом, праве, значным
Зараз можеш познати, иж суть в дому зацным
Зьдавна славных Сапегов. Тые в предков своих
Заквитывали в цнотах, знать в лилиях троих,
При которих з оружьем коньный воин стоить
Знаком того, иж ся з них ни один не боить
Служить своим сподарем ку каждой потребе,
Не литуючи скарбов, ни самого себе.
К тому видиш, як в локоть постренна рука.
Видиш, иж в скрозь из туга з пострелного лука.
Такий пострел никого дома не потькаетъ.
Одно,— хто поганьские польки розьриваетъ.
В тых же герьбех посредку есть стрела, а крестами
Двема, а третий блиско, осагон лунами.
Тые знаком, иж они болш для хрестиянства
Клали здоровье свое, не смотречы паньства.
Смотри ж вышей! Узриш там над сельмом коруну,
Которая даеть знать, иж там бог фартуну
И цноту з сильным мужьством сполне коронуе,
Чого у них ани моль, ни ржа не попусе.
Живете ж Сапегове вси в многие лета!
Ваша слава слыть будеть, покуль станеть света!
Подавайте ж потомьком, што маєте з предьков!
Веже и ваших цных справ вьвесь свет полон светьков.

НА ГЕРБЫ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА, ПАНА ТЕОДОРА СКУМИНА, ВОЕВОДЫ НОВГОРОДСКОГО ЕПИКГРАММА

Не простым людем гербы з неба посылают,
Яковий Скуминове в своим дому мают.
Як звезда над луною хорошо ся блищить,
А светла месечного бынамне не нищыть,
Так обое свѣтлятся ровно окром хмары,
Як слава у Скуминов маеть свои дары.
Бо ним далее тым ясней в славу ся подносять,
Урадами зацными под небо выносятъ.
Мог бы вьместо месеца сонцо там отдати
И вьсе небо з знаменми до него придати,
Бо так тот дом Скуминов в Литве ясне слынетъ
И будет завьжды слынуть, поки свѣт не минеть.
Смотри ж, як реки текут, а все три зьгодливе!
Вер, иж было где смотреть, а не похлебливе
Бо не по одной реце плавал и з делами,

Служечы господару розумом, силами,
Не чужому, своему и отчызне милой,
Трафлаючи недруга, по шыи отылой.
Тот герб здавна в его дом з матки назначоно,
Бо такие прыметы у нем обачоно.
Иж водные послуги мѣл отпраовати,
Тым ся господарови и вѣсим подобати.
К тому еще два гербы видиш быть насподе,
Тых достали предкове его на свободе
Будучи. А цнотую оных доставали.
Веру з мужством отчызне своей заховали.
Вер ми, гербов не дають в дому сидящому,
Але з татарми в полю часто гулящому
Не з голою рукою, з шаблею острою,
Завжды будучы готов до смертного бою.
Жыви ж з тыми гербами ты, зацный Скумине,
А буйя в своей славе на веки и ныне!

А. Р. ЛИТВИН.

АНАНИМНЫЯ ВЕРШЫ

НА ГЕРБ ЗАЦНОГО ДОМУ ЕГО МОСТИ ПАНА ЛУКАША ИВАНОВИЧА МАМОНИЧА, СТАРОСТЫ ДИСНЕНЬСКОГО И СКАРБНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗСТВА ЛИТОВСКОГО

Ни кое ино добро не величить тако
Мужа, благородству подобящася всяко.
Срам, убо малитися в них же, побѣждати.
Срамнѣ ж побѣждати, в них же ся малити.
Ниже в похвалении есть ино любезнѣ,
Яко же егда имать что рещи полезнѣ.
Не преподобно убо о благих молчати,
Яко же и не таяжде воспоминати.
Стрѣла убо воздух прерѣзуе высоко,
Туголучно испущена летит широко.
Крест же паче сея небеси ся касает,
Сего носяй свѣтлѣ паче всѣх бывает.
Ты же ми богомыслѣне зриай на обое:
Велико бо едино, много паче двое.
Силно пачествовати мертвена чоловѣка —
Добродѣтелми, сокровища оного вѣка.

КНИЖКА ДО МИНАЮЧИХ МОВИТ

Почто новых вещей вѣдѣти желаєте,
Нову вещь, мене имѣя, презираете?
Отвѣт к римлянѣ православныхъ содержаще,
Иже егда прежде вѣру цѣлу имяще
И неуничижены отецъ преданиа,
Всѣ бяху тогда желающе молчаниа.
Нынѣ, егда повинныхъ въ всѣхъ сѣтворяютъ,
Писаниемъ же и властїю попираютъ
Вѣру; и не хотя по нужди глаголати,
Многю на клеветы вѣкратцѣ отвѣщати.
Купи, читай, рассуждай, брате и тщателю,
Повинни ли повѣжд, се к благодателю
Превышнему с покаяниемъ вѣзвратятся,
Узриши ли яко не повинни явятся.
Желателнаго приклонения по тебѣ,
И любовныя же помощи чаютъ себѣ.

Аминь.

ВѢРШЫ АБО СТИХИ ДО ТОГО, ШТО ЧИТАЛ, КОТОРЫМЪ КРАЕГРАНЕСІЕ СИЦЕВО: ХРАНИСЯ ИТАЛИЯН

Хронологию старую прочитаючи,
Розумѣти не трудно, писмо умѣючи.
Анатолинская церковъ, яко статечне
На Христѣ фундованую вѣру сполечне
И з сынами своими неотмѣнне держитъ,
Со Христомъ господемъ збираючи не грѣшитъ.
Якось тутъ в тыхъ «Вопросѣхъ и отвѣтѣхъ» читалъ,
И недармомъ на пятьдесятъ главизнъ росписалъ,
Тиранского шаленства абымъ ты свободилъ,
Абысь з двѣма пятьдесятниками не згорѣлъ.
Людские упорности огнемъ поपालаетъ,
Илия третего для покоры спасаетъ.
А ты православия мужайся, народе,
Небесный царъ завше с тобою ест и буде!

**НА ГЕРБ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА
ЕГО МИЛОСТИ, ПАНА ЛЕОНА САПЕГИ,
КАНЦЛЪРА НАВЫШШОГО ВЕЛИКОГО
КНЯЗСТВА ЛИТОВСКОГО, ПЕРНАВСКОГО
И ПРОЧЫХ СТАРОСТЫ**

Кгды в вышних набоженство станах местце мает,
И рыцерьская мужность к ней ся прилучает.
Где ростропность в порадах, справедливость в судех,
Где статечность во всяких для отчизны трудех,
Там бог благословляет, там слава значная
В тым доме заставет на вѣки трѣвалая.
Тые всѣ в тобѣ цноты видим знамените,
Которыми тя пан бог надарыл обфите.
Презацный сенаторе! Знат из вѣков давных
Тые ж ся найдовали и в предках твоих славных,
Што з гербов познаваем,— крыж — знак побожности,
Рука з сильным пострѣлом знаком ест мужности,
Три лелие разных цнот образ указуют,
Которые до неба простый путь справуют
И у людей еднают славу безсмертную,
Вѣк вѣком на потомъствѣ пребывающую.

**ЕПИКГРАММА
НА ГЕРБ БОГДАНА ОГИНСКАГО**

Крест ся Христов славою вѣрных именует.
Им ся самым апостол хвалить росказует.
Тым ся знаком божия церков украшает
И старожитных домов зацность вывышает,
Тым ся лукавых духов гуфы прогоняют
И варварских народов полки побѣждают.
Щасливый дом Окгинских, который тот мает
Клейнот с предков поданный, и в ним ся кохавет,
Кгды ж то знак набоженства и сталое вѣры.
Тым ся здавна их здобят сынове и дщеры.
А на том фундаменте вси цноты будуют,
Отчизне милой делным мужством услугуют,
Што звыкло безсмертную славу им еднати,
Которая на свѣте потым будет трвати
Поки мѣсяць и звѣзды свой бѣг справовати
И ночные темности будут просвѣщати.

**НА СТАРОЖИТНЫЙ КЛЕЙНОТЫ
ИХ М. КНЯЖАТ ОКГИНСКИХ
И ИХ М. ПАНОВ ВОЛОВИЧОВ**

Двойки, под гелмом еднаким, клейноты
Знаменитыи ясне выражают цноты
Двох презацных фалимий, в один дом злучоных,
В славь аж под самое небо вывышюных.
Тут крест старожитного набоженства знаком
И статечной вѣры в трафунку вшеляком.
Тут рада, тут ростропность мѣстце свое мает,
И, як на небѣ, мѣсяц з звѣздами сияет.
Так ся тых преславныи домов блищать sprawy
И высоким их станом годныи забавы.
Тут стрѣлы преважную дѣяльность высвѣдчают,
Тут сличный цнот огород рѣки поливають,
Которыи вод живых здроем обфитуют
И память з заплаатою вѣчною готуют.

**НА СТАРОЖИТНЫ КЛЕЙНОТ ИХ МИЛОСТЕЙ
ПАНОВ ХОДКЕВИЧОВ**

Зацный дом Ходкевичов, значные клейноты
За высокии здавна одѣдичил цноты,
Которыи тот славный славне дом подносят
И, праве, аж под небо самое выносят
И в вывашаню его никгды неустанут,
Поки мѣсяць и звѣзды свѣтити не престанут.

ЕПИКГРАММА НА ГЕРБ Л. САПЕГИ

Смотри як крыны, ездец и стрѣла з рукою
Звезалися, стрѣла с крестом, крест теж з лукою.
Тыи суть зобранья цнот, великий Леоне,
Которыи предков ушляхѣтили кролеве.
Умысл маеш вспанялы громить еретики,
Которым теж плѣниш всѣ церкви противники.
Вѣра, меч креста держачы, цвите тобою,
Бо естесь з супостатами готов до бою.
Жий во всѣ лѣта! По смерти о том дознаеш,
Же милуеш бога и вѣру помнажаш.

НА ГЕРЬ ЕГО МОСТИ ПАНА СИМЕОНА ВОЙНЫ

Яко досыт значне трубы нам оповѣдают
Врима брани и врима побѣды, людие знают,
Паче же троегласно и троеполчѣно рядимо
Послушно строителю, воистину непобѣдимо,
Происходяща же троеречна быстротекущи,
Не тры есть корѣмчых, но единого имущи.
Что плавание, разве бо преподобие всяко
В дому твоём? Дары дает бог не всим одинако.
Пентекерас, называют пять рог, ясна бывает
Над иншие звезды: ясность большую в собѣ мает.
Млива вонно, носяще бела, и красно зрачна.
В дому том благодать изобилна людем ест значна.
Что ж, паче мысленныя трубы, мысленныя реки,
В православии цвѣтуще, не оскудеют на вѣки.

НАДГРОБОК ОТЦУ АФАНАСИЮ ФИЛИПОВИЧУ, ИГУМЕНУ БЕРЕСТЕЙСКОМУ, В РОКУ 1648 ЗЕШЛОМУ

О, матко моя, церкви православна,
В которой правдиве мешкает бог здавна!
Тобѣм помогал рѣчью и словами
Я, Афанасий, и всѣми силами.
А найвенцей в том своего стараня
З бозскогом власне чинил росказаня,
Абы не была унѣя проклятая
Тут, только ты одна, церкви святая!
Тепер мусилем юж так уступити,
О кривду твою будучи забитый
От рук шляхетских под час козаччизни
В Берестю Литовском, на своей отчизни.
Пред се ты, церкви, туши добре собѣ,
Бог еще будет сам помочен тобѣ;
Найзрит в своей святой столици
До тебе, бѣдной, скажоной винници.
Хто в сердцу имя Христово мѣти буде,
Того он в царствии своем не забуде.
Он ми дал, жем стал в Вилни законником,
Тут игуменом, а впрод священником.
Тот же ми козал и тепер знать давати,
Же юж пришол час Сион ратовати.

Амин.

СИМЯОН ПОЛАЦКІ

(1629—1680)

(3 ПРАДМОВЫ ДА «РИФМОЛОГИОНА»)

...Писах в началъ по языку тому,
Иже свойственный бѣ моему дому.
Таже увидѣв много ползу быти,
Славенскому ся чистому учити.
Взях грамматику прилѣжах читати,
Бог же удобно даде ми ю знати.
К тому странная сущи ей подобна,
В знании ползу бѣше ми удобна.
Тако славенским рѣчем приложихся,
Елико дал бог знати научихся...

СТИХИ УТѢШНЫИ К ЛИЦУ ЕДИНОМУ

Кто хошет людей на свѣтъ познати,
Изволь о умных мене вопрошати.
Сам я не дурак, да блюдусь сказати,
Чтоб мене вверх не хотѣли взяти.
Видете мене, как я муж отраден,
Возростом велик и умом изряден?
Кто ся со мною может поровнати,
Развѣ из мертвых Голиафу встати?
Ума излишком, аж нѣгде дѣвати,—
Купи кто хошет, а я рад продати.
Вся глава умом велми ся наткана,
А мозгу мало, что мѣста не стало.
Времем сквозь нос разум вытекает,
Да Семен умен — языком приймает.
А сколько силы, не можно сказати:
Лва на бумагу мощно мнѣ раздрати.
Другий то Сампсон, да нет с ким побится:
Кого вызову — всяк мене боится.
Да кто с богатыром боротся посмѣет:
Мечем, пистолми — все Семен умѣет.
Мнози видают, как сильно борюся,
Когда с рубашки в вечер раздегнуся.
Не один недруг тогда погибает,
А кровь от ногтей и в очи плискает.
По такой битвѣ, рад я спочиваю

На мяккой лавкѣ. Так трудов збываю.
Все мне по мысли. Одно то в печали,
Что злые людѣ женится не дали.
Зависть проклята. Гдѣ мене полюбят,
Там злые людѣ тот час мя разгудят.
Кто таков, как я,— да щастя не многа.
Оженитя мя, молю вас для бога!
Ручайте! Есть с чим молодец дороден,
Есть што есть и пить, и велми заводен.
Свое полаты за печью имѣю,
А про богатство хвалится не смею,
Чтоб вор не окрал. А стану дарити,
Кто мя изволит скоро оженити.
И буду ему праведно служити:
Хлѣб дармо ести и вино добрѣ пити.

[ПРЫВІТАЛЬНЫЯ ВЕРШЫ
ЦАРУ АЛЯКСЕЮ МІХАЙЛАВІЧУ]

Отрок 1

Не всегда на воздухъ бывает тма имглистая,
Аки вставичне трвает ноч черно облачистая.
Але и солнечное променьми коло блистает.
Затым и самага сияющаго свѣтлость бывает.
О наставниче наш благочестия и веселия!
Яко-сь ми заживали жалости первеи велия,
Так нынѣ нам, зряще тя, монархо, радость ставае,
Всѣх албовѣм умилно неметных душа вздыхает.
И что ж? Нынѣ видим чудо барзо велми дивное,
Видение же сладкое и всѣм потѣшливое.
Все красная похвала содержить мене, видечи
Благочестиваго царя, почести, от всех берѣчи.
Прагнула тя душа наша, так теж и кости мои,
Як земля прагнет до вда в горячо лѣтнии знои.
Ни един покарм и напои тѣлу так не смакуе,
Як упритная душа, видячи тя, роскошует.
Спѣвати православному кажесть мнѣ сердце царю,
Так и язык великому князю и государю
Берет слова и новии стихи содѣловае,
Лѣдвѣ писар пером писмо прудко так выливает.

Отрок 2

Здрав буди и многолѣтен царю! Я тебе сладкими
Не забуду нѣгды въсхваляти вѣршми моими.
И по их ми едно во памяти родится мова,
Честный будут от мене завжды о тебѣ слова,
Возлюбил бо еси справедливость, царю, святую,
А маеш в ненависти безбожность всю проклятую.
Прото ты значною вседержитель бог над иные
Почтил повагою як цари, так в роли многие.
Припасан ти по бедрѣ благословением кованный,
Добрый воине Христов, от всюду меч наостренный.
З духа святаго зброя твоя и меч устроенный.
И пламенем ест божественным ест распаленный.
Славный и непорочный с тым ся ты рушаеш смѣле
И громиш оным богопротивных снадне умѣле.
Правда и человѣколюбие твои воз справует,
А броздами вѣра, надежда и любовь шафует.
За их поводом, о православный наш государю,
Простуеш нам гостинец к вышнему нашему царю.

Отрок 3

Нехай ганбу отнесут, нехай же и погибают,
Которы издавна упадку церкви шукают.
Дай боже за твою взгарду и всѣ зганбены были,
Упадок хвалячи, мовячи,— Так мы хотѣли.
Благочестивым бог дай дний заживали,
Истинну божию всегда смѣле теж визнавали.
Радуйся бѣлоруская земля, иж упадают
Ереси в тебѣ, през Алексея преч ищезают,
А церков Христова в покою днесь заставет.
Всѣх врагов церковных православный цар
побѣждает.
Днесь вы, церквонны гонители, покорѣтесе,
Православному царю всѣ шире поклонѣтесе.
З православными ся поеднавши добре живѣте,
Гонитие на церков ляхи, вниати юж престанѣте.
За нас ся и церков православный цар заставляет
И вас, во покутѣ приходячих, к себѣ приимает,
Бо кгда ж ест зѣло милосердный и христоролюбивый,
Злостей ваших прежних непомнячий, бо
милостивый.

Дѣдич з востока пришол, ему низко поклоняйся.
Алексей Михайлович всѣх россов царь и государь
И иных народов великий князь, так теж и владарь,
Который поднял за благочесте велии труды,
Дабы во русийской земли оттряс ереси всюды.

Отрок 7

Слава тебѣ, Христе, боже чудный, но и преславный
Царю челоувѣколюбивый, а над всѣ вѣки дивный,
Крепкий и милосердия полный, наш Христе боже!
Кто ж из нас негодных милости твою выставит
може,

Жесь нам дал радостный и веселый день дочекаати
А очима нашими в Витебску днесь оглядати
Государя царя Алексея Михайловича,
Великого князя всей Российской земли дѣдича?!
Жительствууй же на много лѣта наш праведный
царю,

В послѣдок дний з востока посланный з божого дару
К нам, тебѣ единовѣрных, звѣрми похищенных
З запада немилосердным иным родом плѣненных!

Тобою мы ис пашен илвовых свобождаемся
И смѣле противо всѣх зловѣрных поставляемся.
Но пройдохом сквозѣ огни, яко же рече, и воду,
Чающе известися тобою мы, на свободу.

По сем не предаждь нас врагом нашим в
поругание,

Церкви же нашей восточной во попрание,
Или мечем з милости своея оным погрози,
А всѣх привести ко православной вѣрѣ помози.

Отрок 8

Ничого тут по римской вѣрѣ. Знати то потреба,
Же здесь здавна руская земля язык мает з неба,
О чом и привилей кролевский старый опѣвает,—
Иж над три дни цар у Витебску мешкати желает
Толко,— албо преч из града идь, албо теж

крестися,

А з вѣрными всегда во церкви господу молися.
Прото и вас молю, иновѣрцы, вы покорѣтесе
А под крѣпкую руку царскую всѣ смирѣтесе
К правой вѣре нашей, апостолми насажденной,
Мученическою же кровию печатлѣнной.

Богобоязливе и покорне всѣ приступѣте,
Злая помышления от сердца преч отринѣте,
Абысте на церков гонения венц не чинили,
Но с нами православными в вѣрѣ единой жили.
Православному теж Алексею царю радѣте,
А здравия своего за его всѣ не щадѣте,
За что не токмо тут, на земли, восприимете славу,
Но в царствѣ небесном имѣти будете похвалу,
Которого яко правѣрным имѣти желаем,
А православному царю лѣт многих восприям.

Отрок 9

И вам, бояром, да дасть господь бог многая лѣта,
Бысте возлюбленный Израиль новаго завѣта
Противо новых фараонов, врагов своих, стасте,
Велия труды, яко той, на войнѣ подъясте.
Вы есте воинове царя, россом избранное
И богом небесным в силѣ теж его посланное
Противо народов свирѣпых, наших губителей,
Горделивых, гнѣвливых, а злых церкви гонителей.
Вы на тую войну, бояре, былисте готови,
За вѣру з смѣлостію пойдше, яко дѣти лвовы,
Не убоястеся ничего на той войнѣ злого,
Огнем дышущи Параклита, духа пресвятого.
Ревностію любви божей крѣпко запалены
А в силѣ его божественной были поставлены
Противо всего их злосливого ополчения.
Не устрашистеся мечнаго оных сѣчения
Мечов их еретыцких, на ся в войнѣ обнаженных.
Не убоястеся и кулей, огнем распаленных,
За вѣру благочестивую и церков. Страдати
Изволисте. Мы вас за то будем выхваляти.

Отрок 10

Вы з неволи увесь русійский народ свободили
И ереси из земли давной русской скоренили.
Добрая ж то по вѣрѣ война, боярове, ваша.
Дай, Христе, боже вѣчный покой! Радость то ест
наша.
А чтосте в войнѣ ризы своя в кровѣ фарбовали,
За тое в небѣ коруну тем себѣ зготовали.
А котрый кров свою за церков и вѣру проливал,
За то небесное дѣдицство себѣ зготовал.

А которых в землю тѣла в войнѣ покровены,
Вѣруем, иж небеса суть им отворены.
Они нынѣ со божиими ангелы ликуют
И триумф вѣчного веселия исправуют.
Они рукою божиею суть коруновани
И на житие небесное царствие позвани
Предвѣчне и з сыном божием в небѣ царствовати
И свѣт царственной славы его оглядати.

Отрок 11

И твое святительство хвалим буди, Питириме,
Священный митрополите всегда и нынѣ,
Яже на сей войнѣ всячески потрудился еси,
Всегда утверждая воинство сладкими словесы,
Дабы несумнѣнно ишли воевати за вѣру.
Ты же о сем приносил всегда святую офѣру
И за православного царя и воинство его,
Богу моляся присно, ради збавеня своего
В трудѣх и в бдѣнних всенощных, тѣло си труждая,
И за вся христианы, богу молитвы воздая,
За что да сподобит тя господь услышати свой глас,
Который будет ко праведным мовлений и до вас.
Высте, благии раби мои, также и вѣрнии,
Ибо будовцы церкви моей былисте пилнии,
За сия внийдѣте во радость господя своего,
Чтосте послушали гласа любезно моего.
Понежесте вы прац своих зѣло приложили
И таланты звѣроныи вам монумножили,
Над малыми вѣру на земли ко мнѣ показали,
За то в многоочных чину херувимов стали.

Отрок 12

Слава тебѣ, Христе, боже наш, царю вѣчной славы,
Звитяжцо чудный и преславный небесной державы,
Яко сам спасение наше, боже, нам справуеш
И дивным дары твои нам негодным даруеш!
Ты нынѣ благоволил еси над нами владѣти
Царю з востока, церков и нас от врагов хранити.
Да даст тебѣ, царю, господь бог совѣт и
премудрость,
Силу, мужество и побѣду с небесе, и крепость,
Дабы еси врагов своих всѣх до конца побѣдил,
И чтобы инным народом страшеня сотворил.

По сем и з найнизшим поклоном нашим упадаем
Пред твоим царским величеством и всѣм воздаваем
Вам за выше не тескливое тепер выслуханье,
З разрадованною душею чиним декованье.

**СТИСИ КРАЕСОГЛАСНИИ
КО ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ
САМОДЕРЖАВНѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ
ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
АЛЕКСИЮ МИХАЙЛОВИЧЮ ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ
И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦУ.
ОТРОКИ ГРАДА ПОЛОЦКА,
ПРИТЕКШИМИ ВО ЦАРЬСТВУЮЩИЙ ГРАД МОСКВУ,
ГЛАГОЛАНИИ В ЛѢТО ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА
СЛОВА 1660, МѢСЯЦА ИАНУАРИА 19 ДНЕ**

1

Радости сердце мое исполнися,
Яко предстати тебѣ приключися,
Богом нам данный православный царю,
России всея вѣрный гасподарю!
Яко бо солнце весь мир просвѣщает,
Сиче во сердцах радость проникает
От лица царска. Тѣм же припадаем
К стопам ти, яже лобзати желаем.

2

Лобзаем вѣрно крѣпку ти десницу,
Юже имамы за свѣтлу денницу,
Царю восточный, царю стран премногих,
Нас избавивый от противник многих.
Прогнавы мрачны з Руси еретики,
Буди ж в побѣдах преславен во вѣки!

Царствуй над всѣми вселенныя страны,
Из язык мрачных твори христианы.
Разшири вѣру, свѣт омрачным буди,
Иже во смертнѣй сѣни гибнут люди.
Настави на путь заблуждших ко аду,
Дажь обижденным щедрую отраду.
Дабы им с нами сиче воспѣвати:
Много лѣт царю дай бог царствовати!

Кто не весело в солнце возглядает,
 Егда от него просвѣщен бывает!
 Из красны весны кто не веселится,
 В ню же благ всяких много исполнится!
 Солнце твое нам зрится лице быти,
 Пресвѣтлый царю! В твоём свѣтѣ жити
 Всегда желаем; в твоей благодати
 Скуднии будут изобилувати,
 Як в веснѣ красной. Тѣм же веселуем,
 Егда прекрѣпку десницу цѣлуем,
 Ей же от бога молим быти данным
 В державу вѣчну всѣм скипетром странным.

День есть веселый, день превожделенны,
 Вонь же предстати тебѣ сподобленны
 Мы, твои раби, и десну лобзати,
 Веселым сердцем сице цѣловати:
 Царствуй, пресилен, преславен повсюду,
 Гдѣ солнца запад и встает откуду!
 Подай ти господь во мирѣ сияти,
 Второму солнцу, всѣми обладати,
 Дабы тобою мрака избѣжати
 Всим родом земли и вѣру познати.
 Буди Константин и Владимир миру,
 Сотри кумира и прослави вѣру.
 Подай ти господь миром обладати,
 А в вѣк будущий в небѣ царствовати.

Уста вѣтыйска глагола лишатся,
 Радости нашей егда присмотрятся,
 Юже с твоего лица изчерпаем,
 Яко ты здрава, крѣпка соглядаем.
 Пресвѣтлый царю и непреборимый,
 В кончинах земли ужасна славимый,
 Кто свѣтла солнца не видѣ на небѣ,
 Сей не зна славы, яже есть о тебѣ;
 Земля и море, аер исполнь ея,
 Буди ж и в небѣ глас славы твоея.

Коль чысло много звѣзд пресвѣтлых в небѣ,
 Вся солнца свѣтом украшают себе;
 Сице на земли всея Русси грады
 Чрез тя сияют, приемлют отрады.
 Без тебе тма есть, як в мирѣ без солнца,
 Свѣти ж нам всегда и будь оборонца
 От всѣх противник, иже поношаху
 Благочестивым и зѣло стужаху.
 Буди милосерд к державным ти градом,
 Яко обыче отец своим чадом.
 А мы вси молим превѣчнаго бога,
 Да даст ти в мирѣ лѣта жити многа.

Мойсий иногда на гору високу
 Возшед бѣ с творцем миру прешироку
 Бесѣдова с ним, потом же оттуду
 Повращен, лучми сияя повсюду.
 Мы твоей воли царстей послушливы
 Здѣ притекохом, чаем, яко и мы
 Лучми твоея будем благодати
 Возвратившеся изрядно сияти.
 Прочии дабы по нас ревновати,
 Под твою милость всегда прибѣгати,
 Ея же ради милость ти от бога,
 Молим, да дасться на лѣта премнога.

Солнце на землю не само дѣйствует,
 Но и луна с ним много изводитствует.
 Ты, царю, солнце, а луна Мария
 Царица. Ея лучами Россія
 Премного свѣтла и в нуждах охладу
 Во скорбѣх скору приемлет отраду.
 Ея молбами и труды по бозѣ
 Царство и грады состоят премнози.
 Онѣя щедрость бога преклоняет,
 Да всѣм милостив и прещедр бывает.
 Тѣм же пред нею главы преклоняем,
 На много лѣта сияти желаем.

Небом Россию нареши дерзаю,
 Ибо планеты в онѣй обрѣтаю.
 Ты — солнце; луна — Марія царица;
 Алексій свѣтла царевичъ денница,
 Его же зари пресвѣтло блистаютъ,
 Его бо щастемъ врази упадаютъ;
 На имя его вси трепещутъ страхомъ,
 Бѣжатъ отъ славы, яко уповахомъ,
 А щастѣ ему имать работати,
 Многія страны в область подавати,
 Дабы яко солнце денница свѣтила,
 Славою концы земли исполнила.
 Утро денница обыче сияти,
 О дни будущемъ благоѣствовати.
 Во малѣ дастъ богъ день пресвѣтлый будетъ,
 Егда денницы свѣтлости прибудетъ
 В многихъ побѣдахъ на вси страны свѣта,
 Точію дай богъ многа ему лѣта.

10

Зѣло Россія в свѣтила богата,
 Якъ звѣздами небо; сице в ней полата
 Царска сияетъ царевенъ лѣпотами,
 Звѣздамъ подобныхъ всими добротами.
 Спросить бы солнце, аще видѣ ровну,
 Яко Ирину в Руси Михайловну;
 Ей подражаетъ благородна Анна,
 В единыхъ стопахъ с нею Татианна,
 Царя Михайла дщи Федоровича,
 Царствъ многихъ и князствъ истинна дѣдича.
 Что Евдокиа з Марфою сестрою
 Есть в русскомъ свѣтѣ, аще не звѣздою!
 Равнѣ Софіа имать возсияти,
 Екатерина такожъ з благодати
 Дателя всѣхъ благъ. Твоя дщери, царю,
 Возрастъ приемше по вышнѣму дару.
 И нова свѣтлость новонарожденна
 Просвѣтитъ сей миръ Марія царевна.
 Все бо суть свѣтъ намъ. Тѣмъ же молимъ бога,
 Да соблюдетъ я на лѣта премнога.

Еще свѣтила и аз усмотряю,
 В них же солнечну силу обрѣтаю.
 Князи, боляре не мрачно сияют,
 Егда ти царску волю исполняют.
 А зари свѣтлы в онѣх суть тобою,
 Яко же солнцем в звѣздах со луною.
 К тому не мала суть свѣтила власти,
 Иже о твоём молѣбствуют щасти.
 Да побѣдитель будешь всего мира
 И да исполнит мир тобою вѣра.
 Всим того дѣля серцы привѣтствуем,
 На многа лѣта жити усердствуем.

Ничто во мирѣ лучше, яко глава
 Крѣпкаго тѣла, егда умна, здрава:
 Вся тамо чинна бывають строенна,
 Идѣ же глава умом есть бодрственна.
 Велие тѣло славная Россія,
 Ты еси глава, царю велий, сия;
 Глава же честным каменем вѣнчанна,
 Волею бога на царство созданна.
 Тобою тѣло царства окормися,
 Умом и храбрством вѣсюду прославися.
 Блаженный град сей, царство все блаженно,
 Яко тобою зѣло укрѣпленно.
 Удобнѣй да есть солнце сострѣляти,
 Нежели град сей богом храним взяти
 Богопротивным: кто любо на тебе,
 Прекрѣпка царя, вооружит себе!
 Бог есть с тобою, с ним буди царь свѣта;
 Царствуй над людми, им же многа лѣта.

КАМЕНТАРЫ

АПОВЕСЦЬ МІНУЛЫХ ЧАСОЎ

С. 17. *Словѣне*.— Летапісец Нестар лічыў, што славяне жылі ў раёне Ілірыі (тут Ляўрык), на паўночна-ўсходнім узбярэжжы Адрыятычнага мора, таму іменна ў гэтым месцы ён устаіў упамінанне аб славянах.

С. 18. *...до Понетьского моря...*— Панецкае мора (Понт) — грэчаская назва Чорнага мора.

...Кавкаисинския горы, рекше Угорьски...— Маюцца на ўвазе Карпаты.

...чюдь и вси языци: меря, мурома, весь... любь.— Фінскія і балтыйскія плямёны, якія насялялі раёны ад Балтыйскага мора на захадзе да верхняга Паволжа на ўсходзе.

Ляхі — старажытная этнічная назва палякаў, якая спачатку датычылася жыхароў Малой Польшчы, сталіцай якой была Варшава. Пазней стала абразлівай мянушкай сярод беларусаў, украінцаў і рускіх у дачыненні да палякаў наогул.

Пруси — балтыйскае племя прусаў, якое насяляла паўднёва-ўсходні бераг Варажскага (Балтыйскага) мора.

...до Волоцьски... — Волахамі старажытныя славяне называлі раманскія народы; тут, відаць, маецца на ўвазе Італія.

И умножившемся человеком на земли...— Далей ідзе пераказ біблейскай легенды аб вавілонскім «стоўпатварэнні», з дапамогай якой у сярэднявекі тлумачылі ўзнікненне розных моў.

...в дни Нектана и Фалека — браты, сыны Евера, патомка Сіма.

...5433 локти...— *Локаць* — старажытнаруская мера даўжыні (каля 46 см).

...нарци, еже суть словѣне.— Нарцы (норыкі) — жыхары рымскай правінцы Норык, размешчанай па цячэнню Дуная. Хтосьці са старажытнарускіх кніжнікаў іх палічыў за славян.

...хрватѣ бълхи и серебъ и хорутанѣ.— Белья харваты жылі на ўсход ад Карпат; *сераб і харутанѣ* — продкі сучасных сербаў і славенцаў.

...а от гѣх ляхов прозвашася поляне... ини поморяне.— Гутарка ідзе аб заходнеславянскім племені палян, якое займала тэрыторыю па сярэдняму цячэнню Одры і Варты. *Люцічы* жылі на захад ад Одры, *мазаўшанѣ* — па берагах Віслы; *памаранѣ* — на паўднёвым беразе Балтыйскага мора.

С. 19. *...сдѣлаша град и нарекоша ѿ Новъгород.*— Па сучасных даследаваннях славянскія пасяленні на месцы будачага Ноўгарада ўзніклі ў IX—X стст.

...и нарекошася сѣвер.— Існуе гіпотэза, што «север» («ссеверо») — гэта назва племяннога саюзу ўсходніх славян, з якога пасля вылучыліся палане, дзераўляне, дрыгавічы і г. д. Назва паходзіць ад аднайменнага племяннога аб'яднання сармата-алан, якое было выцеснена славянамі на паўднёвы ўсход у пачатку VIII ст. н. э.

...в озеро великое Нево...— Ладажскае возера.

...в море Хвалиское — у Каспійскае мора.

...в Болгары и в Хвалисы...— Маюцца на ўвазе волжскія балгары (цюркі па паходжанню), якія жылі ў раёне ўпадзення Камы ў Волгу; *хвалісы* — жыхары Харэзма, дзяржавы, якая знаходзілася ў ніжнім цячэнні Амудар'я.

...увоз Боричев...— дарога, якая ішла праз цэнтр Кіева.

С. 20. *...на Клецинь озеръ...*— на *Пераяслаўскім возеры* — цяпер возера Пляшчэва на поўдні Яраслаўскай вобласці.

...от скуфъ, рекше от козар...— Адвольнае атаясамленне скіфаў і хазар.

Посемь придоша угри бълхи, и наслѣдиша землю словѣньску.— Відаць, маецца на ўвазе цюркскае племя «анагуры», якое ў VI—VII стст. уварвалася на Балканскі паўвостраў.

В си же времяна быша и обры... мало его не яша.— Авары (па-старажыт-

наруску — «обры») — саюз плямён, пераважна цюркскіх, якія ўтварылі ў VI ст. так званы Аварскі каганат, тэрыторыя якога размяшчалася ад Дона на ўсходзе да Эльбы і Адрыятычнага на захадзе; цэнтрам Каганата была Панонія (тэрыторыя сучаснай Венгрыі).

...и примучиша дульбы, суцая словѣны...— Гутарка ідзе пра дулебаў — славянскае племя, якое жыло ў Паноніі, дзе прыгнёт авар быў асабліва невыносны.

Печанезі — саюз цюркскіх плямёнаў. У канцы IX ст. печанегі занялі Паўночнае Прычарнамор'е ад Дона да Дуная.

...угри чернии...— уласна угры (венгры), якія ў канцы IX ст. былі выцеснены на тэрыторыю сучаснай Венгрыі з Паўночнага Прычарнамор'я печанегамі.

С. 21. ...по смерти братьѣв сея...— Кія, Шчэка і Харыва.

И наидоша я козарѣ...— Дзяржава Хазар (Хазарскі каганат) у VII—X стст. знаходзілася паміж Донам і Ніжнім цячэннем Волгі і на поўдзень — да самых Каўказскіх гор.

В ѣто 6360(852), индикта 15...— летазлічэнне ў Старажытнай Русі вялося «ад стварэння свету»; для пераводу на сучаснае летазлічэнне трэба адняць ад старажытнарускай даты 5507 або 5508 гадоў. *Индикты* — пятнаццацігадовыя цыклы, якія прымяняліся ў візантыйскім летазлічэнні.

С. 22. *И рѣша сами в себѣ: «Поищем собѣ князя, иже бы володѣл нами и судил по праву».*— Легенда аб запрашэнні трох братоў-варагаў на Русь ноўгарадскага паходжання: іменна ў Ноўгарадзе існавала практыка «запрашэння» на прастол іншаземных князёў. У іншых помніках першай паловы XI ст. гаворыцца аб тым, што кіеўская княжацкая дынастыя бярэ пачатак ад Ігара.

...ти суть людѣе ноугородѣци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни.— Тут гутарка ідзе аб родавай прыналежнасці, а не аб радавым паходжанні.

С. 23. ...по цюльгу... *Шэлег* — грашовая адзінка.

...с удичи и тѣверци имяше рать.— Улічы і ціверцы, якія жылі на захад ад Паўднёвага Буга і Днястра, не пакарыліся кіеўскаму князю.

С. 25. *В се же время поча царьствовати Костянтин, сын Леонтов.*— Канстанцін VII, візантыйскі імператар (913—959).

С. 26. *Агамемнан* — аргоскі цар, правадыр грэкаў у Траянскай вайне.

Огроци Свѣнльжии...— малодшая дружына, узброеная світа княжацкага ваяводы Свенельда.

Искарасцень — галоўны горад драўлянскай зямлі (сучасны Корасцень Жытомірскай вобласці).

...кормилець его *Асмуд* — дзядзька, выхавалець княжыча.

Пардус — гепард.

С. 27. *Пераяславец* — горад; цяпер гэта сяло Праслаў (каля горада Тула ў Румыніі), на поўдзень ад Дуная.

Придоша печенѣзи на Руску землю первое...— Маецца на ўвазе першае напаўзенне печанегаў на Кіеў.

С. 28. *Володимер бо бѣ от Малуши... и бѣ Добрына уи Володимеру.*— У летапісе знаходзім вытлумачэнне паходжання любімага персанажа рускіх былін — Дабрыні (у былінах, звычайна, — Дабрыні Мікіціча): ён — дзядзька Уладзіміра I, відаць, быў дзядзькам княжыча, а затым яго ваяводай.

...град, рекомый *Вручий...*— цяпер горад Обруч, у паўночнай частцы Жытомірскай вобласці.

С. 29. *Хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ* — другое сватанне Уладзіміра апісана паводле народных паданняў у Лаўрэнцьеўскім летапісе пад 1128 г. Там Уладзімір паказан яшчэ маладым, і яго сватам выступае яго дзядзька Дабрыня, які забівае на вачах Рагнеды яе бацьку Рагвалода. Рагнеда хоча адпомсціць Уладзіміру за смерць бацькі і за тое, што Уладзімір перастаў яе кахаць. Паводле гэтай версіі, у Рагнеды ад Уладзіміра быў толькі адзін сын Ізяслаў, у той час як «Повесть временных лет» называе чатырох: Ізяслава, Мсціслава, Яраслава і Усевалада.

...розути *робицича...* — Разуванне мужа было часткай шлюбнага абраду Кіеўскай Русі і сімвалізавала сабою пакору маладзіцы. Рабыніч — сын рабыні. Уладзімір так названы таму, што яго маці Малуша, дачка Малкі Любачаніна і родная сястра Дабрыні, была ключніцай княгіні Вольгі.

...а *Туры Туровѣ...*— За гэтай заўвагай, напэўна, мелася на ўвазе якаясьці этымалагічная легенда, тлумачышая паходжанне Турава і князёўскай дынастыі, наштат легенды аб Кію, Радзіму і Вятку.

С. 29. ...не приплювить дній своих — не дажыве сярэдняга веку свайго.

С. 30. ...заходив к нему ротъ — прысягнуў яму.

Пярун — бог маланкі і грому.

Херс — бог сонца.

Дажбог — бог дабрабыту.

Стрыбог — бог ветру.

Сімарыгла — функцыя гэтага бога невядома.

Мокаш — бог племені мокша-эрэя.

...жраху им... — прыносілі ім ахвяры.

С. 31. *Прадславіна* — сяло названа па імя дачкі Уладзіміра ад Рагнеды — Прадславы.

Саламон — мудры цар Іудзеі.

С. 32. *И призваша я царя Василий и Костянтин...* — імператары-суправіцелі Васілій Балгарабойца (976—1025) і Канстанцін VIII (976—1028).

...об он пол... — з двух бакоў.

...в лимени... — у лімане.

...стрѣлище едино... — адлегласць, роўная палёту стралы (прыблізна 60—70 м).

С. 33. ...в кубару... — у карабель.

С. 34. *Пётр Гугнівы...* — гэта не рэальная асоба, а сімвалічны вобраз папы-адступніка.

Взя же ида мѣдьянъ двѣ капищи — калі вяртаўся назад, узяў з сабою двух медных ідалаў.

С. 35. *Рэнь* — пясчаная водмель.

С. 36. *В си же времена Мъстиславу суццо Тмуторокани, поиде на касогы.* — *Касогі* — прадкі сучасных чаркесаў. Паядынак Мсціслава з Радзядзёй адлюстраваны ў «Слове пра паход Ігаравы». Баян спяваў славу «храброму Мсціславу, иже зареза Редедю пред пълкы касожьскими».

С. 37. *Всеслав, сын его, съде на столъ его, его же роди мати от вълхвованья.* — Усяслаў, князь полацкі, адзін з герояў «Слова пра паход Ігаравы». У летапісе і ў «Слове» яму прыпісваюцца незвычайныя сілы, ён народжаны ад «волхвованья».

Заратися Всеслав... и зая Новъгород. — Гэты гістарычны факт успамінае аўтар «Слова пра паход Ігаравы»: Усяслаў «отвори врата Новуграду».

...ко Мъньску... — цяпер г. Мінск.

...и поидоша к Немизѣ... — Няміга, рэчка, на якой стаяў Мінск, цяпер высахла. Гэта бітва апісваецца ў «Слове пра паход Ігаравы»: «На Немизѣ снопы стелют головами, молотят чеши харалужными...».

...Изяславу же в шатер предвидущю... — калі Ізяслаў, ідучы першым, прывёў яго да сябе ў шацёр.

С. 38. *Сноўск* — горад у Чарнігаўскім княстве на р. Сноў; цяпер горад Сяднёў.

...и я й... — і захапілі яго.

Баляслаў II Смелы — польскі князь, які княжыў з 1058 да 1079 гг.

...бѣжа из Бѣлагорода Полотъску. — *Белгарад* — гарадок каля Кіева. Гэты эпізод адлюстраваны ў «Слове пра паход Ігаравы»: Усяслаў «скачи от них лютым звѣрем в плъночи из Бѣла-града, обѣсися синѣ мѣгль».

С. 39. *Въ послеѣв...* — вы пашліце паслоў.

...то вѣси... — то ведай.

С. 40. ...яко навье... — душы памёршых. Вера ў існаванне памёршых душ была распаўсюджана ў славян яшчэ ў часы язычества.

...ведро бѣше... — была засуха, не было дажджу.

...взяши 3 градъи: Пѣсочен, Переволочу, Прилук... — гарады Пераяслаўскага княства на граніцы з палавецкімі стэпамі па берагах Дняпра.

Васілёк Расціслававіч — унук Уладзіміра, сына Яраслава Мудрага, памёр у 1124 г.

...от Филипова дне до мясопуста... — Піліпаў дзень (14 лістапада) — перэдадзень каляднага паста, мясапуст — тыдзень перад Вялікім пастом.

С. 41. *Ведена дщи Володарева за царевиць за Олексиничъ, Цесарюгороду...* — Ірына, дачка Валадара Расціслававіча, князя Перамышльскага, была выдана, відаць, за Ісака, сына візантыйскага імператара Аляксея I (1081—1118).

...Янь, старецъ добрый... — Гутарка ідзе пра Яна Вышаціча, кіеўскага ваяводу.

С. 42. ...прибѣже Избыгнѣв к Святополку. — Избыгнѣу (Збігнѣу) — брат Баляслава Крываустага; у 1106 г. быў пераможаны ім, і Баляслаў аб'яднаў пад сваёй уладай усю краіну.

С. 42. *В се же лѣто престаѿся Володимеря...*— жонка Уладзіміра Ма-намаха — Гіта, дачка англійскага караля Гаральда.

И поя Володимер за Юргя Аепину дщерь...— за Юрыя Даўгарукага.

...в сѣнаник...— у сінодзік, у кнігу для памінання памёршых у час богаслу-жэння.

С. 43. *Клоў* — урочышча паміж Кіевам і Кіева-Пячэрскім манастыром.

Игумен Силвестр святаго Михаила написах книги си Лѣтописець...— Пры-піска Сільвестра, ігумена Выдубіцкага манастыра. Даследчыкі лічаць яго не прос-тым перапісчыкам, а складальнікам другой рэдакцыі «Аповесці мінулых часоў».

КІРЫЛА ТУРАЎСКІ

ПРЫТЧА АБ ЧАЛАВЕЧАЙ ДУШЫ І ЦЕЛЕ...

С. 44. *...буестью крыя господню мнасу...*— Г. зн. міну, сярэбраную манету; згодна прытчы Хрыста, пан даў тром рабам дзесяць мін для таго, каб у час яго адсутнасці яны пусцілі іх у гандлёвае абарачэнне; аказалася, што адзін з рабаў павялічыў капітал у дзесяць разоў, другі ў пяць, трэці ж раб захаваў атрыманую манету, загарнуўшы яе ў насаваю хустачку.

...возметь свой от него талант...— Талант — вага і манета. Згодна другой евангельскай прытчы, пан даў восем талантаў тром рабам, і толькі адзін з іх не пусціў сваю долю ў абарачэнне, закапаўшы талант у зямлю. Іменна гэтага раба чакала суровае пакаранне.

С. 45. *...внутрених... вѣнших...*— Гэта антытэза пранізвае ўвесь тэкст. *Знешня* — гэта форма, невядомае, чужое, цэрква, эдэм, свецкае, іншавернае, цемра і г. д.; *унутранае* — змест, пазнае, сваё, алтар, рай, царкоўнае, хрысціян-скае, святло.

С. 46. *Эдэм* — паводле біблейскага падання — краіна, дзе жылі Адам і Ева да іх грэхападзення.

С. 48. *...чрес закон священскаго ищеть взяти сана...*— Выкрыціцё епіскапа Феодара Растоўскага, які пры падтрымцы Андрэя Багалюбскага дабіўся незалеж-насці растоўскай епархіі ад Кіеўскай мітраполіі, што адпавядала сепаратысцкім імкненням самога князя, дзейнасць якога была накіравана на аддзяленне расто-ва-суздальскіх зямель ад кіеўскай вярхоўнай улады. Самазваны узурпатар «свяціцельскага сану» быў выдадзен кіеўскаму мітрапаліту і ў 1169 г. смяротна пакараны як ерэтык. Кірыла Тураўскі асуджаў дзеянні Феодара, накіраваныя на раз'яднанне Русі.

С. 49. *Разумѣите же нынѣ, безумнии в людех сановници, буши во иерѣх!* — Зварот да Андрэя Багалюбскага (свецкі саноўнік) і да Феодара Растоўскага (саноўнік, царкоўнік). Андрэй Багалюбскі ў год пакарання Феодара пры падтрым-цы адзінаццаці князёў пайшоў вайной на Кіеў, узяў яго, разбурыў і аграрыі, аднак на кіеўскім троне не застаўся, жадаючы самастойнасці Растова-Суздаль-скага княства.

С. 50. *Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае...*— Гаворыцца пра хрысціян, якія адракліся ад Хрыста і гэтым пазбавілі сябе права быць у раі.

ЖЫЦІЙНАЯ ЛІТАРАТУРА

ЖЫЦЦЕ ЕФРАСІННІ

Усяслаў — полацкі князь да 1101 г. Аб ім у «Слове пра паход Ігаравы» гаворыцца: «сам в ночь вльком рыскаше».

С. 56. *Княгиня Раманава* — жонка яе дзядзькі Рамана Усяславіча (памёр у 1116 г.) была ў той час ігуменняю манастыра.

Фяўроння — жонка мурамскага князя Пятра, вызначалася, як гаворыцца ў аповесці, сваёю мудрасцю і набожнасцю.

Яўпраксія — жонка разанскага князя Фёдара Юр'евіча, забітага Батыем у 1236 г.

С. 58. *Барыс Усяславіч* — полацкі князь з 1119 да 1128 гг.

С. 60. *Спас* — рэлігійнае свята.

С. 61. *Святая багародзіца* — у хрысціянскай рэлігіі — матка боская, маці Хрыста.

С. 61. *Мануїл Комнін* — візантійські імператар з 1143 да 1180 гг., быў унукам імператара Аляксея Комніна (1081—1118), жонкаю якога была цётка Ефрасінія Полацкай.

Патрыярх Лука — Лука Хрысавер.

...и постави ю... — Гэта ікона пазней, у 1239 г., была перанесена дачкою полацкага князя Брачыслава ў Тарапецкую саборную царкву, у якой княгіня вянчалася з Аляксандрам Неўскім.

ЖЫЦЦЕ АЎРАМІЯ СМАЛЕНСКАГА

С. 66. *...день успениа...* — дзень смерці.

...Олзъ Гориславличи... — князь Алег Святаславіч названы «Гориславlichem».

...не худа ги зда шестокрилли... — у трох князёў-сокалаў б крыл.

СЛОВА ПРА ПАХОД ІГАРАВЫ

С. 75. *Ігар Святаслававіч* (1151—1202) — сын чарнігаўскага князя Святаслава Ольгавіча і ўнук Алега Святаслававіча («Слова» называе яго Алегам Гарыслававічам).

Баян — відаць, гэта пясняр пры двары Святаслава Яраславіча.

Яраслаў Уладзіміравіч (Мудры) — вялікі князь кіеўскі (1019—1054).

Мсціслаў — брат Яраслава — князь тмутараканскі і чарнігаўскі (пам. у 1036 г.). Пра яго перамогу над Радзедзю апавядае «Повесть временных лет» (1022 г.).

Раман Святаслававіч — унук Яраслава Мудрага — князь тмутараканскі (пам. у 1079 г.).

Уладзімір Святаславіч — вялікі князь кіеўскі з 908 г.

...по мыслену древу... — Метафара ў стылі песень Баяна. Вобраз «сусветнага дрэва», якое злучае неба і зямлю.

...рица в тропу Трояню... — Мабыць, шлях рымскага імператара Траяна (параўнай «траянавы валы» на Украіне і ў Румыніі), Асоба Траяна была абагатоворана ў Рыме. З імем Траяна звязвалася і ўяўленне аб славянскім бажстве.

...Велесов внуче... — гутарка ідзе пра Баяна, унука Велеса. *Велес*, або *Волас*, — язычаскі бог жывёлагадоўлі, дастатку ва ўсходніх славян. Па ўяўленню аўтара «Слова», Велес быў таксама богам музыкі або паэзіі.

Сула — прыток р. Дняпра.

С. 76. *..Буй Тур...* — тур — дзікі бык, зубр; тур выступае тут як увасабленне мужнасці і сілы.

...взръ на свѣтлое солнце... воя прикрыты. — Гутарка ідзе пра зацьменне 1 мая 1185 г.

...знамение заступи искусити Дону великаго... — імкненне дасягнуць вялікага Дону закланілася яму прыкметай.

Дзіў — міфічная птушка, сустрэча з якой азначала трапіць у бяду.

Сураж — цяпер г. Судак у Крыму.

Корсунь — старажытны г. Херсанес.

...Тьмутороканьский блъван — статуя. Каля Тмутаракані, на Тамаўскім паўвостраве, стаялі дзве вялізныя статуі, збудаваныя язычаскім багам Санергу і Астарці за 300 год да н. э. Напэўна, яны і меліся на ўвазе аўтарам «Слова». Другое тлумачэнне — гэта пагранічны слуп, або камень.

Уже бо бѣды его насет птвиц по дубио... — птушкі з дрэваў падпільноўваюць яго бяду.

...поволокы, и драгыя оксамиты. — Шаўковыя тканіны.

Орбгмами, и японцицами, и кожухы... — *Артма* і *спанча* — разнавіднасці пакрывал, плашчоў; *кажух* — кафтан на футравай падкладцы.

С. 77. *...Ольгово хороброе гнѣздо...* — Северскія князі, удзельнікі паходу, родзічы князя Алега Святаславіча.

Кзак, Канчак — палавецкія ханы.

...хотят прикрыти 4 солнца — 4-х князёў, якія ўдзельнічалі ў паходзе на полаўцаў.

...на рѣць на Каялъ — Магчыма, ад слова «каяті», г. зн. праклінаць. Паводле іншых меркаванняў, гэта рэчка Калміус.

Стрыбог — язычаскі бог вятроў.

...шеломы оварьскыя... — Відаць, маюцца на ўвазе шлемы, зробленыя па тыпу

аварскіх; *авары* — каўказскі народ, які жыў на тэрыторыі сучаснага Дагестана.

77. *Вольга Глебаўна* — жонка Усевалада.

...за обиду *Олгову храбра и млада князя*... — Гаворачы аб смерці маладога князя, аўтар «Слова», напэўна, меў на ўвазе смерць Барыса Вячаславіча, які загінуў у баі на Няжацінай Ніве каля Чарнігава ў 1078 г. Князь Барыс у той час разам з Алегам Святаславічам, дзедам Ігара, вёў барацьбу супроць Усевалада Яраславіча, падтрыманага братам, вялікім князем Ізяславам, сынам Уладзімірам Манамахам і пляменнікам Яраполкам.

...*Святоплѣк полелѣя отца... ко святѣй Софии к Киеву*. — Некаторыя даследчыкі «Слова» тлумачаць, што тут няясна выражана думка аб перавозе ў Кіеў забітага на Няжацінай Ніве (1078 г.) вялікага князя кіеўскага Ізяслава Яраславіча. Іншыя сцвярджаюць, што размова ідзе аб тым, як вялікі князь кіеўскі Святополк Ізяславіч прывёз у Кіеў забітага пад Пераяславам у 1097 г. цела свайго дзеся, палавецкага хана Тугаркана.

Угорскія інаходцы — венгерскія коні, навучаныя асобай хадзьбе, пры якой папераменна робіцца крок то абедзвюма правымі, то левымі нагамі. На насіках, прымацаваных паміж двума коньмі, перавозілі раненых.

...*при Олзѣ Гориславличи*... — князя Алега Святаславіча аўтар «Слова» называе «Гориславlichem».

...*Даждьбожа внука*... — унуку бога сонца. Гэты эпітэт аўтар надае рускаму народу.

С. 78. ...*падоша стязи*... — Выраз абазначае, што войска пацярпела паражэнне.

Усобица князем на поганяя погыбе... — Барацьба князёў супроць паганых спынілася.

Карна і Жля — гэтыя словы, напэўна, увасабляюць паняцце плачу і жалбы. («Карити», — г. зн. плакаць па памёршаму.)

...*смагу людем мычючи в пламянь розѣ* — раскідаючы агонь у палымным рагу. Даследчыкі «Слова» збліжаюць гэта месца з паказаннямі летапісу пра «жывы агонь» у трубах, або сіфонах, якія ўжываліся грэкамі і полаўцамі ў час вайны. Выраз «смагу мыкаць» — «цярпець нягоды» — сустракаецца ў гаворках Браншчыны.

Святаслаў Усеваладавіч — вялікі князь кіеўскі (1176—1194), незадоўга да апісаных у «Слове» падзей, у 1184 г., у саюзе з некаторымі князямі разграміў полаўцаў, захапіў вялікую здабычу і ўзяў у палон хана Кабьяка, Святаслаў быў дваюрадны брат Ігара і Усевалада, «отцом» ён названы як старшы па палажэнню кіеўскі князь.

С. 79. ...*великий женчюг*... — перламутр. Бачыць ува сне перламутр, паводле візантыйскіх і старарускіх павер'яў, — адзнака будучых слэз.

Плеснек — мясцовасць у Галіччыне.

Сані — сані, на якіх вазілі нябожчыка, былі тады падобныя да чаўна, бо па старому звычаю нябожчыка спускалі ў рэчку або ў мора на чаўне.

...*два сокола*... — Ігар і Усевалад.

...*Алег і Святаслаў*... — маладыя князі, удзельнікі паходу. Але, як вядома, іх імёны: Уладзімір, сын Ігара, і Святаслаў, пляменнік Ігара. У гэтым тэксце або памылка, або намёк на пляменніка і не дарослага яшчэ сына Ігара Алега; які мог быць у паходзе. Або, нарэшце, намёк на двух меншых сыноў Ігара: Алега і Святаслава.

Хінаві — зборнае імя для азначэння «паганых бусурман».

...*тресну нужда на волю*... — ужо прымуц ударыў па свабодзе.

Готы — аўтар «Слова» мае на ўвазе астаткі готаў, якія ў другім стагоддзі н. э. аселі на ўзбярэжжы Чорнага і Азоўскага мораў і жылі там аж да XVII ст.

Бус — або адзін з вядомых сваімі перамогамі палавецкіх ханаў, або, паводле іншых меркаванняў, замучаны ў IV ст. н. э. прыморскімі готамі цар антаў-славян, імя яго было Бооз.

Шарукань — палавецкі хан, які не адзін раз цярпеў паражэнне ад рускіх князёў канца XI і пачатку XII стст.

...*сыновця*... — пляменнікі. Святаслаў — дваюрадны брат Ігара і Усевалада — звяртаецца да іх як старэйшы ў родзе.

Яраслаў Уладзіміравіч — князь чарнігаўскі (пам. у 1198 г.).

Татраны, шэльбіры, тапчакі, рэвугі, ольберы — назвы плямён, якія служылі ў войску чарнігаўскіх князёў.

С. 80. *Коли сокол в мытѣх бывает*... — Маецца на ўвазе не перыяд лінкы сокала, а сокол у стальным узросце.

С. 80. *Рымаў* — горад, зруйнаваны полаўцамі пасля няўдалага паходу Ігара. Незадоўга пасля заняцця Рымава ў баі з полаўцамі быў паранены князь пера-слаўскі Уладзімір Глебавіч, які памёр у 1187.

Великий княже Всеволоде! — Зварот да Усевалада Юр'евіча Вялікае Гняздо, Суздальскага князя.

Ты бо можеш Волгу веслы раскропити... — Намёк на паходы Усевалада супроць волжскіх балгар.

...чага по ногатъ, а кощей по резанъ. — *Начага і разана* — дробныя манеты; маецца на ўвазе, што ў выпадку перамогі над полаўцамі палонныя (кашчэі) і нявольніцы (чагі) былі б вельмі танныя.

...удалыми сыны Глѣбовы — дзеці князя Глеба Расціславіча — разанскія князі — прымалі ўдзел у паходзе Усевалада. За гэты паход яны набылі ад Усевалада свае маёмасныя ўдзелы.

Ты, буй Рюриче, и Давиде! — Рурык, князь перамышльскі, і Давід, князь смаленскі, — Расціславічы; прымалі ўдзел у кровавым баі з полаўцамі на р. Арэлі ў 1183 г.

...Осмомыслъ Ярослав! — Галіцкі князь Яраслаў Уладзіміравіч (пам. у 1187 г.) быў адным з найбольш магутных князёў таго часу і даводзіўся цесцем князю Ігару, герою «Слова». *Асмамысл* — гэта такі чалавек, які мае адначасова восем думак, восем турбот адразу.

...горы Угорскыи — Карпацкія горы.

...заступиа королеви ... — каралю венгерскаму.

...меча бремени... — Відаць, маецца на ўвазе магутнасць Яраслава.

...солтани за землями... — азначае «турэцкіх султанаў за далёкімі землямі».

Раман Мсціславіч — князь уладзімір-валынскі (пам. у 1205 г.), Мсціслаў Яраславіч, князь луцкі (пам. у 1206 г.).

...Хинова... и Половци... — плямёны, з якімі ваяваў Раман Мсціславіч.

Алегавічы — Святаслаў, Ігар і Усевалад і сыны Святаслава, Алег і Уладзімір, якіх ён паслаў да Пасем'я абараняць Русь ад полаўцаў.

Мсціславічы — тут маюцца на ўвазе тры сыны Яраслава Луцкага: Інгвар, Усевалад і Мсціслаў, якія тут называюцца Мсціславічамі па імя свайго прадзеда Мсціслава Уладзіміравіча (пам. у 1132 г.). А магчыма, маюцца на ўвазе тыя самыя Інгвар, Усевалад, Мсціслаў і іх дваюродныя браты: Раман, Усевалад і Святаслаў Мсціславічы.

Загородите полю ворота... — Маюцца на ўвазе ўвесь стэп, землі, населеныя полаўцамі.

Ізяслаў, сын Васількаў — князь полацкі і гродзенскі, патамак Усяслава, князя полацкага.

С. 81. *Брачыслаў Васількавіч* — князь ізяслаўскі і віцебскі.

Усяслаў Васількавіч — князь віцебскі, а пазней полацкі, «другі» таму, што вышэй намякалася на яго дзед, Усяслава Брачыславіча.

Ярославе и вси внуци Всеволоди! — Мабыць, падразумяваецца Яраслаў Усеваладавіч, князь Чарнігаўскі, які памёр у 1198 г.

На седьмом вѣцѣ — умоўны эпічны лік, што азначаў даўнасць.

Усяслаў Брачыславіч (пам. у 1101 г.) — князь полацкі, праўнук Уладзіміра Святаславіча і Рагнеды. Далей ідзе намёк на прыгоды Усяслава, які ўпарта ваяваў з унукамі Яраслава Мудрага, намёк на захоп Ноўгарада, на паражэнне, якое ён атрымаў на рацэ Нямізе ад князёў Ізяслава і Усевалада Яраславічаў, на захоп кіеўскага прастола, на сустрэчу са сваімі праціўнікамі пад Белгарадам і на пабег да ўсходу сонца ў Полацк.

...жребий о дѣвицу себѣ лобу. — Здабыча нявесты сімвалізуе тут здабычу горада, у дадзеным выпадку Кіева або Ноўгарада, якія Усяслаў захопліваў, але не здолеў там доўга пратрымацца.

...утрѣ же вазни с три кусы... — раницай ударыў сякерамі.

Дудуткі — мястэчка каля Ноўгарада.

...до кур... — да пеўняў.

...великому Хрѣсови... — *Хорс* — язычаскі бог, відаць, лічыўся богам сонца.

...в Полотскѣ... у святых Софеи — у Сафійскім саборы ў Полацку.

...стязи Рюриковы... *им хоботы пашут* — зноў намёк на княжацкія раздоры.

На Дунаи — звычайны эпічны зварот, ужыты для азначэння месца, дзе адбываецца дзеянне.

...Ярославнын глас... — Яраслаўна, дочка Яраслава Асмамысла, жонка Ігара Святаславіча.

С. 81. *...зегзіцею... кычеть...—* спявае зязюляй ці чайкай (слова «зегзіца» на тэрыторыі былой Северскай зямлі абазначае «чайка»).

С. 82. *...пробил еси каменныя горы...—* Гутарка ідзе пра Дняпроўскія парогі.
...Святаслави насады до плъку Кобякова.— Намёк на шчаслівы паход князя Святаслава супроць полаўцаў у 1184 г.

...в полъ безводнѣ жаждею им лучи съпряже, тугою им тули затче.— У стане бязводным смагаю лукі ім спрэгла, тугою ім калчаны заткнула, г. зн. воіны ад смагі не могуць страляць.

Аелур — палаўчанін, які садзейнічаў пабегу князя Ігара з палавецкага палону і сам уцякаў разам з ім. У летапісе гэты палаўчанін называецца Лаўрам.

Князю Игорю не быти! — Няма князя Ігара!

Бусым — сівым, шэрым.

...претръгоста... кононя...— надарваў, перагнаў каня быстраю яздою.

...ручьи и стругы...— руччы і патакі.

...уношу князю Ростиславу...— Малады князь Расціслаў Усеваладавіч утаніўся ў 1093 г., калі ратаваўся ад палавецкай пагоні.

С. 83. *...полозие...—* вялікія змеі.

...сокол...— князь Ігар.

...соколич...— Уладзімір, сын князя Ігара.

...соколца олутаевѣ красною дѣвицею — Гутарка ідзе пра сына Ігара — Уладзіміра. У палоне ён ажаніўся на дачцэ Канчака.

...ѣдет по Боричеву...— па Барычаву тракту, бальшаку.

...к святыѣ богородици Пирогощей.— Царква, заснаваная ў Кіеве князем Мсціславам у 1131 г. і названа так па той прычыне, што ў ёй знаходзілася «пирогощая» (г. зн. баштавая) ікона багародзіцы, якую прывезлі з Канстанцінопаля.

БЕЛАРУСКІЯ ЛЕТАПІСЫ

С. 84. *Аляксандр Міхайлавіч* быў сынам вялікага князя Міхаіла Яраславіча, князя цверскага; калі быў выгнаны з Цьверы Іванам Калітой, то пры падтрымцы Літвы княжыў 10 год у Пскове. Пасля паездкі ў арду ў 1330 г. зноў княжыў у Цьверы, а ў 1340 г. разам са сваім сынам Фёдарам быў забіты ў ардзе татарскім ханам Азбякам.

Іван Данілавіч Каліта — вялікі князь маскоўскі, памёр у 1340 г.

Темник — тысячкі, камандзір вялікіх войск («тэмы»).

С. 86. *Бичига —* ардынскі царэвіч.

С. 87. *...в 3-ее лѣто царства Тахтамышева...—* у 1382 г.

С. 96. *Семион —* смаленскі епіскап.

Барыса і Глеба — назва царквы.

С. 97. *Олигорѣд, королев отець —* бацька польскага караля Ягайлы (1377—1392).

С. 102. *Казімір Вялікі —* кароль польскі (1333—1370).

И понялъ за себе королевну Ядвигу...— шлюб Ядвігі з Ягайлам адбыўся ў 1386 г. У гісторыю гэта дата ўвайшла пад назвай «Крэўская унія».

МІКОЛА ГУСОЎСКИ

ПЕСНЯ ПРА ЗУБРА

С. 119. *Альфій (Аліфій) Людовік* (памёр у 1543 г.) — неапалітанец, доктар рымскага і кананічнага права. У 1515 г. быў у Рыме на службе прынцыса Ізабэлы Арагонскай, маці Боны Сфорца. У 1518 г. прыбыў у Польшчу разам з Бонай як яе сакратар і выкладаў у Кракаўскім універсітэце рымскае права. У 1522 г. — пасланнік каралевы ў Вялікім княстве Літоўскім. Быў паслом у Венецыі, Ферары. Гусоўскі звярнуўся да Альфія з просьбай выступіць у якасці пасрэдніка, які б паказаў «Песню пра зубра» каралеве.

Бона Сфорца (1494—1557) — жонка караля і вялікага князя Сігізмунда I (Старога), высокаадукаваная прынцыса з магутнага роду Сфорцаў з Арагоніі, італьянка. Прыехала ў Польшчу ў 1518 г., фундавала лацінскія школы на

Беларусі, была апякункаю шляхты, садзейнічала росквіту мецэнатства ў Вялікім княстве Літоўскім і Польшчы.

С. 119. *Леў X (1475—1521)* — папа рымскі, паходзіў з італьянскага роду Медзічаў, знакаміты рэлігійны дзеяч і мецэнат, апякун дзеячаў навукі і мастацтва. У 1512 г. папскі нунцій у Фларэнцыі. Гусоўскі ўпамінае жаданне Льва X памясціць у «пантэон» Ватыкана «экзатычнага прадстаўніка жывёльнага свету поўначы» — зубра.

Вітэліус Эразм (1474?—1522) — мецэнат і пратэктар Гусоўскага, паўнамоцны каралеўскі пасол Вялікага княства Літоўскага і Польшчы ў Рыме з 1518 г. да 1521 г. З 1492/4 г. — сакратар вялікакняжацкай канцэлярыі ў Вільні, потым канонік Віленскай капітулы, з 1503 г. — біскуп плоцкі. Памёр ад чумы ў Рыме ў верасні 1522 г.: на яго грабіцы ў рымскай царкве св. Марыі дэль Попала выбіта васьмірадкавая эпітафія, напісаная Гусоўскім.

Радзівіл, ваявода віленскі — Мікола Радзівіл (1470—1522), магнат Вялікага княства Літоўскага, у 1499 г. — падчашы княства Літоўскага і стараста белгскага, затым ваявода троцкі. Пасля смерці бацькі Міколы Радзівіла, ваяводы віленскага і канцлера Вялікага княства Літоўскага, ён займаў гэтыя ж пасады.

С. 122. *...я ж яму ўсім абавязан.* — Маецца на ўвазе біскуп Эразм Вітэліус, патрон паэта.

С. 123. *Дзіўна, што ў кнігах апісаны ён недакладна...* — Тут згадвае Гусоўскі кнігі, у якіх апісваўся зубр, яго нораў. Гэта былі не толькі творы Паўла Дзякана, Плінія старэйшага, якіх паэт прыгадвае ў паэме, але і творы Альберта Вялікага, Арыстоцеля, Апіяна, Салінія, Сенекі, Марцыяла, Конрада Цэльціса і іншых, пашыраныя ў Еўропе.

С. 124. *Гэты пясок-пльвінуец высыпаецца ў вечнасць.* — Маецца на ўвазе пячоны гадзіннік, які адмервае няўхільнае цячэнне часу.

С. 125. *Край мой (цяпер ужо ўласнасць Кароны) калісьці Я перамераў удоўжкі і ўпоперак пешшу.* — Гэтым самым Гусоўскі імкнуўся падкрэсліць не толькі сваё жыццёвае, але і палітычнае крэда, тое, што ён прадстаўнік і выхадзец з вялікай дзяржавы — Вялікага княства Літоўскага і Польшчы, якія на Захадзе часцей называліся Польшчай. Яны мелі дзяржаўную самастойнасць (хоць паміж імі пастаянна з XIV ст. заключаліся уніі), а ў першай палавіне XVI ст. у адной асобе — караля і вялікага князя.

С. 128. *Княжацкі ўказ... не дазваляе знішчаць ні зубрыцаў, ні моладзь і ашчаджае тым самым багаці лясныя.* — Белавежская пушка стала запаведнаю паводле распараджэння вялікіх князёў Ягайлы і Вітаўта, пра што пісаў храніст Ян Длугаш. У Вісліцкім Статуце 1347 г. і Статуце Уладзіслава 1420—1423 гг., неўзабаве перакладзеных з латыні на беларускую мову, зацвярджалася «корань» за забойства «жывотны» і парубку леса.

С. 129. *Пах асаблівы ўласцівы глушцоваму мясу... Страўніку — ежу, а глузду — і кемнасць, і мудрасць.* — Гусоўскі апявае мясцовыя прымхі, лічылася, што глушцовае мяса «корміць не толькі цела, але і розум». З тых сівых часоў дайшла да нас прыказка: «Жывіся глушцом — станеш мудрацом».

С. 130. *Медзя* — у старажытнагрэчаскай міфалогіі чараўніца, дачка Калхідскага цара Зэта, якая пакахала арганаўта Ясона і дапамагла яму здабыць залатое руно. Калі Ясон задумаў жаніцца з дачкой Карынфскага цара, яна атруціла суперніцу, забіла двух сваіх дзедзей ад Ясона і ўцякла з Грэцыі на крылатай калясніцы, якую прыслаў ёй дзед Геліос.

Бачыць, што кануў на дно... — Звычай выпрабавання вадой «вінаватага» шырока бытаваў у еўрапейскіх народаў у сярэднявеччы. Паэт адваргае яго як антыгуманны. На Беларусі гэты звычай пановаў доўга.

Верце: у нас, у Літве... — Літвой і ў XVI ст. і пазней называлі землі цэнтральнай і заходняй Беларусі і паўднёва-ўсходняй часткі цяперашняй Літвы. Яны ўтваралі гістарычнае ядро Вялікага княства Літоўскага. Літва ў больш шырокім сэнсе — тэрыторыя ўсяго княства.

С. 133. *Дыяна* — у старажытнарымскай міфалогіі багіня месяца.

Апалон — бог мудрасці, апякун мастацтва, паэзіі, пазней бог сонца.

Юпітэр — у рымскай міфалогіі галоўны бог, у грэчаскай — Зеўс.

Юнона — у рымскай міфалогіі багіня неба; лічылася апякункай сямейнага дабрабыту, заступніцай жанчын.

С. 134. *Піліпаўка* — пост перад калядамі.

Граміцы — свята ў хрысціян, якое прыпадае на 15 лютага па новаму стылю ў праваслаўных і на 2 лютага ў католікаў.

- С. 134. *Марс* — бог вайны.
- С. 136. *Хіліць пяро маё ўбок, каб табе, Сігізмундзе...*— Маецца на ўвазе Сігізмунд I (Стары), вялікі князь і кароль (1506—1548 гг.).
- С. 137. *Гаргона* — злая пачвара.
- С. 138. *Васіліск* — жывёліна з роду яшчарак; казачнае страшыдла, змей, ад позірку якога гіне ўсё жывое.
- С. 141. *У княжанне Вігаўта...*— вялікі князь (1392—1430 гг.), дзяржаўна-палітычная дзейнасць якога ацэньваецца Гусоўскім вельмі высока.
- С. 142. *Таўрыда* — назва Крымскага паўострава, якая была ўведзена царскім урадам пасля далучэння Крыма да Расіі ў 1783 г.
- Доблесць такая сталела ў лясах...*— Маецца на ўвазе абучэнне Вітаўтам сялян тактыцы вядзення вайны. Напярэдадні Грунвальдскай бітвы вялікі князь, палючы разам з Ягайлам на зуброў у Белавежскай пушчы і нарыхтоўваючы мяса войску, вучыў сялян ваяваць.
- С. 143. *Цэль вызначалі за сонняю стадым...*— складае прыблізна 8000 м. *Стадыя* (грэч.) — адзінка вымярэння даўжыні, запазычаная з Вавилона. У многіх народаў яе велічыня неаднолькавая, — старажытнабеларуская «стая» — каля 80 м.
- С. 149. *У строях сваіх аksamітных сама каралева...*— жонка вялікага князя і караля Аляксандра (1492—1506) Алена, дачка маскоўскага князя Івана III.

ФРАНЦЫСК СКАРЫНА

ПРАДМОВЫ, ПАСЛЯСЛОЎІ, КАЗАННІ

- С. 158. *...во Александрии...*— у аповесці пра Аляксандра Македонскага.
- ...во Тройи* — у аповесці пра Траянскае царства.
- ...царя Иудина* — ізраільскага цара.

СЫМОН БУДНЫ

ПРАДМОВА...

- С. 175. *Дан...*— гутарка ідзе пра катэхізіс.

ЭПІСТАЛЯРНАЯ СПАДЧЫНА Ф. С. КМІТЫ-ЧАРНАБЫЛЬСКАГА

ЛІСТ 7

- С. 179. *Лукаш Мамоніч* — віленскі купец і грамадскі дзеяч, які разам з братам Кузьмой і Пятром Мсціслаўцам арганізаваў камерцыйную друкарню, дзе за перыяд з 1574 па 1623 г. было надрукавана шмат разнастайных па характару і прызначэнню мастацкі дасканала аформленых кніг.
- ...о святках...*— Г. зн. напярэдадні духаўскіх свят, ці інакш — троіцызнага дня, які адзначаецца веруючымі хрысціянамі на 50-ы дзень пасля вялікадня.
- С. 180. *...держали топор...*— відаць, маецца на ўвазе алебарда, якая так названа па падабенству да тапара.
- ...будет гостем на лето...*— Г. зн. прыйдзе летам ваяваць.
- ...нож голый...*— умоўны знак, які азначае аб'яўленне вайны.
- Брага* — род дамашняга піва. Тут слова ўжыта ў пераносным сэнсе.
- ...посылаю топор...*— г. зн. выклік вайны прыняты.
- Стацыя* (польск.) — від падатку, які збіраўся ў Рэчы Паспалітай з насельніцтва.

ЛІСТ 12

- С. 184. *Прыстаў* — асоба для асобых даручэнняў; чыноўнік па судовых справах.
- ...запусты Петровы...*— пятроўскі пост перад святам апосталаў Пятра і Паўла (12 ліпеня).
- День св. Іліі-прарока* — рэлігійнае свята — (2 жніўня).

С. 184. *Гуляй-горад* — асобы від рухомах абарончых збудаванняў.
...с татары... *касимовічмі*...— Г. зн. з татарамі ўдзельнага Касімаўскага царства, якое было залежным ад Масквы, і ханы на яго трон прызначаліся рускімі царамі.

ЛІСТ 19

С. 185. *...отъехане государское*...— Размова ідзе пра тайны ад'езд з Кракава караля Генрыха Валуа.

С. 187. *Авакум* — прадбачлівы і мудры біблейскі прарок часоў Вавілонскага цара Навухаданосара (604—562 да н. э.).

...и на *цесарского сына указал*.— Маецца на ўвазе эрцгерцаг Эрнест, сын аўстрыйскага імператара Максімільяна II Габсбурга.

И ближший сосед...— Іван Грозны.

Капернаум — старажытны яўрэйскі горад на беразе Генісарэцкага возера. Калісьці багаты і працвітаючы горад быў дашчэнту разбураны ў час войнаў з рымлянамі. Біблія называе гэты горад пастаяннай рэзідэнцыяй Ісуса Хрыста.

С. 189. *...нашое милостивое панны*...— дачка караля Сігізмунда I Старога Ганна Ягелонка (1523—1596), якая пасля смерці свайго брата, караля Сігізмунда II Аўгуста ў снежні 1575 г. была аб'яўлена польскай каралевай.

Марцін Стравінскі (?—1594) — цівун і гараднічы, трокскі, маршалак караля, з мая 1590 г. кашталян мінскі, з 1592 г. кашталян віцебскі.

Сеймік — лакальны шляхецкі з'езд у Рэчы Паспалітай.

...у *великого пророка*...— Маецца на ўвазе біблейскі прарок Іерамія, якога хрысціянская царква ўзьяла ў ранг святых і прыпісала яму аўтарства 2-х кніг Бібліі — «Плач Іераміі» і «Кнігу прароцтваў Іераміі».

ВАСІЛЬ ЦЯПІНСКІ

ПРАДМОВА...

С. 192. *...наш милый словенин*...— Маецца на ўвазе Кірыл, вынаходца славянскай азбукі і перакладчык святаго пісьма на славянскую мову.

...яко *зась учителей своих*...— Маюцца на ўвазе Кірыл і Мяфодзій.

БАРКУЛАБАЎСКАЯ ХРОНІКА

С. 194. *Сейм* — назва парламента ў Польшчы і Вял. кн. Літоўскім у XIV—XVII стст.

Сігізмунд I Стары (1467—1548) — унук польскага караля Ягайлы, спачатку быў вялікім князем Вял. кн. Літоўскага, а з 1506 г. адначасова стаў і каралём польскім.

Бона Сфорца (1494—1557) — італьянка, з 1518 г. жонка Сігізмунда I, маці будучага караля Сігізмунда II Аўгуста.

Каралеўны — размова ідзе пра дачку Сігізмунда I Ганну і Кацярыну. Ганна была жонкай польскага караля Стэфана Баторыя, а Кацярына — шведскага караля Івана III Вазы, сын якіх пасля стаў польскім каралём Сігізмундам III.

Альжбета (Елізавета) — дачка аўстрыйскага імператара Фердынанда I Габсбурга, жонка Сігізмунда II Аўгуста.

Фердынанд I (Іспанія, 1503—1564) — родапачынальнік аўстрыйскай дынастыі Габсбургаў. З 1527 г. кароль Чэхіі і Венгрыі, а з 1558 г. стаў імператарам Свяшчэннай імперыі.

...*панов рад*...— сенатараў, якія складалі каралеўскі савет (раду).

С. 195. *Шляхта харугоўная* — заможная шляхта, якая несла вайсковую службу ў дзяржаве за свой кошт пад уласнымі сцягамі (харугвамі).

...*господарей... басурменских*.— Уладароў нехрысціянскіх народаў і дзяржаў.

...*от святого Петра и Павла*...— рэлігійнае хрысціянскае свята, якое адзначаецца 12 ліпеня па новаму стылю.

...*до святого архангела Михаила*.— Дзень св. Міхаіла, адзначаецца хрысціянскай царквою 21 лістапада.

Панства Рускае — тэрыторыя этнаграфічнага беларускіх, украінскіх і рускіх зямель Вял. кн. Літоўскага.

Панства Жэмайцкае — тэрыторыя гістарычнай жмудзі (Жэмайціі), якая

ўключала заходнюю частку этнаграфічна літоўскага насельніцтва — жмудзінаў. Па Мельнскому дагавору 1422 г. Жэмайці ўвайшла ў склад Вял. кн. Літоўскага пасля Грунвальдскай бітвы 1410 г.

С. 195. *Сямён (Фрыдрых) Глебавіч Пронскі (?—1555)* — князь, стаў у 1544 г. кіеўскім ваяводам.

...*воеводство Киевское.*— Кіеўскае ваяводства, узнікла ў 1471 г. пасля смерці кн. Сямёна Амелкавіча.

...*кроля Жикимонта.*— Маецца на ўвазе Сігізмунд II Аўгуст (1528—1572).

Уладыка — свецкая назва епіскапа.

Баркулаб Іванавіч Корсак (? — 1576) — выхадзец з полацкага шляхецкага роду. У 1562 г. ездзіў з пасольскай місіяй да цара Івана Грознага, быў дзяржаўцам свіслацкім, ротмістрам караля, пазней — старастам дзісенскім.

Вотчыны — сяляне, якія валодалі зямлёю на правах прыватнай уласнасці.

Дуброўна (Дубровенка) — правы прыток Дняпра ў Магілёве.

С. 196. *На запусты великие мясные.*— Г. зн. на масленіцу, якая папярэднічае сямітыднёваму вясенняму посту перад вялікаднем.

...*князь... великий Полоцок взял.*— захоп Полацка Іванам Грозным адбыўся 15 лютага 1563 г.

...*под кролем Августом.*— Маецца на ўвазе Сігізмунд II Аўгуст.

Баркулабава — старажытнае пасяленне, назву атрымала ад імя Баркулаба Корсака, які ў 1564 г. заклаў тут свой замак.

Прастол — столік у царкоўным алтары. Тут слова «прастол» ужыта ў значэнні «царква».

...*во великий пост.*— вялікім пастом хрысціянская царква называе 7-тыднёвы вясенні пост перад вялікаднем.

Багдан Іванавіч Саламярэцкі (?—1602) — князь, у пачатку 1580 г. атрымаў прывілей на «дзяржаву» Крычаўскую, быў жанаты на ўдаве Я. Чартарыйскага Еве Баркулабаўне.

Парафія — царкоўны прыход.

...*Варсанофий Валах переставился.*— на самай справе Варсанофій Волах памёр у 1576 г.

С. 197. *Войт* — начальнік у гарадах.

...*месяца генваря 2, на Стретение.*— тут дапушчана памылка. Гэта царкоўнае хрысціянскае свята мае пастаянную дату — 2 лютага па ст. ст.

Януш Чартарыйскі (? — 1581) — сын кн. Івана Чартарыйскага, уладар Белеўскіх маёнткаў на Валыні і Карэлічаў на Навагрудчыне, зяць Баркулаба Корсака.

...*на святой недели.*— на тыдні пасля вялікадня.

Прытвор — пярэдняя частка царквы.

...*и литвою.*— Слова «літва» тут ужыта як зборная назва тэрыторыі і воінаў Вялікага княства Літоўскага.

...*и взял город Псков.*— Тут недакладнасць: Пскоў не быў узяты Стэфанам Баторыем.

Сярэбраны — рускі ваявода Васіль Сямёнавіч Абаленскі — Сярэбраны. Яго брат Пётр быў пакараны ў 1571 г. Іванам Грозным.

Цямрук — адзін з кабардзінскіх князёў.

С. 198. *Язавішча* — лазовая запруда на рачным перакаце для лоўлі рыбы або спецыяльна насыпаная плаціна з пратокамі для вады.

Князь Югарскі — уладар паўночнай часткі Урала, заселенага угарскімі (югарскімі) плямёнамі.

...*князя... тримскаго.*— Тут штосьці збытана ў назве тытула Івана Грознага. Відаць, няправільна прачытана слова «пермскі».

Булгарыя — старажытная назва часткі Паволжа, заселенай народамі цюркскага паходжання.

С. 198. *Мазовія* — частка польскіх зямель, размешчаных па р. Вісла, Буг і Нарэў, з гарадамі Варшава, Плоцк і Рава.

С. 199. ...*у пост Филипов.*— піліпаўскі пост, працягваецца 40 дзён — ад 14 лістапада да 25 снежня па ст. ст.

...*князь... сына своего Федора посохом пробил.*— Іван Грозны прабіў пасахам старэйшага сына Івана, і не ў 1584 г., а ў 1581 г.

Стефан Васалевич Годунов... коронован.— Тут дапушчана памылка. На самай справе Стэфан Васільевіч Гадуноў пры цару Барысе Гадунове быў дварэцкім.

...*о семой суботе.*— сем тыдняў пасля вялікадня.

С. 199. ...пана любелскаго...— кашталіанам люблінскім быў тады сын ваяво-
ды рускага Андрэя Пятровіч Філей.

С. 200. *Св. Юрый* — царкоўна-рэлігійнае свята, якое прыпадае на 23 краса-
віка.

Фаміна нядзеля — паводле царкоўнага календара другі тыдзень пасля вялі-
кадня.

Брацтвы — нацыянальна-рэлігійныя і царкоўна-палітычныя арганізацыі пра-
васлаўнага беларускага і ўкраінскага насельніцтва ў Рэчы Паспалітай XVI—
XVIII стст.

Патрыярх — вышэйшая духоўная асоба ў хрысціянскіх праваслаўных цар-
квах.

Сабор — з'езд службовых або выбарных асоб для разгляду і вырашэння
пытанняў кіравання царквой.

...*На Оршы был Еремез, патриарха антиохийский*...— Іерамія Транас з 1572 г.
быў канстанцінопальскім патрыярхам і ніколі не быў патрыярхам антыёхій-
скім. Патрыярхам антыёхійскім у гэты час быў Іаахім, які і сапраўды прыязджаў у
Маскву ў 1586 г.

А мовил языком антиохийским.— Г. зн. размаўляў па-арабску. Антыёхія была
старажытнай сталіцай сірыйскай дзяржавы, адной з чатырох рэзідэнцый пра-
васлаўных усяленскіх патрыярхій.

...*декабря 4 дня... переставился*...— На самай справе кароль Стэфан Баторый
памёр 12 снежня 1586 г. у Гродне.

...*кролем королевича ивецкаго*.— Маецца на ўвазе каралевіч Сігізмунд Ваза
(1566—1632). Каралём Рэчы Паспалітай Сігізмунд III Ваза быў з 19.VIII 1587 г.
па 1632 г. і адначасова па праву бацькавай спадчыны каралём шведскім з 1592 па
1604 г. У час яго панавання адбылася Брэсцкая царкоўная унія (1596).

С. 201. *Пераводні* — асобы, пераселеныя ў дадзеную мясцовасць з іншых
месц.

Прачыстая — царкоўнае хрысціянскае свята, якое адзначаецца 8(21)
верасня. Першая прачыстая — успенне багародзіцы адзначаецца 15(28) жніўня.

Пакровы — рэлігійнае свята, якое адзначаецца 14 кастрычніка.

Максімільян — брат аўстрыйскага імператара Рудольфа Габсбурга (1576—
1612).

...*на князя московского*...— рускага цара Фёдара Іванавіча, які займаў царскі
трон з 1584 па 1598 г.

...*королева*...— жонка С. Баторыя Ганна Ягелонка.

...*королевича ивецкаго*...— шведскага каралевіча Сігізмунда, пляменніка
Ганны Ягелонкі, жонкі С. Баторыя.

...*князя московского Ивана Василевича*...— дапушчана памылка, бо Івана
Грознага ўжо не было ў жывых (памёр 18.III.1584 г.).

Канвакацыя — скліканне сейма ў часы бескаралеўя для вызначэння канды-
датуры наступнага караля.

С. 202. *Узнясенне Хрыста* — рэлігійнае свята, якое адзначаецца на 40-ы дзень
пасля вялікадня.

...*а за призволением белых голов*...— па капрызу жонак.

Св. Пётр — паводле біблейскага міфа адзін з блізкіх вучняў Ісуса Хрыста
ў самы крытычны момант для свайго настаўніка адмовіўся ад яго, пасля стаў
галоўным прапагандыстам хрысціянскага веравызнання ў Рыме.

...*з кролем иведским*...— Маецца на ўвазе Карл IX Ваза (1550—1611).

...*был на Орши патриарха цариградский именем*.— Маецца на ўвазе
паездка ў Маскву канстанцінопальскага патрыярха Іерамія Транаса.

...*после святого Афанасия*...— патрон св. Афанасія прыпадае на 20 студзеня.

С. 203. *Прыстаўства* — даніна, якая бралася з мясцовага насельніцтва на
ўтрыманне размешчанага ў іх населеным пункце войска.

Ніз — нізоўе Дняпра, Запарожская Сеч.

...*соборы помесные*...— з'езды епархіяльнага духавенства.

Грыгорый Рагацінец — адзін з уплывовых кіраўнікоў праваслаўнага Львоў-
скага брацтва.

Стэфан (у манашстве Сільвестр) *Зізаний* — Тустаноўскі — беларускі пісь-
меннік-палеміст канца XV ст.

Рымляны — так праваслаўныя Рэчы Паспалітай тады называлі католікаў.

Ратуша — орган гарадскога самакіравання; назва будынка, дзе размяшчалася
гарадское самакіраванне.

С. 204. *Іаан Прадцэчы* — паводле біблейскага міфа папярэднік Ісуса Хрыста.

С. 204. *Іпацій* (свецкае імя Адам Львовіч) *Пацей* (1541—1613) — царкоўна-палітычны дзеяч і уніяцкі пісьменнік-палеміст.

...луцкаго епіскапа...— Маецца на ўвазе Кірыл Сямёнавіч Тарлецкі (? — 1607), адзін з арганізатараў царкоўнай уніі 1596 г.

...ловоскаго...— з 1576 г. львоўскім епіскапам быў Гедыён (свецкае імя Грыгорый Маркавіч) Балабан (1530—1607).

...холмскаго...— епіскапам холмскім і бэлзскім быў у той час Дзіянсііў Збіруўскі, бліжэйшы папчленік Г. Балабана.

...видячи предсвятые их потребно до речей збавенных...— Г. зн. бачачы іх захад, неабходны для спраў дабратворных.

С. 205. ...октобра... 16...— Брэсцкі сінод пачаў работу 6 кастрычніка. Тут пададзена дата паводле грыгарыянскага календара з улікам разбежкі, якая ў XVI ст. складала 10 дзён.

Гаспода — заезны двор.

...воевода киевского...— Маецца на ўвазе валынскі магнат Канстанцін Канстанцінавіч Астрожскі (1528—1608). Ён з'яўляўся галоўнай апорай праваслаўных у іх барацьбе супроць царкоўнай уніі. У яго друкарні за яго кошт Іван Фёдаравіч надрукаваў (1580—1581) поўную славянскую Біблію.

...с кола рыцерского...— са шляхецкага кола.

Нікіфар — прадстаўнік канстанцінопальскага патрыярха.

...пан воевода троцкий...— Маецца на ўвазе Мікалай Крыштафор Радзівіл, празваны Сіроткай (1549—1616), — князь на Алыцы і Нясвіжы, сын маршалка і канцлера Вял. кн. Літоўскага Мікалая Радзівіла Чорнага.

...паном канцлером и паном подскарбьм...— Маюцца на ўвазе канцлер Леў Сапега і падскарбій Дзмітрый Іосіфавіч Халецкі.

С. 206. ...маршалка обрали духовные...— маршалкам быў абраны заблудаўскі пратапоп Нестар.

...воеводу волынским...— ваяводаю валынскім быў з 1593 г. сын К. К. Астрожскага кн. Аляксандр Астрожскі (?—1603).

Якуб Прэгфич — кашталан Камянецкі, потым ваявода падольскі.

Ян Шуйскі — унук Івана Дзмітрыевіча Шуйскага, які ў 1534 г. уцёк з Масквы ў Вял. кн. Літоўскае.

Інстыгатар — ураднік.

Дзям'ян Гулевіч — валынскі дэпутат сінода.

С. 207. ...до новокрепцов и евангеликов...— *новахрышчэнцы* — прадстаўнікі пратэстанцкай плыні. Новахрышчэнцамі іх празвалі за тое, што яны паўтаралі працэс хрышчэння пры дасягненні сталага ўзросту; *евангелікі* — пратэстанты лютаранска-кальвінісцкага толку.

...пан подканцлерий...— трэба чытаць: «подскарбий».

...и шли на упокой княжати...— трэба чытаць: «и шли они у покой до княжати».

...з Руси...— Маецца на ўвазе так званая Чырвоная Русь, тэрыторыя былога Рускага ваяводства, якое займала тэрыторыю Усходняй Галіцыі.

Літва — тут назва Вял. кн. Літоўскага.

С. 208. *Лаўрэнцій Дравінскі* — валынскі падчашы, адзін з абаронцаў украінскай народнасці і праваслаўнага веравызнання ў Рэчы Паспалітай, доўгі час ваяваў супроць уніі. На Варшаўскім вольным сейме ў 1620 г. выступіў з «Прамовай» у абарону праваслаўя.

...до того Стефана...— Маецца на ўвазе Стэфан Зізаній, з якога Брэсцкі праваслаўны сінод зняў анафему, накладзеную на яго мітрапалітам Рагозаю на Навагрудскім саборы 1596 г.

Вываланцы — людзі, адлучаныя ад царквы.

С. 209. ...первоседалник по патриарсе...— першы намеснік патрыярха. ...чтырех патриархов...— патрыярхаў Канстанцінопаля, Александрыі, Антыёхіі і Ерусаліма.

Генерал — старшы над пасланнікамі для выканання ўрадавага ці грамадскага даручэння.

Гайдук — наёмны салдат венгерскай пяхоты.

Пётр Скарга (1536—27.09.1612) — царкоўна-рэлігійны і палітычны дзеяч Рэчы Паспалітай, тэолаг і публіцыст, пачынальнік польскай аратарскай прозы, ініцыятар і прапагандыст Брэсцкай царкоўнай уніі 1596 г. Ганьбаваў шляхту за злоўжыванне саслоўнымі прывілеямі.

С. 210. *Певне не тот, што мел у голову заходити.*— Метафарычны выраз, які абазначае, што гэты чалавек не вар'ят.

С. 210. *Марцін Бранеўскі (?—1624)* — царкоўна-рэлігійны і грамадска-палітычны дзеяч канца XVI — першай чвэрці XVII ст. Яму прыпісваецца аўтарства слаўтага палемічнага твора «Апокрысіс», выдадзенага ў 1597 і 1599 гг. пад псеўданімам Хрыстафор Філалет.

...у *одного мужа северскаго*... — Г. зн. у аднаго чалавека з Ноўгарад-северскай мясцовасці (Чарнігаўшчына).

...*Нафанаила Терлецкого*... — епіскапам полацкім на самай справе быў Нафанаіл Сяліцкі. На самай справе ўвядзенне новага календара ў Полацкай епіскапіі пачалося за 9 год да епіскапства Сяліцкага.

Майсей — біблейскі прарок, якому царква прыпісвае мноства цудаў і аўтарства першых 5 кніг Бібліі.

Исус Христос — міфічная асоба, сын бога.

С. 211. ...*храм... Георгия* — царква, якая была пабудавана на Ільінскай гары ў Магілёве.

Паланея Васільеўна Крошынская (?—1594) — княжна, у 1551 г. стала жонкаю Баркулаба Корсака, старасты дзісенскага.

...с *того света переставился*... — не Нафанаіл Тарлецкі, а Нафанаіл Сяліцкі.

...*уводил новый календар*... — на самай справе Афанасій Тарлецкі ваража адносіўся да календарнай рэформы папы рымскага і не мог ён уводзіць новы календар.

С. 212. *Сеярын Налівайка (?—1597)* — вядомы кіраўнік казацка-сялянскага паўстання на Украіне і ў Беларусі ў 1594—1596 гг.

С. 214. ...*родился ...князь Богдан в року 88*... — на самай справе Багдан Багданавіч Саламярэцкі нарадзіўся ў 1589 г.

Кір — тытул вышэйшых праваслаўных духоўных сануюнікаў (патрыярхаў).

Рафаіл — патрыярх канстанцінопальскі да 1608 г.

С. 215. *Св. Хрышчэнне* — рэлігійнае свята вадахрэста, якое прыпадае на 6(19) студзеня.

Зямляне — дробнапамесная шляхта ў Рэчы Паспалітай.

С. 216. *Святая нядзеля* — першы тыдзень пасля вялікадня.

...*месяца апреля... на святая Мартина*... — На самай справе дзень св. Марціна адзначаецца не ў красавіку, а 11 лістапада.

Максім Герасімавіч Смятрыцкі (1572—1630) — беларуска-ўкраінскі царкоўны і грамадска-палітычны дзеяч, пісьменнік-палеміст, аўтар слаўскай граматыкі (1618) і многіх палемічных твораў, у якіх абараняў праваслаўе.

Падыліша — так у Рэчы Паспалітай называлася заходняя частка тэрыторыі Вял. кн. Літоўскага, якая прылягала да карэнных зямель Малой Польшчы. Пасля Люблінскай уніі 1569 г. перайшла пад уладу карэннай Польшчы.

Мазуры — жыхары Мазовіі, пагранічнай тэрыторыі з Падылішчам.

С. 218. ...*а на кгарлах своих*... — у безвыходным становішчы, рызыкуючы жыццём.

Канфедэрацыя — свабодная часовая ваенна-палітычная апазіцыя шляхты да палітыкі караля.

С. 219. ...*пана нашего*... — Маецца на ўвазе Сігізмунд III Ваза.

С. 220. ...*до упокойных рад*... — да мірных рад.

...*армату отняли*... — гутарка ідзе пра малдаўскі паход кароннага гетмана Яна Замойскага ў кастрычніку 1600 г. Гаспадаром Малдавіі тады быў не Іерамія Магіла, які названы ў запісу, а Міхаіл Храбры (1558—1601).

...*мутянский* — муняцкі, ад румынскай назвы ўсходняй часткі Валахіі — Мунтэніі. («Мунтэ» — у перакладзе з румынскай значыць «гара»).

Мігаль — Маецца на ўвазе Міхаіл Храбры.

Самуіл Кошка — гетман запарожскіх казакаў да 1601 г.

...у *Баркулабове на пристанство аж уждали*... — на прыстаўства грошы бралі. Трэба чытаць: «у Баркулабове на пристаўство грошы бралі».

...*арядник печерский*... — ураднік з суседняй з Магілёвам па тых часах вёскі Пячэрск.

Благовешчанне — царкоўна-хрысціянскае свята з пастаяннай датай 25 сакавіка.

Ян Варшаўскі — асоба невядомая. У склад пасольства Рэчы Паспалітай у Маскве ў 1600 уваходзілі літоўскі канцлер Леў Сапега, кашталян варшаўскі Станіслаў Варшыцкі і пісар Вял. кн. Літоўскага Ільяс Пелгрымоўскі. Відаць, аўтар памылкова замест Станіслава Варшыцкага напісаў Ян Варшаўскі.

Васіль Гадуноў — аўтар блытае імя Барыса Гадунова.

С. 221. ...*были у Вифлянгах*... — аўтар скажае назву Інфляндыі.

С. 221. *Того ж року запорозкіе козаки у Швецыи были...*— ідзе размова пра падуладную Швецы тэрыторыю Прыбалтыкі.

...*ерейства своего под 4...*— У запіску за 1594 г. Цімафей Аляксеевіч названы свяшчэннікам Юр'еўскай царквы г. Магілёва. У такім выпадку, тэрмін яго іерейства трэба вызначаць не 4, а 7 гадамі.

...*пред Уськновением главы святого Иоанна Предтечи...*— царкоўна-рэлігійнае свята, якое адзначаецца 29 жніўня.

Сімяон Стольнік (356—459) — антыёхіійскі аскет, якога хрысціянская царква кананізавала ў святага і ўшаноўвае яго памяць 1 верасня.

С. 222. *Воздвижение честнаго креста.*— Царкоўна-рэлігійнае свята, якое прыпадае на 14 (27) верасня.

И так шкоду содомию чинили...— шкода параўноўваецца са шкодай біблейскага г. Садома, зруйнаванага быццам бы самім богам за свае «страшныя грахі» мужаложства.

...*аж до Дмитровы субботы.*— Да 6 лістапада. Царкоўна-рэлігійнае свята ў гонар Дзімітрыя Салускага — воіна і кіраўніка Салуні, замучанага ў часы рымскага імператара, калі было ганенне на хрысціян (X ст.).

...*то предсе нивошто* — дык нічога сабе.

С. 223. *Прапойск* (з 1945 г. Слаўгарад) — старажытны беларускі горад на правым беразе р. Сож.

С. 224. *Страсная нядзеля* — апошні тыдзень вялікага посту ў хрысціян.

...*за святейшаго ...Гедиона...*— на самай справе тады канстанцінопальскім патрыярхам быў Рафаіл.

Іван Васільевіч Саламарэцкі (?—1578) — князь, зяць маршалка гаспадарскага Паўла Іванавіча Сапегі, кашталян смаленскі.

Іван Куцковіч — гетман запарожскіх казакаў з 1601 да 1603 г., пераемнік на гэтай пасадзе Самуіла Кошкі.

С. 225. *Фаміна нядзеля* — другі тыдзень пасля вялікадня.

Вялікая субота — прэдадзень вялікадня.

С. 226. ...*о десятой пятницы...*— дзесятая пятніца пасля вялікадня.

Св. Юрый — рэлігійнае свята, якое адзначаецца вясной 5 мая і восенню 26 лістапада.

Васіль святы — Васіль Вялікі (329—378) — кесарыйскі епіскап, прадстаўнік познегрэчаскай царкоўнай літаратуры, абараняў праваслаўе.

С. 227. *Ляхва* — правы прыток Дняпра.

...*у краю Низовом...*— на поўдні Беларусі, па Палессі.

...*у дворе князей Вышневецких...*— у доме кн. Адама Вішнявецкага, які жыў у Брагіне. Тут аб'явіў сябе царэвічам былы манах Чудава манастыра Юрый (у манашстве Грыгорый) Атрэп'еў.

...*якийсь Дмитр Иванович царевич.*— Першы самазванец выдаваў сябе за Дзімітрыя, апошняга сына Івана Грознага.

С. 228. ...*а Годуна с царства своего московского согнал.*— Тут дапушчана памылка. Барыс Гадуноў памёр уласнай смерцю 13 красавіка 1605 г., а самазванец увайшоў у Маскву 20 чэрвеня.

...*будучи ему коронованому...*— каранацыя Лжэдзімітрыя I на царскі трон адбылася ў пачатку жніўня 1605 г.

...*у пана воеводы сондомирского в Полци.*— Сандамірскім ваяводам у той час быў Юрый Мікалаевіч Мнішак (?—1613), сын багемскага графа, які па прыездзе ў Польшчу (1535) займаў пасаду вялікага падкаморнага кароннага. Даў згоду на шлюб дачкі Марыі з Самазванцам, быў вязнем цара Васіля Шуйскага.

С. 229. *Васіль Іванавіч Шуйскі* (1540—20.02.1610) — князь, які быў рускім царом з 19.05.1606 да 19.07.1610 г.

...*пана Яна Кгенсевского.*— На самай справе паслом у Маскву быў не Ян, а яго сын, веліжскі стараста Аляксандр Корвін-Гансеўскі (?—1651).

С. 230. *Канстыгуця* — заканадаўчая пастанова, прынятая на вольным сейме.

...*якийсь Дмитр Иванович.*— Маецца на ўвазе Лжэдзімітрый II.

Дзімітрый Нагі (1581—1591) — апошні сын Івана Грознага ад яго жонкі Марыі Фёдараўны Нагой.

Праскура (ад грэч. прасфора) — белая круглая булачка, якая выкарыстоўваецца духавенствам для прычасця прыхаджан.

С. 230. ...*на село Онисковича Сидоровича...*— трэба чытаць: «на село Онисковичи и Сидоровичи».

С. 230. ...*приехал до Москвы...*— тут слова «*Масква*» выступае як назва дзяржавы, народа.

С. 231. *Андрэй Шуйскі* — пераблытана імя цара Васіля Іванавіча Шуйскага. ...*Гриша Отренич, рострыга*.— Так называлі не гэтага самазванца, а першага, які быў маскоўскім царом.

Ян Раман Ружынскі (1575—1610) — князь, апошні нашчадак Нарымунта (сына Гедыміна).

С. 232. *Уладзіслаў IV Ваза* (1595—1648) — старэйшы сын караля Сігізмунда III і Ганны Аўстрыйскай.

Міхаіл Барысавіч Шэін (?—1634) — рускі ваявода.

УСПАМІНЫ Ф. М. ЕЎЛАШОЎСКАГА

С. 232. ... *уродилемся от вышэйпомененых родичов...*— гэтыя словы гавораць аб тым, што раней ішоў тэкст, пачатак рукапісу, які не захаваўся.

Біблія — зборнік старажытных рэлігійных легенд, напісаных у розныя часы многімі асобамі. Выдаецца царквой за «свясчэнная пісанне».

С. 233. *Сігізмунд II Аўгуст* (1520—1572) — сын польскага караля Сігізмунда I Старога, апошні нашчадак дынастыі Ягелонаў.

...с князем *Іваном москоўскім...*— гутарка ідзе пра Івана Васільевіча Грознага (1530—1584).

...на *Іван полю...*— Маецца на ўвазе бітва 1564 г. у час Лівонскай вайны каля в. Івацішкі пад Лепелем.

...на *тыя войны...*— гаворыцца пра Лівонскую вайну, якая з невялікімі перапынкамі вялася на працягу 25 год.

Збор хрысціянскі — так рэфарматары называлі свае храмы.

Міністр — так называлі кальвіністы сваіх прапаведнікаў.

Кусташ — прыдворная службовая асоба.

Канонік — каталіцкі свясчэннік, які служыў пры вялікіх храмах і падпарадкоўваўся пэўнаму статусу, але не даваў манахскага зарокі.

...*в тэ то личбы вэправил...*— навучыў весці рахункі.

С. 234. *Стэфан Баторый* (1533—1586) — кароль Рэчы Паспалітай.

Влохі — па-польску італьянцы. Але тут, відаць, маюцца на ўвазе выхадцы з Валахіі, г. зн румыны.

Ручніца — ручная стрэльба (пішчаль).

Ольстра — футляр для зброі, які коннікі прывязвалі да сядла.

Копны суд — суд, які ажыццяўляўся ў той ці іншай мясцовасці яе жыхарамі, кожны з якіх выступаў у ролі суддзі пры абавязковай прысутнасці прадстаўніка дзяржаўнай адміністрацыі.

С. 235. *Лягавец* — паветраны змей; тут ужыта ў сэнсе залетнік або нячыстая сіла.

...*роки земске...*— сесія земскага суда.

Васіль Якаўлевіч Шчолканаў — рускі палітычны дзеяч і дыпламат часоў Івана Грознага.

Люблінская унія — аб'яднанне Вялікага княства Літоўскага з Польшчай у адну дзяржаву.

Вялікі пост — сямітыднёвы пост перад вялікаднем.

Вялікая ноч — апошняя ноч перад вялікаднем. У 1569 годзе яна прыпадала на ноч з 4 на 5 красавіка.

Універсал — дзяржаўны цыркуляр, указ, грамата.

Карона — Польскае каралеўства.

Літва — тут маецца на ўвазе назва ўсяго Вялікага княства Літоўскага.

С. 236. *Андрэй Іванавіч Абрыйскі* (?—1589) — займаў пасаду навагрудскага падкаморыя. У 1569 г. стаў каралеўскім пісарам.

Мясануст — посны дзень, загавіны перад масленіцай, прыпадае на апошнюю нядзелю перад вялікім постам.

Мікалай Крыштоф Радзівіл (1549—1616) — нявіжскі князь, сын маршалка і канцлера Вялікага княства Літоўскага.

С. 237. *Маршалак дворны* — каралеўскі чыноўнік.

Ваявода — у часы Кіеўскай Русі начальнік княжацкага войска. Пазней — начальнік горада і гарадскога акругі. У Вялікім княстве Літоўскім і Рэчы Паспалітай ваяводам называлі сенатара, кіраўніка або намесніка караля ў ваяводстве — адной з буйнейшых адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак.

С. 237. *Зямляне* — уладальнікі нерухомай маёмасці, якая давала ім права галасавання на сеймах і адрознівала ад простага люду.

...старостичом кричовским...— Ян Служка быў старастам крычаўскім.

Чауш — турэцкі прыдворны, у гэтым выпадку — паўнамоцны пасол турэцкага султана Селіма II да караля Рэчы Паспалітай.

С. 238. *Послы цэсарске*...— пасля нямецкага імператара ў Рэч Паспалітую. *Владыцтво* — епіскапства; тэрытарыяльная адзінка царкоўнага кіравання, падуладная епіскапу.

С. 239. *Рыцарства* — так у тагачаснай Рэчы Паспалітай называліся прадстаўнікі ваеннаслужылай шляхты.

С. 240. *Мастаўнічы* — служачы, які сачыў за станам дарог і збіраў мыта, г. зн. падатак.

С. 241. *Максіміліян II Габсбург (1527—1576)* — германскі імператар.

На сэйме тым...— гаворка ідзе пра Торуньскі сейм 1576 г., дзе вырашалася пытанне аб працягу вайны супроць Прусіі — за выхад Польшчы да Балтыйскага мора.

Казімір IV Ягелончык (1427—1429) — сын Ягайлы і Соф'і Гальшанскай, бацька польскага караля Сігізмунда I Старога.

Іван Падкова (?—1578) — запарожскі казак з малдаван, кіраўнік вызваленчай барацьбы малдаўскага і ўкраінскага народаў супроць турэцка-татарскіх захопнікаў.

С. 243. *Гайдукі* — узброеныя вартавыя і пасыльныя магнатаў. У Рэчы Паспалітай гайдукамі называлі таксама наёмных салдат з венгерскай пяхоты, а ў Венгрыі — беглых сялян, якія ўцякалі ад прыгнёту турэцкіх улад.

Маркграф — валадар пагранічных абласцей або круг з военным кіраўніцтвам, якія называліся маркамі.

С. 245. *Трыбунал* — статут трыбунала. Трыбунал — вышэйшы дзяржаўны суд Вялікага княства Літоўскага.

Крыштоф Радзівіл па мянушцы Пярун (1547—1603) — сын Мікалая Юрэвіча Радзівіла Рыжага, кальвініст.

Гетман вялікі — найвышэйшае званне, якое прысвойвалася начальніку вайсковых сіл у Польшчы і Вялікім княстве Літоўскім.

С. 246. *Пулгак* — разнавіднасць мушкета.

С. 247. ...пан Филон...— гутарка ідзе пра Філона Кміту-Чарнабыльскага.

С. 248. *Госць* — купец, прыезджы чалавек.

С. 251. *Максіміліян Габсбург* — аўстрыйскі прынц, сын Максіміліяна II Габсбурга, якога сенатары-магнаты рэкамендавалі кандыдатам на польскі трон.

С. 252. «*Вокс популі — вокс дэі*» — лацінская прымаўка: «Голас народа — голас бога».

С. 253. *Верашчачын грунт*— зямельнае ўладанне Аляксандра Хадкевіча, якое знаходзілася дзесьці недалёка ад Новай Мышы.

С. 255. ...аж до Петрыкович.— Да Петрыкава.

...пан Скумин...— Фёдар Скумін Тышкевіч (?—1618).

С. 257. *Рыгор Лабада (?—1596)* — у 90-я гады XVI ст. быў гетманам запарожскіх казакаў.

С. 258. *Каін* — біблейскі персанаж, сын Адама і Евы, першых людзей на зямлі, які забіў свайго брата Авеля, кіруючыся пачуццём зайздрасці. Адсюль імя Каіна стала намінальным для ўсіх братазбойцаў.

...для роков марковских...— на судовую сесію, якая пачалася напярэдадні дня св. Марка-евангеліста, якога хрысціянская царква ўшаноўвала 25 красавіка.

С. 260. ...з моря мыто брало...— гаворка ідзе пра марскую хваробу пры якой хворага трасе нібы ў ліхаманцы.

Дэртг (цяпер Тарту) — адзін са старажытных гарадоў у Эстоніі. Заснаваў яго ў 1030 г. князь Яраслаў Мудры, назваўшы яго Юр'евам.

Рэвель (цяпер Таллінн) — старажытны эстонскі горад.

АФАНАСІЙ ФІЛІПОВІЧ

НОВИНЫ ПРАВОВЪРНЫМ ПОЖАДАНИЕ О УСПОКОЕНИЕ ВЪЕРЫ И ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ...

С. 279. ...стисавши в килка десят фастиколов...— Маецца на ўвазе «Гісторыя» падарожжа ў Маскву ў 1637—1638 гг.

- С. 280. *...церкви правдивой восточной...*— Маецца на ўвазе праваслаўная царква грэчаскага веравызнання.
- Леў Сапега* — літоўскі канцлер да 1632 г.
- Іосіф Бабрыковіч* — намеснік ігумена віленскага Святадухоўскага маінастрыя, пазней — да 1635 г. Магілёўскі архіепіскап.
- Самуіл Барэцкі* — родны брат Кіеўскага мітрапаліта Іова Барэцкага.
- С. 281. *...мунциуш легата...*— пасол, афіцыйны прадстаўнік рымскага папы.
- ...взглядом людей...*— пры сведках.
- С. 282. *...унья...*— царкоўная унія (саюз) 1596 г.
- ...права и привилея...*— асобы від граматы на прадмет карыстання маі-маецца.
- Уніты* (уніяты) — асобы, якія прынялі уніяцкае веравызнанне.
- Уладзіслаў Чацвёрты* — сын караля Сігізмунда III, быў польскім каралём з 1632 г. па 1648 г.
- ...вѣра грецкая...*— праваслаўнае веравызнанне.
- Сільвестр Косаў* — магілёўскі архіепіскап з 1635 г. да 1647 г., а з 1647 г.— кіеўскі мітрапаліт.
- ...правом сталеет...*— замацоўвае юрыдычна.
- Залатаверхі Міхаіл* — адзін з багатых кіеўскіх манастыроў.
- ...ани зменки...*— ніякага клопату.
- Міхаіл Крапіўніцкі* — адзін з віднейшых абаронцаў праваслаўя.
- Л. Дравінскі* — брацлоўскі ваявода.
- М. Кісель* — стараста Віленскага праваслаўнага брацтва.
- С. 283. *Панна Марыя* — кафедральны каталіцкі сабор.
- ...латиною...*— каталіцкаю вераю.
- М. Г. Сматрыцкі* — віленскі архіепіскап.
- ...едино крещение...*— спасылка на «Біблію», Ефес, гл. 4, с. 5.
- Касіян Саковіч* — пісьменнік-палеміст, які здрадзіў праваслаўю і перайшоў у лагер католікаў.
- ...Касян выдал книжку...*— Маецца на ўвазе трактат Саковіча.
- С. 284. *...Купятицкий... з гисториею московскою...*— Маецца на ўвазе яго «Гісторыя» падарожжа ў Маскву.
- Ізба сенатарская...*— верхняя палата польскага сейма.
- Рыцарскае кола* — у ніжняй палаце польскага сейма.
- С. 285. *Маршалак*— старшыня сейма, ваявак дваранства.
- Звеставанне* — каталіцкае свята «Благовешчэнне».
- С. 286. *Дзіацэзія* — епархія, епіскапскае ўладанне.
- Ляонцій Шыцік* — былы ігумен дубоўскі.
- ...под генсиорек...*— пасадыць у турму, надзець на шыю і рукі калоду як злачынец.
- Біскуп* — епіскап.
- ...трапили мя огнь алхимицкие...*— уразілі мяне агні (інтрыгі) алхімікаў.
- ...особы одной...*— наём на мітрапаліта Пятра Магілу.
- Кансісторыя* — духоўная ўстанова пры епархіяльным архірэй з адміністра-тыўнымі і судовымі функцыямі.
- Аннаш, Каіафаш* — біблейскія першасвяшчэннікі.
- С. 287. *«Меам»* — лацінскі выраз «маім».
- Пан Сапега* — Маецца на ўвазе Мікалай Сапега.
- Ліст упамінальны* — напамінаючы, г. значыць строгі.
- Адшчэпенец* — так уніяты называлі праваслаўных, якія не прынялі царкоўнай уніі.
- Налівайка* — маецца на ўвазе Севярын Налівайка, ваявак казацкага паў-стання ў 1595 г.
- ...лист... в котором признавает*— Маецца на ўвазе сам Аблачынскі — уніяцкі архімандрыйт у Кобрыве.
- С. 288. *Адам і Ева* — паводле бібліі, першыя людзі на зямлі.
- С. 289. *Лютаране, арыяне... звінгліяне* — прыхільнікі ерэтычных вера-вызнанняў з пункту гледжання артадаксальнай (артадаксалы — паслядоўны, які няўхільна трымаецца якога-небудзь вучэння, светапогляду) царквы.
- Валаам* — біблейскі прарок.
- С. 290. *...творити ничего же...* — спасылка на «Евангеліе» ад Іаана, гл. 13.
- Уладзімір* — вялікі князь кіеўскі да 1019 г.

290. Ян Длуґаш (1415—1480) — польскі гісторык.
...*глаголю вам... и на небеси...*— спасылка на «Евангеліе» ад Матфея, гл. 18, ст. 18.

Люцыпар — біблейскі архангел, адвержаны богам.

Садом — біблейскі горад, вядомы з паданняў вялікай распустай яго жы-
хароў.

С. 291. *Адам Пацей*, у духоўным званні Іпацій (1541—1613) — епіскап
брэсцкі і ўладзімірскі, пасля пераходу ў унію з 1599 г.— уніяцкі мітрапаліт.

Владыка — епіскап.

Кірыл Тарлеўкі — уніяцкі луцкі епіскап.

Міхаіл Рагоза — уніяцкі мітрапаліт да 1599 г.

Каін і Авель — сыны Адама і Евы.

Ізмаіл — сын Аўрама ад Агары.

Ісак — сын Аўрама ад Сары.

С. 293. *Ово згола суматим...*— адным словам.

«Есть тайно, еже не открытается» — спасылка на «Евангеліе» ад Лукі, гл. 8,
ст. 17.

Юст Лінсіў — грэчаскі філосаф.

Дзіоніс — грэчаскі філосаф.

Войскі арматныя — узброеныя войскі.

Майсей — біблейскі прарок.

Плашчаніца — прадмет культуры ў праваслаўнай царкве ў выглядзе кавалка
тканіны, з намалёваным Хрыстом у труне.

С. 296. *...облюбеницу мѣти з Москвы зычу...*— Афанасій Філіповіч, напэў-
на, меў на ўвазе адну з дачок рускага цара Міхаіла Фёдаравіча. Маг-
чыма, Ірыну, да якой сватаўся дацкі прынц Вальдэмар.

ПАЛІТЫЧНАЯ САТЫРА

ПРАМОВА МЯЛЕШКІ

С. 296. *Іван Мялешка* — сапраўдная гістарычная асоба, паходзіў з шляхец-
кага кола Слонімшчыны. З 1593 г. пачалася яго службовая біяграфія: быў мазыр-
скім падкаморыем, маршалкам слонімскім, кашталіянам мсціслаўскім, брэсцкім,
смаленскім.

...Жикмонта короля...— Маецца на ўвазе кароль Сігізмунд Аўгуст (1548—
1572 гг.).

Падляшша — частка тэрыторыі на захад ад г. Брэста.

Жикмонта первого...— Маецца на ўвазе кароль Сігізмунд I Стары
(1506—1548).

...за него...— у час яго кіравання дзяржаваю.

А коли ж то у іх...— Маюцца на ўвазе немцы.

С. 297. *Генрых Валуа* — польскі кароль з 11 мая 1573 г. да 17 чэрвеня 1574 г.

Инфлянты — прыбалтыйскія немцы.

С. 298. *Уршуля Мейер* — вядомая фаварытка караля Сігізмунда III Вазы,
мела вялікі ўплыў у прыдворных сферах.

ЛІСТ ДА АБУХОВІЧА.

С. 299. *Ліпа* — вёска над ракой р. Сноўкай у 10 км ад станцыі Гарадзся, была старадаўняю ўласнасцю рода Абуховічаў.

Рыгор Юр'евіч Осцік — быў пакараны смерцю ў 1580 г. у Вільні за пісьмовыя зносіны з маскоўскім баярынам Нашчокіным як дзяржаўны злачынца, які быццам бы дамагаўся далучэння беларускіх зямель да Рускай дзяржавы.

Аляксандр Корвін Гансеўскі (1625—1639) — смаленскі ваявода, які праславіўся сярод польскіх магнатаў і шляхты, калі ў 1632 г. абараняў 10 меся-
цаў Смаленск, абложаны рускімі войскамі Шэйна.

...писаром быв...— Піліп Абуховіч займаў 1651—1653 гг. пасаду пісара Вя-
лікага княства Літоўскага.

С. 300. *Зыгмунт* — маецца на ўвазе кароль Рэчы Паспалітай Сігізмунд III
Ваза.

Тулянік — напэўна, маецца на ўвазе населены пункт, які знаходзіцца ў
79 км ад горада Слоніма.

СЛОЎНІК МАЛАЗРАЗУМЕЛЫХ СЛОЎ

- А — і, іх
Абовем — бо, таму што
Абве — тым часам, у той момант
Абысмы — каб мы
Агнец — ягня
Ажебы — каб; няхай, хай
Аз (яз) — я
Азаж — няўжо, хіба
Азали (азале) — ці, няўжо, хіба мабыць
Акафист — царкоўнае хвалебнае песнапенне
Актиковати — уносіць дакумент у актывую кнігу
Акцесія — прыбытак, даход
Алканіе — адчуванне моцнага голаду
Анатолинская — праваслаўная
Ангарія — від прымусовага адработку, прыгнёт
Апарат — царкоўны рэквізіт, адзенне, уборы
Армата — армада, узброенае войска
Арматный — прыметнік ад *армата*
Арха — каўчэг
Аголі — аднак, зрэшты
Ач — калі, хоць, нягледзячы на тое, што
Ачколвек (ачколве) — хоць, нягледзячы на тое, што
Аіце — калі
Баба — старая жанчына, жонка, павітуха, знахарка
Бавігі — вучыць, забаўляць, займаць, затрымліваць, быць
Бадати — даследаваць, вывучаць, пытаць
Бакалар (бакіламар) — бакалаўр
Баламут — баламут, ашуканец, махляр, ветрагон
Баламутить — збіваць з толку, ілгаць, ашукваць
Балем — баяўся
Баницыя — судовае пакаранне, выгнанне з краіны
Бардзей — больш, хутчэй
Барзо — вельмі
Баструк — пагардлівая назва юнака, які не слухаецца бацькоў
Бахмат (бахматы) — вынослівы конь татарскай пароды
Бачносьць — розум, мудрасць, кемліваць
Башта (бахшта) — абаронная вежа
Бдэнне — пільнасць
Бებран — бабровы
Бедіти — крыўдзіць, турбаваць, мучыць, змагацца
Беззучка — пастаянна
Беле — вавёрка
Бежонць — бегучы
Бернардын (бернадын) — манах каталіцкага ордэна св. Бернарда
Бесерменскі (басурманскі, бусурманскі) — мусульманскі
Блазій (благий) — добры, харошы, прыемны
Близнеце — блізарукі
Блэван — статуя, пагранічны слуп або камень
Блюзнерца — блюзнер, паклёпнік
Блюзнячий — зневажаючы, паклюпніцкі
Бовем — бо, таму што
Болог — на добрае
Болонь (болонье) — сенажаць, лагчына, парэчка
Ботее — лепш
Братанна (братанка) — дачка брата, пляменніца
Брашна (брашно) — мучная страва
Брежати — звярнуць увагу
Бремя — цяжкасць
Броіти — свавольніць, бясчынстваваць, рабіць зло
Буесть — яркасць
Буквіца — запіска, пісьмо, грамата
Бусый — сівы, шэры
Бынамне (бынамней) — зусім, ні ў якім разе, ані, ніколі
Важіти — прыслухоўвацца, звяртаць увагу, уважаваць
Важітися — намервацца
Вазнь — сварка, разлад, варожасць
Валка — бой
Валечный — храбры, мужны
Ваковати — пуставаць, быць вакантай
Варовати — пазбягаць, берагчы
Васні — непрыемнасць, гнёў, нязгода
Васнь — варожасць
Вашмоць — ваша міласць

Вашенць — ваша міласць
 Ваю — вас, ваши
 Вберзъ — хутка
 Ведлуг — згодна, паводле
 Вѣдомец — разведчык
 Ведля — паводле
 Вежа — шацёр, палатка
 Везване — прывілея
 Веле — многа
 Велегласно — гучна
 Веліа (веля) — многія, вялікія
 Веленскі — усяго свету
 Венць — больш
 Вережени — пашкоджаныя
 Вереццати — гаварыць
 Веспол — супольна, сумесна
 Весь — вёска
 Вѣцый — мудры
 Вженсть — захапіць, уварвацца
 Взголове — падушка
 Взмѣнка — заўвага, упамінанне
 Взнѣтитъ — знішчыць
 Взрѣчу — уздоўж ракі
 Видоки — відовішча
 Визерунок — малюнак, узор
 Владнуги — цараваць, ганарыцца
 Владыка — епіскап
 Влох — румын
 Внѣбуду — знадворку
 Вншат — уніят
 Вяятство — няволя
 Вобец — разам, сумесна, наогул
 Возный — ураднік
 Волать — зваць, клікаць
 Вои — воіны, войскі
 Вой — дружыннік
 Волоскі — малдаўскі
 Вонтпуги — сумнявацца
 Вонтпывость — няпэўнасць
 Вонь — ім, гэтым днём, у яго
 Воня — водар, пахучасць
 Воровати — забяспечваць
 Вотовати — падаваць голас
 Вретица — лахманы
 Вржугитъ — укінуць
 Врхле (врыхле) — у хуткім часе
 Вставичне — пастаянна, заўсёды, стала
 Втругитъ — укінуць
 Вчасне — своєчасова
 Вшеляккі — усякі
 Вшетенство — распуста, разбэшчана-насць
 Вшетенный — разбэшчаны
 Вшисткі — увесь, усякі
 Вцатися — пачацца
 Выбадыване — выпытанне
 Выволанец — выкліканы ў суд
 Выдворный — фанабэрысты
 Выжаленье — засмучэнне, пазбаўленне сілы
 Выкrochenь — выкрыццё
 Выняти — узяць, захапіць, вызваліць
 Выпендровати — выпусташыць, зруй-

наваць, абрававаць
 Вырок — прысуд, прыговор, пастанова
 Вѣсрожаты — падымаць
 Вякаць — гаварыць
 Габит — выгляд, вобраз
 Гадитися — размаўляць
 Гаковніца — гармата
 Ганглик — англічанін
 Гарбарчик — падмайстра скурніка
 Генспорек — пасадыць у турму
 Геретик — ерэцік
 Герць — паядынак
 Глубинный — адхілены, забаронены
 Гмин — натоўп
 Гнембитъ — ганьбаваць, мардаваць
 Гобзовати — напаўняць багаццем
 Гойны — шчодры
 Голдовати — быць у залежнасці
 Гомоусион — чалавек
 Гоньзнуги — пазбаўца
 Горазд — разумны
 Горловане — храбрасць
 Горливость — стараннасць
 Граахаты — кармаць
 Гржых — грэх
 Грудень — снежань
 Гуф — атрад
 Деградованны — пазбаўлены
 Декретованны — асуджаны
 Десница — правая рука
 Десный — правы, справядлівы
 Деспект — здзек
 Демперация — распач, адчай
 Дѣдич — наследнік
 Дѣпис — гісторык
 Дѣла — гармата
 Дѣлатель — земляроб
 Диоцезия — епархія, епіскапскае ўладанне
 Дишкороваты — растлумачваць
 Днесъ — сёння, цяпер
 Добро — уласны
 Добровольный — свабодны
 Доводне — грунтоўна, аргументавана
 Довниматы — спадзявацца
 Доилица — карміцелька
 Докладати — запісваць, уносіць
 Долегливость — траўма, пакута
 Доньдоже — да таго часу, пакуль
 Доступити — дасягнуць
 Дотечаше — догоніць
 Друкды — раней, іншым часам
 Дрыгант — скакун
 Дрѣзь — храбры
 Душный — душэўны
 Дыблетъ — красціся
 Дышкурс — разважанне
 Е — родны склон займенніка *ангел*
 Ебрайскі — яўрэйскі
 Егомось — яго міласць
 Ексарх — намеснік
 Ексес — учынак
 Экстракт — выпіска, копія
 Елекция — выбары караля

Елико — колькі
Емьшеся — узяўшыся
Ено — адно, толькі
Ерѣй — манахаскі поп
Жадный — ніякі
Же (жем) — што
Жебы — каб
Жегнаць — хрысціца
Жерело — вусце, крыніца
Жестокій — магутны
Жегь — таксама
Живот — жыццё
Жизнь — дабро, багацце
Жир — багацце
Жолд — залежнасць
Жолнер — салдат
Жродла — крыніца
Забавеный — затрыманы
Забралы — гарадскія сцены
Заварлить — закрыць
Завіше — заўсёды
Задаршисе — пабіўшыся паспрачаў-шыся
Заѣждать — захопліваць
Зазиранія — рана, мучэнне
Заисте — сапраўды
Законнік — манах
Залецить — рэкамендаваць
Залюкать — закрычаць
Замироный — вызначаны
Замкненье — канцоўка
Зане (занеже) — таму што
Занехати — пакідаць, выпусціць з-пад увагі
Запечатовати — заверыць, засведчыць
Заплатить — адказаць
Засапожник — нож, які воіны насілі за халявамі ботаў
Затче — але
Засе — але ж
Зась — той час
Зафрасованный — сумны
Зафицене — захапленне, зачараванне
Захвѣянье — хістанне
Захвицене — захапленне
Зацный — высакародны
Заютр — паслязаўтра
Збавеный — змучаны
Збавенный — дабратворны
Збыток — празмернасць
Звеск — прыбытак
Звитяжтво — перамога
Звѣлаца (злаца) — асабліва
Згола (зхола) — поўнасцю, зусім, амаль
Здыймовать — ахопліваць, агортаць
Зегаровы — гадзіннікавы
Зегзица — зязюля
Зиати — абражаць
Зимны — халодны
Злонкшитись — спалохацца
Зраец — здраднік
Змаза — знявага, ганьба
Зменка — клопат
Знагла — нечакана
Зостава — арэнда
Зраец — здраднік
Зтручене — паданне
Зыбле — дымар
Зъеднати — выклапатаць
Иерей — поп, свяшчэннік
Изаж — хіба, няўжо
Извѣчити — вивучыць
Илекрогь — колькі разоў
Имати — паланіць
Иметь — захапіць
Имша — абедня
Ин — іншы
Инде — у іншым месцы
Ино — толькі
Инспектор — хатні настаўнік
Инстигатор — абвінаваўца
Интенция — намер, задума
Инфлянт — прыбалтыйскі немец
Истем — хадоў
Испут — спуск
Кабура — карабель
Кавярдзень — так на Смаленшчыне называюць лапці
Калентарить — размаўляць, цацкацца
Калугер (кулугер) — манах, пустэльнік
Камками — часткамі
Камо — куды
Канонік — ігумен
Каплан — ксёндз
Каптур — манахаская шапка
Карта — аб'ява
Картка — пісьмо
Кашталян — службовая асоба нахштальт губернатара
Кафоліцеская — праваслаўная
Кацѣй — ганец, пасланец
Каця — лампада, кадзіла
Каять — дакараць, шкадаваць
Кветень — красавік
Квяздар — варажбіт на зорках
Кгданишаны — уборы
Кгрудзень — лістапад
Кеп — дуран
Кикахатъ — пераклікацца
Кивот (киот) — скрынка
Килканадцать — некалькі
Клейнот — каштоўнасць, герб, знак
Клюка — хітрасць
Кляштор — манастыр
Кмогр — кум
Книжница — бібліятэка
Кнѣс — бэлька, на якую ставяць кроквы
Кновати — хітрыць, злачынна задумваць
Кое — дзе
Кокось — квактуха
Колнер — воін
Конакация — сейм для прызначэння караля
Кондиция — умова

Конклюдовати — заключаць, рабіць
вывад
Конклюдэя — заключэнне, патраба-
ванне боку ў судовым працэсе
Консисто́рыя — духоўная ўстанова
епархіяльным архіерэі з адміністра-
цыйнымі і судовымі функцыямі
Конфэрмованы — довад, які абапі-
раецца на дагматы царквы
Кордык — шабелька, корцік
Корогов — кругоў
Коруна — уласна польскія землі
Костур — кій з булавешкаю
Котаро́юшася — у стане варожасці
Копны́ — збор народу для разгляду
якой-небудзь справы
Корло́вщина — зямельны надзел з ка-
ралеўскага фонду
Кошцей — раб, нявольнік
Кошчэвы́ — рабскі
Крес(а) — граніца, канец
Крѣсати — уваскрасаць
Крылошани — крылле
Крои́ница — хроніка, летапіс
Ксионже — князь
Кур (до кур) — да пеўняў
Кустош — службовая асоба пры кара-
леўскім двары, якая загадвала дзяр-
жаўным скарбам
Кычати — кукаваць
Лад — муж
Ламлігь — зневажаць
Ланіта — шчака
Латина — каталіцкая вера
Лацно — лёгка
Легата — афіцыйны прадстаўнік рым-
скага папы
Леда — абы-як
Ледник — падбярозавік
Льторасль — парастак
Леч — ды
Лешок — паляк
Лідьвее — бёдры
Літургія — царкоўнае богаслужэнне
Ліше — апрача
Лозія — галінка
Лонны — нерухомы
Лотр — нягоднік
Лудігь — маніць, спакушаць, зачароў-
ваць
Луп — грабеж
Ляк — спалох
Лятавец — здань, прывід
Лях — абразлівая клічка палякаў
Маентно́сть — маёмасць
Маестат — трон
Малмазія — дарагое загранічнае віно
Малженскі́ — шлюбны
Маністы — кайданы
Машкара — маска
Машня — кішэня, кашалёк
Машталер — страмяны аб'ездчык
Мдлы́ — слабы, хілы
Мевица — няма нідзе

Медіатор — пасрэднік
Мечта — горад
Мѣрность — законнасць, справядлі-
васць
Мнейшы́ — меншы
Мнимать — думаць, меркаваць
Мова — плётка
Можны́ — моцны
Морд — забойства, катаванне
Мороковати — трымаць думку аб га-
небным
Мот — сетка, пастка
Мыго — хвароба
Набарзѣй — асабліва
Наброити — надурцыць
Навенцей — найбольш
Навоглене — аслабленне
Навье — душы памёршых
Навспак — назад
Наган — намова
Назбыт — непамерны
Наиствористы́ — чыстасардэчны
Найможнѣйшы́ — здольнейшы
На нь — на яго
Наклад — друк
Напомнене — павучанне
Насада — судна, човен
Насподзе — унізе
Натерто — адкрыта нападаць
Неаполіцы — жыхары г. Неапаля
Неаѣголас — невук
Негли — няхай
Недуфанье — нежаданне
Неледа — не абы-які
Немаль — амаль
Нендзны — няшчасны, бездапаможны,
дрэнны
Неокрутны́ — не злы
Неомыльны — непагрэшны, справяд-
лівы
Неплонно — недарма
Нерыхло — няхутка
Неснаски — нелады, звадкі
Непополиты́ — незвычайны, выдат-
ны
Непраздная — цяжарная
Нерозумны́ — незразумелы
Неряд — непарадак
Неустаічыны́ — няўстойлівы
Нехутлівы́ — нядобразычлівы
Нижлі — але
Ничить — схіляцца, нікнуць
Ниц — нічога
Ногата — дробная манета
Номінат — епіскап, які яшчэ не пасвя-
чоны папам
Ны — нас, нам
Нягьство — палон
Обавлягтыся — асцерагацца, баяцца
Обварованны́ — умацаваны
Обесітыся — ахутацца
Обещеніе — крыўда
Облуда — прытворства, крывадуш-
насць

- Обныть* — захапіць, заняць
Оборочати — арыентаваць
Обсервоваць — назіраць
Обфитось — багацце
Ова — вось
Ово — гэта
Овогда — іншы раз
Оград — сад
Одесный — справа, з правага боку
Ожереліе — залатая грыўна, якую на-сілі на шыі знатныя асобы
Озмет — манета
Окротить — супакоіць
Окрутны — люты, бязлітасны, жор-сткі
Олестер — кабура, футляр
Оместник — мсціўца, сведка
Омешкаць — замаруджваць
Омыльность — памылковасць
Он — гэты, той
Опатрность — засцярога, апека
Опачне — скажона, памылкова
Опознан — паважаны
Опресь — уціск, прыгнёт
Орацыя — прамова
Орытма — пакрывала, засцілка
Ослабленный — лагодны
Оступити — акружыць
Отверзти — раскрыць
Отверцися — адрачыся
Отметка — помета
Отока — граніца
Отуха — бадзёрасць, смеіасць
Очивисто — відавочна
Паздерник — кастрычкі
Пак — калі, зноў жа
Пакта — пастанова
Папорзь — нагруднік, панцыр
Парамант — манашаская раса
Пардуже — барсава
Пахолок — слуга, салдат
Пелгрым — вандроўнік
Перап'ячка — пшанічная здобная
 булка
Переницованы — скажоны
Перестрога — перасцярога
Переступити — здрадзіць
Перешевник — прыхільнік
Персвадованьё — перакананне, угавор
Пешна — лом
Перси — грудзі
Печатати — закрываць
Пижмо — мускус, парфума
Плевела — пустазелле
Плен — пустазелле
Плотка — плётка
Плюгавити — гвалтаваць
Плюдрики — штаны, нагавіцы
Плякга — бедства, язва
Побор — хабар, падатак
Поваба — позыў
Поветрие — эпідэмія
Повиновацтво — радня
- Поволока* — каштоўная тканіна
Подвизатися — схіляцца
Поднесение — аб'яўленне
Подобный — спадарожны
Подымный — від падатку ад коміна
Пожегнати — перахрысціць, развіта-ца
Пожиток — карысць
Полецене — даручэнне
Полецить — даручыць, даверыць
Поличкованы — біты па шчаках
Покгласкаць — паглядзіць
Пом'яра — справа
Поневаж — таму што
Понижоны — пакрыўджаны
Понося — супярэчыць
Поняць — узяць
Пополома — пакрывала
Поровнане — саюз
Пороси — порах, парахавы дым
Порт — дарагое ўбранне
Поруба — турма
Порутить — павярнуць, пакінуць
Порядный — прыняты па звычаю
Посесыё — уладанне
Послухи — падпарадкаванне
Посполитый — звычайны, просты
Постерегати — убачыць
Посягоша — выходзіць замуж
Потарчка — палеміка
Потваряць — узводзіць паклёп
Потварь — ганьба
Потреть — разбіць
Потрутить — загнаць
Потужный — магутны
Потязати — абвінаваць
Потяты — пасекчы
Пофрасованы — заклапочаны, засмучоны
Похвалки — пагроза
Похибити — пагардліва прайсці міма, не звяртаючы ўвагі
Похлебство — падхалімства
Пошляковати — высачыць, знайсці па следзе
Практыка — падкоп, інтрыга
Практыкаваць — прарочыць
Прамыслыный — пранырлівы, спрак-тыкаваны
Прашкуда — праступак
Превротник — адступнік ад веры, здрад-нік
Презрение — воля, жаданне
Пржеце — таму ж
Прейзрене — воля
Преложный — духоўны саноўнік, на-стаўнік
Предоженъство — начальства
Преможный — усясылны
Препозит — старэйшы сярод рымска-каталіцкіх прэлатаў
Претр'югоста — загнаў каня быстраю яздою

- Префикгуровати* — префримарчати — перамяніць
Привата — причина
Привилея — грамата на карыстанне маёмасцю
Прыдаць — з'явіцца нечакана
Прывоітый — адпаведны
Прыбліца — шлем
Прынамней — хоць бы, па меншай меры
Прыпадати — пераходзіць
Присно — заўсёды
Провент — даход, жыўнасць
Пройшты — праход
Пронаміе — маёнтак
Пропорец — сцяганосец
Проскура — спецыяльны хлеб, які ўжываецца ў царкве набожнымі
Прудко — хутка
Прыснуть — хваляваць, бурліць
Рада — аб'яднанне
Разгудети — зганьбіць, абгаварыць
Раздръштити — апраўдаць
Рало — саха
Рамена — улада
Рассушити — рассыпаць
Рачей — лепей
Рачити — жадаць, турбаваць
Резань — дробная манета
Резолвуе — вынікае
Рекс — кароль
Ректи — гаварыць
Рекше — іменна
Релиа — фанаты
Релья — рэлігія
Ръне — водмель
Респонс — адказ
Ретслный — выразны, шчыры
Рече — як кажуць
Рихло — хутка
Ръчь — справа
Робак — чарвяк
Рожество — нараджэнне
Розмантый — розны
Роковать — размаўляць
Рокош — шляхецкае паўстанне супроць палітыкі караля
Рострепати — пашыраць
Ростырк — нязгода, nelaды
Рочка — паседжанне
Рукоімя — наіўна
Руначер — заступнік
Ругить — кінуць, шпурнуць
Ручница — стрэльба, пішчаль
Рыдель — рыцар, збраяносец
Рыжовый — рысавы
Рыкуна — даглядчыца кароў у маёнтку пана
Рымлянин — католік
Сакрамент — святыня, тайна
Сачни — праснакі
Свирающе — іграючы на свірэлях
Свитающий — наступны
Съмо — тут
Сень — прытулак
Сестренец — племяннік, сын сястры
Сила — многа, маса
Сице — так, гэтак
Сирий — сірочы
Сказителный — тленны, сапсаваны
Скинни — шаты, шатры
Сличный — цудоўны, чароўны
Скутечный — дзейсны, эфектыўны
Скуток — вынік
Снадъй — лёгка, зручна, лепей
Снать — значыць
Снем — расправа, зборышча
Сольваць — ачышчаць
Спира — хваляванне
Спитати — узагадаваць
Сплендрогать — знішчыць, абрабаваць
Сподобити — удастоіць
Сполный — агульны, супольны
Споражене — распараджэнне, упарадкаванасць
Статечность — сталасць, паважнасць, цвёрдасць
Стопень — артыкул, адзнака
Сторожа — разведка
Стрипус — сякера
Струг — прыток
Стружие — дрэўка сцяга
Стрый — дзядзька
Ступь — бой, бітва
Сумматим — адным словам
Супликовати — скардзіцца, пратэставаць
Суптелне — празрыста
Схизматить — адшчапенец
Схима — манашаская шапка
Сцеиштрум — скіпетр, царскае жазло
Талер — нямецкая сярэбраная манета вартасцю ў 3 маркі
Тандет — кірмаш
Татба — кража
Тарарычка — бубен, браготка
Таче — і, потым
Тварь — краса
Твердь — крэпасць
Тект — стук
Темник — тысячкі, камандзір вялікіх войск
Темность — турма
Темъян — духмяная смала, якая ўжывалася для курэння: ладан
Тераз — цяпер
Тескнуць — нудзіцца, сумаваць
Тис — кедр
Тлукти — таўчы, драбіць
Тлъкован — іншаземец
Толмач — перакладчык
Толми — так
Торзатъ — зрываць
Точію — толькі
Точный — роўны
Треба — ахвяра
Трапити — мучыць, катаваць

Графить — здарыцца, трапляць
Графунак — выпадак
Трудный — сумны
Трутизна — яд, атрута
Тула — падсумак для стрэл
Тумулт — натоўп
Тур — заўзяты, адважны
Тутнець — стагнаць
Тугэн — тупат
Тушгити — сведчыць
Тямязжыти — мучыць
Убезпечоный — інфарміраваны
Уважати — разглядаць
Уважний — здаровы
Уганяти — дамагацца
Удане — паклёп
Удзялати — зрабіць
Уедие — здабыча
Ужати — убачыць
Ужик — вучань
Узороч — каштоўная рэч
Указоват — з'явіцца
Уклѣтити — наступіць, пачацца
Укнованы — задуманы, злачынны
Улженье — спачыванне
Улга — льгота, аблягчэнне
Уломность — калецтва
Умкнети — пазбавіць
Умрйіме — шчыра
Улусник — саюзнік
Уния — царкоўны саюз
Уньци — цяляты
Уняти — скапіць
Упатроваць — бачыць
Упрацованье — стамленне
Упрыймаги — папярэджавць
Упрейме — шчыра, рупліва
Упудити — прагнаць
Ураз — удар, траўма
Усматык — схізматык
Уставичный — пастаянны
Утѣрпати — слабець, пакутаваць
Утѣрпѣти — пахмурыцца, паслабіць
Утяжати — прыгнятаць
Учинность — чуласць, паслужлівасць
Ушикованы — пастаўлены ў строй
Ущекотати — праспяваць салаўём, уславіць
Фастыкула — звязак экзэмпляраў

Фебра — ліхаманка
Фест — святая, урачыстасць
Филяр — слуп, апора
Фолкговат — уступаць, берагчы
Форгель — хітрыкі, крывадушнасць
Форгуаль — залаты медальён
Фрасоват — сумаваць, хвалявацца
Фримарк — абмен
Фрон — сталіца
Фронцавитися — франціцца, паказваць гонар

Фундацыя — уладанне
Фундавать — засноўваць, дарыць, увадзіць
Хазан — абыграна лацінскае напісанне слова «ксэндз»
Харалужный — булатны
Хварыш — нячысцік
Хинови — паганны бусурманы
Хлебцы — падхалімы
Хлоп — мужык
Хлюбить — ганарыцца
Хобот — бунчук
Хота — жонка
Хруст — хмызняк, дробны лес
Хуть — жаданне, ахвота, схільнасць
Цѣвлиги — тузаты, прымушаць плакаць
Цвиченне — навучанне, трэніроўка
Цедула — запіска
Целия — кельня
Церограф — распіска
Циунец — цівун
Цнота — дабрачыннасць
Цный — сумленны, высакародны
Чага — рабыня
Чауш — пасол
Черница — манашка
Чигать — пільнаваць — чакаць
Члонка — частка
Чолка — бунчук
Чрънядь — чорная чубатая качка
Чрълений — чырвоны
Шалберство (шалбирство) — махлярства, ашуканства
Шатан — сатана, чорт, д'ябал
Шали — вагі
Шаты — адзенне
Шафар — эканомны гаспадар
Шафовати — раздаваць, дарыць
Шафунок — марнатраўства
Шванковати — кульгаць
Шебунковати — махлярыць, круціць
Шеломянь — узгорак, гарызонт
Шерешир — кап'ё
Шидзона — размаўлялі, былі плёткі
Шик — строй
Шкарадный — брыдкі, дрэнны
Шлык — шапка
Шпетный — брыдкі, агідны
Штука — справа
Ю — яе
Юж — ужо
Ютро — заўтра
Я — іх
Яже — які
Язовице — рыбалоўная застава на рацэ або сажалцы
Язык — племя
Ялмужна — міласціна
Япончица — накідка, плашч
Яруг — роў, яр

ЗМЕСТ

З гісторыі мастацкага слова Беларусі. У. Кароткі	5
--	---

ЛІТАРАТУРА СТАРАЖЫТНАЙ РУСИ

Се повѣсти времяныхъ лѣтъ, откуда есть пошла руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда руская земля стала есть	17
--	----

Кірыл Тураўскі

Кирила Мниха притча о чловѣчѣсти души и о телеси, и о преступлении божия заповѣди, и о воскресении телесе чловѣча, и о будущемъ судѣ, и о муцѣ	44
--	----

ЖЫЦІЙНАЯ ЛІТАРАТУРА

Житие блаженныя Еуфросинии, игумении Вседръжителя Святаго Спаса во градѣ в Полодсцѣ	54
Житие и терпѣние преподобного отца нашего Аврамья, просвѣтившагося в терпѣнии мнозе, новаго чудотворца в святыхъ града Смоленска	66
Слово о плъку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова	75

ЛІТАРАТУРА XIV — ПЕРШАЙ ПАЛАВІНЫ XVI СТАГОДДЗЯ

Беларускія летапісы	84
Мікола Гусоўскі	
Песня пра зубра. <i>Пераклад з лацінскай Я. Семяжона</i>	119

Францыск Скарына

Предъсловіе в Псалтырь	155
Предъсловіе доктора Франьциска Скорины с Полоцька во всю Бивлю рускаго языка	157
Предословіе доктора Франьциска Скорины с Полоцька в книги Иудиф-вдовици	161
Предъсловіе в книгу Иов	163
Предсловіе в Притчи премудраго Саломона, царя Израилева	164
Предъмолва доктора Франьциска Скорины в книгу Исуса Сирахова	167
Сказание доктора Франьциска Скорины с Полоцька в книги Втораго Закону Моисеова	169

ЛІТАРАТУРА ДРУГОЙ ПАЛАВІНЫ XVI — ПЕРШАЙ ПАЛАВІНЫ XVII СТАГОДДЗЯ

Сымон Будны

Прадмова да... ..	173
К всѣмъ благовѣрнымъ христіаномъ языка рускаго предъсловіе в Катихисію	175

Філон Кміта-Чарнабыльскі

Ліст 7. До панов рад Великого княжества Литовского	179
Ліст 10. До панов рад Великого княжества Литовского	181
Ліст 12. До Генриха Валуа, короля Речи Посполитой	183
Ліст 19. До Остафея Волловича, каштеляна троцкого	185

Васіль Цяпінскі

Предмова	190
----------------	-----

Баркулабаўская хроніка	194
------------------------------	-----

Успаміны Ф. Еўлашоўскага	232
--------------------------------	-----

Мялеццiй Сматыцкі

Фрынас	262
--------------	-----

Ляонцiй Карповіч

Казанье на преображение господа бога и спаса нашего Иисуса Христа	268
---	-----

Афанасій Філіповіч

Новины правовѣрным пожаданые о успокоение вѣры и церкви православной восточной	279
--	-----

ПАЛТЫЧНАЯ САТЫРА

Прамова Мялешкі	296
-----------------------	-----

Ліст да Абуховіча	299
-------------------------	-----

ВЕРШАВАНАЯ ЛІТАРАТУРА БЕЛАРУСІ XVI—XVII СТСТ.

Андрэй Рымша

Которого ся месяца што за старых веков дѣло короткое описание	302
---	-----

На герб ясневольможного пана Остафея Воловича	303
---	-----

На... гербы... Льва Сапеги	303
----------------------------------	-----

На гербы ясневольможного пана, пана Теодора Скумина	304
---	-----

Ананімныя вершы

На герб зацного дому его мости пана Лукаша Ивановича Мамонича	305
---	-----

Книжка до минаючих мовит	306
--------------------------------	-----

Вѣршы або стихи до того, што читал, которым краегранесие сицево: Хранися италийн	306
--	-----

На герб ясневольможного пана его милости, пана Леона Сапеги	307
---	-----

Епикграмма на герб Богдана Огинскаго	307
--	-----

На старожитный клейноты их м. княжат Окгинских и их м. панов Волловичов	308
---	-----

На старожитны клейнот их милостей панов Ходкевичов	308
--	-----

Епикграмма на герб Л. Сапеги	308
------------------------------------	-----

На герб его мости пана Симеона Войны	309
--	-----

Надгробок отцу Афанасию Филиповичу, игумену Берестейскому, в року 1648 зешлому	309
--	-----

Сiмяон Полацкі

З прадмовы да «Рифмологиона»	310
------------------------------------	-----

Стихи утѣшныи к лицу единому	310
------------------------------------	-----

Прывітальныя вершы царю Аляксею Міхайлавічу	311
---	-----

Стиси краесогласнии ко пресвѣтлейшему самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу	317
---	-----

Издание для детей и юношества
Школьная библиотека
ДРЕВНЯЯ БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник

Составитель Курбеко Леонид Степанович

Минск, издательство «Юнацтва»

На белорусском языке

Выданне для дзяцей і юнацтва

Школьная бібліятэка

СТАРАЖЫТНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРА

Зборнік

Укладальнік Курбека Леанід Сцяпанавіч

Заг. рэдакцыі *В. М. Новік*

Рэдактар *Л. С. Курбека*

Малодшы рэдактар *Г. Д. Зінчанка*

Мастак *Ю. К. Зайцаў*

Мастацкі рэдактар *М. У. Чуднікаў*

Тэхнічны рэдактар *Н. П. Дасаева*

Карэктар *Л. С. Мануленка*

ІБ № 826

Здадзена ў набор 19.10.88. Падпісана да друку 29.11.89. Фармат 84×108¹/₃₂. Папера друк. № 2. Гарнітура Тып Таймс. Высокі друк з ФПФ. Ум. друк. арк. 18,48. Ум. фарб.-адб. 18,69. Ул.-выд. арк. 22,86. Тыраж 40 000 экз. Зак. 1909. Цана 95 к.

Выдавецтва «Юнацтва» Дзяржаўнага камітэта БССР па друку.
220600, Мінск, праспект Машэрава, 11.

Мінскі ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга паліграфкамбінат
МВПА імя Я. Коласа. 220005, Мінск, Чырвоная, 23.

Старажытная беларуская літаратура: Збор-
С 77 нік: Для ст. шк. узросту/Уклад. Л. С. Курбека;
Аўт. прадм. У. Г. Кароткі.— Мн.: Юнацтва,
1990.— 350 с.: іл.— (Шк. б-ка).

ISBN 5-7880-0258-3.

Древняя белорусская литература: Сборник.

У книгу ўключаны творы старажытнай пісьменнасці,
творы вялікіх гуманістаў-асветнікаў Ф. Скарыны, М. Гусоў-
скага, С. Буднага, В. Цяпінскага і інш. Гэта — палемічная
і сатырычная літаратура, у якой ярка выявіліся настроі
і мары беларускага народа ў розныя гістарычныя часы.

С 4803120101—038 43—89
М 307(03)—90

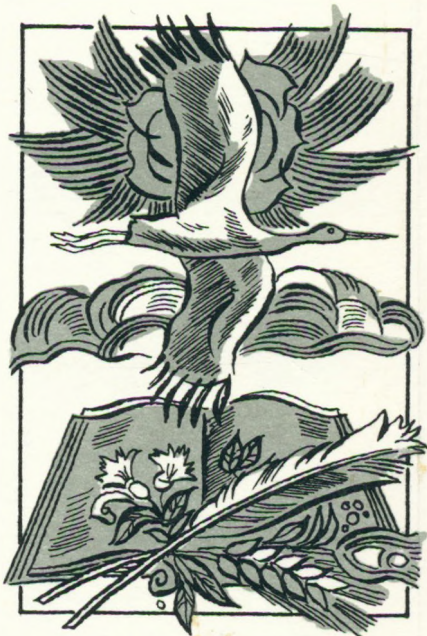
ББК 84 Бел 1

95 к.

Дакастрычніцкая беларуская літаратура мае доўгую і складаную гісторыю, яна цесна звязана з гісторыяй беларускага народа, з яго барацьбой за сваю свабоду і незалежнасць.

Юліян Пшыркоў

МІНСК «ЮНАЦТВА» 1990

СТАРАЖЫНЯ БЕЛТАРСКАЯ ЛІТЭРАТУРА

